

ЭДИТА Вып. 16

выпуск 16
ЭДИТА

ЭДИТА

№16

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Графика обложки — pexels-centre-for-ageing-better-21405575

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-68-6

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Сергей Калабухин

г. Коломна

РИФЫ ЛЮБВИ

— Здравствуй, Костя!

Я замер. Это была она, Зинаида! Сидела, по-старушечьи ссутулившись, на короткой парковой скамеечке в своём любимом по-деревенски цветастом сарафане и с напряжённой улыбкой смотрела на меня. Всё такая же маленькая, стройная, с непропорционально большой грудью. Удивительно моложавая, несмотря на двадцать с лишним лет тяжёлой и вредной работы в ядовитых испарениях гальванического цеха. «Маленькая собачка — до старости щенок!» — не раз с завистью говорила Марь Ванна, её подруга и соседка по лестничной клетке.

— Не присядешь на минуточку, зятёк? Мне надо тебе кое-что сказать.

Катя удивлённо переводила взгляд то на меня, то на эту злобную фурию, прикидывающуюся невинной овечкой.

— Я пройдусь пока к фонтану, — наконец сказала мне жена. — Найдёшь нас там.

С усилием освободившись от меня, мёртвой хваткой вцепившегося в её руку, Катя неторопливо покатила коляску с мирно спящим Алёшкой вдоль парковой аллеи к сверкающим впереди в лучах июльского солнца высоким струям фонтана.

— Садись, в ногах правды нет, — похлопала по скамейке сухой ладошкой Зинаида.

Словно кролик под взглядом змеи, я покорно шагнул к ней на чужих, негнущихся ногах и рухнул рядом. На меня пахло, казалось, давно забытым ароматом духов, названия которых я так и не удосужился узнать. «Что ей надо? — очнувшись от ступора, подумал я. — Неужели эта страшная женщина вновь появилась в моей жизни для того, чтобы разрушить и растоптать всё, что я успел создать и полюбить?»

Повернувшись торцом к улице, огромными костяшками домино стоит короткий ряд кооперативных пятиэтажных хрущоб, обсаженных по

контур кустами акации и сирени. Между домами пчелиными сотами и сейчас гудят дворы, заполненные по вечерам местной детворой, сплетничающими на лавках у подъездов старушками и «забывающими козла» мужиками. С самого детства мы жили с Валькой в соседних подъездах, играли в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом — в школу. Валька мне всегда нравилась. Я часто защищал её от мальчишек и нередко бывал у неё дома. И взрослые, и дети дразнили нас женом и невестой. Поначалу я обижался, а потом привык и перестал обращать внимание на подначки.

Родители Вальки часто ссорились и даже дрались. Однажды она сказала мне, что боится идти домой, потому что на заводе сегодня дают зарплату, а значит, папка придёт домой пьяный, и они с мамкой обязательно подерутся.

— Не бойся, — важно ответил я. — Я тебя защитю.

Мы пришли в их двухкомнатную квартиру. Она отличалась от нашей только наличием кладовки в маленькой комнате. Когда мама неожиданно родила мне братика, отец сломал в спальне встроенную кладовку и сделал на её месте детский уголок. Кладовка была довольно вместительная. Там свободно встала детская кроватка, а вместо сломанной стенки мама повесила штору. Валькин же отец верхнюю половину кладовки оборудовал широкими полками, на которых теснились регулярно привозимые из деревни стеклянные банки с различными вареньями и соленьями, приготовленными Валькиной бабушкой. А внизу было свободное пространство, куда Зинаида, мать Вальки, убирала складную швейную машинку марки «Зингер», и где Валька хранила свои коньки, куклы и прочие игрушки.

В тот день швейная машинка стояла в большой комнате на круглом столе у окна. Там же лежали куски пёстрой материи, жёлтая змейка «метра», кусок мела, катушки ниток и огромные ножницы. Мы с Валькой прошли в спальню, сунулись в кладовку, и она стала показывать мне свои куклы и прочие девчачьи безделушки.

Заигравшись, мы слишком поздно услышали, что родители Вальки уже дома. В день зарплаты шум ссор доносился из многих квартир. А стены хрущобы практически не уменьшали звук. Поэтому, когда до нас с Валькой дошло, что её родители орут друг на друга уже в соседней комнате, всё, что я успел сделать — это захлопнуть дверь кладовки изнутри. Мы, затаив дыхание, сидели в темноте, тесно прижавшись друг к дружке. Ссора всё усиливалась, и вскоре сквозь мат послышались звуки первых ударов, треск рвущейся материи и стоны Зинаиды. Валька задрожала и тихо заскулила. Неожиданно, её родители ввалились в

спальню и рухнули на кровать. В тот день мы с Валькой не поняли, что доносящиеся к нам во мрак кладовки рычание, удары и стоны уже не драка, а нечто иное. Наконец всё утихло, и вскоре Валькин отец неожиданно захрапел, а её мать почему-то довольно засмеялась, встала с кровати и ушла в ванную.

Мы тихонько выбрались из кладовки и прокрались в прихожую.

— Бежим на улицу, — прошептал я.

— Не могу, — сквозь непросохшие слёзы ответила Валька. — Мне надо в туалет.

Санузел в наших квартирах был совмещённым, поэтому Вальке придётся ждать, когда мать выйдет из него.

— Тогда выпусти меня. Твой отец спит. Больше драк не будет.

Дверной замок громко щёлкнул и из ванной, как кукушка из часов, тут же высунулась растрёпанная голова Зинаиды.

— А-а, жених и невеста! Уже пришли, — улыбнулась она нам, щуря подбитый глаз. — А ты чего ревёшь? Обидел кто?

— Ей в туалет надо, — поспешил ответить я.

— Так иди! Я уже помылась. А ты, жених, проходи на кухню, щас будем ужинать.

— Спасибо, тётъ Зин, меня дома ждут, — пробормотал я и, выскочив за дверь, бросился по ступенькам вниз...

— Жена? — кивнула Зинаида вслед уже затерявшейся в толпе гуляющих вокруг фонтана Кате.

Я молча кивнул.

— Сын или дочка?

— Сын.

— Сколько ему?

— Полгода. А тебе зачем? Что ты здесь вообще делаешь?

— Тебя жду.

О свадьбе мы с Валентиной заговорили с родителями сразу, как только окончили школу и поступили в московский ВУЗ на филфак. Но поженились только на четвёртом курсе. Это было очень непросто, так как родители были категорически против нашего брака. Мои твердили, что надо сначала закончить институт и устроиться на работу. Отца Валентины к тому времени уже не было в живых. За пять лет до этого он погиб, попав в пьяном виде под машину. А Зинаида, мать Валентины, вообще видела своего будущего зятя только в офицерских погонах. Ви-

димо, хотела в дочери воплотить собственную мечту. Но мне с моим плоскостопием даже погоны рядового не грозили.

— Ты же сама всегда называла меня женихом! — с обидой сказал я ей однажды.

— Ну и что? Жених — это ещё не зять! — проорала Зинаида в ответ. — За мной вон полдеревни женихов бегало, а я за городского замуж вышла.

Нам с Валькой надоели эти бесплодные раздражающие споры, и мы просто начали жить вместе, как сейчас принято выражаться, гражданским браком. Мне пришлось порядком побегать, пока удалось найти в нашей студенческой общаге приемлемый для всех вариант обмена, но всё же в конце концов у нас с Валентиной появилась своя первая отдельная комната. Мы перестали скандалить с родителями, и это их насторожило. Каким-то образом они узнали правду, и когда мы однажды приехали на выходные домой, разразился жуткий скандал. Особенно бесновалась Зинаида. В конце концов все постепенно успокоились и начали решать, как быть дальше. Мы с Валентиной готовы были оставить всё, как есть. Мои родители тоже ни на чём уже не настаивали. А вот Зинаиду статус кво ни в коей мере не устраивал. Она была деревенская, в город переехала только после замужества, и никаких гражданских браков не признавала. И наша свадьба состоялась!

— Меня, значит, ждёшь, — пробормотал я, стараясь держаться от Зинаиды подальше. — А как ты узнала, что я здесь?

— Подруга моя, Клавка, с вами в одном подъезде живёт. Так что я знаю все ваши дела, и что по выходным вы гуляете в этом парке.

— Всё знаешь? Чего ж тогда вопросы задаёшь? — разозлился я. Она, оказывается, за мной до сих пор следит!

— Надо же с чего-то разговор начать, — как-то зябко, несмотря на жару, пожала плечами тёща.

— Не о чем нам с тобой говорить! У меня теперь другая семья, и к Вальке твоей я никогда не вернусь...

— Не кричи, люди вокруг.

— Люди?! — осатанел я, окончательно сбрасывая гипноз страха перед этой женщиной. — Раньше ты не стеснялась людей. Орала на нас с Валентиной и при своих, и при чужих. А сколько грязи вы с нею на меня вылили до и после развода!

— Было... — неожиданно покорно согласилась тёща. — Извини, если сможешь.

Я опешил. Зинаида никогда ни перед кем не извинялась! Я до сих пор называю эту женщину тещей, хотя с её дочерью мы расстались почти пять лет назад. Это Зинаида разрушила наш брак. Она была типичной тещей из анекдотов: властной, не терпящей возражений, вечно недовольной зятем, то есть мною. Дочь Валентину всегда держала в ежовых рукавицах и даже порой могла отхлестать её старой сеткой-авоской за какую-нибудь провинность. Временами теща была сущей фурией.

Да, она устроила нам пышную многолюдную свадьбу, на которой мы с Валентиной знали не более десяти человек из числа ближайших родственников, а потом при каждой ссоре непременно тыкала мне, сколько денег она угробила на это торжество. Валентина настояла, чтобы мы жили с её мамой, и после окончания института мы поселились в маленькой комнате тещиной квартиры, о чём я потом неоднократно сожалел. Сразу же после свадьбы теща начала упорно разрушать наш с Валентиной брак. Она соблюла какие-то свои правила приличия, спасла честь дочери, превратив наше сожительство в официальный брак, продемонстрировала это всем своим подругам, пригласив их на свадьбу, но вот неугодного ей зятя-учителя хотела непременно заменить на военного. Сколько раз я уговаривал жену жить отдельно! Но та не хотела менять привычный с детства уголок на чужой. «Хватит с меня общежитий!» — упрямо говорила она. И теща при каждом удобном случае старалась вбить клин между нами.

Я работал в обычной городской школе, а Валентина ездила за город, в военный Городок, где жили и учились дети офицеров местного гарнизона. Она часто хвасталась перед матерью неизменным вниманием и комплиментами, что ей оказывают там офицеры и солдаты. Зинаида ещё больше загорелась своей мечтой стать офицерской тещей. Ей казалось, что теперь, когда дочка работает в воинской части, единственной помехой остаюсь я. И моя жизнь окончательно превратилась в сущий ад. Всё, что бы я ни делал, было не так. Более того, теща прямым текстом запретила Валентине заниматься со мной сексом! Вдруг та забеременеет, а нам, оказывается, пока рано заводить детей. На самом же деле Зинаида боялась, что беременность дочери не только осложнит развод со мной, но и может привести к потере столь выгодной в плане поиска мужа-офицера работы.

Надо сказать, что с сексом у нас с Валентиной было и ранее не всё в порядке. Только любовь удерживала меня от измен и упрёков. Все мои попытки хоть как-то расшевелить Валентину, разнообразить наши любовные игры, встречали упорное сопротивление. Однажды, когда я

был особенно настойчив, она в ярости указала на кладовку, где мы когда-то с нею не раз прятались от ссор и драк её родителей, и прошипела:

— Не пытайся сделать из меня вторую Зинаиду! Я не животное!

Поэтому я почти не удивился, когда Валентина безропотно позволила матери начать ненужный ремонт в маленькой комнате, где мы жили. То, что нам теперь пришлось спать на полу в метре от её матери, Валентину полностью устраивало, а меня всё больше бесило. Ремонт затягивался. Червячок тщеславия и постоянные дифирамбы тётки прелестьям жизни офицерских жён постепенно делали своё чёрное дело. Валентина явно охладела ко мне. Она стала задерживаться на работе. Я отчётливо видел, что теряю жену, и стал с ещё большим жаром уговаривать её оставить Зинаиду и начать, наконец, жить самостоятельно.

— Зачем нам вешать на себя дополнительные трудности? — отвечала Валентина. — Мама готовит, стирает, ходит по магазинам. Мне некогда этим всем заниматься. Пока на работу, пока с работы, кучу тетрадок надо проверить. Сам же видишь! К тому же нам не хватит денег на то, чтобы снимать квартиру и платить домработнице. Потерпи. Неужели для тебя секс важнее любви?

Как бы вы ответили на последний вопрос? И я отступал, довольствуясь торопливыми полунасильными ласками по выходным, когда тётка уходила в магазин. И вот эта вынужденная спешка привела однажды к катастрофе. Валентина забеременела! По её словам во всём, конечно, виноват был исключительно я. Жена выплеснула на меня массу несправедливых упреков и оскорблений. Я всё покорно сносил в радостном предвкушении того, что теперь-то, наконец, мои мучения закончатся. С рождением ребёнка тётка похоронит свои мечты о зяте-офицере, и мы все заживём нормальной семьёй. Как я был наивен...

Почти месяц Зинаида радовалась явной неприязни ко мне, которую всячески демонстрировала Валентина. Жена со мной совершенно не разговаривала, не отвечала на мои вопросы и игнорировала любые попытки общения. Даже спала она теперь на одном диване с Зинаидой, заявив той, что ей на полу холодно. Разговаривала она только со своей мамой и только об офицерах военного городка. Тётка была счастлива! Она даже неожиданно смягчилась ко мне, перестала ругать, в глазах её иногда мелькали жалость и сочувствие. Особенно когда Валентина при ней демонстративно «не замечала» мои попытки примирения. Скандалить Зинаида прекратила, но мне от этого не стало легче. И вот, наконец, настал «день гнева».

В тот вечер я задержался на работе больше, чем обычно — пришлось подменить заболевшую Зою Петровну. В общем-то, я сам вызвался. Дополнительные деньги нам с Валентиной не помешают, да и возвращаться в дом, где царит гнетущая атмосфера разрыва, тоже не хотелось. Я уже давно не брал тетрадки учеников для проверки домой, а сидел и проверял их в учительской. Куда мне было спешить? Под отчуждённо-равнодушные взоры жены? Или оскорбительные скандалы тётчи? В тот день тетрадок значительно прибавилось, и я просидел в школе до самого её закрытия.

Не успел я переступить порог, как на меня накинулась злобная фурия. Поток матерщины и оскорблений дополнялся пожеланиями оторвать мне кое-что, поджарить и заставить съесть вместо яичницы с колбасой на завтрак. Тётча узнала о беременности дочери, понял я. Не отвечая на брань, я прошёл в комнату. Жены дома не было.

— Где Валентина? — пытаюсь перекричать Зинаиду, спросил я

На мгновение в квартире повисла звеняще-оглушающая тишина.

— Валентина?! — взвизгнула, наконец, тётча. — Ноги этой шлюхи больше не будет в моём доме!

И тут она неожиданно набросилась на меня. До этого Зинаида никогда не пыталась бить меня. Порой она по привычке хлестала за что-нибудь дочь старой авоськой, обычно висевшей на вешалке в прихожей. Я, конечно, всегда бросался к жене на выручку, закрывал её своим телом и несколько раз ощутил-таки всю жгучую силу тётчиных ударов. Но в этот вечер Зинаида, не переставая изрыгать матерщину и оскорбления, набросилась с кулаками на меня. Ошеломлённый, я в первый момент даже не пытался закрываться от ударов. Но вот ногти Зинаиды пробороздили мою левую щёку, едва не задев глаз. Я схватил её за руки, пытаюсь как можно дальше отстранить от себя эту злобную фурию. Но в пылу ярости, она оказалась сильнее меня и легко вырвалась. Тогда, чтобы уберечь своё лицо от увечий, я решил сменить тактику и сам пошёл на сближение. И когда не ожидавшая этого тётча бросилась на меня, мы, сцепившись, как борцы на ринге, рухнули на пол. Рычащая, как зверь, Зинаида, пыталась вырваться, чтобы вновь пустить в ход кулаки и ногти. Я всё сильнее сжимал объятия, чтобы не дать ей такой возможности. Всё теснее сплетаясь, мы катались по полу. Неожиданно она укусила меня в грудь. Взвыв от боли и ярости, я отстранился. Тётча тут же попыталась вскочить, но я успел схватить её за халат и резко дёрнул вниз. Раздался треск, пуговицы пулями разлетелись в разные стороны, и полуголая Зинаида рухнула на меня. Моё кровоточащее лицо неожиданно оказалось между горячих упругих грудей, до-

вольно внушительных по сравнению со вторым номером Валентины. На меня пахнуло смесью терпких духов, пота, разгорячённого женского тела и чего-то ещё, чего я не смог определить. Разум мой рухнул в бездну, в голове смешались воспоминания детства, холодность жены, оскорбления, унижения и побои. Я тоже зарычал и вцепился зубами в белую, налитую желанием грудь Зинаиды...

Очнулся я утром. Из кухни доносились шкворчание яиц на сковороде и голос Зинаиды. Она пела! От запаха свежесваренного кофе у меня свело скулы, и рот наполнился вязкой слюной. Над головой семь раз прокуковала кукушка. На работу в школу мне к девяти, так что можно ещё полчаса подремать. Стоп, а почему кукушка куковала прямо надо мной? Я открыл глаза и увидел, что лежу голый на тещином диване! Память о произошедшем вчера кошмарным потоком обрушилась на меня. Я бросился в ванную. В зеркале отразилась исцарапанная физиономия с тёмными кругами под глазами. Губы распухли. Шею и грудь покрывали следы укусов и синяки засосов. Я тёр и тёр себя мочалкой, словно пытаюсь содрать вместе с кожей, казалось, намертво впитавшийся в меня запах Зинаиды. Стекающая с меня вода сквозь мыльную пену розовела от крови, сочащейся из потревоженных мочалкой глубоких царапин на спине...

Валентина так и не узнала, о том, что произошло в ту ночь. Она в это время уже была в больнице. Завуч не отпустила меня с работы, тем более, что на мне висели не только мои классы, но и ученики заболевшей Зои Петровны, которую я сам столь неосмотрительно вызвался подменить. Так что в роддом я попал только во второй половине дня. Валентина вышла ко мне в своём стареньком выцветшим от частых стирок халатике, бледная, упорно смотрящая мимо меня.

— Зачем ты это делаешь, Валя? — бросился я к ней. — Давай всё обсудим. Дети — это то, что нас всех сблизит...

— Обсуждать нечего. — Как-то мёртво ответила Валентина, отстраняясь и упорно глядя куда-то мимо меня. — Уже всё произошло.

— Как уже? — не поверил я.

— Утром ещё. Ничего нас уже не сблизит, Костя. Детей мне и в школе хватает, а с тобой их у меня теперь уж точно не будет.

— Как не будет? Почему?

— Потому что перед тем, как идти сюда, я зашла в ЗАГС и подала заявление на развод.

— Что ты говоришь, Валечка?! Ты подумай, что ты говоришь? Какой развод? Почему?

— Уходи, Костя! Я не хочу и не могу с тобой говорить. Наш брак был ошибкой...

Я задыхался, не мог найти слова. В голове у меня всё перепуталось.

— Подожди, Валя, — схватил я за руку повернувшуюся чтобы уйти жену. — Давай не будем сейчас ничего окончательно решать. Ты вернёшься домой, и тогда...

— Я не вернусь! — голос жены неожиданно окреп и зазвенел. — У нас в части очередное сокращение офицерского состава. Полковник уже выделил мне отдельную служебную квартиру.

— Так это же прекрасно, Валя! Я давно говорил, что нам нужно жить отдельно от твоей мамы...

— Тебе там делать нечего. Караул тебя не пустит на территорию Городка, а я не собираюсь выписывать тебе пропуск.

— Но почему ты так со мной, Валя? — почти прорыдал я. — За что? Давай всё же поговорим с тобой, когда ты успокоишься.

— Я всё сказала. Не приходи больше. Для развода твоего согласия не требуется. А если начнёшь доставать меня в Городке, то там найдётся, кому меня защитить.

И она ушла, шаркая старыми тётчиными тапочками, которые та всё собиралась выбросить, но так до сих пор и не выкинула. А я остался, повторяя, как заевшая пластинка: «Вот оно как! Есть кому защитить. Вот оно как! Есть кому защитить...».

— Ну что, сбылась твоя мечта? Ты теперь офицерская тётца? — Зло бросил я, откидываясь на спинку парковой скамейки.

— Нет, Костик, — горько вздохнула Зинаида. — Женихов-то как грязи! А когда дело доходит до ЗАГСа, все куда-то исчезают. Кобели проклятые! Нет охотников менять офицерское общежитие на служебную квартиру в той же части. Тем более если и так в этой квартире жить можно.

Я вновь поразился неожиданной откровенности тётчи. Все язвительные словечки сами собой приклеились к моему языку и не выпорхнули наружу. Зинаида была не похожа на себя, на ту гордую, самоуверенную женщину, легко распоряжавшуюся чужими судьбами.

— Так от меня-то тебе чего теперь надо? — наконец выдавил я, видя, что тётца не собирается сама продолжать этот тягостный для нас обоих разговор. — У меня, как ты знаешь, уже другая семья, ребёнок...

— Не бойся, Костик! — неожиданно улыбнулась тёща, распрямляясь, и я вновь увидел рядом прежнюю Зинаиду. — Я не собираюсь угораздывать тебя вернуться к Вальке. Я ж не дура!

— Тогда... что? — я был в полнейшей растерянности.

— Хотелось своими глазами убедиться, что люди не врут, и ты действительно счастлив.

— Убедилась? — Я вновь начал укреплять пошатнувшуюся было между нами стену.

— Убедилась, — спокойно кивнула тёща. — И очень рада за тебя. Авось, скоро и у моей Вальки всё наладится. Недолго ей уже осталось мыкаться... Ты простил меня, Костя? — неожиданно подалась ко мне всем телом Зинаида, и я вновь, до головокружения, ощутил запах её духов.

— Бог простит! — сквозь стиснутые зубы бросил я на прощанье этой непонятной мне теперь женщине и поспешил навстречу подходящей к нам Кате, укоризненно глядевшей на меня поверх Алёшкиной коляски...

Через две недели вернувшись с прогулки Катя, уложив уснувшего Алёшку в кровать, неожиданно сказала мне, накрывая стол к обеду:

— Да, Костенька, я тут встретила Клавдию Михалну с третьего этажа. Она просила тебе передать, что вчера похоронили её подругу, какую-то Зинаиду. Клавдия Михална сказала, что ты поймёшь, о ком речь. У Зинаиды врачи обнаружили какую-то опухоль в мозгу. На срочную операцию нужны были совершенно немислимые деньги. Клавдия Михална говорит, что даже если бы та Зинаида продала всё, что у неё есть, включая квартиру, то и тогда не набрала бы нужную сумму. Представляешь, какой ужас? Костик, ты чего молчишь? Что с тобой, Костенька? Костя!!!

ЗЛАЯ ЛЮБОВЬ

Мы познакомились во времена перестройки. Я ушёл с завода на «вольные хлеба» и устроился работать в одну «фирму», где и с дисциплиной было попроще, и зарплата повыше. Коллектив был небольшой: около дюжины человек. Каждый был на виду и занимался своим делом, то есть своей частичкой общего дела. И только один маленький человек таким гномом сидел в отдельной комнатке и заполнял какие-то карточки, которыми никто никогда не пользовался. В курилке Тимофей

не появлялся, обедать уходил домой, в обсуждениях текущих проблем не участвовал. По слухам, гном был каким-то дальним родственником директора фирмы.

И вот, однажды, «забив баки» одному из заказчиков, фирма получила крупный кусок в виде предоплаты. Данное событие решено было соответственно отметить. Были накрыты столы, закуплены соответствующие снедь и напитки, и «процесс пошёл». Я оказался за столом рядом с Тимофеем, о чём в дальнейшем крупно пожалел. Как говорится, после первого же стакана мы «подружились». Оказалось, Тимофей в своей комнатке читал различные газеты и журналы и, если находил что-либо относящееся, по его мнению, к темам наших разработок, заполнял соответствующую карточку, куда вносил тему, название и автора статьи, номер и название газеты или журнала. После первой рюмки за успех «фирмы», вторую мы с Тимофеем, независимо от провозглашённого тоста выпили за знакомство, а после третьей наше общение практически прекратилось, так как пить он совершенно не умел, быстро окосел, заляпал очки салатом, а его и так нуждающаяся в помощи логопеда дикция стала совершенно невозможной для полноценной беседы.

В последующие дни Тимоха уже не торчал безвылазно в своей камерке, а стал наносить визиты мне. У него оказалась «жуткая личная драма», которую и мне в своё время пришлось пережить, о чём я имел глупость по пьяни ему тогда поведать. Тимоха разрывался между женой и матерью. Жену бедняга любил, а вот его маме она, естественно, не нравилась, чего свекровь даже не пыталась скрывать, а наоборот всеми способами и средствами демонстрировала. Жену подобная жизнь, конечно, не устраивала. «Что мне делать?» — мямлил Тимоха, скорчившись на краешке моего рабочего стола. В голосе его пузырились сдерживаемые слёзы, очки сползали на кончик носа, а руки судорожно теребили листки бумаги с моими набросками схем или смешивали, как костяшки домино, разложенные мною в определённом порядке микросхемы. Поначалу я пытался вести с ним «воспитательные» беседы, суть которых можно кратко выразить одним тезисом: не можете ужиться под одной крышей — разъезжайтесь, благо жил Тимофей не в коммуналке, а в отдельной трёхкомнатной квартире. Но этот путь его категорически не устраивал. Он не мог оставить в одиночестве любимую маму, которая, как оказалось, часто болеет. «Кто за ней будет ухаживать?» — возмущённо взблеивал он, комкая в трясущихся от возмущения ручках мой последний эскиз. «Тогда потребуй от неё оставить твою жену в покое. Как же другие всю жизнь в коммуналках да обща-

гах живут? Хочешь сохранить семью, образумь или укроти свою мать». Он уходил, а я бежал в курилку, чтобы немного успокоиться, сбросить с себя груз его проблем и вспомнить последний вариант решения собственных, обдумывание которых так неожиданно прервал его визит.

Эти сцены повторялись всё чаще и продолжительнее, наши аргументы и контраргументы стали напоминать заезженную пластинку, моё сочувствие сменилось раздражением. Визиты Тимофея отвлекали меня от дела, а сроки сдачи работы неуклонно приближались. Заказчик требовал представления промежуточных результатов. Начальник тоже стал захаживать ко мне и интересоваться успехами. Пришлось таскать груз того, что не успел сделать или додумать на работе, домой. А это уже начало создавать напряжённость в моей собственной семье. Посему я прямо «намекнул» Тимохе, чтобы он прекратил свои визиты ко мне в рабочее время. Однако, начав исповедоваться, он уже не мог остановиться и окончательно вылез из своей берлоги, забросив прессу и карточки на произвол судьбы. Выходя в курилку, я тут же наткнулся на его тоскливый взгляд бездомной собаки. Надо сказать, в то время я стал серьёзно подумывать о вреде курения. После работы на выходе Тимоху теперь встречала жена, симпатичная маленькая девушка, напоминающая худенькую школьницу с измученным лицом. Они вместе шли в ясли за дочкой, а потом домой. Оставаться наедине с его матерью она не желала.

Конечно, промежуточный результат мы выдали. Заказчику был представлен макет, который работал не более десяти минут. Но никто и не собирался демонстрировать его долее. Представитель заказчика подмахнул акт, на основании которого нашей «фирме» была перечислена остальная часть договорной суммы на «изготовление рабочего образца и оформления необходимой техдокументации». Мы это дело соответственно «обмыли», а через месяц начальник заговорил о сокращении штатов. Первым расчёт получил, разумеется, замучивший всех жалобами Тимоха. Получив непредвиденный удар, откуда и не ждал, бедняга впал в истерику. Маленький, как голодающий подросток, с залитыми слезами стёклами очков, он метался по комнатам, хватал всех за руки, пытаясь что-то сказать. Но его речь была ещё менее связной и разборчивой, чем у пьяного. Мы ничем не могли его утешить, ибо меч завис и над нами. Всем давно стало ясно, что превратить продемонстрированный заказчику макет в рабочее устройство невозможно. Для этого необходимо увеличивать габариты минимум в двадцать раз, что недопустимо техзаданием. Получив деньги, начальник решил закрыть «фирму» и кинуть заказчика, воспользовавшись «дымовой завесой»

очередного перелома, провозглашённого Ельциным, влезшим по при- меру Ленина на броневик. Мы поняли намёк и дружно бросились ис- кать новую работу.

Второй раз случай свёл меня с Тимохой где-то через год. Я уломал директора своей новой «фирмы» поставить мне в квартиру телефон по коммерческой цене — по общей очереди мне пришлось бы ждать его в лучшем случае до пенсии, а провозглашённый в нашей стране курс на капитализм тут же породил наряду с долголетними «государственными» очередями мгновенные «коммерческие» блага. И вот новенький телефон стоит на журнальном столике. Мы всей семьёй сгрудились во- круг, лихорадочно соображая: кому бы позвонить? Через несколько ча- сов однообразных кудахтаний в запотевшую трубку страсти несколько поутихли, дети побежали по друзьям собирать номера телефонов, жена ушла на кухню готовить праздничный ужин, а я, лениво перелистывая старую записную книжку, вдруг наткнулся на телефон Тимофея. И вновь чёрт меня дёрнул позвонить. Тимофей был дома и очень обрадо- вался моему звонку. Оказывается, ему некому было поплакаться, а я уже призабыл, как он это умеет делать. Короче, прервать его монолог я смог лишь через час под предлогом поданного женой ужина. Но он выключил-таки номер моего телефона и перезвонил через полчаса, оторвав меня от десерта.

Жена всё же ушла от него. Забрала трёхлетнюю дочку и уехала к маме в Самару. Тимофей так никуда и не устроился на работу. Вспом- нил хобби, достал свой старенький ФЭД, ходил по школам, делая груп- повые фотографии классов, по детским садам и окрестным деревням. Словом, стал частным фотографом, благо никаких лицензий в то время для этого не требовалось. Денег катастрофически не хватало, тем бо- лее что кроме химикатов и фотобумаги надо было ещё приобретать ку- чу лекарств для его мамочки, которая не на шутку разболелась после нервопрёпки развода любимого сыночка.

«Почему бы тебе не вернуться на завод в своё конструкторское бю- ро?» — Спросил я. — «Там сейчас мужики в цене, так как дельные раз- бежались по различным «фирмам» и кооперативам, а от девчонок ни- когда толку не было».

«Что ты! А мама? На заводе надо отсидеть восемь часов, да час — обеденный перерыв, да дорога туда и обратно около часа. Десять ча- сов одна, без присмотра! Лучше уж я останусь фотографом. Сам себе хозяин: надо — дома сижу, маме лучше — пробежусь по объектам: за- казы беру или в магазин с аптекой».

«У вас же, помнится, садовый участок имеется? Почему бы тебе его не продать? Вы с твоей мамой там уже давно не бываете, всё, небось, бурьяном заросло. Продай, найми медсестру — сиделку и устройся на нормальную работу. Или обменяйте квартиру на меньшую, с доплатой. Ты же молодой парень, тебе всего двадцать пять лет. Мама мамой, но надо же и о своей жизни подумать».

«Обменять мамину квартиру?! Да ты что?! Она в ней всю жизнь прожила. Да и жена, когда вернётся, где меня искать будет? А участок — для моей дочки. Приедет, будет свои ягоды и фрукты кушать. Всё натуральное, без нитратов. А маму я никакой сиделке не доверю».

Он звонил каждый день. Если мои близкие отвечали, что меня нет, Тимофей перезванивал через каждые полчаса, пока я не брал трубку. Он отравил нам всю радость установки своего, домашнего телефона. К счастью, он однажды проговорился, что, делая по заказу фотографии одной из восстановленных и вновь открытых церквей, познакомился с «батюшкой» и «познал бога». Я тут же отфутболил его к своему другу, столь же внезапно «вернувшемуся в лоно церкви». Звонки Тимофея ко мне прекратились, зато взвыл тот мой друг и при первой же встрече выразил мне «благодарность» за столь «ценное» знакомство.

Прошёл год, или полтора. Как-то, выходя с фотовыставки, я столкнулся с бомжеватого вида недомерком. Тимоха! Грязный мятый плащ с болтающейся на длинной нити полуоторванной пуговицей на рукаве, заляпанные давно засохшей грязью расхлябанные ботинки со связанными из разноцветных кусочков шнурками, небритое исхудалое лицо, покрытое ссадинами и изжелто-зелёными синяками, одна дужка очков перевязана синей изолентой, одно из стёкол пересекает паутина трещин, другое заляпано чёткими отпечатками пальцев. И сшибающий с ног запах многодневного перегара!

«Ё-моё! — невольно воскликнул я. — Что с тобой случилось?»

«Да вот, привязались какие-то подонки, избили, фотоаппарат отобрали».

«Я не о том: как ты дошел до жизни такой?»

«Мама умерла, — заплакал Тимоха. — С полгода уже. Пришлось сад продать, чтобы денег на похороны достать. А потом меня ограбили. Выбили дверь и вынесли всё ценное, что оставалось. И соседи, гады, говорят, что ничего не видели и не слышали!»

«А как жена, дочь?»

«Как мама умерла, я им написал, чтобы возвращались. Жена ответила, что вышла замуж, и дочка называет нового мужа папой. А я им не нужен, и письма мои не нужны».

«И как ты теперь? Зачем здесь?»

«Так здесь, на выставке, половина фотографий — мои. Он у меня их купил, вместе с негативами. Пусть поделится. А тебе виды Коломны не нужны? У меня ещё много осталось, смотри».

Тимоха вынул дрожащими руками из драного кармана пачку фотографий.

«Купи, трояк — штука всего».

«Да зачем они мне? В семейный альбом не положишь, а выставки я не устраиваю».

«Ну, купи хоть пару, — начал клянчить он. — На выставке такие по пятёрке идут».

Я выудил из кармана всю мелочь — набралось около семи рублей — и протянул Тимохе.

«Спасибо тебе, — радостно забормотал он, протягивая мне пачку фотографий. — Вот, выбери себе, какие хочешь».

«Да ладно, — отмахнулся я, — зачем они мне. Лучше я тебе вечером звякну, вдруг нам схемки какие перефотографировать надо или чертежи».

«Так, ведь, фотоаппарат-то у меня отобрали».

«А мы тебе свой дадим. Жди вечером звонка».

«Нет, не дозвонишься. Я на днях телефон уронил. Вдребезги. И ремонтировать не стал. Зачем он мне: я никому не звоню, и мне давно никто не звонит. Лучше возьми фотки, хоть три штуки, если хочешь».

Я понял, что у Тимохи «горит». Получив деньги, он уже рвался бежать в магазин, за своей последней и единственной любовью. Любвью и мукой всех алкашей. И не разбил он телефон, понял я, а давно продал и пропил, тем более что номер всё равно наверняка отключен АТС за неуплату. Я, молча, вынул из пачки первые попавшиеся фотографии. Тимоха облегчённо вздохнул, торопливо попрощался и исчез за углом.

Прошёл ещё год, а, может, два. Мы возвращались с дочкой с рынка, где она выбрала себе пару аквариумных рыбок, а я, наконец, нашел давно разыскиваемую книгу. Жара стояла просто африканская. Асфальт размяк, с крыш гаражей капали слёзы смолы. Несмотря на раскрытые окна, дышать в трамвае было нечем. А тут, оказалось, что впереди идущий вагон сломался. На остановке собралась приличная недозволено гудящая толпа. Надо сказать, что к тому времени все трамвайные и автобусные остановки уже успели обрасти, как грибами, коммерческими киосками.

«Пойдём, выпьем лимонада, пока толпа не схлынет, — предложил я дочке. — Всё равно мы с тобой в эту давку не полезем».

Мы купили пару бутылочек «фанты», взяли бумажные стаканчики и устроились за одним из грибовидных столиков, вбитых хозяевами палаток в тени деревьев. Глядя на нас, народ с остановки потянулся к окошкам, в которых заманчиво белели тетрадные листочки с самой распространённой «рекламой» того лета: «Имеется свежее холодное пиво!»

Мы рассматривали нервно плавающих в полулитровой банке меченосцев, неторопливо попивая «фанту», как вдруг из кустов выползла грязная, вонючая фигура и заковыляла к столикам.

«Вам бутылки не нужны?»

«Тимоха!» — с ужасом понял я. Давно небритый и немывтый, в каком-то рванье, без очков, в коросте грязи и синяков. Он нетерпеливо переминался, ожидая ответа. Глаза его шарили по столикам, на людей он их не поднимал.

«Эй, прыщ, забери!» — барственно-презрительно крикнул кто-то от «пивных» столиков, и Тимоха тут же радостно заковылял на зов. Я увидел, как он торопливо поднял брошенную в траву пустую бутылку, быстро обтер её полой драной, непонятного цвета рубахи, что-то подобострастно буркнул «благодетелю» и засеменил к окошку приёмщицы.

«Пойдём, пройдемся пешком», — предложил я дочке. «Фанта» комком стояла у меня в горле. А, может, это была и не «фанта», а душившая меня ярость.

Интересно, о чём думала, умирая, мать Тимохи? Поняла ли, что своей эгоистичной любовью искалечила и погубила сына? Или радовалась, что ни с кем его не делит, что он только её? А, может, жалела, что не может забрать его с собой, чтобы никому другому, вернее, другой не достался? И, если есть тот, иной мир, что она сейчас видит оттуда и о чём думает? Как высший судья оценил её поступок? Ведь, она искренне была уверена, что желает и делает сыну только добро?

Прошла осень, потом — зима, а весной начали «всплывать» трупы, которые объединило в одно уголовное «дело» несколько общих обстоятельств: всё это были люди одинокие, нигде не работавшие, незадолго до исчезновения оформившие продажу своих квартир. Их никто не искал, их никто не любил...

АВАРИЯ САШКИ СЭКОНДХЭНДА

Надежды — сны бодрствующих.

Платон

Осколок резца просвистел в сантиметре от Сашкиного уха, гулко ударил в металлический корпус пульта управления станком и отлетел куда-то под станину. Сашка испуганно хлопнул по красному грибу кнопки аварийного отключения станка, и жуткий скрежет суппорта, наезжающего на испорченную деталь, сменился умирающим гулом останавливающихся на свободном выбеге электродвигателей. На подгибающихся от пережитого страха ногах Сашка шагнул к тумбочке с инструментом и тяжело опёрся о неё. От соседнего станка, смешно переваливаясь на коротких кривых ножках, подбежал встревоженный Витька.

— Что случилось, Санёк?

Сашка трясущимися руками пытался достать из пачки сигарету.

— Ты что, сдурел? — зашипел Витька, указывая другу на мастера, который, выскочив из конторки, уже спешил к ним по пролёту цеха, ловко огибая горки деталей и короба со стружкой. — Здесь же нельзя курить!

Сашка сунул пачку в карман и вытер бейсболкой с лица пот.

— Что тут у тебя? — взволнованно спросил мастер. — Запорол деталь?

— Станок сломался! — стуча зубами, ответил Сашка. — Резец полетел. Чуть бы левее, и прям мне в глаз...

— А ты куда смотрел? Вовремя остановить подачу не мог? Под стацию меня подвести хочешь, Сэкондхенд недоделанный!

— Что ты на него орёшь, Михалыч? — встрял Витька. — Станок же всё на автомате делает. Сашка только детали меняет да кнопку «пуск» нажимает...

— А тебя кто спрашивает? — повернулся к Витьке мастер. — Ты лучше за своим станком смотри, защитничек.

Витька презрительно хмыкнул и неторопливо, вразвалочку, пошёл к своей каруселке.

— Я не виноват, Михалыч, — обиженно прохрипел Сашка. — Работал, как всегда. Не знаю, что случилось, но суппорт вдруг полетел вперёд и на полной скорости врезался в деталь...

— Цас узнаем.

Они подошли к распахнутому настежь шкафу управления станком, в котором уже копошился невесть откуда взявшийся наладчик.

— Ну, что там? — спросил его мастер.

— Контакты у пускателя приварились, — ответил тот, складывая свои инструменты в сумку. — Видать, большой перегруз по току был.

— А чего ж защита не сработала? — удивился Михалыч.

— Да тут какая-то сволочь автомат закоротила, — сплюнул под ноги подошедшим слесарям наладчик.

— Ну, — рывкнул, повернувшись к ним мастер. — Кто из вас напортачил?

— Я за механику отвечаю, — невозмутимо ответил толстый небритый коротышка неопределённого возраста. — Мне ваши автоматы по барабану! Это работа электриков.

— А я тут всего второй месяц работаю, — сказал молодой высокий парень. — К этому станку вообще первый раз подхожу.

— А брак мне на кого списывать? — не унимался мастер. — Не найдёте виновного, на всех электриков распишу.

— А чего сразу на нас-то? — возмутился электрик. — Вон и наладчик говорит, что большой перегруз был. Значит, автомат этот постоянно вышибало. Вот его и коротнули.

— Точно! — вспомнил Сашка. — Михалыч, ты ж сам на прошлой неделе орал электрикам: «Сделайте что-нибудь, что б станок работал. План горит!» Помнишь?

От подобного перевода стрелок Михалыч просто задохнулся и стоял, глотая воздух, как рыба, выброшенная на берег. Его седые усы странно подёргивались на морщинистом лице, перекошенном от незаслуженной обиды и ярости.

— Надо было неисправность искать и устранять, а не защиту отключать! — вмешался наладчик. — Хорошо ещё, что станочник цел остался...

— Мы, что ль, её искать должны? — огрызнулся в ответ электрик. — Сам же говоришь, что перегруз был. Значит, виновата механика!

— А ты на нас бочку не кати, — возмутился слесарь. — Молод ещё! Ты сначала докажи, что виновата механика. — Он повернулся к Михалычу. — У нас всё в порядке.

— У вас всегда всё в порядке, — хмуро процедил наладчик. — Ну что за порядки на этом заводе! Механики никогда ни за что не отвечают, а вот электрики обязаны всем доказывать свою невиновность.

— Вот и доказывай! — нагло ухмыльнулся ему в лицо слесарь.

— Тихо, тихо! — Вклинился между ними мастер. — Так какова сейчас ситуация? — обратился он к наладчику. — Когда станок заработает?

— От вас зависит, — ответил тот. — Пусть электрик заменит пускатель и подключит, как положено, автомат. А механики должны устранить перегрузку.

— Какую перегрузку? — забухтел слесарь.

— Такую! — зло сказал наладчик. — На этом станке разомкнутая система смазки. У вас всё масло давно вытекло в поддон под станиной, и насос вместо смазки гонит воздух! — Он слегка пнул бак гидростанции, и тот ответил гулкой пустотой. — Если б вы согласно инструкции регулярно доливали сюда масло, мы бы сегодня здесь не собирались.

— Ну, что стоите? — заревел на слесарей Михалыч. — Действуйте!

Электрик побежал за новым пускателем, а механик, достав из кармана комок ветоши, стал протирать указатель уровня масла, упрямо не веря, что бак пуст.

— Михалыч, а мне-то что теперь делать? — спросил Сашка.

— Заголять и бегать! — народной мудростью ответил ему мастер. — Ну, а ты чего стоишь? — накинулся он на слесаря. — Заливай масло!

— Ишь, раскомандовался, — сплюнул тот. — У меня свой начальник есть. Иди, на него ори.

— Слушай, — с трудом сдерживаясь, понизил голос мастер. — Чего зря время-то терять: всё равно ж тебя пошлют...

— Я — слесарь-ремонтник шестого разряда. С вёдрами бегать вокруг станков не буду. Вон у нас, в слесарке, три бездельника вторую неделю сидят, музыку через наушники слушают. Практиканты из училища. Вот пусть они и потрудятся. А если ко мне с этой ерундой приставать будете, я лучше в соседний цех перейду. Меня туда давно зовут.

— Нет, ты видел? — беспомощно указал наладчику на уходящего слесаря мастер. — Никто работать не хочет! Одному мне, что ли, план нужен?

— Какой план, Михалыч? — удивился Сашка. — Социализм и план уж лет двадцать как отменили.

— Ерунду не говори! — махнул рукой мастер. — Забыл, как прошлым летом весь завод на два месяца в отпуск за свой счёт отправили? А сейчас у нас заказы срочные появились. Вон он, наш план! — показал Михалыч на груды деталей у гудящих станков. — Теперь у людей и работа есть, и зарплата.

— Кстати, о зарплате, Михалыч, — встрепенулся Сашка. — Как мой простой оплачивают будут? Не по моей же вине станок сломался!

— Видал ухаря? — с горечью спросил мастер наладчика. — Не по его вине, вишь ты, брак и простой...

— А что? — оскорбился Сашка. — Он же сам сказал, что виноваты механики с электриками...

— Ишь, какой деловой! — недобро усмехнулся наладчик. — А ты куда смотрел? Для чего у тебя на пульте управления приборы стоят? Ты что, не видел, что ток нагрузки зашкаливает? А что манометр системы смазки на нуле, тебя тоже не волновало?

— А его одни девки волнуют! — приободрился Михалыч. — Он думает, что работа станочника — это детали менять да кнопки нажимать. Не работник, а сэкондхэнд какой-то...

От столь неожиданного отпора Сашка впал в ступор.

Наладчик взял свою сумку с инструментом и приборами, сказал мастеру:

— Я тут, в соседнем пролёте буду. Там строгальный чего-то барахлит. Зовите, когда всё исправите.

И ушёл.

— Вот так вот, Сэкондхэнд! — ехидно пропел в лицо Сашке Михалыч.

Кличка была глупой, детской, но каким-то путём проползла за Сашкой на завод. Родители его когда-то занимались этим бизнесом. Сашка и сам щеголял тогда в тряпках из тюков секондхэнда, и всех своих друзей и знакомых снабжал по дешёвке заграничным шмотьём. Родители смотрели на это сквозь пальцы. Они с гордостью говорили окружающим, что их сынок уже сам успешно зарабатывает себе на карманные расходы.

Потом была армия. А когда Сашка вернулся в Коломну, то узнал, что на его родителей наехали рэкетеры, те свернули свой бизнес, продали квартиру и переехали в деревню, где под руководством бабы Любы начали выращивать кроликов. Сашка не захотел менять город на деревню. Он прописался у бабы Кати, другой своей бабушки, городской. Искать постоянную работу бывший сержант-десантник не спешил: решил отдохнуть после армии. Летом он иногда подрабатывал грузчиком на рынке, зимой устраивался сборщиком мебели в магазин или охранником в супермаркет. Высокий, красивый, со спортивной фигурой и лёгким характером, почти всегда весёлый и не жадный парень моментально привлёк внимание окрестных девушек и бросился во все тяжкие. Вскоре бабушка умерла, оставив Сашке свою маленькую квартиру. Не стало её пенсии и сбережений. Случайные заработки не покрывали даже квартплату, и Сашка пошёл на завод. Здесь тоже было полно незамужних девушек и разведённых женщин, и старая бабушки-

на софа, кряхтя, пропустила через себя хоровод самых разнообразных девиц. Но какое до всего этого дело Михалычу?

— Никуда не уходи, будь здесь, — мастер погрозил Сашке пальцем. — Сегодняшний план, кровь из носу, надо выполнить. Тогда и про испорченную деталь, может, никто не вспомнит...

И убежал искать механика цеха.

— Да пошли вы все!.. — всхлипнул вслед мастеру Сашка и потянул из кармана пачку сигарет...

Летом рабочие курили на улице: выходили из цеха в специально отведённый и оборудованный для этого недалеко от запасного выхода закуток. Здесь были пара урн, стол с лежащими на нём костяшками домино и грубо сколоченные из деревянных досок скамьи вокруг него. Рядом, на стене цеха висел красный противопожарный щит с инвентарём в виде лопаты, конусообразного ведра и огнетушителя. Под щитом стоял ящик с песком.

Сашка курил и бездумно смотрел на Москва-реку, нёсшую свои грязные воды в десятке метров от него. Когда-то, говорят, река была чище, и рабочие даже купались в ней в обеденный перерыв и ловили рыбу. Сейчас в метре от кромки воды стоял двухметровый забор из колючей проволоки. То ли защищал завод от гипотетических воров, могущих приплыть на лодке, то ли рабочих от опасных вод именитой реки. А, может, и от того, и от другого. Крутой берег зарос высоким репейником, редким кустарником и невысокими ивами.

Сашка бросил окурок в ящик с песком и пошёл к реке. Июльское солнце пекло невероятно. Расстелив рабочую куртку поверх высохшей пыльной травы, Сашка лёг в тени ивы. Надвинув на глаза старенькую бейсболку, откопанную им когда-то в тюке сэкондхэнда, он решил вздремнуть оставшийся до обеда часок. «Всё равно станок раньше не починят, — решил он. — Ну и сволочь этот Михалыч! И наладчик — гад. Приборы... Да кто на них смотрит?» Честно говоря, Сашка ничего не понимал в этих приборах. Что толку смотреть на них? Другое дело — Нинка — крановщица! Хороша, стерва! Грудь — номер четвёртый, не меньше. Задница, как круп у коня. Глазищи чёрные, наглые, как у цыганки. Как, однако, она его вчера продинамила...

Давно Сашку так не кидали девки. А ведь всё было, как обычно: кафе, танцы-обжиманцы, поцелуи, такси до дома. И вдруг, когда расплётый Сашка уложил Нинку на свою много повидавшую софу и решил приступить к завершающему туру «марлезонского балета», девица ехидно захихикала и заявила, что ничего не выйдет. У неё сегодня ти-

па критические дни! Ошеломлённый Сашка на миг потерял бдительность, Нинка змеёй выскользнула из его ослабевших рук и, хохоча, исчезла за дверь, благо жила, как оказалось, в соседнем дворе...

— Санёк, вот ты где спрятался! — раздался вдруг рядом голос Витьки. — А я тебя по всему цеху ищу.

— Зачем? — лениво поинтересовался Сашка. — Станок, что ль, починили?

— Куда там! — захохотал Витька. — Ты бы видел, как Михалыч с механиком сцепились. Орала на весь пролёт. Эти придурки — практиканты, с плейерами в ушах, вдвоём полчаса одно ведро с маслом к твоему станку несли. И всё равно чуть ли не половину расплескали!

— Чего ж ты меня тогда будишь?

— Так обед же уже! Пора в тошнилровку идти.

— Не может быть! — встал Сашка. — Я ж только прилёт...

— Счастливые часов не наблюдают, — заржал Витька. — Видать, ты вчера по-крупному кое с кем прилёт. Признавайся, Нинка-крановщица всю ночь спать не давала? Она, говорят, баба ненасытная!

— Да пошёл ты! — буркнул, отряхивая поднятую куртку, Сашка. — Идём в столовку, пока все плюшки не разобрали...

Народу в столовой было немного. Кормили здесь невкусно и дорого, поэтому многие носили обеды из дома. Сашка с Витькой готовкой себя не утруждали, а потому вынуждены были ходить в заводскую столовую. Единственным вкусным блюдом здесь были свежие булочки. Сдобные, ещё горячие, румяные, обсыпанные сахарной пудрой. С пылу, с жару! Разбирали их моментально.

Взяв подносы, приятели встали в очередь.

— Смотри, Коса опять с тебя глаз не сводит! — толкнул друга в бок Витька.

Сашка в ответ раздражённо дёрнул плечом. Его ничуть не интересовала эта шмакодявка с толстой русой косой, недавно пришедшая в их цех после окончания школы. Она была, по мнению Сашки, слишком молодая и невзрачная. Сашка предпочитал девиц опытных, ярких и без комплексов. Он знал, чего хочет от них. Они тоже это знали и принимали правила игры. Всё было быстро, легко и к обоюдному удовольствию. Никаких проблем и осложнений. Вчера — Анька, сегодня — Ленка, завтра — Нинка... Чёрт! Ладно, с Нинкой вышла осечка, но всё равно эта зараза от него никуда не денется.

А что Сашке делать с этой вечно румяной несовершеннолетней школьницей? Она даже косметикой не пользуется! Ходит в каком-то дешёвом платье, вместо причёски — дурацкая коса аж «по самое не хочу». Ну, кто сейчас носит косу? Наверняка и парня у неё никогда не было. Что ж теперь, вместо получения удовольствия Сашка должен всему учить эту недотёпу? Преодолевать её страхи и комплексы? Оно ему надо? Словом, Сашке эта малолетка была совершенно неинтересна. Зато он её пленил с первого взгляда.

Как-то пару недель назад, Сашка, закатав рукава рабочей куртки, расстёгнутой на мускулистой груди чуть ли не до пупа, перекладывал с поддона груды поступивших к нему деталей поближе к станку. Вообще-то, делать это надо было с помощью небольшого тельфера, но Сашка, красуясь перед Нинкой-крановщицей, ожидающей освобождения поддона, решил поиграть мускулами. Не так уж и тяжела эта деталь — всего каких-то восемь кило! С этим тельфером одна морока и потеря времени: пока подцепишь крюком деталь, пока поднимешь. Потом надо переместить её и точно опустить в намеченное место, отцепить крюк... Деталей тех — десятка два, а Сашка на сделке: больше сделал — больше зарплата. Вручную и быстрее, и мускулы наливаются так, что ни в какой тренажёрный зал ходить не надо. Да и Нинка, наконец, обратила на него внимание. Свесилась из окна кабинки крана и с интересом наблюдает, как Сашка, внешне легко, хватает с поддона две детали сразу и перекладывает их на специальный деревянный настил у станка.

И вот как раз в этот самый момент Коса, как зовёт её Витька, шла по пролёту цеха, неся кому-то какую-то бумажку. Поддон перегородил проход, и девушке пришлось стоять и ждать, пока Сашка закончит перекладывать детали, и кран увезёт препятствие. Можно было, конечно, проскользнув между станками, перейти в соседний пролёт и продолжить путь, но Коса не могла отвести от Сашки зачарованного взгляда. А тот её даже не заметил.

С тех самых пор коровий взгляд этой девицы преследует Сашку повсюду. Особенно, в столовой. Она и ходит-то сюда только ради него, понял Сашка. Ничего не покупает, ест из стеклянной поллитровой банки какие-то супчики, пьёт что-то из термоса. И глаз с Сашки не сводит!

— Слышь, Санёк, — продолжает бубнить рядом Витька. — Будь мужиком, уважь девочку. Вишь, с ума по тебе сходит.

— Уважу, — угрюмо буркнул Сашка, заметив за одним из столиков хихикающую Нинку-крановщицу в компании подружек. — Прямо сегодня и уважу...

После работы Коса обычно провожала его до автовокзала. Просто от самой табельной шла сзади, не приближаясь и не обгоняя. А на вокзале стояла в сторонке и ждала, пока Сашка сядет в подошедший автобус, и тот, выпустив клубы чёрного вонючего дыма, отъедет от остановки. Из окна Сашка не раз видел, как, проводив взглядом его автобус, девушка, опустив голову, идёт в сторону трамвайной линии.

— Ну, давай, Санёк, дерзай! — хохотнул Витька, когда они миновали заводскую проходную. — Завтра расскажешь...

Сашка двинулся к автовокзалу. Толпа внесла его на железнодорожный мост, отпустила на привокзальной площади и начала быстро редеть, разливаясь людскими ручейками. Одни из них текли на электричку, автобус, маршрутку или трамвай, другие растекались по магазинам и продуктовым киоскам. Сашка резко встал и развернулся, чуть не столкнувшись со спешащей за ним девушкой. Коса тоже остановилась, робко взглянула ему в лицо и густо покраснела.

— Как тебя зовут? — спросил её Сашка.

— Маша, — тихо ответила та, держа перед собой, как щит, хозяйственную сумку.

— Чего ты хочешь от меня, Маша?

— Ничего.

— Тогда зачем за мной ходишь?

Она долго не отвечала, опустив глаза и покачивая в руках сумку, в которой звякали друг о друга термос и пустая поллитровая банка, закрытая белой пластиковой крышкой.

— Разве я Вам мешаю? — наконец послышался тихий голос, в котором эхом звучали слёзы.

— Не реви! — резко приказал Сашка.

Людской поток обтекал их, в нём мелькнули скалящийся в ухмылке Витька, строгий Михалыч, Нинка-крановщица со стайкой подружек...

— Иди за мной, — сквозь зубы прошипел Сашка и пошёл в сторону трамвайной остановки.

Он не оборачивался, и когда, перейдя шоссе, остановился перед трамваем, в двери которого ломились потные, разгорячённые люди, девушка была рядом.

— Тебе какой маршрут нужен? — спросил Сашка.

— Мне в другую сторону, — ответила она.

— Далеко? — Сашке не нравилась толпа на остановке. Он терпеть не мог давку. Его автобус приходил, когда основная масса заводчан уже уезжала на маршрутках и трамвае.

— Не очень.

— Тогда, может, пройдемся? Я тебя провожу...

Она молча перешла трамвайную линию и пошла по тротуару вдоль витрин и подъездов. Сумка теперь болталась у неё в левой руке, а правой девушка теребила переброшенную на грудь косу. Лучи солнца просветили тонкую материю её платица, и поспешивший за девушкой Сашка с удивлением отметил, что фигурка у той очень даже ничего! Кругленькая попка, осиная талия, ровные ножки. Да, ножки, а не палки! И грудь! Красивая высокая грудь, а не плоскогорье или отвисшее вымя. А глаза! Какие у неё глаза! Огромные, серо-зелёные, окаймлённые длинными пушистыми ресницами. Пухлые маленькие губки, яркие и влажные без какой-либо помады. Румянец так и не сошёл с её щёк. Тем более, что она заметила, как Сашка откровенно разглядывает её всю, с головы до пят.

— А ты, оказывается, миленькая, — признал он. — У тебя уже был парень?

Она отрицательно качнула головой.

— Мама не разрешала мне ни с кем встречаться, пока я не закончу школу. Потом надо было готовиться к институту. Мама хочет, чтобы я стала учительницей, как она.

— А ты? Что хочешь ты?

— Не знаю. Мама очень расстроилась, когда я провалилась в институт. Не прошла по конкурсу. А на платный факультет у нас денег нет.

— А отец что говорит?

— У меня нет отца. Только мама с бабушкой.

— Прямо женский монастырь какой-то, — усмехнулся Сашка. — А у меня полный комплект. Бабушка вот только умерла три года назад. К счастью, успела мне отписать свою однокомнатную хрущобу.

— А я не представляю себе жизнь без бабушки, — вздохнула Маша. — Она мне ближе, чем мама. Это бабушка посоветовала мне пойти на завод. Мама хотела устроить меня в школьную библиотеку, что б я могла готовиться к поступлению в институт в следующем году. А бабушка сказала, что хороший учитель должен знать настоящую жизнь, а не по книжкам и кино. И любить должен уметь по-настоящему...

— Это точно! — гордо выпятил грудь Сашка. — Насчёт жизни, не знаю, но вот с любовью я тебе помогу. У тебя дома-то кто есть сейчас?

— Нет. Бабушка с мамой в огороде. Сегодня воду дают для полива. А что?

— Как это, что? Ты же хочешь узнать настоящую любовь, не книжную? Я тебя всему научу!

— А вы разве знаете её?
— Кого?
— Настоящую любовь.
— Детка, не сомневайся! Перед тобой специалист. Ты хоть целовалась когда-нибудь?
— Так вы только это называете любовью? — тихо сказала Маша.
— Не только. Поцелуи — это только начало, — хохотнул Сашка. — Самое интересное будет потом.
— Понятно, — протянула Маша грустно. — А почему вы сегодня вдруг решили... заметили меня?
— Это не важно, — нахмурился Сашка, отгоняя образ хохочущей Нинки-крановщицы. — Радуйся, что я вообще тебя заметил. Ты посмотри на себя: в чём ты ходишь, как выглядишь? Три бабы в семье! Неужто никто не удосужился научить тебя наряжаться, пользоваться косметикой? А эта твоя коса! Ты в каком веке живёшь?
— Значит, если б я отрезала косу и завила кудри, накрасила глаза и губы, укоротила юбку и надела полупрозрачную блузку, вы бы раньше меня... заметили? — грустно спросила Маша.
— Само собой! — твёрдо ответил Сашка. — Девушка должна быть яркой, как бабочка. Мышь потому и серая, что б её кот не замечал. Если у тебя денег на фирменные шмотки не хватает, сходи в сэкондхэнд. Простирнёшь, погладишь — никто и не поймёт, что бэу. Зато — вид будешь иметь! Тем более, фигурка у тебя, что надо. Отрежь эту дурацкую косу, сделай причёсочку, глазки подкрась. Я сделаю из тебя конфетку, вот увидишь!
— Вот вы, значит, какой... — прошептала про себя Маша.
— Так я не понял, есть у вас дома спиртное? — не слушал её Сашка.
— Нет. А зачем?
— А закуска?
— Бабушка щи сварила. С мясом.
— Годится. Водку тебе рановато, пожалуй, — с сомнением взглянул на девушку Сашка. — Подожди меня здесь. Я сейчас забегу в этот магазинчик и куплю пузырь вина.
— Зачем?!
— Дорогуша, надо ж тебе расслабиться. У меня нет времени возиться с тобой до утра. Да и предки твои могут вернуться раньше, чем мы закончим урок. Всё, я побежал. Жди!

В магазине, как всегда по окончании рабочего дня, толпился заводской люд. Когда взмыленный Сашка, наконец, снова вырвался на улицу, Маши уже не было.

— Не дождалась, — неприятно поразился Сашка. — А я, дурак, даже адрес у неё не спросил...

Матерясь вполголоса, Сашка рысцой ринулся по тротуару, пытаясь разглядеть впереди знакомые платье и косу. Он на мгновение заскакивал в попутные магазинчики, расспрашивал сидящих у подъездов жилых домов старушек — девушка, как в воду канула.

— Вот блин! — разозлился Сашка. — Ну что за дела? Вчера Нинка кинула, сегодня — Машка...

Неожиданно солнце скрылось за невесть откуда взявшейся чёрной тучей. Где-то за домами сверкнула молния, загредел гром, взвыла сигнализация припаркованных вдоль тротуара машин.

— Вот только дождя мне для полного счастья не хватало, — обречённо пробормотал Сашка и бросился к ближайшей трамвайной остановке.

Но «чёрная полоса» ещё не закончилась. Когда Сашка под первыми каплями с ходу впрыгивал в трамвайную дверь, пластиковый пакет с бутылкой вина и плиткой шоколада, болтающийся в его руке, глухо звякнул о поручень, и из него на фирменные Сашкины джинсы и кроссовки потекла красная жидкость.

— Одно к одному, — устало вздохнул незадачливый донжуан и под насмешливо-сочувственные взгляды пассажиров точно швырнул «кровоточащий» пакет со всем его содержимым сквозь уже начавшую закрываться дверь в урну на остановке.

Трамвай тронулся. Гром гремел всё чаще и сильнее. Но Сашке, наконец, повезло. Бодро стуча на стыках рельс, вагон оторвался от надвигающейся грозовой тучи и вырвался из влажной духоты в жар солнечных лучей. И вскоре Сашка, сухой, но унылый, вошёл в свою квартиру, воняющую ночным загулом с Нинкой-крановщицей.

Солнечная сторона, как оказалось, имела и свои недостатки. Летом приходилось занавешивать окна плотными шторами, чтобы зной с улицы и палящие лучи солнца не превратили комнату в парилку. Сашка раздвинул шторы и настесь распахнул окно, дав приток свежему воздуху. Дождя ещё не было, но гроза явно приближалась, и гром превратился в непрерывную барабанную дробь. Сашка плеснул в стакан остатки вчерашней водки и рухнул на тахту...

— Эй, Санёк, вставай, — голос Витьки с трудом пробивался сквозь гром.

«Чёрт его принёс! — с раздражением подумал Сашка сквозь дрёму. — И охота же шляться в такую грозу? Как он вошёл? Неужели, я не запер дверь?»

— Вставай же, соня, — не унимался Витька, тряся друга за плечо.

Сашка с трудом разлепил глаза. Он лежал под ивой, на откосе берега. Внизу, за колючкой забора плескались мутные воды Москва-реки. Рядом стоял Витька и, как обычно, лыбился во весь рот.

— Очухался? Я его по всему цеху ищу, а он на бережку дрыхнет!

Сашка очумело встал. Рядом с курилкой дебилы-практиканты, перевернув пустую бочку из-под машинного масла, самозабвенно колотили по днищу спёртыми из слесарки огромными гаечными ключами.

— И как ты только можешь спать при таком грохоте? — удивился Витька. — Видать, ты вчера кое с кем по-крупному прилёг! Признавайся, Нинка-крановщица всю ночь спать не давала?

«Грозы не будет, — понял Сашка. — Это был сон». Он обрадовался: не было этой глупой соплячки, посмевавшей развести его, Сашку Сэкондхэнда, на пузырь дорогого вина и кинуть. Только Нинка, зараза, посмела это сделать вчера. Но с ней-то он ещё посчитается! А дурацкий сон, кроме него, никто не видел.

— Мой станок починили? — спросил Сашка.

— Куда там! — захохотал тот. — Ты бы видел, как Михалыч с механиком сцепились. Орали на весь пролёт. Эти придурки — практиканты, с плеерами в ушах, вдвоём полчаса одно ведро с маслом к твоему станку несли. И всё равно чуть ли не половину расплескали! А теперь, вон, развлекаются, — кивнул Витька в сторону барабанщиков. — Обезьяны!

— Так чего ж ты меня будишь? — словно по сценарию, сорвалось с губ Сашки.

— Так обед же уже! — ожидаемо ответил Витька. — Пора в тошнеловку идти.

«Де жа вю, — вспомнил Сашка сотню раз просмотренную комедию. — Вот только девушки с длинной русой косой в столовке не будет. Или будет?»

— Ты веришь в сны? — спросил он Витьку, поднимая и отряхивая куртку.

— Верю, — неожиданно серьёзно ответил тот. — Сны, брат, это дело такое... Некоторые вообще считают, что во время сна душа человека попадает в параллельный мир. Там почти всё, как у нас. Но где-то в

чём-то немного отличается. Или вот ещё бывают вещие сны. Мне однажды приснилось, что я бегаю по цеху и никак не могу сортир найти. Так на следующий день загремел в больницу с жутким поносом! Вирус какой-то, сказали, ртом поймал. Неделю продержали!

— Брехло ты! — засмеялся Сашка.

Он надел куртку, и приятели отправились в заводскую столовую.

Когда друзья вышли на центральную аллею завода, по обе стороны которой теснились корпуса цехов, их обогнала стайка пёстро одетых девушек. Они громко смеялись, крутили во все стороны коротко остриженными разноцветными головками и с откровенным интересом стрельнули густо покрашенными глазами в сторону Сашки.

— Практикантки, — восхищённо прищёлкнул языком Витька. — Отработали свои законные четыре часа и по домам! Эх, нам бы в цех хоть парочку таких...

— Зачем? — удивился Сашка. — Они ж ещё несовершеннолетние. Статью хочешь схлопотать?

— Какую статью? — не понял Витька.

— Уголовную, — покровительственно улыбнулся другу Сашка. — За развращение малолетних.

— Дурак ты, Санёк! — заржал Витька. — Там давно уже развращать некого.

И словно в подтверждение его слов, одна из девушек вдруг отстала от подружек и преградила путь Сашке.

— Привет! — сказала она, широко улыбаясь красными, как у вампира в фильмах ужаса, губами. — Я — Кристи, а тебя как зовут?

Сашка оторопел от неожиданности. Он стоял перед наглой пигалицей, вдыхая терпкую смесь пота, косметики и сигаретного дыма, густым облаком окутывающую девицу, рассматривал разноцветные пряди её сальных, давно невымытых волос, гроздьё едва замаскированных прыщей на щеках и не знал, рассмеяться ему или сразу послать юную соблазнительницу в далёкое эротическое путешествие по детородным органам.

— Сэкондхэнд его зовут, — спасая друга, осклабился Витька.

— Гонишь! — не поверила девица, переводя густо покрашенные опухшие глаза с Сашки на Витьку и обратно. — А на вид — первый сорт...

— Александр я, — бросив на друга кровожадный взгляд, ответил Сашка. — Чего надо?

— Алекс, значит, — «перевела» его имя девушка. — Приходи сегодня вечером в парк, к фонтану. Пивка попьём, перепихнёмся по-быстрому за кустиками. Часикам к девяти подгребай.

Кристи смотрела на Сашку такими ясными и бесхитростными глазами, что тот машинально кивнул, прежде чем до него дошёл смысл сказанного ею. Просто Сашка не привык отказывать женщинам. Это был его принцип. И теперь он стоял и беспомощно глядел на уходящую вихляющей, под супермодель, походкой девушку.

— Эй, Кристи! — окликнул её Витька. — А мне можно придти?

— Парк не мой, — картинно дёрнула костлявым плечиком та. — Вход для всех свободный.

— Как ты это делаешь? — с завистью спросил Витька, провожая жадным взглядом пёструю стайку девушек, вновь двинувшуюся с нарочито громким смехом в сторону центральной проходной завода.

— Ты про что? — удивился Сашка.

— Вот про это самое! Почему Кристи тебя пригласила, а меня нет?

— Всё было на твоих глазах, — самодовольно пожал плечами Сашка. — Учись, пока я жив!

— Нет, Санёк, я серьёзно спрашиваю, — не отставал Витька.

— Да ты в зеркало на себя хоть когда-нибудь смотришь? — повернулся к другу Сашка. — Морда небритая, волосы, как стог соломы! А фигура? Тебе кило пять, как минимум, сбросить надо. Брюхо уже над ремнём морской волной нависает...

Друзья свернули к зданию столовой. Перед ним был небольшой скверик, в центре которого пылился полуразрушенный фонтан. Никто из нынешних заводчан никогда не видел его работающим. В тени гигантских тополей сидели на скамейках отдыхающие, жуя принесённые из дома бутерброды, и с тоской смотрели на статую девушки с кувшином в центре чаши фонтана. Полуденное солнце пекло невыносимо!

— Глянь, Санёк, и здесь фонтан! — заржал Витька. — А я его раньше как-то не замечал.

— Интересно, лилась ли когда-нибудь из этого кувшина вода? — сглотнул пересохшим горлом Сашка.

— При Сталине, небось, или при царе, — беззаботно ответил Витька. — Зато в парке бьёт всюю!

Друзья подошли к бетонной чаше фонтана и посмотрели на заполняющий её мусор: окурки, сальные от пирожков бумажки, целлофановые пакеты, бутылки.

— Да-а-а... — задумчиво протянул Сашка. — А в парковом под водой на дне монетки блестят. Говорят, уборщики с окрестными пацанами из-за них по утрам чуть ли ни дерутся.

— Слышь, Санёк, — ткнул его в бок Витька. — Видал я, как ты снимаешь девок, но вот как девка снимает тебя, видел в первый раз. Сейчас, наверно, ни в одной школе уже девственниц не осталось. В детском саду искать надо! А интересно вечером будет поглядеть, как эти малолетки умеют любить.

— Да уж... — хмыкнул Сашка, вспоминая наглую девицу, её острые, козы грудки, ясно видимые сквозь полупрозрачную блузку, тощий плоский зад, чуть прикрытый облегающей миниюбочкой, порочный оценивающий взгляд. — Эти наверняка уже всё умеют. С первого класса, небось, любовью балуются...

Друзья, хохоча, покинули загаженный фонтан и двинулись ко входу в столовую. И тут перед мысленным взором Сашки неожиданно всплыло милое лицо Маши. Её чистые наивные глаза, казалось, взглянули в самую его душу. «А Вы знаете, какая она, настоящая любовь? — явственно услышал он печальный голос девушки из сна. — Так вот что Вы называете любовью...».

Сашка всё ещё улыбался, слушая трёп Витьки, когда на него вдруг нахлынула жуткая тоска. «Нет её, — окончательно и бесповоротно понял он. — Нет этой замечательной, чистой и красивой девушки». Он, дурак, злился во сне, что она его кинула. А на самом-то деле, это он сам себя кинул! Маша предложила ему любовь. Любовь! А он был готов только к сексу. Сашка всегда считал, что чувства, семья, дети — это потом, когда кончится молодость. А сейчас нужно жить на полную катушку, ни в чём себе не отказывая, без долгов и обязательств. И вот его, как распоследнюю дешёвку, сняла за банку пива малолетняя шлюшка! Да и пиво то, скорее всего, Сашка оплатит сам.

«Не зря меня зовут Сэкондхэндом, — с горечью подумал он. — Вся моя жизнь — сплошной сэкондхэнд. Я хожу в чужих обносках, сплю с бэушными девками. Даже когда мы с Витькой снимаем в клубе расфуфыренных тёлок, мы всё равно получаем сэкондхэнд, потому что этих девиц уже кто-то неоднократно пользовал до нас. И Нинка-крановщица — тоже сэкондхэнд. Сколько мужиков у неё было до меня? Почему я с таким упорством и постоянством добиваюсь чужих обносков и объедков? Почему так горжусь своим прозвищем? Почему, даже во сне, я отверг новое и чистое, сделав всё, чтобы немедленно окунуть Машу в грязь, уравнять её с Нинкой-крановщицей? Мне от всей души предло-

жили любовь, а я даже этого не понял! Стал готовить в ответ собачью случку...».

Сашка остановился в дверях столовой и замычал от боли и тоски.

— Что с тобой, Санёк? — встревожился Витька. — Живот схватило?

— Да пошёл ты! — с ненавистью к себе простонал Сашка. — Ничего у меня не болит, и в этом-то всё и дело...

С неожиданной ясностью он понял, что его жизнь сегодня дала трещину. Её прежняя часть, как тот никчёмный осколок резца, просвистела мимо, срикошетив о проклятый сон, и канула куда-то вниз, чуть не утянув его за собой на дно. А какой будет новая, он даже не представляет.

«Как же мне теперь выбираться из всего этого? — мысленно выл Сашка. — Кто поможет?»

— Странный ты сегодня какой-то, — примирительно пыхтел Витька, пропихивая друга в зал. — Может, на солнце перегрелся? Ничего, сейчас пару плюшек схаваешь, и всё пройдёт.

Они встали в очередь, и Сашка начал машинально накладывать на поднос тарелки с едой: гороховый суп, котлеты с картошкой, салат, рыбу под маринадом, сметану, компот из сухофруктов, чёрный хлеб и, конечно, плюшки.

— Смотри, — толкнул Витька локтём хмурого Сашку. — Вон твоя Нинка сидит. С ней Светка и Катька. Глянь, Санёк, она показывает в твою сторону, и все три ржут, как лошади. Да посмотри же!

Сашка сунул кассирше деньги, равнодушно кинул взгляд вглубь зала и замер. За столиком у окна спиной к нему в одиночестве сидела девушка. Синий рабочий халат скрывал под собой платье, но вот коса... Толстая русая коса свисала с головы незнакомки почти до пола.

— Кто это? — хрипло спросил Сашка.

— Где? — проследил его взгляд Витька. — У окна, что ль? Так это же внучка Михалыча! Провалилась в институт, вот он её к нам в цех кладовщицей и устроил. Пойдёшь после обеда получать новый резец, познакомишься. Только я тебе не советую: она ещё зелёная совсем. Не то, что Кристи. Да и Михалыч в случае чего тебе голову оторвёт. А, может, и не только голову. Эй, Санёк, ты куда? Сдачу забыл!

Но Сашка, не отвечая, решительным шагом направился к столику у окна. Он осторожно поставил поднос и сел напротив удивлённой девушки.

— Здравствуй, Маша! — прерывающимся от непривычного волнения голосом сказал он. — Прости меня...

Её милое лицо зарделось, зелёные глаза засияли.

— Здравствуй, — тихо ответила она. — А я боялась, что ты теперь ко мне никогда не подойдешь...

Игорь Бézрук

г. Иваново

СЧАСТЛИВЧИК

Тараканов с огромным нескрываемым любопытством рассматривал парк (или сад?), в который он нежданно-негаданно попал. Голова его то и дело вертелась из стороны в сторону, глаза жадно перебегали с одного края на другой, словно боялись не успеть всё запечатлеть и закрепить в памяти. Также учащенно и жадно работали его ноздри, а рот то и дело ненасытно всасывал незнакомый воздух, стараясь проглотить как можно больше.

Тут неожиданно Тараканова окликнули:

— Эй, бродяга, ты преферанс, случайно, не пишешь?

Тараканов обернулся на голос и заметил неподалеку — всего в двух шагах — стол, какой обычно вкапывали в парках или дворах, на четырех деревянных ногах и фанеркой, набитой на дощатую столешницу сверху.

За столом сидело двое ничем вроде не примечательных мужиков в неброских одеждах со скучающими физиономиями. Один из них, с помятой рожей и слегка приплюснутым носом, звал его, маня вялой бледной рукой.

— Вы меня? — спросил Тараканов с удивлением.

— Тебя, тебя. Глухой, что ли?

— Нет, не глухой, — ответил Тараканов, подходя ближе.

— Преферанс, говорю, не желаешь расписать? — уточняет всё тот же помятый, в то время как его приятель молчит.

Надо сказать, Тараканов был ужасно азартным человеком не только в каких-либо увлечениях, но и в жизни. Вероятно, это объяснялось его завидным везением. Случайные опоздания на работу ему чаще всего сходили с рук. Стоило попасться на глаза большому начальству, его сразу примечали и нет-нет, да и мелькала его фамилия в списке премированного руководящего состава (когда он еще руководителем не яв-

лялся). Несколько раз его предложения имели толк и, как полагается, вскоре его выдвинули на начальника отдела (предыдущий пошел на повышение). Теперь Тараканов мог бы совсем раствориться в удовольствиях жизни (а как же — у него в подчинении целых семь человек, из них три очаровательные девчушки (одна из которых вскоре становится его пассией); миловидная, не слишком требовательная жена, прочно сложившийся о нем в верхах авторитет и, как следствие, — приличный заработок), если бы не второй за последние два года инфаркт. Из первого он выкарабкался почти без последствий и сразу окрестился счастливым. Везение, впрочем, не оставляло его и в дальнейшем. С ним неожиданно-негаданно сблизился сам зам., и Тараканову срочно пришлось восстанавливать прежнюю крепко устоявшуюся за ним студенческую славу удачливого преферансиста.

И здесь, оказывается, эта игра не утратила своего значения!

— Отчего же, можно, — как всегда в компании незнакомых людей неторопливо, словно всё обдумывая и взвешивая, ответил Тараканов.

— Тогда садись, — фамильярно бросил ему помятый и кивком головы указал на место рядом с собой.

Тараканов сел и пока тасовались карты, стал, как и положено в новом кругу, выяснять, какой именно вид преферанса здесь принято расписывать, каковы нюансы и требования игры, какие расценки за вист и штрафы.

Отвечал второй из приятелей, миндально-слащавый брюнет с лихо задранной кверху вихром и тонкой ниткой волос под носом, которого Тараканов про себя прозвал «пижоном».

Когда все нюансы были выяснены, Тараканов потянулся за стопкой, лежащей перед ним. Подняли свои карты и его новые приятели. Тот, который оказался на правой руке, заказал традиционные «шесть пик». Тараканов спасовал, так как для игры у него не набиралось и пяти мастевых карт. Пижон пошел на шесть бубен, и помятый сдался. Прикуп отошел к пижону. Он ловко присовокупил его к своему вееру, и Тараканов опытным взглядом уловил, как в правом уголке пухлых губ пижона на долю секунды вспыхнула и тут же исчезла в тонких усиках почти неприметная довольная улыбка. Значит, подфартило.

Пижон объявил игру. Помятый разочарованно бросил карты на стол. Очередь за Таракановым. Оба приятеля подняли на него глаза, но — вот черт! — неожиданно Тараканов исчез!

— Будь он неладен! — не сдержался, чтобы не выругаться помятый. — Куда его еще понесло? Эй, приятель!

Тут Тараканов, будто услышал зов помятого, так же неожиданно и появился, вызвав у дружков новое недоумение.

— Где тебя, ядрена вошь, носи! — накинулся на него помятый. — Заказано шесть бубен. Я пас, твоё слово!

Тараканов снова глянул в свои карты. Виста три найдется. Четвертый, может, затесался у помятого.

— Вист, — подытожил он. Игра пошла. Тараканов с помятым «легли», быстро прикинули, что к чему. Вырвать себе что-нибудь сверх четырех, как ни крути, не получалось.

— Останемся «при своих», — предложил Тараканов, и пижон принял его предложение.

Раздали по-новому. Тараканов глянул в свои карты и... снова исчез.

— Какого хрена! — тут уже не выдержал и пижон. — Нужно было тебе его звать?

— Да кто ж знал, что он такой? — оправдываясь, пролепетал помятый.

— Нежель не видно? — бросил пижон и недовольно покосился на вновь внезапно появившегося за столом Тараканова. — Я не пойму, мы в преферанс играем или в прятки? — с ехидцей процедил он сквозь зубы.

— Вы, ребята, уж меня простите, — поневоле стал оправдываться Тараканов, — проклятые реаниматоры замучили, право слово.

— Ну, милейший, это не оправдание, — буркнул недовольно пижон, но в его голосе уже исчезла злоба.

Прошли круг. Тараканов всё больше распаялся, ему начинало везти, он уже опережал своих соперников по пуле очков на восемь. И не удержался, позволил своим эмоциям взять над собой верх: при одном проколе, надеясь на прикуп, пошел на мизер. Но прикуп был не в масть. Тараканов понял, что лопухнулся. Почувствовали это и его приятели: стали перемигиваться, хихикать, пожимать плечами: мужик, видно, двинулся, вот уж они отыграются! Однако Тараканов вдруг опять исчез, и исчез уже надолго. Пять, десять минут не появлялся. Прошло полчаса.

— Нет, я так не могу, — подорвался помятый, — давай, найдем его, иначе нашим усилиям грош цена.

— И денежкам тоже, — констатировал пижон. — У него же тут явный «паровоз». Идем в регистратуру.

Помятый выбрался из-за стола и присоединился к пижону.

«Канцелярия небесных душ» располагалась в конце сада. Пижон решительно направился к стойке регистратуры, у которой в расслабле-

но-вольной позе стоял чей-то ангел-хранитель и беззаботно заигрывал с регистраторшей.

«Они все здесь без ума от ангелов, так и норовят при всяком удобном случае затащить их к себе в постель», — подумал, приближаясь к ней, пижон.

Каково же было его удивление, когда он в этом бледненьком пухлогубом существе признал свою давнюю подругу, Радмилочку Звереву. После недолгого бурного романа они, впрочем, навсегда сохранили нежные приятельские отношения.

Радмила, однако, поражена не была: все-таки она имела непосредственный доступ к «Картотеке небесных душ», а пристроившись сюда по знакомству (ах, эти небеса, здесь тоже сплошной блат!) не удержалась от соблазна выяснить, кто из её близких и дальних знакомых где теперь обитает.

Девушка доброжелательно улыбнулась пижону, и он в её не забытых чарующих раскосых глазах уловил тепло и некоторый оттенок грусти, такой неожиданной оказалась для неё эта встреча.

Пижон на секунду отозвал Радмилу в сторону и объяснил во всех подробностях произошедшую ситуацию. Радмила шепнула ему на ухо, что возле её стойки как раз и стоит ангел-хранитель Тараканова, которого она должна будет вернуть обратно.

— Понимаешь, Герман, когда человек живет, с ним всегда рядом ангел-хранитель. После смерти подопечного мы препоручаем ангелу другую душу, так сказать, перераспределяем. Вот и ангел Тараканова явился было за таким перераспределением, когда неожиданно поступило указание сверху оставить Тараканова на земле еще на срок.

— Но Радмилочка, сердце моё, неужели совсем ничего нельзя сделать?

Радмила немного замялась.

— Придержи его на несколько минут, пожалуйста, ради нашей прежней любви! — опалил жарким чувствительным взором бывшую пассию пижон.

— Разве что на несколько минут...

Пижон помчался обратно. По довольному выражению его лица понятый понял, что афера удалась. Не успел пижон плюхнуться на своё место, как рядом тут же появился Тараканов.

— Ну, брат, теперь ты от нас никуда не уйдешь! Давай, отыгрывайся!

— Но, ребята, меня же почти откачали!

— Ерунда! — пижон резко бросил на стол обратный билет Тараканова на землю, который он ловко, по-жюльнически, стянул у Радмилы. — Теперь тебе спешить не придется.

Тем временем где-то на земле в одной из реанимаций наступила гнетущая тишина. Все поняли, что случилось.

— Мы потеряли его, — с горечью констатировал врач.

Радмила, не найдя обратного билета Тараканова, стала выписывать его бывшему ангелу-хранителю новое распределение.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Как ни хотел, добрался Антон в родной поселок только к отпеванию, — его авиарейс из-за погоды немного задержали. Слава Богу, тетка отнеслась к задержке племянника с пониманием, сама взяла на себя все хлопоты: заказала необходимые атрибуты, договорилась с бабушкой, собрала народ, оплатила услуги и столовую, так что Антон по прибытии успел даже произнести несколько слов об отце в ритуальном зале, бросить горсть земли в могилу и на панихиде поблагодарить всех, кто пришел почтить память отца и выразить соболезнование близким, как положено по обычаю.

Так как самый ранний автобус обратно в область отправлялся только утром, Антон решил ночь провести в родительском доме, успокоив тетку, которая предлагала остановиться у нее: «Так, думаю, будет правильнее». В доме еще раз помянул отца, а заодно и мать, ушедшую за год до этого (не выдержал отец разлуки), вытянулся на привычном с детства диване в гостиной и, укрывшись пледом, быстро уснул, утомленный дорогой и мытарствами прошедших дней. Однако в полночь его разбудил настойчивый, хоть и негромкий стук в дверь. «Кого там еще нечистая несет?» — мелькнуло у него, окончательно еще не проснувшегося.

Вставать совсем не хотелось, но делать нечего, поднялся вышел в прихожую, открыл входную дверь и оторопел (где и сон делся!): на пороге, отчего-то без пиджака, в котором был похоронен, в одной рубашке при галстуке и брюках, стоял усопший отец. Мертвец!

— Сынок, — сказал тем не менее отец слегка приглушенным голосом. — Ты уж, извини меня беспокойного. И не бойся совсем, мы ненадолго и не со злом. Зла, сам понимаешь, мы тебе никогда не желали, потому что всегда любили.

Тут из-за спины отца в его пиджаке на плечах выступила и мать. До того и при жизни хрупкая, почти на две головы ниже мужа, сейчас она была почти скелет с несколькими редкими волосками на макушке высохшего черепа.

— Здравствуй, сынок, здравствуй, родной, — так же негромко произнесла и она и словно извиняясь попросила: — Не смотри на меня, пожалуйста, я теперь не так хорошо выгляжу, как раньше. Не хотела являться к тебе в таком виде, но отправить отца одного разве можно было? Ты же знаешь, какой он непоседа, — она улыбнулась, как только могла улыбнуться нежить, окончательно не разложившейся плотью лица.

Трудно представить себе несуразный вид этих двух несчастных существ, если ты ни разу не смотрел леденящие кровь фильмы-ужасов про зомби и всякую нечисть. Только не тех зомби, про которых начали снимать в двадцать первом веке: бегающих, как сайгаки, прыгающих, как обезьяны, знающих, что делать с закрытой автоматической дверью и как справляться с оружием; а зомби фильмов 70-х и начала 80-х прошлого столетия, едва передвигающих облезлые ноги, соображающих только, куда вонзить не отвалившуюся еще челюсть, покрытых слизью, грязью и нечистотами. Где-то в таком виде и предстали родители перед своим чадом на пороге своего бывшего дома. Ноги Антона налились цементом.

— Дело в том, сынок, — снова заговорил отец, — что тетка твоя, моя сестра, как это у нас водится, положила мне в гроб сигареты, до которых, как ты помнишь, я всегда был охоч при жизни. Но про мундштук, без которого я при курении никак не обходился, положить не догадалась. Как же я без него на том свете буду, подумай сам? — сказал, будто оправдываясь за свой неожиданный ночной визит, отец. — Не мог бы ты разыскать его, он наверняка остался в верхнем ящике стенки в гостиной. Уважь по старой памяти старика, дорогой, чтобы он больше не беспокоился.

Отец глянул на сына замутненным взором и тоже, как мог, скривил в улыбке сморщенную пергаментную кожу лица.

— Я уж порог переступить не буду, — негоже покойнику к живому в дом заходить. Вынеси, пожалуйста, сам, и мы с мамой уйдем.

Ошарашенный увиденным, Антон ни слова не мог произнести. Волосы его стояли дыбом. Такое и в страшном сне не привидится.

— Сына? Сынок... Ты слышишь меня? — спросил отец.

— Да, — с трудом проглотил ком в горле Антон, переводя взгляд с отца на мать, с матери на отца, поражаясь, что злодейка-смеретушка с

ними сделала, и не понимая, что с ним происходит. Но уж если прилеле-тела, как говорится, костлявая к крыльечку малой пташкой, делать нечего, — встречай!

— Да, папа, да, сейчас посмотрю.

Антон, как сомнамбула, прошел в гостиную, выдвинул один из малых ящичков в стенке, нашел отцовский мундштук, вернулся к входной двери.

— Этот? — протянул мундштук отцу.

— Он самый, сынок, он самый... Мой обожаемый мундштук. Натуральная слоновая кость, резьба по краю, другого такого не сыщешь в наших краях. Ну вот, теперь я окончательно упокоюсь. А ты, мать, сомневалась, разыщем ли мы его! Ну, сынок, спасибо огромное, дай Бог тебе здоровья, а нам пора, как водится, и честь знать. Присядем, что ли, на дорожку?

Отец с матерью сели на скамейку на крыльце, но не прошло и минуты поднялись и стали прощаться.

— Ну, ладно, сын, подзадержались мы у тебя, не обессудь. Оставайся с Богом, будь счастлив, но и нас, грешных, иногда вспоминай.

Родители Антона спустились с невысокого крыльца и шагнули в темноту.

Антон вернулся в дом, закрыл за собой входную дверь, тяжело опустился на банкетку в прихожей. Слезы тут же задушили его. Но, — снова стук в дверь. «Что еще?» Опять отец, теперь уже с матерью под руку.

— Да, сынок, забыл тебе сказать, — извиняющимся голосом прокрипел покойный отец. — Там я на старости лет откладывал на черный день.

Мать возмущенно подняла свою черепушку на отца.

— Так ты прятал от меня деньги?

— Ну, не ругайся, пожалуйста, родная, как же без заначки нашему мужику: на пиво, да на то на сё...

— Вот безмозглый, чего надо было прятать? — стала она его укорять.

— Да погоди ты, сорока, дай сказать, пока совсем память не ушла. В кладовке она, сынок, на нижней полке, в пластмассовом ящичке с моими рыбацкими мелочами. Поднимешь в нем верхний лоток с крючками и блеснами, увидишь. Ну, теперь, кажется, всё, теперь я спокоен, прощай.

Отец развернулся и вместе с матерью направился в темноту. До Антона тем не менее долетали еще обрывки недовольства матери:

— И сколько там?

— Ну, миллионов...

— Миллионов?! Вот балда! — остановилась возмущенно мать, но отец продолжил движение, как будто ее и не было рядом, будто поскорее хотел вернуться туда, откуда пришел.

— И куда это ты, интересно, побежал без меня? Ну-ка, постой! Ну-ка скажи, что ты еще от меня скрывал?

Антон ошарашено смотрел на растворяющихся во мраке усопших родителей и с трудом понимал, что это было: сон или явь. Нет, на самом деле, сон это или явь? Сдохнуть можно! Чудны дела твои, Господи!

ПОВЕСТЬ

Александр Гурьянов

Самара

НЕОЖИДАННАЯ КОМАНДИРОВКА,
ИЛИ «СТРАННИКИ» НА ПОКОЕ

1.

2018 год. На территорию Европейского Союза пришла поздняя осень вместе с так характерной для нее изменчивой погодой. Поэтому гроза, пронесшаяся над одним из северных городов Западной Европы, никого не удивила. Как не явилось бы чем-то необычным, что все аллеи городского парка после прошедшего ливня оказались безлюдными. К тому же дождик еще продолжил накрапывать, напоминая о недавнем бесчинстве стихии.

Единственным человеком, которого вроде бы не смутила непогода, оказался мужчина на вид шестидесяти лет. Мужчина совсем недавно зашел в парк, а теперь приготовился устроиться на парковой скамье, с которой открывался вид на узкий канал с неподвижной водой. Так как человек пришел сюда не случайно, то и гардероб он подобрал соответствующий. Судя по всему, знал, что придется какое-то время провести даже под дождем.

Воротником добротного кожаного плаща мужчина плотно прикрыл шею, а фетровую шляпу, чтобы порыв ветра ненароком не сорвал с головы, надвинул глубже. Можно сказать, на самые уши. Увы, несмотря

на принятые меры, человек ощутил некий озноб. Но, скорее всего, не от холода, а от нервного возбуждения. Наконец плюхнувшись на мокрую скамью, мужчина раздраженно задал вопрос:

— Алексей, что случилось? Какого черта надо было заставлять меня тащиться сюда в эту непогоду? — Он почти кричал, однако слов при этом не произносил, и даже губы его оставались неподвижными.

Тотчас в голове мужчины на парковой скамье зазвучал голос:

— Сергей, я прекрасно понимаю твоё озлобление, однако тому есть веская причина. К сожалению, после начала нашей работы с известной службой, мы не можем откровенно поговорить у тебя дома, в кафе или в трамвае. Боюсь, «контора» этого не позволит. Уж очень длинный за ней шлейф всевозможных каверз. Начиная с успешных радиоперехватов начала сороковых и заканчивая сниффингом времен Холодной войны. Из чего не исключаю, что распечатка даже наших с тобой бесед, очень скоро окажется в местном отделении этой службы. Поэтому вчера перед сном я произнес условленную фразу, и вот мы здесь, где точно нет посторонних ушей. По крайней мере, пока нет.

Голос сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Теперь о главном, о нашей операции. Подытожу, что сделано на данный момент, а затем перейду к тому, что предстоит. Неделю назад известная служба заинтересовалась нашим планом. Спустя два дня на улице ты навсегда успокоил прохожего...

— Но указание исходило от тебя, — нервно заерзал Сергей.

— Правильно. Тот человек был двойным агентом. Когда он выполнил свою часть дела, сообщил кому надо, что якобы продается досье, то должен был уйти. Конечно, местные силовики немедленно отреагировали, — началось расследование. Хотя на сегодняшний день, по сообщениям СМИ, ты сам об этом читал, следствие намерено считать происшедшее обычным бандитизмом. Короче, с этим проехали.

Однако с завтрашнего дня нас ждет работа посерьезнее. Прилетает твоя дочь и провозит диск. Ну а следом должен появиться нужный нам человек. Он пойдет на все, чтобы заполучить содержащуюся там информацию. Вот как раз тогда наступит наша очередь. Острая фаза операции, так сказать.

— Откуда тебе известно, что человек появится? И если да, то каким образом он или она вычислит, у кого именно находится диск?

— Ты задаешь много лишних вопросов. Лучше вспомни поговорку, рыбак рыбака видит издалека. Конечно, по «запаху» нас определяют. Теперь понял?

— Да понял. Получается, что я и моя дочь выступим в роли живца? — с недовольством буркнул Сергей.

— Получается, — эхом отозвался в мозгу Сергея невидимый собеседник. — Зато в итоге мы окажемся очень богатыми людьми. Вдобавок нам..., тыфу, оговорился. Ну то есть тебе предоставят комфортное жилье в любой из стран, которые вошли в так называемый альянс спецслужб, Пятый глаз. Причем с гарантией полной безопасности.

В этот момент дождик неожиданно кончился, ветер утих. Из-за спешивших по небу неведомо куда рваных тучек выглянуло солнце. Сразу сделалось теплее. И тут, словно по чьему-то заказу, уединение мужчины на парковой скамье нарушили своим появлением субъекты, которые вполне подошли бы под определение «лица с пониженной социальной ответственностью». Причем указанные люди в одночасье, будто бы, вынырнули из-под небольшого пешеходного моста через канал, и теперь неспешно двинулись по склону этого канала в сторону мужчины.

Выглядела парочка соответственно: разбитая обувь, поношенные куртки с пятнами грязи, полинявшие вязаные шапочки, спитые и «утомленные жизнью» лица. Худощавый мужичок невысокого роста, вооружившись лыжной палкой с острым наконечником, сноровисто протыкал своим оружием небольшие кучки из опавших листьев вперемешку с увядающей травой. Металлический звон или стук обо что-то твердое должен был подсказать мужичку, что найдена вещь, которую впоследствии можно будет определить как ценную.

В паре шагов за мужичком неспешно двигалась женщина, моложе спутника, а ростом повыше и комплекцией поплотнее. Наклонив голову, острым взглядом она обшаривала землю, пыталась распознать в травяном покрове нечто блестящее, или какую безделицу.

Именно в этот момент к женщине вполголоса обратился ее спутник:

— Энни, обрати внимание на мужика, что сидит на скамье дальше по аллее. Запомни его. Да не тарасьись, а то спугнешь. Это наш заработок, каждый получит по сто евро.

— Неужели?

— Ты главное запомни его, как следует, чтобы потом не ошибиться.

— В чем?

— Вот через сорок часов я скажу тебе, в чем.

— Послушай, Гердт, мы же получим большие деньги, а это не опасно?

— Во-первых, нет. Во-вторых, я буду рядом. В-третьих, мы работаем на..., — тут в голосе мужичка явно проявились нотки самолюбования, — на разведку!

Невысокая тридцатилетняя женщина среднего телосложения склонилась над дорожным чемоданом. Посмотрела на вещи, которые еще предстояло положить в него и, вздохнув, подумала: «Ну и как все запаковать? Не покупать же новый?»

Несмотря на миловидность и покладистый характер, Лилия Шелкун (так звали женщину) была пока не замужем. В это время зазвонил ее сотовый.

Взглянув на экран айфона, шатенка с недоумением повела бровью. Номер звонившего оказался незнакомым. Немного поразмыслив, женщина все-таки отозвалась. Вдруг это Нинка воспользовалась чужим телефоном и откуда-то звонит с сообщением о долгожданной покупке в презент.

Вот только в трубке раздался отнюдь не женский знакомый голос, а мужской неизвестный, но при этом располагающий к общению:

— Лилия Сергеевна, добрый день! Вас беспокоит Сергей Павлович по поручению вашей подруги. Нина Петровна просила сообщить, что ваша просьба выполнена.

Когда женщина услышала имя близкой подруги, гримаса недовольства исчезла с ее лица, и ответила она вполне доброжелательно:

— Я слушаю вас, и хотела поблагодарить...

Лилия Сергеевна даже не успела закончить фразу словами признательности, как тотчас проснувшийся у нее женский здоровый интерес разбудил воображение:

«Кто он? Коллега? Ухажер? Коллега и ухажер одновременно?»

Между тем мужчина продолжил беседу:

— К сожалению, Нина Петровну отправили в неожиданную командировку. Поэтому выполняю ее поручение. Посылку для вас я должен доставить прямо в аэропорт. К тому же..., — здесь собеседник Лилии Сергеевны, назвавшийся Сергеем Павловичем, сделал паузу, в его голосе появились нотки откровенности, после чего он добавил: — Понимаете, для меня просьбы Нины Петровны — всегда закон. Поэтому уж если я пообещал Ниночке проводить вас и угостить достойным кофе в приличном заведении, то обязательно исполню ее наказ!

На последнее заявление новоявленного поклонника ее подруги госпожа Шелкун сначала удивилась: «Неужели даже в наш прагматичный век пока еще не перевелись пылкие влюбленные?». А затем поняливо улыбнулась. Из чувства моральной поддержки, да и вообще женской

солидарности, она порадовалась за Нинку, которая, по большому счету, вовсе не являлась красавицей. Скорее, наоборот.

Поэтому в дальнейшем разговоре молодая женщина, просчитав все за и против, и будучи в приподнятом настроении, легко согласилась на завтрашнюю встречу в Шереметьево.

«Прежде всего, не придется сегодня тратить время, чтобы встретиться и получить десять килограмм гречки отцу в подарок, — утвердилась в мысли Лилия Сергеевна. — Заодно на этого таинственного Сергея Павловича посмотрю, если Нинка оказалась такой разведчицей, что до сих пор не открыла даже имени своего дыхателя».

2.

— Дорогуша, ты только представь, к нам явились неожиданные гости! — В голосе друга Моревой, который, по ее мнению, находился у входа в квартиру, прозвучали ернические нотки. Казалось бы, зачем? Они недавно переехали, а если кто из новых соседей по площадке обратился к ним, новоселам, с некой просьбой? К сожалению, именно этот насмешливый тон ее Володьки заставил сердце у женщины сжаться от недоброго предчувствия.

Между тем Волков на правах хозяина уже пригласил гостя раздеться-разуться и надеть тапочки. В ответ мужской голос, вроде бы неизвестный Дарье, что-то неясно пробубнил. Следом послышался шум, словно что передвинули в коридоре, а затем чуть уловимый скрип закрываемой двери в подсобное помещение.

Надо сказать, что Мореву чрезвычайно заинтриговало происходящее у входных дверей. Она быстро оставила шитье и поспешила выйти из своей уютной, как Дарья называла, светелки. Буквально через три шага изменила направление, чтобы оказаться в длинной части коридора. На его другом конце женщина увидела, само собой, Волкова и...

А ведь, казалось бы, с момента печальных событий в Дарьиной жизни минуло больше десяти лет. И все эти годы она пыталась забыть о прежней работе. Вытравить из памяти. Но, как сейчас выяснилось, тщетно. Ибо чем дольше женщина вглядывалась в лицо и фигуру человека, который внезапно заявился к ним в дом, тем сильнее Дарью охватывало чувство былой неприязни к посетителю.

Да, перед Моревой стоял ее бывший непосредственный начальник, а именно Плазов Сергей Павлович. Прожитые годы, словно не имели силы над этим человеком. Был он по-прежнему молод лицом, с крепкой осанкой и волосами, седыми точно лунь. Хотя в данную минуту его об-

лик несколько портила излишне добродушная улыбка, которую, будто бы кто приклеил к его круглой физиономии.

Когда же бывшие сослуживцы встретились взглядами, улыбка на лице Плазова засияла пуще прежнего. Скорее всего, по задумке гостя положительная энергетика от его улыбки должна была придать дополнительную силу обаяния прежнему начальнику Дарьи.

Вот только не в случае с Моревой. Казалось, она даже ответила, как подобает радушной хозяйке, и тон ее голоса так просто излился вселенской добротой. Однако по смыслу фраза Дарьи прозвучала отнюдь не гостеприимно:

— Разве мы всегда рады незваному Сергею Павловичу?

Затем женщина вообще забыла о всяком политесе. Яростно сверкнув глазами, она добавила с плохо скрываемой злостью:

— Данный визит я сравнила бы с появлением коллекторов в нашем доме!

Плазов не ожидал такого холодного приема. Однако будучи по натуре самолюбивым человеком, он не привык отступать. Иначе говоря, человек не остался в долгу. Когда подарочная коробка дорогих конфет, знак вежливости, была оставлена без внимания, а сам презент, предлагаемый хозяйке, картинно повис в воздухе, давний руководитель Моревой с нарочитым удивлением воскликнул:

— Какой ужас! Неужели у вас, Дарья Сергеевна, возникли проблемы с коммунальными платежами?

В коридоре воцарилось тяжелое молчание. Хотя продлилось недолго, так как в разговор вмешался Волков. Находившийся рядом буквально бок о бок с Дарьей и Плазовым, он сразу догадался. Возникшая пикировка между его подругой и гостем в следующую минуту может перерасти в настоящее столкновение. Чтобы подобного не случилось, Владимир решил показать присутствующим, кто в доме настоящий хозяин. Причем ситуацию с конфликтом он разрешил немудреным способом, — пару раз оглушительно хлопнул в ладоши. Само собой, в ту же минуту трость выпала из его руки и с грохотом оказалась на полу.

Противоборствующие стороны невольно отвлеклись на шум и замолчали, чем сразу воспользовался Волков. Требовательным жестом указал Дарье и гостю, чтобы они прошли в кухню-столовую и там расположились на широком и удобном диване. В свою очередь, выбрал место у камина напротив, чтобы откуда смог без помех увидеть их лица.

— Ну что господа-товарищи, — отчетливо громко и с усмешкой произнес хозяин. — На правах председателя я объявляю слет пенсионеров-«странников» открытым. И слово для доклада предоставляется гражданину Плазову!

Сергей Павлович сначала метнул недовольный взгляд на Волкова, ну не смог его протезе обойтись, чтобы не ерничать. Затем серьезно начал говорить:

— Ситуация, ребята, складывается, действительно, аховая. Поэтому вводную часть за недостатком времени я пропущу. Изложу только факты. По непроверенной информации в Европе объявился «уокер». Много лет назад воспользовался ситуацией и не вернулся. Но самое страшное, что теперь в его руках оказалась база данных по «спящим» агентам из разных эпох. Причем данная база из архива все тех же наших клятых друзей «уокеров», которая в свое время нам, «странникам», не досталась. Мало того, неизвестно, где и у кого, собственно, находится эта картотека.

Дело усугубляется тем, что в «спутниках» у него проходит некий Шелкун. Из шпионов-перебежчиков. Не наш, от «смежников». К тому же указанная парочка спит и видит, чтобы начать работу, кто им больше заплатит. Опять же по косвенным данным именно сейчас к ним проявила интерес одна из спецслужб Евросоюза.

Как следствие, перед нами ставится задача не допустить, чтобы «уокер» с его досье пошел на пособничество с противоположной стороны. Судьба Шелкуна, — не наша проблема.

Плазов завершил краткую речь и оглядел присутствующих. Его обращение, ребята, к сорока и пятидесятилетним взрослым людям, со стороны показалось бы, по меньшей мере, странным.

Однако слушатели как бывшие подчиненные Сергея Павловича, так не считали и восприняли его слова с пониманием. Молча и до тех пор, пока Плазов не напомнил о себе:

— Если что непонятно, ребята, задавайте вопросы.

Волков оказался первым:

— Эс Пэ, какие вопросы? Где мы, и где «странствие»?

— Понимаю. Однако именно теперь наша страна не может позволить себе, чтобы какая-нибудь премьерша в очередной раз заявила, дескать, хайли лайкли, это Россия. Поэтому необходимо действовать без всякого привлечения государственных служб и материальных ресурсов. То есть, исключительно частным порядком. Значит, в дальнейшем все действия будут зависеть лишь только от вашей сообразительности, напора и удачи.

Плазов знал не понаслышке как сильные, так и слабые стороны Волкова в качестве «странника». Видел, чего в действительности стоит Волчара, несмотря на его нынешний тщедушный вид. Поэтому, колеблясь, громкогласно упомянул о происках врагов, о предстоящих опасностях и, в конце концов, элементарном везении. Он знал, чем увлечь авантюрную натуру хозяина квартиры. Сергей Павлович ни минуты не сомневался, что в итоге Волков согласится. Ибо Вован с начала их давнего знакомства, по сути, являлся открытой книгой для Эс Пэ.

Чего нельзя было сказать о Моревой. С этой женщиной Плазов всегда держался настороже. К примеру, Дарья из своих командировок-«странствий» часто возвращалась с благоприятным результатом. Из, казалось бы, абсолютно проигрышной ситуации она, за редким исключением, практически всегда выходила победителем. Другое дело, ее поступки на работе в настоящем времени, нашей текущей жизни. Здесь ей сильно мешали дурацкие, по мнению того же Плазова, принципы.

Вот и сейчас Морева сказала, как отрезала:

— Что до меня, то больше играми в «странствие» я не балуюсь!

Сергей Павлович сразу понял, что после этого заявления, никакие доводы не изменят решения Дарьи. Впрочем, заранее предчувствуя услышать нечто подобное из уст бывшей сотрудницы, Плазов придержал козырь, который обязательно помог бы ему в противостоянии умов с Моревой:

— Принцип держать, слов нет, похвально. А что скажешь насчет Алексея? Ведь уже четырнадцать лет он ждет не дождется встречи с тобой!

На удивление, с этим ударом буквально ниже пояса Морева справилась отлично. По крайней мере, внешне. У молодой женщины на лице не дрогнул ни один мускул, однако Дарья сразу поняла, что проиграла вчистую. В таком случае, зачем цепляться за бесполезные сейчас убеждения? Однако если она уступила в главном, то должна победить хотя бы в малом.

Поэтому Морева в дальнейшей беседе повела себя таким образом, что будто бы изначально согласилась на участие в операции по нейтрализации «уокера». Мало того, Дарья резко изменила тему в общем разговоре. На повестке дня появился вопрос, о котором прежде в беседе даже не заикнулись. Зато теперь Морева, как всякая добрая хозяйка в доме, озаботилась вопросом. Причем чрезвычайно злободневным, а именно вопросом о пенсионной реформе.

В произнесенных словах подруги Волков сразу же почувствовал некий подвох. Отчего с этой минуты начал с интересом следить за реакцией их бывшего начальника.

В свою очередь, Сергей Павлович смог лишь оторопело перевести взгляд с Дарьи на Вована и обратно, пытаясь понять, в чем заключается сокровенный смысл ее последней фразы. Взгляд Плазова, словно говорил, причем тут пенсия? Да и вообще, что происходит? С ума сошла, что ли? Правда, через минуту бывший руководитель выдавил-таки первое, что пришло ему на ум:

— Ну, пенсии... Работать-то некому.

— Выходит, без пенсионеров никуда, — с торжеством резюмировала Морева. Она понимала, что ее заявление, по сути, выхлоп пара, выброс негативных эмоций. Но после сказанного испытала огромное моральное удовлетворение. Теперь осталось получить материальное.

— Да, согласен, твоя правда, — тем временем коротко ответил Плазов. А потом как ни в чем не бывало вернулся к прежней теме разговора, ради которой появился в квартире у Волкова: — Ну так что, ребята, если цель ясна, определим задачи!

— Минуточку, — не успокоилась Дарья, — каждый труд у нас требует оплаты. А если предстоит заграничная командировка, то, будьте любезны, платеж в евро. Сами понимаете, Сергей Павлович, на тепешнюю пенсию не разгуляешься!

— Так вот, оказывается, к чему ты вела разговор. Что ж, ответчу тебе, как и тогда в две тысячи третьем. А именно, что знаешь ты себе цену, Морева. Ох, знаешь! Однако, не волнуйся, — не на базаре. Получишь ты в своих любимых евриках! Причем оплата пройдет из частного неизвестного фонда.

После чего Сергей Павлович посчитал, что самая тяжелая часть беседы закрыта окончательно, и многозначительно добавил:

— Ну что ж, если претензий по общим вопросам больше нет, то приступим к главной теме, если, конечно, ее не забыли, а именно «странствию». В противном случае я напомню. — При этих словах Плазов с внимательным прищуром оглядел присутствующих.

3.

В конце сороковых годов прошлого столетия при МГБ СССР недалеко от подмосковного города Загорска была создана Лаборатория №1. Насколько бы безрассудной ни казалась идея возможности путешествий во времени, нашлись безумцы, которым она показалась весьма и

весьма привлекательной, да и вождю затаея приглянулась. Если сумели сделать атомную бомбу, то почему бы не попытаться счастья и с машинной времени, ведь какие перспективы открываются в деле победы мирового коммунизма.

В 1953 году указанную лабораторию не закрыли лишь чудом, и до середины шестидесятых она влачила жалкое существование. Все изменилось в 1966 году, когда в лаборатории сформировали отдел, который занимался бы состоянием человеческого организма перед смертью. Как ни странно, данная проблема заинтересовала не только энтузиастов, невежд и недоучек, ею занялись и некоторые серьезные ученые в разных странах мира. Однако только ученым мужам из СССР удалось окататься «вперед планеты всей».

В ходе экспериментов сознание человека-испытателя попадало в некую необъятную сферу, выходом из которой виделся светлый тоннель. Он представлял собой спираль из черных и белых секторов, которые при вращении постепенно сливались в светлый круг.

Ученые благоразумно решили тоннель не изучать, ограничившись тем, что ему присвоили имя, — Последний. Однако приложили максимум усилий для обследования гигантской сферы, имевшей поистине планетарные масштабы.

Скоро выяснилось, что выход из нее не один. Другие значительно отличались по своей природе от «черно-белой спирали». По крайней мере, отправляясь в путешествие по ним, было куда больше шансов вернуться. Их назвали «временными тоннелями».

Путь по такому тоннелю всегда извилист, часто пересекается с другими переходами, иногда заканчивается тупиком. Бродя по переходам, «странник» мог очутиться в параллельном мире или попасть в наше прошлое на нашей же планете. Иначе говоря, тоннели представляют собой огромный лабиринт, по проходам которого «гуляют сквозняки» — ветры времени, времени, являющегося четвертым измерением нашего пространства.

Эти ветры — есть векторная величина четвертой оси координат нашего мира, который доселе считался трехмерным. По ней происходит сьем избытка энтропии ветром времени из нашего мира. А поскольку энтропия неизменно растет, ветру времени приходится обдывать Землю с нарастающей силой по мере «движения» нашего мира из прошлого в будущее. Значит, и путешествовать, используя временной поток, скорее всего, можно только в одном направлении, — двигаться в наше минувшее. Возвращение будет тоже не простым, — придется преодолеть мощный встречный ветер. Каково же придется смельчаку, которо-

му вздумается заглянуть в грядущее? Его просто раздавит грозный ураган.

В результате долгих и кропотливых экспериментов механизм путешествия наконец довели почти до совершенства. Заключался он в следующем. «Странник», который освободился с помощью «Симбо Ц» от тела, отправляется в опасный круиз, при этом представляя в своем воображении по мере сил конечный пункт назначения.

Оператор — человек, который обладал телепатическими способностями, помогает «страннику» добраться до места назначения, направляя или корректируя его движение. По прибытии «странник» вселялся в тело аборигена, и, таким образом, знакомился с новым для него миром...

По мере рассказа Плазова, а по сути, ознакомительной лекции его бывшему сотруднику неожиданно — а может какие невольные ассоциации пришли на ум? — вспомнилась другая история, которая произошла более десяти лет тому назад.

Стоял погожий сентябрьский день 2007 года. На чистом голубом небе яркое, однако нежаркое солнце, будто в последний раз щедро заливало лучами дорожки городского сквера. В центре него возвышался памятник с бюстом государственного деятеля недавнего прошлого. Вокруг постамента весной были посажены теперь завядшие цветы, но оставшаяся кое-где зелень листьев по-прежнему радовали глаз.

Франтовато одетый коренастый мужчина с болезненно бледным лицом и выбритым под ноль черепом прогулочным шагом неторопливо двигался по аллее к памятнику. В руках крепыш держал свернутую трубочкой газету. С лица мужчины не сходила безмятежная улыбка. Казалось, что он располагал бездной времени. Да, внешне коренастый выглядел праздно шатающимся гулякой. Но... только внешне.

— Чисто шпион американский из фильма! — ворчливо прошептал мужчина. — Не хватает черной шляпы и солнцезащитных очков! И надо же мне, как старому дуралею, повестись на телефонный звонок! И от кого?.. От женщины, которая знает меня, но я?.. Хотя в трубе слышимость была отвратная, потому не смог определить по голосу, кто такая!

Впрочем, сегодняшний утренний звонок по телефону явился для мужчины, по сути, откровением. Мужчина даже начал забывать, что телефон у него существует. Ни сослуживцы с бывшей работы, ни врачи

из госпиталя звонками его не беспокоили. И вдруг этот неожиданный и странный звонок.

— Может просто девица от кого с поручением? Вот чё бойся-то! — пробормотал крепыш. Отчего стало непонятно, кому или чему адресовал мужчина последнюю фразу. Конкретной особе, которой необходимо опасаться, или данная реплика из его уст не более чем постоянная присказка.

Между тем цепкий, а порой даже колючий взгляд коренастого непрерывно скользил по женским фигурам, проходящим вблизи, невольно выделяя симпатичных. Время показывало час окончания работы контор и офисов, поэтому количество женщин, которые двигались через сквер, прибавилось. Из последнего факта крепыш сделал вывод, что в потоке людей ему будет сложно первым признать женщину, которая назначила здесь встречу.

«Все, двадцать минут прошло! — мужчина начал хмуриться. — А кто не успел, тот опоздал! Вообще-то эта фря должна соизмерять время и понимать че почем, небось не маленькая! Ить..., и ведь заставила меня ехать за тридевять земель. Но уж больно интригующе звучало приглашение. К тому же выбрала-то именно этот сквер. А ведь свиданий здесь я ни с кем прежде не назначал. Хотя... постой, постой! А может это..., оп-па! Неужели та самая, которая?..»

Крепыш решил напоследок оглядеться, чтобы потом направиться к машине. Дело в том, что свой кроссовер он припарковал в одном из боковых проездов, которые обрамляли сквер. Как раз в это время мужчина почувствовал, что сзади ему на плечо легла чья-то рука.

«Вот тебе и девица с поручением!» — мысленно обратился коренастый к себе, любимому, а уже вслух продолжил: — Нет, я не понял!.. — Затем нарочито неспешно обернулся. И тут... рот у мужчины непроизвольно приоткрылся, а в голове у него сверкнула мысль: «С ума сойти, да что б я умер!»

Немудрено, потому что перед ним, чуть наклонив вбок голову, покрытую темно-красной косынкой, лукаво улыбалась... Вот только в глазах у женщины коренастый заметил холодную грусть. Или ему показалось? Но, как бы то ни было, а в следующую минуту коренастый услышал знакомый голос с характерной хрипотцой:

— Привет! Не узнаешь?

Мужчина пристально и долго всматривался в черты лица женщины, которая на удивление по-прежнему ему казалась симпатичной. Да, он увидел, но не мог поверить очевидному. Затем ему пришел на ум давно

сочиненный девиз, которым прежде он руководствовался в работе, мол, «Дело «странников» живет и побеждает!» Впрочем, к чему сейчас все эти девизы? В голове у коренастого возникла пустота.

В конце концов, проглотив ком в горле, крепыш с трудом выговорил:

— Ты-ы!..

— Да, милый, это я!

На что мужчина, прежде всегда выдержанный, в эту минуту порывисто и крепко ухватил женщину за плечи. Он словно боялся потерять ее навсегда. Женщина замерла и бросила на него испытывающий взгляд. Мужчине почему-то помешала ее легкая косынка, и он медленным движением нежно стянул треугольный платок с ладной головки женщины. Снял и увидел... короткий ежик русых волос. Ежик! Теперь мужчина понял причину, отчего она не дала о себе знать, когда он нашелся.

— Знаешь, сладкая ты моя, а вот теперь я не отдам тебя никому! — крепыш отчетливо проговорил эти слова, не отрывая взгляда от лица женщины. В первые минуты даже сквозь одежду мужчина чувствовал, как сковано по-прежнему сильное женское тело. Однако вскоре ощутил, что напряжение в ее мышцах ослабело. «Она всегда очень быстро соображала и прямо сейчас успела принять нужное решение», — отметил крепыш про себя.

— Да, Волчара, это я вернулась! — протяжно произнесла собеседница. Затем неожиданно засмеялась и раскованно отстранилась от крепыша, чтобы тот смог лучше разглядеть ее фигуру, наверное, в надежде, что по-прежнему ему желанна. В то же время женщина невозмутимо продолжила говорить, как будто бы не прошло этих семи долгих и тягостных лет разлуки со дня их последней встречи: — Ну, чего застыл, аршин проглотил? Лучше бы вспомнил фильм «Берегись автомобиля». — Правда, в картине все было наоборот. Тогда мужчина появлялся перед любимой, снимал шляпу с обритой головы и произносил слова, которые сейчас говорю я. Да вспомни ты, ха-ха-ха!

Крепыш напряженно наморщил лоб, будто раздумывал, согласиться или нет с шутливым наказом собеседницы, а потом каким-то лающим хохотом начал вторить женщине. Буквально через минуту его смех заглушил женский. Однако затем, словно пробудившись от наваждения, он встряхнул головой. Помял оставшуюся в кулаке красную косынку и нерешительно, что раньше было не свойственно его характеру, произнес: — А ты..., ты помнишь? — Затем уже смелее повторил: — Помнишь?!

Мы рождены, чтоб сказка былью стала,
Чтоб все намеки превратились в явь...

В ответ женщина с милой и слегка усталой улыбкой закивала и ласково прикоснулась ладонью мужской щеки.

Увидев ее улыбку и почувствовав нежное прикосновение женщины, мужчина воспринял это как обнадеживающий жест с ее стороны. Поэтому немедленно оборвал дурашливый текст песни о красной Дарье собственного сочинения, чтобы затем подхватить Мореву под руку.

На что Даша поначалу игриво вильнула бедром, якобы противилась, но спустя минуту крепко прижалась к плечу Волкова. Теперь бывшие «странники» были заняты только собой и совершенно не обращали никакого внимания на прохожих.

В свою очередь, последние, услышав громкий и заразительный смех, начали оборачиваться в их сторону. Кто неодобрительно, — парочка вроде бы взрослые, а ведут себя ровно как дети! — другие с удивлением. К сожалению, на сегодняшний день далеко не часто можно было увидеть людей в возрасте за тридцать, лица которых озарялись бы переполняющей их бесшабашной радостью.

Тем временем Даша и ее Володька — другим она уж точно его не отдаст! — нисколько не таясь, хохотали и скорым шагом направлялись к выходу из сквера.

4.

Что касается Сергея Павловича, то в нынешней беседе на квартире Волкова этот человек, казалось бы, не знал отдыха. Он, будто бы соскучился по общению с людьми, которых знает очень давно, и что немаловажно ему были тоже хорошо знакомы. Отчего теперь, словно записной лектор, а то и пропагандист в одном лице, Плазов поведал своей аудитории о некоторых фактах, знание которых прежде не входило в обязанность его подчиненных:

«В общем, мои дорогие, результаты деятельности наших ученых вполне можно было назвать хоть не блистательными, но, по крайней мере удовлетворительными, и тут в Советском Союзе началась перестройка!»

Да, 30 лет назад поднятые преобразованиями волны сильно ударили по военно-промышленному комплексу, по науке в целом, и по лаборатории в частности. Резко урезалось, а то и вовсе свертывалось фи-

нансирование многих перспективных программ. В их числе оказались и разработки Лаборатории №1. Ее закрыли в 1991 году, а заволжский филиал организации, куда с 1984 года постепенно переводили экспериментальную базу лаборатории, самоликвидировался годом позже. При чем охраняемая территория Филиала с небольшой на тот момент материальной базой и малочисленным штатом находилась невдалеке от Поселка Ботанического Института.

«Ну и кому понадобился ликбез, откуда взялись «странники»? — мысленно прокомментировал Волков только что услышанное. — Если Дашке, так она давным-давно без всякой помощи разобралась с этой темой преотлично. По азам теории с ней даже тягаться нечего, несмотря, что пришла к нам на десять лет позже. Или Эс Пэ грузит меня, что в конторе никогда ничего не забывают?»

Хотя при большом желании напомнили бы о многом. Например, о случае в пойменном лесу. Он произошел в скором времени после того, как Вован вернулся из армии и устроился на работу. Правда, прежде без малого год ему пришлось помотаться неприкаянным в поисках этой самой работы сначала в Поселке, затем и по Городу. Вот тут и очень кстати подвернулся случай.

Тетка Волкова после долгих лет службы в Ботаническом Институте, наконец, засобиралась на пенсию. В этой связи обратилась к начальнику отдела кадров. Дескать, поспособствуйте, возьмите племянника на мою или какую иную ставку. Вовка у нее парень вроде толковый, не хотелось, чтобы связался с братвой, а дело все к этому идет. Ведь пропадет же!

Начальник кадров проникся слезным уговорам заслуженной сотрудницы, хотя теперь уже бывшей, и поговорил, с кем надо. Тот человек замолвил словечко другому. Второй — третьему. После чего Волков прошел серьезное собеседование, выдержал испытательный срок и в результате оказался в числе сотрудников Филиала.

Работа Вовану пришлась по душе. Сначала пошли тренировки до упада. Затем испытательные «взлеты» и «посадки», и потом короткие штатные «полеты». В общем, суровые будни «странников». Кроме того, однажды Волкову пришлось взять шефство над одним из сотрудников, Юркой Пырневым с кличкой Леший.

Это для жителей Поселка он казался беззлобным не опасным дуррачком, в то время как для работников Филиала являлся гениальным проводником в «странствиях». Мало того, как выяснилось позже, проводником, которого следует всемерно охранять.

Дело в том, что именно тогда в пойменном лесу у шалаша Юрку поджидали двое парней, которые в последний месяц навязывали ему дружбу. Кормили его, поили. Потчевали заморскими деликатесами в ярких обертках вдобавок к диковинным безалкогольным напиткам, которые были запечатаны в красивые бутылочки.

Простодушный Юрка принимал угощение как должное. Мол, хорошие ребята хотят с ним дружить. Местный дурачок не знал, не ведал, что, когда мягко стелют, очень часто бывает жестко спать. А уж про бесплатный сыр в мышеловке он, казалось, даже не слышал. Хотя если когда и слышал, то про данный кисломолочный продукт его дурная голова теперь уж точно забыла.

Однако тут Пырневу напомнили. Чудовищный силы удар в челюсть опрокинул навзничь тщедушного дуручка. В глазах у Юрки на миг померкло, а затем перед одним из них нарисовалась морда бравого молодца.

Тот зло ощерился и вслед обронил:

«Должок за тобой, однако! Но ты, Леший, не боись. Счас мигом к нотариусу, потом к риелтеру, и опять гуляй в удовольствие по своей Пойме».

К счастью, в тот же день и час, получив очередное срочное задание, Волков отправился в Пойму к Лешему. Плутал Вован долго, однако разыскал. И что важно, успел найти вовремя. Дурачок сидел голым на влажной земле подле шалаша, хлюпал разбитым носом и тихо скулил. Один глаз у него заплыл от удара, а на теле проступили следы ожогов от сигареты. Рядом валялась его рубаша, которую разорвали в клочья. Обрывком ее рукава дурачок зажимал окровавленные уши.

В стороне от Лешего, на краю поляны присели на кортах два бравых молодца. Увидев Волкова, незнакомцы начали криво ухмыляться. Оскал ублюдков, которые пытали его сослуживца, вывел Вована из себя.

«Не для того мы тебя, Леший, холили-лелеяли, чтобы недоноски игру нам ломали! — мысленно обратился молодой человек к дурачку. — Ну, ничего, ничего. Ты главное, паря, успокойся, а в остальном положись на меня».

На этом месте видения тридцатилетней давности у Волкова прервались. После чего мужчина поморщился и даже потряхнул головой, словно отгоняя прочь их остатки:

«Зачем явились мне на склоне лет, если все быльем поросло? К тому же срок давности истек».

С этими мыслями хозяин квартиры, наконец, прекратил пустое разглядывание через оконное стекло, что происходит во дворе дома. Затем невесело хмыкнул, а потом с решительным видом повернулся лицом к присутствующим в кухне-столовой.

Как раз вовремя, потому что Плазов, закончив с знакомыми фактами, перешел к неизвестным:

— Да, на то время в нашей стране наступила пора не физиков и лириков. В связи с чем я напому, ребята, несколько моментов, прежде вам неизвестных. Дело в том, что буквально за день до официального закрытия Филиала, в наш Поселок из столицы железной дорогой был доставлен опломбированный вагон с ценным грузом.

Он целиком состоял из медицинского препарата, теперь вам хорошо известного как «Симбо Ц». И надо же такому было случиться, что никто не успел даже приступить к разгрузке вагона, когда на территории Филиала у подъездных железнодорожных путей произошел сильнейший пожар. В результате трагического происшествия опять же по официальной версии был уничтожен абсолютно весь запас «Симбо Ц». Даже в московском здании лаборатории, где раньше ученые работали с данным эликсиром, его запаса для опытов не осталось ни грамма.

Хотя технического персонала и младших научных сотрудников лаборатории, это событие никоим образом не коснулось. Скажем откровенно, в те лихие времена вас, тогда молодых людей, прежде всего, интересовал вопрос о достойных перспективах с работой, и, как следствие, о регулярной заработной плате. Так вот, в 1992 году, наитяжелейшем в плане выплаты окладов и жалований, для абсолютно всех работников Филиала деньги предоставили без малейшего промедления.

Дело в том, что несколько предприимчивых людей из Филиала, трудившихся над проектом «Странник», решили продолжить работы над ним на коммерческой основе, так как практически весь запас эликсира «Симбо Ц» все-таки оказался у них. При каких обстоятельствах остается только догадываться.

— Сергей Павлович, — здесь в разговор вступила Морева, — давно собиралась спросить, да не находилось удобного повода. Неужели, когда в стране продавали все и всех, никому из обиженных во время дележа не захотелось привлечь внимание СМИ или общественности к якобы сгоревшему грузу? — Причем в вопросе, который задала бывшая сотрудница, прозвучал явный оттенок скепсиса и даже издевки.

— Ну, во-первых, никому из местных работников Филиала, в худшем сне не привиделось бы, что он возьмется резать дойную корову, —

ответил Плазов и, как бы в знак помощи сказанному, кивнул в сторону Волкова. — Поинтересуйся у своего.

— А то..., — словно в подтверждении, недовольно пробурчал Вован, которому все эти воспоминания о прошлом не доставляли ни малейшей радости.

— Видишь, — назидательно взглянув на Мореву, продолжил Сергей Павлович, — и подобное единомыслие царило в умах у подавляющего большинства работников Филиала, которое на тот момент составляло половину населения Поселка.

— Да не о них речь, — не сдавалась Дарья. — Я говорю о недовольных, кто стоял выше по цепочке отката, и кого в итоге отстранили от кормушки.

— Что ж, попытаюсь ответить и на этот вопрос. Конечно, не за весь тогдашний Союз, а за сугубо конкретный случай, который произошел в определенном месте, у нас на Филиале. Ибо те, кто придумал данную операцию и прекрасно ее осуществил, ни с кем делиться даже не рассчитывали. Один-единственный раз эти люди пошли ва-банк, и в результате желанный приз оказался у них в руках.

При этом, заметь Морева, они, как отличные игроки в покер, прекрасно знали психологию людей, которые в те годы занимались проблемой «странничества». Большинство из них достигли преклонного или среднего возраста. Причем этих людей очень крепко объединяли твердые убеждения. Во-первых, уважение к державе. Во-вторых, ответственный взгляд на работу. Все перечисленное держалось на энтузиазме, на самоотверженном отношении к труду и строжайшем контроле. В результате у сотрудников Филиала, начиная с высоких ученых степеней и заканчивая техническим персоналом, оказался чрезвычайно крепкий иммунитет к предательству.

Это был, назовем его, первый рубеж обороны. Второй, — служба безопасности на данном предприятии. Кстати, до последнего времени она была на высочайшем уровне. Ну и третий рубеж, о котором уже говорил, — общественное мнение в Поселке и, само собой, в Филиале.

Поэтому могу сказать, что в созданной коммерческой структуре воцарилась атмосфера строжайшей секретности. В конечном итоге ни одна, здесь повторяюсь, ни одна даже малейшая тайна этой фирмы не смогла бы прорваться через своеобразный тройной кордон и покинуть пределы Поселка.

После такого развернутого комментария Плазова с оттенком морализаторства в просторной кухне-столовой наступила продолжительная тишина.

5.

Спонсоры, которые в 1992 году согласились поддержать совершенно новый вид экстремального туристического бизнеса, нашлись удивительно быстро. Впрочем, почему удивительно? Конечно, определенный риск присутствовал, но ведь и барыши обещали быть немалыми, от чего кое у кого закружились головы. Именно на этой почве в стане единомышленников произошел раскол, хотя они кинулись делить шкуру пока в общем-то неубитого медведя, ибо техника путешествий во времени не была до конца отработана.

Образовались две яростно конкурирующие между собой «фирмы». Только благодаря режиму строжайшей секретности в «фирмах» и разгильдяйству органов власти, какое не снилось прежним структурам, «верхи» так и не заинтересовались деятельностью авантюристов. Свою роль в сохранении секретности также сыграла удаленность от столицы.

По стечению обстоятельств и благодаря счастливому везению одна из соперничавших фирм сумела остаться под крылышком щедрых спонсоров и, кроме того, успешно заняла нишу в области «экстремального» туризма.

Причем «туры», которые предлагались фирмой, были столь оригинальны и даже экстравагантны, что от богатых клиентов отбоя не было. Дело становилось все более прибыльным, разрасталось, а фантастические путешествия, которые по-прежнему проводились в режиме строжайшей секретности и только для избранных, входили в моду.

Потребовалось создать развитую инфраструктуру «туристического» бизнеса. Поэтому фирма была кровно заинтересована в создании в своих рядах подразделения, которое занималось бы поиском привлекательных зон для экстремального отдыха.

Кроме того, в местах возможных остановок путешественников фирма вступала в контакт с кем-то из местных, налаживала производство эликсира и обеспечивала им внештатных сотрудников. К тому же «туристическая» фирма нуждалась в хорошо подготовленных операторах, чтобы с их помощью турист мог в любой момент вернуться в наше текущее время.

Кстати, именно в данной фирме, причем с момента ее основания, в качестве «странников» трудились следующие люди. Тогда в ранге начальника группы, — Плазов Сергей Павлович, иначе Эс Пэ. В роли генерального проводника, — Леший. Среди оперативников резко выделялся Волков, в просторечье Волчара или Вован.

Люди из другой «фирмы», так называемые «тайм-уокеры», опоздали к «разделу пирога». Им пришлось искать новых спонсоров, и, к моменту, когда они были готовы выйти на рынок экстремального туризма, «странники» его уже завоевали. Вести борьбу за каждый цент и нилель, предлагая что-то чуть лучшее, чуть «красивее упакованное», чем конкуренты? Нет, «тайм-уокеры» решили придумать что-то такое, что позволило бы им обскакать конкурентов одним махом. И придумали!

Они поставили перед собой более сложную и более дорогостоящую в исполнении задачу — переброску по мосту времени людей, рвущихся удовлетворить на новом месте свои не реализованные амбиции. Клиент становился участником большой игры под названием «история». «Тайм-уокеры» не гнушались и делами пострашнее. По «заказу» отправляли в путешествия совершенно того не желавших людей. Тела же их в итоге оказывались в психиатрических больницах.

В борьбе за клиентуру между конкурирующими фирмами сначала возникало недопонимание. Последнее затем приводило к мелким стычкам между «странниками» и «тайм-уокерами». Со временем эти стычки учащались, и раз от раза увеличивались в масштабах. Постепенно столкновения перешли в настоящую борьбу без правил. К сожалению, лишь однажды, а именно в ноябре 1999 года, руководители указанных фирм все-таки соизволили встретиться, чтобы, наконец, выработать определенные правила по дальнейшему ведению бизнеса.

В результате трудных и долгих переговоров стороны разделили Поволжскую область на зоны влияния. Также договорились, что как «странники», так и «уокеры» при проведении собственных операций не вторгались бы на территорию соседей и не переманивали бы на свою сторону работников из конкурирующей фирмы.

Кроме того, договаривающиеся стороны обязались не нарушать правопорядок в области, а все спорные вопросы разрешать исключительно на местах и только во время «работы». Иначе говоря, если войны происходили с обязательными для них жертвами, то обязательно в ином времени.

Наступила мирная передышка в сложных отношениях между фирмами. Однако по пришествии года «уокеры» нарушили договор. В итоге вспыхнула ожесточенная война, в которой противоположные стороны понесли ощутимые потери. Причем как в настоящем времени, так и в историческом прошлом.

После этих слов Плазов обернулся к Моревой и с доброжелательной улыбкой добавил:

— В тех событиях, Дарья Сергевна, ты поучаствовала тоже и причём очень активно. Как следствие, присоединилась к нашей когорте «странников» уже на правах полноценного члена семьи.

— А не годом ли раньше? — сделала попытку не согласиться Морева.

— Нет, Дарья Сергеевна, — отчеканил Плазов, — именно в двухтысячном! Ибо осенью того года тебя зачислили в штат!

Здесь, правда, надо отметить, что на финальном этапе указанных событий властные структуры все-таки нашли для себя нужным вмешаться в борьбу фирм и положить конец их давней войне. Мало того, компетентные органы ликвидировали эти «туристические» группировки в организационном плане. А уже буквально через год в государственной организации, скрытой за аббревиатурой ФАПСИ, было сформировано новое подразделение с ничего не говорящем подавляющему числу людей названием, — ОСО или Особый Отдел.

Что же касается уцелевших работников из ликвидированных фирм, то одни получили заманчивые предложения, от которых по тем или иным причинам не смогли отказаться. Другие, не согласившиеся, вынуждены были поменять страну проживания, или исчезнуть во времени, а то и пространстве.

«Да, — продолжил Сергей Павлович, — в результате всех этих пертурбаций в начале нулевых все прежде сверхсекретные данные по разработкам Лаборатории № 1 расплзлись-разлетелись-разъехались по всему миру».

Далее из слов Плазова последовало, что первыми об этих секретах, как им и положено, узнали иностранные спецслужбы. Затем со скоростью лесного пожара полученные сведения захватили умы западных ученых. После чего началась очередная гонка за лидерство в этой области прикладной науки.

Разумеется, в данной гонке также нашлось место и компетентным органам, а именно как БНД, так и ОСО. Мало того, в отдельных случаях указанные службы даже провели несколько совместных операций. Вот только результат, по крайней мере в одной из них, оказался далеким от ожидаемого.

Здесь от вспыхнувшего и теперь еле сдерживаемого раздражения по поводу упомянутого итога на скулах Плазова даже заходили желваки.

Дарья и Волков молча переглянулись. Они прекрасно понимали, что в данный момент их Эс Пэ вспомнил о неприглядной истории, кото-

рая в стенах ОСО произошла вслед за окончанием совместной операции двух спецслужб под названием «Полабский рубеж».

Между тем Сергей Павлович успокоился и счел возможным опять коснуться факта из давнишней истории:

— Вот именно тогда в нашем очередном межведомственном бардаке бывший «уокер» Алексей сначала подался в «странники», а перед проведением совместной операцией с ФРГ затерялся где-то на просторах Западной Европы. — После чего недолго помолчал, затем повернулся к Моревой и с нажимом спросил, — Ну а ты, наша дотошная, ничего не хочешь добавить?

В знак отрицания Дарья лишь отчаянно замотала головой. На что Плазов, будто бы удовлетворившись подобным ответом, с шумом потер ладони, крикнул и молвил:

— Ну, покайтесь, и будя. Все мы не без греха. А теперь, за работу!

Да, Плазов знал, о ком и о чем говорил.

О Волкове, — известном авантюристе по натуре, который после очередной боевой операции против «уокеров» не возвратился из прошлого времени в настоящее и с той поры (2000 год) сначала числился в списках, кто пропал без вести. Когда же через пять лет сознание вернулось к нему, а точнее в его до сих пор сохранившееся тело, которое под чутким и неусыпным контролем держалось под наблюдением врачей из госпиталя «странников», то руководством ОСО Волков был отправлен на пенсию по инвалидности.

О Лешем, проводнике поистине от Бога, трагически погибшем в том же 2000 году.

О лучшей и любимой ученице проводника, кого он называл исключительно красавицей. Крайне амбициозной Дарье Моревой, оказавшейся следующей, кто бы вынужден покинуть ряды «странников». Причиной тому явилась межведомственная борьба кланов. Последнее, к сожалению, послужило основанием, чтобы в 2004 году Мореву уволили без выходного пособия.

Да и о себе, Плазове С. П., которого в 2010 году отправили на пенсию по истечению трудового стажа. Причем отправили с наградами и благодарностями за долгую и безупречную службу.

К удивлению, в одной из поздравительных речей, которыми во множестве просто засыпали виновника торжества, прозвучало следующее. Мол, дорогой и многоуважаемый, имярек, исключительно под вашим чутким руководством, ну и прочее бла-бла-бла. Однако позже люди услышали фразу, полную двусмысленности:

«Вы смогли удержать под контролем, по сути, неуправляемую, но тем не менее талантливую во всех отношениях группу, которую в среде «странников» прозвали не иначе как «волчья стая».

6.

С той поры минуло восемь лет. Однако даже теперь вышеуказанной «волчьей стаете», которую прежде целенаправленно отправили на покой, отдых не грозил. На данную минуту все тот же Плазов С. П., не принужденно устроившийся за длинным и широким столом, отдавал последние указания бывшим сотрудникам:

— Если по Райнштадту тему обсудили, то перейдем непосредственно к вопросу, каким образом вы туда попадете. Так вот, знайте, отправитесь в одном направлении, но разными путями.

В этот момент Волков, успевший за разговором подсесть к столу, бесцеремонно перебил докладчика:

— Эс Пэ, учти, в деле я не был пятнадцать лет. Значит, для страховки мне нужен «маяк».

Плазов, до сих пор оставаясь в душе прирожденным руководителем, ответил, не задумываясь. Правда, теперь не в ранге начальника, а как товарищ, с которым эти люди взялись за выполнение общего и опасного дела. Потому, какие могут быть церемонии?

— Будет тебе аж два «маяка». Они как раз подбирают для вас «спутников».

— Надеюсь, что в адеквате и не с помойки?

— Не хами, Волчара, уж какие попадутся. Времени, сам понимаешь, не было. К тому же «маяки» работают для нас в «темную».

— Понятное дело, меньше знаешь — лучше спишь.

— Ладно, философ, иди собираться. Пойдешь первым. Дарья Сергеевна вслед за тобой, но через определенный интервал. Не исключено, что ее амбре срисовало БНД.

Услышав слова Плазова, в разговор вступила Морева:

— Неужели за четырнадцать лет мой след кто-нибудь помнит?

— Полной уверенности нет, Дарья, но сейчас на дворе компьютерный век.

На последнее у Моревой не возникло возражений. Тем более что на данную минуту Дарью больше волновало самочувствие Волкова, чем беспокойство по поводу своего предстоящего «странствия».

В этот момент ее друг, согласно настоятельному совету Плазова, отправился к себе в комнату. Двигаясь по просторному коридору, Вол-

ков взглянул в зеркало. Подмигнул собственному отражению и был таков, — скрылся за дверью.

Женщина поспешила за ним. Неожиданно вернулась мыслью к прошлому, при каких обстоятельствах познакомилась с Волковым или, как его тогда называли, Вованом. Да, момент их встречи у колонки поселкового водопровода отпечатался в ее памяти навсегда. Этаким бравый и крепкий телом молодец тридцати лет отроду за рулем модной тогда «девяносто девятой». Шатен с чуть рябоватым и вместе с тем обаятельным и открытым лицом. Красивыми карими глазами записного сердцееда и, судя по всему, туманным будущим.

Сейчас он, конечно, выглядит не таким физически сильным, как двадцать лет назад, и недуг его не собирается отпускать. Однако боевого духа ему, по размышлению Дарьи, занимать не требовалось по-прежнему. Оптимизмом, настроен лишь только на победу ее друг смог бы смело поделиться с кем угодно. Ибо для «странника», когда он в работе, главным является, не каким его видят со стороны, а как он себя представляет.

С боевым задором у Моревой тоже было все в порядке. Однако рассматривать себя в крупном зеркале по высоте до потолка, желания не появилось. Зачем? Она не Волчара, это ему хоть до семидесяти можно спокойно подмигивать себе в зеркале. А женский век, что не говори, короток. Теперь и грудь у нее пологая, и мышцы живота слегка ослабли. Что уж тут заикаться о морщинках на лице и шее.

В это время Мореву, чуть отодвинув в коридорном проходе, обогнал Плазов. Понятно, сейчас заторопился подключить систему с лекарством к ее другу. Она знала, что доморощенную стойку для капельницы мужчины соорудили буквально недавно из подручных средств. Здесь, перед дверью Волкова, Дарья неожиданно остановилась как вкопанная.

Сию минуту она поняла, что за шумы раздавались у входной двери, когда у них в гостях объявился Плазов. Само собой, тогда мужчины спрятали поклажу Эс Пэ с необходимым материалом для «странствия» в подсобное помещение. Иначе откуда быстро, словно с небес, в доме взялись капельницы, пакеты с физраствором, бинты, шприцы и прочие медицинские принадлежности? Значит, как не печально сознавать, между ее другом и бывшим начальником имелась предварительная договоренность.

Однако Мореву заговорщики оставили в неведении. «Ну, Волчара, змей! Ладно, получай свою дозу «Симбо Ц», — с обидой подумала Да-

рья. И значит, очень скоро этот препарат устремится по венам ее друга, и тогда начнется его очередное «странствие» после долгого перерыва. Которым, как сейчас выяснилось, он тяготился, и от которого мечтал избавиться.

Тут женщина одернула себя, словно ужаленная. Какие могут быть претензии к Волкову, если она, лишь только услышав имя «уокера», тотчас и напрочь забыла все свои обеты! В результате сложилась неблагоприятная ситуация, которую можно было смело охарактеризовать давней сентенцией, мол, чему быть, того не миновать. Иными словами, через час в ее комнату тоже заглянет Плазов. Что окажется сигналом для нее, Моревой Д. С., пенсионерки и «страннице» по совместительству.

Шум от взлетающего самолета постепенно затих в небе, после чего Сергей Павлович поспешил галантно обратиться к госпоже Шелкун. Причем обратился по имени-отчеству, хотя по возрасту, женщина явно годилась ему в дочери:

— Поймите, Лилия Сергеевна, никакого сексизма, таким образом, я лишь подчеркиваю уважение к вам как человеку. Уж простите меня, старика, и мои манеры.

— Да перестаньте, Сергей Павлович! Я чрезвычайно благодарна вам за то, что сопроводили меня до аэропорта.

Женщина действительно выразила признательность ухажеру ее подруги тем, что согласилась зайти с Сергеем Павловичем в кафе при аэровокзале, чтобы выпить за столиком разрекламированный им сорт кофе.

Хотя если честно, госпожу Шелкун или просто Лилию сейчас нашлось бы, кому проводить. Ее жених должен был появиться в Шереметьево перед самым отлетом рейса, Москва-Райнштадт.

Рев очередного взлетающего самолета опять прервал милую беседу молодой женщины и пожилого мужчины. Сегодня при близком рассмотрении, по мнению Лилии, ее новый знакомый Сергей Павлович выглядел гораздо эффектнее, чем каким она нарисовала его при вчерашнем телефонном разговоре. Да, для подруги Лилии он явился бы сущей находкой. Возрастом за шестьдесят, с волной седых волос, приятным баритоном, отлично поставленной речью и уверенностью в поступках.

Наверное, тому поспособствовала уютная атмосфера маленького кафе. Казалось бы, окно на всю стену, а солнечные лучи, даже будь они яркими, не смогли бы утомить глаза посетителей. Причиной явились

непроницаемые шторы, которые пусть частично, но закрывали оконную конструкцию.

В полумраке помещения расположились шесть аккуратных столиков. И что особо понравилось госпоже Шелкун, что на данный момент в кафе, кроме них, за исключением, конечно, обслуживающего персонала, не было никого.

К столику, который выбрали Сергей Павлович и Лилия Сергеевна, немедленно подошла официантка. Последний факт только улучшил настроение отъезжающей. Тем временем Сергей Павлович с красноречивым видом о чем-то пошептался с девушкой. Официантка понимающе кивнула и сразу отправилась выполнить заказ. Буквально через десять минут девушка вернулась с полным подносом.

— Персонал работает отлично, — заметила госпожа Шелкун. — Быстро и не навязчиво. Или вы здесь хозяин?

На последнюю реплику Сергей Павлович снисходительно ответил:

— Ну что Вы, Лилия Сергеевна. Повезло, что публики нет.

В этот момент в кафе зашла новая посетительница. Сергей Павлович, который занял место спиной к входной двери, не обратил никакого внимания на звуки, что кто-то вошел, и не обернулся. Тем более что его чрезвычайно увлекла беседа с дамой, как он только что заявил, достойной всяческих похвал.

Лилия Сергеевна, напротив, перевела взгляд на новую посетительницу. Не то чтобы госпожа Шелкун заинтересовалась внешностью этой женщины среднего возраста, а просто отметила для себя. Да в общем-то ничего особенного. Невысокий рост. Волосы русые, и чрезвычайно коротко пострижены. Широкоскулое отекшее лицо. Кстати, при теперешнем полумраке Лилия Сергеевна не смогла бы даже разглядеть цвет ее зрачков за опухшими веками у этой, хм-хм, особы. Хотя в лучшие годы формой ее глаз, ни дать ни взять лисьих, смогли бы залюбоваться многие мужчины.

К сожалению, теперь если оценить вошедшую, на ум сразу пришли бы слова, мол, здорово ее потрепала жизнь. Почти полное отсутствие макияжа. Гардероб тоже соответствовал безнадежному моменту в бытие у этой, с позволения сказать, личности.

Единственное, что не понравилось госпоже Шелкун, — гневный взор, которым женщина буквально испепелила Сергея Павловича. Однако вида на случившийся неприглядный факт Лилия Сергеевна не подала. Мало ли, чем не приглянулся мужчина этой обиженной на судьбу? Может быть внешностью, а может посетительница вообще мужене-навистница?

Тем временем Сергей Павлович, не чувствуя беды, которая с минуты на минуту грозила обрушиться на его седую шевелюру, эффектно приподнял чашечку кофе от столешницы. Исполнил элегантно жест, словно чокается с его спутницей, и произнес, будто бы сказал тост:

— Лилия Сергеевна, от всего сердца я желаю вам счастливого полета!

Молодая женщина вежливо поблагодарила за доброе напутствие и пригубила горячий напиток. К удивлению, этот сорт кофе на вкус действительно оказался выше всяких похвал. А уж в сортах, которых Лилия перепробовала на своем веку достаточно, она понимала толк. Для закрепления восхитительного аромата госпожа Шелкун не удержалась от следующих глотков.

К сожалению, прекрасно различая марки кофе, женщина совсем не научилась разбираться в людях. И в подобном утверждении она убедилась очень скоро. Допив кофе, Лилия Сергеевна повела взглядом по сторонам, и вдруг... словно даже не споткнулась, а ударились о взор, который теперь был обращен непосредственно к ней.

Да, если прежде посетительница лишь недобро глазела на провожатого Лилии Сергеевны, то теперь с откровенной бесцеремонностью, будто бы выжигала похабные слова на лице у госпожи Шелкун. Мало того, указанная нахалка медленно и тихо приблизилась к их столику и сию минуту буквально нависла над ним внушительным бюстом.

Столь бесцеремонное и хамское поведение незнакомки страшно возмутило Лилию Сергеевну. Правда, следом появилась мысль, которая успокоила самолюбие молодой женщины: «Ха, а ведь кроме пышных грудей у этой «мисс бесстыдство» за душой ничегошеньки не видно!» Придя в себя, Лилия Сергеевна только захотела своим замечанием поставить бесцеремонную незнакомку на подобающее место, когда неожиданно ее потрясло резкое изменение в поведении Сергея Павловича.

Ибо стоило ему обернуться и посмотреть на посетительницу кафе, как тотчас с ним произошла потрясающая метаморфоза. Куда исчезли прежние лоск и светские манеры у поклонника ее подруги? Куда пропала былая уверенность в его жестах и движениях? Прежде роскошный бонвиван в одночасье превратился, по мысли Лилии Сергеевны, в «заурядное недоразумение» и тихим голосом промямлил:

— Машенька, понимаешь, Сергей Павлович, ты знаешь, мой непосредственный руководитель попросил меня проводить эту..., нашу новую сотрудницу.

Между тем женщина, которая внезапно нарушила уединение двух людей, не обратила ни малейшего внимания на путаные объяснения спутника Лилии. Наоборот, грубым и хриплым голосом она будто бы прокаркала:

— Значит, опять Сергей Павлович попросил? Значит, опять новую сотрудницу? И было бы за кем волочиться! Ты глянь, Василий, на нее, хотя у тебя же катаракта!

Лилия Сергеевна глубоко наплевала бы на всякую хворь, которой, оказывается, был подвержен коварный соблазнитель женских сердец, и в первую очередь сердца ее лучшей подруги. Однако неуважительные выражения в собственный адрес госпожа Шелкун выдержать не смогла. Она быстро поднялась из-за столика, подхватила свою дамскую сумочку под руку и резко бросила:

— Значит, Василий, или как вас там, сию же минуту отдайте номерок от моего багажа!

— Что?!.. — завопила во всю луженую глотку воинственная Машенька, возраст которой Лилия определила в сорок пять лет. — Да я ж тебя, кобыла расфуфыренная!

Пока Лилия Сергеевна была занята тем, что выхватывала брелок из рук этого лукавого донжуана, неугомонная ревнивица правой рукой из всех сил вцепилась в аккуратную прическу обладательницы билета на ближайший рейс в Евросоюз. А левой со всего размаха выдала звучную оплеуху все той же Лилии Сергеевне.

Однако позже случился неожиданный поворот в этой трагикомичной истории. Средневозрастная Машенька неожиданно охнула, ее правая рука выпустила волосы Лилии Сергеевны, а левая было потянулась к своей груди, но потом обессилена повисла у собственного бедра. Ноги у Машеньки подломились, и она медленно и с шумом, будто из рук выпустили полный грузом мешок, опустилась спиной на пол.

Немногочисленный обслуживающий персонал маленького кафе сбегался на крики и грохот. Между тем инициатор конфликта растянулась на полу без движения. Ее голова откинулась на бок. Кончик языка чуть высунулся из полураскрытого рта. Выступила тонкая струйка слюны. По всем признакам женщина не подавала признаков жизни.

— Скорую! — раздался чей-то женский истошный голос. Кто-то побежал на первый этаж, чтобы из медпункта позвать дежурного врача.

— У Машеньки слабое сердце. Наверное, очередной инфаркт, — после минутного замешательства смог-таки пробормотать Сергей Павлович, которого на самом деле, как теперь выяснилось, звали просто Василием.

Немедленно кто-то раскрыл оконную фрамугу полностью, чтобы в помещение ворвался свежий воздух. У администратора кафе, наконец, нашелся «Валидол» в дежурной аптечке. В общем, возникла суматоха, обычная в подобных случаях.

Лилия Сергеевна машинально отмахнулась от официантки, которая протянула для нее салфетку, чтобы вытереть кровь с лица.

«Какая кровь? Ссадина и ничего более, — заторможено и с какой-то усталостью подумалось молодой женщине. — Правда, голова гудит, словно колокол. Да кожа саднит у волос. М-да..., а рука-то у Машеньки оказалась чересчур тяжелой. Главное, чтобы синяк не появился. И вот за всю эту «радость» я должна буду поблагодарить чертову ревнивицу? Хотя грех такое говорить. Это ее гуляка виноват. Довел женщину до сердечного приступа. А если у нее инсульт? Кошмар!»

С этими грустными мыслями Лилия Сергеевна медленно вышла из кафе и неуверенной походкой отправилась в ближайшую туалетную комнату аэровокзала. Хорошо, что времени до вылета на рейс, Москва-Райнштадт, оказалось достаточным, чтобы госпожа Шелкун произвела над собой определенные действия.

После глупого инцидента в привокзальном кафе молодая женщина привела свою немного испорченную внешность и сильно подорванные нервы в относительный порядок. Отчего дальнейшая встреча с ее женом по имени Степан прошла без всяких проблем.

Этот молодой человек даже не заметил огрехов на лице его возлюбленной. «Вот что значит хорошо наложенный грим импортного производства», — и с затаенной радостью отметила про себя Лилия Сергеевна. Что касается непосредственно встречи и беседы молодых людей, то они заняли мало времени и прошли исключительно в деловом тоне.

— Здравствуй, милый! Zip-дискету принес?

— Обижаешь, не зря же работаю в институте по современным проблемам безопасности.

— А копию с дискеты сделал?

— Даже три usb-флешки. Хотя было трудно найти Zip-привод для этой древней техники.

— Люблю тебя. Обязательно сообщу, когда все устроится. Звонок послужит сигналом для твоих дальнейших действий. Повторяю, только после моего звонка.

— До свидания, дорогая! Страшно волнуюсь за тебя!

— Пока, милый, пока.

7.

По бескрайним просторам океана его величества Хроноса, по его длинным коридорам и запутанным лабиринтам прозвучал «голос странника», Волкова, где отчетливо, а где тихо и невнятно:

«...я, услышал твои вопросы, и немедля спешу дать ответ. «Маяки», которых Эс Пэ подключил к работе, выполнили задачу. Подобрали двух «спутников», зарезервировали несколько банковских ячеек, положили в них деньги и устроили пару закладок с нашим эликсиром. Потом свели, так сказать, «познакомили» с моим «спутником». За все это «маякам» — благодарность. Пусть теперь поедут-полкуются красотами-высотами Кёльнского собора.

Сейчас я буду для тебя «маяком». В результате двойная польза. Во-первых, болтовней наведу тебя на цель. Кстати, сделай поправку на боковую составляющую для ветра времени. Это раньше с его помощью мы сразу уходили вглубь веков, а теперь необходимо прокладывать путь в одном временном поясе. Впрочем, кого я учу?

Во-вторых, буду сообщать без умолка о свежих новостях, чтобы тебе не пришлось тратить время на ознакомление с местом действия будущей операции. Вдобавок тебя страхую. Если в нашей беседе я вдруг замолчу, значит в игру вступила противоположная сторона. Что может привести к печальным результатам. Тем более что время катастрофически поджимает. Кстати, об этом выяснил у моего «спутника».

Здесь, представь, оказывается, что за пятнадцать лет я чуть было не потерял квалификацию. Мне с огромным трудом удалось вспомнить и переложить язык эмоций, каким «странники» пользуются между собой, на слова, образы и термины, которыми люди разговаривают друг с другом. А то, как бы я бы общался с моим новым германским товарищем, иначе «спутником»?

Тут самое время поведать о них, бедолагах. Знаешь, что если уж мне довелось оказаться «странником» в теле подобного «спутника», то я в один миг зондирую как его сущность, так и основные желания, манеры и поступки, которыми живет данная категория людей. А ты, коль очень скоро появишься, сможешь оценить мои сведения.

В городе существует Рейн-Плац, где у бомжей — сущая Мекка. Да-да, лапуша-дорогуша, теперь мы с тобой, увы, принадлежим к этой прослойке общества! Специально для них часть площади выложили керамической плиткой разных цветов. Типа, «Желтый, красный, голубой, выбирай себе любой!» Я не смеюсь. Полагаю, это не для красоты, а для толерантности. Упокой мою душу от этого слова! Здесь же, на пло-

щади стоят гигантские скамьи из камня. На них периодически собирается подобный люд. Так сказать, клубы по интересам.

Теперь что касается нашего контингента. Успокоило, что они — традиционной ориентации. Прежде, например летом, понемногу зарабатывали на продаже газет. С тележками, сумками, а вдобавок могли для жалости собачку за собой прихватить, и, знай себе, толкались по городским районам.

Но что-то там у них не заладилось, пришлось заняться сбором отходов. На данный момент мой «спутник» по имени Гердт, и «спутница» для тебя, Энни-Мэри, ведут себя обособленно от всех, и в том числе от коллектива с площади. Виной тому явился Гердт. Буквально на днях, но до моего прибытия, ему поступило заманчивое предложение. Мол, не желает ли этот уважаемый герр поработать на отечественную спецслужбу? Само собой, за определенное вознаграждение.

Гердт с великой радостью согласился. Конечно, ему и Энни было бы во многом комфортнее курить пусть дешевые сигареты за 5 евро, чем возится с табаком, бумагой и фильтром для изготовления вонючих самокруток. Да и зачатки патриотизма у герра как гражданина тоже нашлись.

И тут, здрасте-пожалуйте, вслед за бундесами появляются наши «маяки» и после чего проводят с бомжом-интеллектуалом подготовительную беседу. Дескать, никакого страха-ужаса, а всего лишь суперсовременные достижения науки. Все перечисленное, кстати, послужило благодатной почвой для моего появления в его теле».

— Привет, Гердт, — невзрачный на вид мужчина просто обомлел, когда в его голове раздался неизвестный голос. Конечно, два незнакомца, с которыми вчера он беззаботно распил бутылку отменного виски, предупредили его о будущей встрече с таинственным. Причем в мелких подробностях. Правда, когда твой мозг одурманен винными парами, то легко согласиться на вроде бы нетрудную подработку. Но совсем иное дело, когда сию минуту к тебе до жути реально обращается неизвестный, кто находится прямо в твоей голове.

Волков, предугадывая в лучшем случае настороженную реакцию «спутника», решил сгладить ожидаемую шероховатость в общении и повел разговор в прямо-таки своей манере, словно они давние и закадычные друзья:

— Есть тема для разговора. Поступила инфа, что БНД вышла к тебе с выгодным предложением о работе. — Однако почувствовав испуг

«спутника», немедленно взялся его успокоить: — Что ты волнуешься? Контора тебя проверила, и ты на хорошем счету. Поэтому БНД порекомендовала тебя нашим компетентным службам. Чтобы не пугать тебя попусту, сообщаю, что с этого момента я буду твоим куратором, который и день, и ночь напролет будет контролировать абсолютно все твои мысли и действия.

Гердт все-таки попытался выяснить, кто есть кто в нынешнем разговоре. На что имелось, на его взгляд, веские основания, а именно его образование. Правда, это было в прошлом, но как-никак он, — бакалавр:

— С кем конкретно я разговариваю? Например, вы иностранец? Я вас с трудом понимаю.

— Твои сомнения лишь подтверждают, что мы сделали правильный выбор в отношении тебя. Слушай внимательно и запоминай. Теперь с тобой работает, DGSE.

— Подождите, но я же дал согласие на сотрудничество с отечественной разведкой, а не с иностранной. К тому же мне неизвестной.

Здесь Волков почувствовал, что Гердт постепенно начал приходить в себя от возникшей с ним экстремальной ситуации и в дальнейшем может совсем выйти из-под контроля. Поэтому, не дав «спутнику» как следует опомниться, «странник» выразил свою мысль в жесткой манере, которая не давала даже намека, чтобы послушаться. Но в то же самое время принял за создание в их беседе атмосферы полной неясности и недомолвок:

— Дай досказать, и чтобы больше не перебивал. Говорю в первый и последний раз. Информация для тебя, DGSE, — французское отделение СЕС, а BND — немецкое. Страны у нас разные, но мы все из Союза, и делаем общее дело.

Вот тебя смущает мой лексикон, а знаешь ли ты, что я родом из Лотарингии, бывшей земли Германии? И что моя землячка французенка Патриция Каас?

— Нет, — «спутник» Волкова смутился от обилия информации, которая сейчас обрушилась на него: загадочные аббревиатуры, малоизвестные топонимы, какое-то женское имя. От волнения Гердт даже понизил голос.

В свою очередь, «странник» отлично создавал, что на текущую минуту смешал в кучу реальные факты и вымысел, абсолютно не связанные между собой. Зато все, что он здесь наговорил, со стороны выглядело бы значимым, а для неосведомленных даже внушило бы доверие.

К тому же в общении со «спутником» его «новый куратор по разведке» не оставил жесткого агрессивного напора:

— Теперь, надеюсь, ты, Гердт, понял свою ошибку по поводу моего появления? Ибо мы работаем на общее дело Евросоюза. И чтобы завершить наш разговор на позитивной ноте, готов сообщить тебе о дополнительной сумме вознаграждения. Мне доподлинно известно о ваших доходах в БНД.

Понятно, что для «странника» не составило труда покопаться в памяти «спутника» и узнать, во сколько евро местная разведка оценила наблюдение Гердта и Энни за Шелкуном. После чего Волков продолжил общение с его «подопечным»:

— Так вот, наша выплата будет составлять триста евро. Кроме того, в следующие двое суток, возможно, потребуется выполнение другой задачи. Причем по двойному тарифу. Самой собой, без нарушения уголовного законодательства.

Мысль о получении дополнительных 300 евро без всяких налогов и, тем более уголовщины, сошла на Гердта, словно манна небесная. Он воспарил в мечтах: «Теперь какой сбор пустых бутылок? Какая выпивка из пластиковых и картонных пакетов? Теперь можно было подумать о более серьезных тратах».

По расчетам, в которые дальше углубился «спутник» Волкова, получилось следующее, а именно что скоро наступит зима. Значит, открывается прямая дорога в хосписы. Если выбрать заведение с полным пансионом, а на меньшее Герд и Энни-Мэри были бы не согласны, то после всех полагающихся социальных выплат у них на карманные расходы осталось бы всего 100 евро. И тут как раз вовремя забрезжила подработка. Да не одна, а сразу в двух очень серьезных организациях.

Здесь Гердт мысленно продолжил вычисления:

«Двести евро от BND, триста евро от DGSE. Кстати, последняя разведка, по словам моего куратора, менее известна, чем иные спецслужбы мира. Зато работу оплачивает более щедро. Затем скоро ожидаются, назовем их, инвестиции за Шелкуна, плюс еще раз за Шелкуна. Да это же настоящий Клондайк! Эх, только бы Энни не сорвалась, а то недавно медики еле смогли откачать мою подружку».

От возможности получения указанных денежных сумм у Герда настолько закружилась голова, что он даже собрался отметить с Энни-Мэри обвалившееся на них богатство. Вот только о нем пришлось немедленно позабыть.

Да и как иначе поступил бы Гердт, если сонную артерию в его организме пережали до такой степени, что он чуть не потерял сознание,

а тихий голос «личного куратора» подозрительно елейным голоском ему сообщил:

— В следующие два дня любая мысль об удовольствиях закончится для тебя выгребной ямой. Понял? Вот и ладненько.

Сегодня «собеседники» с именами Сергей и Алексей для прогулки и общения выбрали оживленное место в центре города у высокой старинной башни с часами. Эта башня являлась достопримечательностью города, его символом. Механизм старинных часов с огромным циферблатом его создатели настроили, а следующие поколения мастеров поддерживали регулировку механизма так, чтобы через определенный интервал куранты громким боем сообщали городскому населению о точном времени.

Данное поистине сложное произведение техники минувшего веков доставляло людям радость и некоторую уверенность в завтрашнем дне на протяжении последних шестисот лет. Немудрено, что около башни почти всегда собиралось очень много народа.

«Уокер», чтобы ободрить «спутника», который своим приунывшим видом резко выделялся в беззаботной толпе зевак, прокомментировал вокруг происходящее с этаким пафосом:

— Заметь, Сергей, как символично, что именно завтра средневековые куранты громко поведают о начале операции под названием «Хилдегард».

— А нельзя ли без высокопарных слов? — недовольно поморщившись, буркнул Шелкун.

— Нет, — сурово отчеканил Алексей. — Потому что именно завтра, именно с боем часов на башне, мы вместе с твоей дочерью устроимся на указанной скамье в парке и будем ожидать появления долгожданных гостей. Причем у Лилии обязательно должна быть с собой коробка с Zip-дискетой.

В этом месте беседы Сергей запрокинул голову, чтобы взглянуть на высокую башню средневековой постройки. Главный символ города был увенчан 10-метровым шпилем, а под самой крышей башни расположились знаменитые куранты.

«А что — подумал мужчина, — будет здорово, если завтра данное архитектурное сооружение вкупе с часами принесет мне удачу». Однако, обратившись к Алексею, задал вопрос, который вовсе не касался области градостроительства:

— Тогда почему именно на скамье? Подальше от посторонних, которые в тот момент могут проходить мимо?

— Да, к нам должны подойти исключительно заинтересованные персоны. Мы не можем допустить сегодняшнего провала с Энни-Мэри.

— Это с бомжихой, что ли?

— Сергей, ты живешь в этой демократической стране десять лет, однако до сих пор не научился толерантности и политкорректности. Но это я, к слову. Теперь отвечу по существу. Да, утром Энни-Мэри задержали под предлогом, что она хранит опасные наркотики. И что ты думаешь, глубоко компетентные люди тщательно проверили ее с помощью новейшей диагностической аппаратуры. Однако не обнаружили ни малейшего следа присутствия «странника» в ее теле.

— Но ты же уверил меня, что ее мужик, является «спутником» для первого «странника». Мало того, подразделение в БНД якобы перехватило разговор между «странниками». Один из них говорил, что ожидает скорейшего прибытия своего напарника. Не проще ли будет арестовать этого бомжа?

— Ты задал много вопросов, — Алексей налился злобой, но тоном ответа своего настроения не показал, — что ж, я постараюсь дать тебе развернутый ответ.

К сожалению, местные шифровальщики пока делают только первые шаги в этом до сих пор неизученном сегменте прикладной науки. Которое именно я, кстати, назвал бы уокерологией. Так вот, сначала были перехвачены отрывки разговора.

Потом случился технический сбой. В результате не удалось выяснить, с кем вел беседу известный нам «странник», и запеленговать место нахождения второго «странника». Как ты называешь, бомжа, задержать и уж тем более арестовать нельзя ни в коем случае. Потому что первый «странник» обязательно успеет предупредить второго. И тогда — провал нашей операции. Чем это обернется для нас, ты, надеюсь, понимаешь. Без нужной информации мы окажемся здесь лишними людьми.

— Но Лилия привезла дискету!

— Тогда почему наотрез отказалась ее отдать тебе? В заявления твоей дочери, что она должна отдохнуть с дороги, мне верится слабо. Нет, тут что-то другое. Уж не затевает ли она собственную игру с этой Zip-дискетой? Не ровен час, обратится в эти независимые и демократические СМИ. Они же понадобятся совершенно для другой цели. Поэтому, Сергей, за оставшееся до операции время мы не должны спускать с Лилии глаз. Куда она, туда и ты!

— Даже в WC?

— Не смешно, и вообще, давай-ка, повторим алгоритм наших зав-трашных действий.

Итак, завтра днем с 15:30 до 16:15 мы будем встречать «гостей». К этому времени всю парковую зону оцепят от посторонних людей. Гру-ппа наблюдения с помощью технических средств будет контролировать место вокруг известной скамьи. Где должна произойти встреча сторон, — мы и «странники».

В заключительной части операции задействованы: ты, Лилия, я и Энни-Мэри. Ну и, само собой, Герд.

— Разве эта Мэри, — не «спутник»?

— Повторю, она чистая, и даже готова помочь. Кроме того, для всех участников операции подготовлена соответствующая инструкция. Из мер предосторожности, — кареты неотложной помощи будут стоять наготове.

Кроме того, для ослабления сил противника, и отвлечения его вни-мания от операции, задействован Гердт. Мы знаем, что он является «спутником». Поэтому ему поручается выступить в качестве якобы дуб-лера у Мэри. Тем самым мы контролируем действия его «странника». Когда же произойдет наш контакт со вторым «странником», они будут схвачены. А чтобы из них точно никто не ушел, недавно сформирован-ную спецгруппу бросят на перехват.

— Что ж, Алексей, ты меня убедил.

— Сергей, разве я подводил тебя когда-нибудь?

Алексей прекрасно понимал, что Сергей не доверяет ему после лик-видации агента-двойника. Что ж, имеет на то полное право. Однако не мог же «уокер» рассказать «спутнику» об истинной причине убийства, а она была донельзя простой.

Данный агент перестал быть нужным Алексею, так как после корот-кого промежутка времени элементарно превратился бы в его конкурен-та-информатора для нынешней разведслужбы. Еще страшнее, в опас-ного свидетеля прежних темных делишек «уокера».

Кстати, из полученной информации от агента-двойника следовало, что в России проблемой возвращения «Досье по спящим агентам» за-нялась группа из двух человек. Первая часть сообщения несказанно обрадовала «уокера». Она полностью соответствовала задачам опера-ции «Хилдегард».

Однако вторая часть полученных сведений не являлась столь ра-дужной, как первая, и заключалась в следующем. В указанную группу из России вошли бывшие «странники». Иначе говоря, с кем «уокер» в

бытность, скорее всего, пересекался, но теперь не имел ни малейшего желания встретиться опять.

Да, последнее известие сначала обеспокоило «уокера», однако в дальнейшем при зрелом размышлении страх отступил. Ибо что значит каких-то два «странника», если за ним стоит вся мощь Соединенной Европейской Службы или СЕС. Именно о данной спецслужбе с недавних пор грезил Алексей.

Поэтому успешное проведение «Хилдегард» послужило бы ему отличной стартовой площадкой для карьерного роста в этой организации. По мнению «уокера», завтрашняя операция обязательно вошла бы в анналы мировых разведслужб и, соответственно, прославила бы имя ее разработчика.

Дело в том, что итогом указанной операции послужило бы получение уникального досье на многочисленных агентов из прошлых эпох. В основном из числа зарезервированных, а некоторые вообще были на консервации. Но в любой момент готовых к действию. И уж совсем своеобразной премией или этакой вишенкой на торт явился бы захват «странников».

Последняя акция послужила бы точкой отсчета для запуска мощнейшей пропагандисткой кампании по Евросоюзу. Основной движущей силой здесь выступила бы старейшая разведка островитян. В результате мировая либеральная общественность смогла бы воочию увидеть звериный оскал коварного «русского медведя» с его страшными ядами и отравляющими газами.

8.

— Герд, докладывай.

— А чего говорить, вам обо всем известно, а я даже вашего имени не знаю.

— Зови меня, Вольдемар, — быстро откликнулся Волков, а про себя подумал: «Француз я, в конце концов, или нет».

Вспомнив, что «куратор от разведки» не любит повторять приказания дважды, Герд зачастил:

— Значит, докладываю. Мы с Энни приближаемся к скамье, на которой сидят Шелкун и молодая дамочка. В 15:55 Энни быстро подходит к этой парочке, и обрабатывает мужчину и дамочку из распылителя фирмы «Нина Риччи». Затем Энни должна убедиться, что ZIP-дискета

находится в дамской сумочке. А после вашего указания начинаю действовать я.

— Молодец, Герд. За хорошо выполненную работу ты взял из банковской ячейки триста евро. Сегодня я жду от тебя четкой работы в том же духе, чтобы на этот раз получить шестьсот.

Что касается вчерашних событий, то по указанию «куратора» Гердт совершил несколько малопонятных ему поступков. Сначала под сводами пешеходного моста он избавился от флакончика духов «Нина Риччи», который получил от Энни-Мэри. Затем почему-то в одиночестве немного прогулялся по парку. Недопонимание «спутника» усилилось, когда у одного из столбов городского освещения «странник» приказал остановиться и открыть дверцу в тумбе, причем там, где красовалась надпись «Осторожно высокое напряжение!».

Только страх перед «куратором от разведки» не позволил «спутнику» послушаться этого грозного предупреждения. Каково же было удивление Гердта, когда указанная дверца без всякого скрипа плавно открылась. Неужели муниципальная служба города перестала контролировать действия своих работников? С замиранием сердца «спутник» засунул дрожащую руку в открывшийся зев тумбы, робко поводил пальцами и на ощупь встретился с неизвестным предметом.

Когда же Волков наконец-то дал добро вытаскивать это нечто, радости Гердта не было предела. С глубоким вздохом облечения он вытащил руку с непонятной добычей, которая при ближайшем рассмотрении оказалась... очередным флакончиком духов. Указанный экземпляр очень подошел бы под описание флакончика, который совсем недавно «спутник» забросил в воды канала.

Последний факт не замедлил прокомментировать Вован в своей излюбленной манере:

«Да они похожи как две капли воды. Чую, эта «Нина Риччи» скоро потеснит «Калашникова» с рынка оружия. Вот чё бойся-то!»

В 15:25 по средневропейскому времени группа наблюдения из СЕС зафиксировала момент, когда на Графской Аллее появились объекты надзора и двинулись по направлению к парковой скамье № 13.

В указанную группу лиц входили шестидесятилетний мужчина среднего роста в добротном осеннем пальто и молодая миловидная женщина в демисезонной накидке. В руке женщина крепко сжимала небольшую дамскую сумочку.

По оживленной жестикуляции и покрасневшимся лицам у этих людей можно было твердо сказать, что между ними происходит серьезный разговор:

— Я не желаю уезжать в Австралию. Во-первых, далеко. Во-вторых, на пляжах опасно. Акулы. В-третьих, скоро этот материк расколется в результате землетрясений и последующего повышения уровня мирового океана. В результате страна затонет.

— Девочка, это все вражеская агитация.

— Не важно. Меня сильнее привлекает Доминикана. Там всегда тепло, и на пляжах белый песок. Отец, ты вечно говоришь со мной, будто я маленькая. Вот вчера уговорил меня поужинать твоей обожаемой гречневой кашей. Мало того, что я с детства терпеть ее не могу. Мало того, что багажом эту крупу провезла на самолете... Кстати, неужели в этой стране дефицит с гречкой?

— Ну, виноват я, дочка, люблю кашу из этой крупы. И ты удивишься, но здесь именно такого сорта не найдешь. А при готовке из него у каши получается особый вкус.

— Да ладно, отец, в конце концов, это мой подарок. Однако не понимаю, почему ты потащил меня в парк? Я хотела от души отоспаться.

После этих слов Шелкун оказался в двусмысленном положении. Казалось бы, он испытывал чувство вины перед дочерью за причиненные ей неудобства. В то же время ему не давал покоя «уокер». Сначала излишними, по мнению его «спутника», подозрениями по поводу дискеты. Затем гречки. Якобы эту крупу загодя отравили в России, а потом специально подсунули Лилии.

Теперь вот наставлениями, чтобы дочь обязательно присутствовала во время их встречи с противоположной стороной. Хотя здесь подозрения Алексея и Сергея совпали. Почему Лилия наотрез отказалась передать ZIP-дискету в руки отца? Знает же, что у него запланирована деловая встреча. Вчера Сергей битый час объяснял, как она важна, и где эта встреча должна произойти. Неужели дочь, в самом деле, захотела повести собственную игру?

В это время семья Шелкун приблизилась к очередному повороту на Графской Аллее, за которым через каких-то пятьдесят метров можно будет увидеть известную скамью. Но тут неизвестно по какой причине молодая женщина вдруг почувствовала сильное недомогание.

— Отец, — жалобно, но в то же время с какой-то настойчивостью произнесла Шелкун-младшая, — давай, присядем на эту скамью. Острая резь в паху. — И правда, от болевых ощущений черты лица у Ли-

лии исказились, на лбу у нее выступил обильный пот, а руку дочь с усилием прижала к низу живота.

Уже с утра Лилия пожаловалась на недомогание. Вот только Сергей Шелкун, занятый предстоящей операцией, не особо прислушался к ее сетованиям. Ко всему прочему, внутренний голос в лице Алексея подлил масла в огонь. Мол, у твоей просто каприз, что ее планы не удались. И вот тебе, пожалуйста! В результате Шелкуну-старшему пришлось аккуратно подвести свою младшую к скамье, и там постараться устроить дочь удобнее.

В свою очередь, «уокеру», обычно не доверявшему никому и ничему, выдалась прекрасная возможность присмотреться к поведению Лилии. Вдруг заметит признаки симуляции? Но нет, реакция на боль у женщины показались ему естественной. Хотя «уокер» должен был признать, что он по части женских болезней, — не специалист.

Тем временем Сергей, потоптавшись у скамьи, присел рядом с дочерью.

— Отец, ты не волнуйся, — с извиняющими интонациями в голосе произнесла Лилия, — сейчас у меня боль отступит, и тогда мы обязательно пройдем дальше по Аллее. Я же понимаю, до какой степени тебе важна будущая встреча.

Шелкун-старший вздохнул с облегчением. После чего даже закрутил головой по сторонам. Хотя последние движения он выполнил не по собственной воле, а по указанию Алексея. «Уокер» захотел осмотреться, вдруг он увидит первым возможного переговорщика?

В это время мимо семьи, где расположилась семья Шелкун, быстрым шагом прошмыгнула женщина в поношенной одежде и с шапочкой, надвинутой до бровей.

Что же касается нынешних отношений между отцом и дочерью, то их впрямую было бы назвать безмятежными. Младшая Шелкун нежно склонила голову к плечу родителя, а тот по-отечески взял ее ладонь в руки и ласково произнес:

— Послушай, Лилия, выкинь-ка ты из головы, что понаписали в рекламных проспектах из туристических агентств. Белый песок, видите ли, у них. Знаешь, когда получу деньги, то первым делом я займусь твоим здоровьем!

Несколько минут отец, и дочь помолчали в радостном спокойствии. Однако вскоре идиллия, только что возникшая между родственниками, приказала долго жить.

Шелкун-старший вдруг с подозрением воскликнул:

— Или ты о доминиканских пляжах начала петь с чужого голоса?

Дело в том, что его «внутренний голос» опять поспешил напомнить о себе: «Узнай, что там за кавалер объявился? Если жених, то нам прибудные ни к чему. А хорошего жениха, причем проверенного, мы найдем в своем коллективе. Да и вообще, чувствую, мы ограничимся захватом первого «странника». Жаль, что никаких признаков о появлении второго нет до сих пор».

Между тем в разговоре с родителем дочь продолжила давнюю тему беседы:

— Не забывай, отец, я давно взрослая, и у меня своя личная жизнь.

На заявление дочери Шелкун-старший мало того, что не замедлил ответить, а наоборот поспешил задать вопрос:

— Про жизнь-то понятно, но кто твой нынешний избранник?

Вот только подробностей, как зовут нового спутника Лилии, и чем занимается он по жизни, Сергею Шелкуну узнать не удалось.

Дело в том, что к отцу и дочери, занятым разговором, незаметно подкралась Энни-Мэри. Кстати, эта женщина недавно пробежала мимо. Когда же поняла, что мужчина, за которым следила прежде, теперь просто поменял скамейки, то вернулась обратно.

Будучи рядом с семьей, Энни извлекла из кармана бесформенной куртки распылитель, который был сделан в виде флакона духов «Нина Риччи». Затем с нервным возгласом обильно распылила содержимое флакона на лица и головы Лилии и Сергея Шелкун.

Потом истерично хохотнула, выбросила использованный флакон около скамьи, согласно ранее полученным указаниям, и, даже не взглянув на содержимое в дамской сумочке, пустилась наутек. Не исключено, что из-за боязни за содеянное. А возможно, чтобы поскорее получить 100 евро, которые пообещали за якобы несложную работу.

Через три минуты после бегства Энни-Мэри от парковой скамьи, место подруги занял ее сожигатель. Первым делом, по наставлению «куратора», Гердт окинул взглядом местность вокруг скамьи. Не обнаружил ничего подозрительного. После чего осмотрел неподвижные тела мужчины и молодой женщины. Именно с этого момента «спутник» Волкова безоговорочно выполнил все указания его «куратора от разведки».

Если подробно, то из кармана бесформенной блузы Гердт вынул распылитель, который в известной степени напомнил бы флакон духов «Нина Риччи». Положил его на скамью рядом, чтобы впоследствии им было удобно воспользоваться.

Затем на сгиб локтя левой руки положил голову младшей Шелкун. С помощью большого и указательного пальцев сдавил щеки женщины.

С таким усилием, что рот у Шелкун приоткрылся. После чего правой рукой несколько раз брызнул содержимым из флакона. До тех пор, пока его «куратор» не остановил:

— Теперь посмотри на содержимое дамской сумки. Прекрасно! Вытащи Zip-дискету из ее коробочки. Дискету — в карман, а коробку оставь в сумочке, и живо беги под мост за деньгами.

«Спутника» не пришлось упрашивать дважды. Гердт кинулся вниз по склону канала, чтобы затем по его бровке, выполненной из камня, добежать вдоль воды до пешеходного моста и нырнуть под его свод.

«Странница» неясно почувствовала, что в рот ее «спутницы» попало некоторое количество распыленной жидкости. Словно издавала давно забытое ощущение, которое очень трудно, а порой бывает что вообще невозможно описать словами. Причем сколько бы данное событие не повторялось в ее жизни, привыкнуть к нему было нельзя.

Затем проследовала целая череда мгновений: сначала ярчайшая вспышка, потом кратковременный мрак. В следующую секунду, нет, миллисекунду Дарья внезапно поняла, что нынешний процесс отделения ее сознания от тела «спутницы» отличается от всех предыдущих. В следующий миг Морева уяснила причину: «Газ! По замыслу «уокера» он явился бы виновником якобы отравления. В результате в организме Лилии яд соединился с нашим препаратом. Что в итоге заблокирует мне выход, когда я буду покидать «спутницу».

Тем временем сознание Дарьи — сферическая энергетическая оболочка — начало движение к отделению от тела женщины. Правда, что это был за путь. Обычно данный процесс происходил плавно с быстро нарастающей скоростью, и при этом «странника» охватывало чувство необычайной легкости. Чего нельзя было сказать о нынешней ситуации. Теперь «сфера» Моревой покидала «спутницу» чрезвычайно медленно и мало того с изматывающей ее душу прерывистой дрожью.

Последнее не помешало Дарье обратить внимание на молодую женщину, которая, словно в глубоком сне, раскинулась на парковой скамье. «Ну конечно, — в мгновение ока сообразила Морева, — подо мной лежит бывшая «спутница». По иронии судьбы рядом с Лилией, на краю и поперек той же скамьи в неподвижной позе застыл Сергей Шелкун.

«Из-за денег рискнул здоровьем дочери, — с неприязнью подметила Дарья. — А развалился-то, и впрямь колода колодой».

В этот момент «странница» четко ощутила эмоции чужого присутствия и поняла, что оказалась свидетелем беседы Алёшки, чтоб ему провалиться в глубь веков, с ее лучшим другом-товарищем:

— Не оставляй меня. Я передам тебе сведения о «спящих». Анкеты на них дорогого стоят. Тем более что смогу сообщить о состоянии дел у европейских «уокеров». Вообще-то с моей подачи теперь они называются «ньюоокерами».

Осознав полученную информацию, Дарья просто налилась злостью: «Врет как сивый мерин, тоже мне, неймер объявился!»

Между тем новоявленный «олдуокер» долго распинаясь бы о своих заслугах, пока в его монолог не вмешался Волков:

— Алёшенька, да теперь нам твое досье без надобности.

— А-а..., я так и знал, что это ты, Волчара! По запаху учуял тебя, давнего знакомого, — не замедлил с ответом нерастерявшийся его собеседник. — Однако ты же блефуешь. Как понимаю, теперь у «странников», или как там сейчас ваша контора называется, совсем дела плохие. Если тебя, пенсионера задрипанного, откуда-то выкопали. А у тебя даже методы связи пещерные. Это же надо, эхо пошло по всем временным тоннелям от твоих мыслей-переговоров со вторым «странником». Кстати, у него что, силенок не хватило, чтобы сюда добраться? Сгинул на старости лет, не справившись с ветром времени?

— Об этом тебе лучше спросить у Моревой, — «странник» не обратил ни малейшего внимания на хамство Алексея. Понял, что оскорбления последнего, лишь жалкая попытка задержать «спутника» Волкова. Если не вблизи от парковой скамьи, то хотя бы, чтобы тот не покинул территорию парка.

Однако тот же «странник» забеспокоился, чем именно усыпили семейку? Версию, что их отравили, чтобы убить, Волков отказался даже рассматривать. Зачем это «уокеру» и его теперешним хозяевам?

В это время к Моревой пришло понимание, что ее сознание с огромным трудом, но все-таки «сбросило путы», которыми до последнего было приковано к телу «спутницы». Дарья облегченно вздохнула:

«Значит, нашему старому доброму «Симбо Ц» удалось-таки справиться с новейшим изобретением западных, так сказать, «партнеров».

После чего «странница» не преминула присоединиться к диалогу давних врагов:

— Володь, это «Старичок», новая разработка европейских биологов. Газ нервно-паралитического действия, но для «странников не опасен. Если, конечно, у тебя под рукой «Симбо Ц». Подробности сообщу, когда доберемся на базу.

— Морева здесь, что ли? — «уокер» до последней минуты не мог поверить «страннику». Не мудрено, потому что если в паре «странник-спутник» Морева встретила с Лилией Шелкун, то этот тандем для «уокера» превратился бы в настоящую катастрофу. В подобном случае ни один из секретов Алексея и Сергея Шелкуна теперь не явился бы тайной за семью печатями.

— Неужели, все-таки Дашка? — страхась поверить очевидному факту, не унимался посрамленный «уокер».

— Для тебя, сморчок, Дарья Сергеевна! — кратким заявлением Волков подвел окончательный итог в, так сказать, познавательной беседе с «уокером».

Тем временем «странница» устремилась к безоблачному небу. О чем немедленно сообщила напарнику. Волков тотчас отдал последние распоряжения «спутнику».

Кстати, на данную минуту в лихорадочном ожидании денежного платежа Гердт успел затаиться под пешеходным мостиком. Место было укромное, но позволяло человеку двигаться без всяких ограничений. Оглядывая его и сгорая от нетерпения, «спутник» был готов даже разобрать — слава Богу, что лишь в мыслях! — данный мостик до последнего камушка. Однако на это команда не поступила, зато пришла иная.

— Гердт, — скомандовал Вован, — ногой раздави корпус дискеты. Удалось? Тогда достань из него гибкий магнитный диск. И не говори, что не знаешь, как сделать, ты же у нас бакалавр! Возьми диск и сильно-сильно несколько раз потри его с двух сторон о бордюрный камень. Ну а сейчас покидай все барахло, что наломал, в воду канала. Да подальше друг от друга. Молодец! Теперь выпей содержимое, что осталось во флакончике духов, из которого прежде ты потчевал дамочку на скамье. Слышишь? — Однако почувствовав внутреннее сопротивление «спутника», дескать, где 600 евро, «странник» пояснил свое предыдущее указание: — Выпей, иначе умрешь, а пустой флакон тоже забрось в канал. Да кидай в сторону от места, куда побросал обломки дискеты. Скажу тебе по секрету, у скамьи ты работал с опаснейшим ядом под названием «Старичок». Ну а сейчас ты принял от него антидот.

— А как же Энни? — потерянно прошептал Гердт.

Волков сделал вид, что не услышал: «В конце концов, если этим «нюуокерам» понадобится, то они смогут откачать подругу Гердта». Потом «куратор от разведки» сообщил «спутнику» заветную для того

новость, которая должна была бы хоть немного утешить новоявленного Джеймса Бонда:

— Что касается денег, то запоминай номер банковской ячейки, — 74068. Короче, действуй-злодействуй, и не кашляй!

9.

Между тем небо закончилось. Точнее сказать, изменилась суть такого понятия, как небо. Хотя цвета окружающей обстановки можно было смело сравнить с колером «пятого океана». Правда эта «небесная синь» приобрела сначала пасмурно серые тона. Затем цвета из серых превратились в фиолетовые, а потом в черные. Вот только Дарью встретило не космическое пространство. Она вступила в особую зону, которое среди «странников» называется Пограничье. Хорошо, что с данным понятием Морева была знакома не понаслышке.

Пока «странница» с превеликим трудом выбиралась из оков ее отравленной «спутницы», Волков, словно ракетой вылетев из тела «спутника», внезапно ощутил злобное присутствие посторонних. Дело в том, что вокруг каждого индивидуума, будь он «странником» или «уоке-ром», образовывалось некое эмоциональное поле. У кого мощное, у кого слабое, но указанное поле такое же неповторимое, какими являются отпечатки пальцев у человека.

«Ладно, три чужака, это вам не пять», — озабоченно подумал «странник». После чего ему ничего не оставалось делать, как схватиться с неизвестными.

Преследователи тоже почувствовали Волкова и сразу начали брать его в «клещи». Даже попытались нанести несколько ударов. В ответ Вован, резко увеличив скорость, заложил вираж и начал уходить в негласно запрещенное место. Туда, где проходят пути освобожденных от телесной оболочки человеческих душ.

Сразу последовала ответная реакция преследователей. Правда, на первых порах они смутились и даже сбросили скорость. Потом один незнакомец по неизвестной причине решил не заходить в опасную зону. Узвленное самолюбие двух прочих толкнуло их на отчаянный шаг. Они устремился вслед за Волковым.

Что касается «странника» то, подойдя к Последнему тоннелю, Вован погасил скорость и вступил в него. Вокруг закрутилась карусель черных, белых секторов. Волков ненамного углубился в тоннель до только ему известного ориентира. Затем развернулся и слегка ударился в невидимую, и назовем ее исходной, стенку тоннеля.

Стенку, которая, кстати, была осязаема для «странника». Здесь, на данном участке пространства действовали, причем избирательно, законы классической физики. Получив слабый ответный импульс, «странник» полетел к противоположной стенке. Потом рикошетом, но теперь с увеличивающейся скоростью опять направился к исходной стенке. Именно таким способом, словно шарик пинг-понга, «странник» начал сближение с преследователями.

Никто не хотел уступать в этой лобовой атаке. Приближаясь, перехватчики «открыли шквальный огонь». Извилистые, словно змеи, лучи их ментальной энергии ударили по выбранной цели, впрочем, без особого успеха.

«Странник» получил несколько попаданий, но раны не оказались критичными. Мастерски маневрируя, и с нарастающим ускорением, Волков сблизился с неприятелем. Причем таким образом, что его противники вынуждены были оказаться вблизи друг от друга.

Сверкающим болидом «странник» с огромной скоростью врезался в первого из неприятелей. Тот в мелькании перед ним черных, белых секторов потерял ориентацию в пространстве. После чего в панике заметался из стороны в сторону. Его сознание отключилось, и в результате данный противник окончательно вышел из боя.

В этот момент отброшенная ударом «сфера» Волкова сцепилась в ближнем бою со вторым противником. Перебросив неприятеля через себя, «странник» придал тому дополнительное ускорение, которое противник не смог преодолеть. В результате его душа с рваными остатками сознания угодила через Последний тоннель прямоком в область пространства под названием, Мытарства. В область крайне загадочную и до сих пор неизученную.

В ту же секунду Волков постарался ощутить присутствие оставшихся врагов. Однако попытки его ни к чему не привели. Значит, противник отступил. В чернильной темноте Пограничья «странник» оказался в одиночестве. Его окружала лишь только крошечная тьма и могильная тишина. Между тем из сферы «странника» через полученные в бою рваные отверстия выходила по каплям драгоценная внутренняя психическая, иначе, ментальная энергия. Из последних сил Волков попытался преобразовать поврежденную энергетическую оболочку своего сознания.

Бывает, что человек, оказавшийся в экстремальной ситуации, чтобы остаться в живых, без всякой анестезии отрезает себе какой-нибудь часть, или орган тела. Сейчас Волков столкнулся с аналогичным фактом. Да только он знал, что делать. Тридцать лет работы во многих ко-

мандировках его многому научили. Поэтому «странник», несмотря на ужасные душевные боли, начал безжалостно «отсекать», избавляться от омертвевших, и тем ему мешавших, частичек сознания.

Как результат черная мгла вокруг его энергетической сферы исподволь сменилась на тусклую пелену, а в мрачное безмолвие окрестностей постепенно вошли звуки разной величины и тональности.

К радости, в одном из этих шумов, Волков разобрал мысли его доброй подруги:

— Волчара, миленький ты мой, как же я за тебя волновалась!

На удивление «странницы», к ее другу немедленно вернулись его былая самоуверенность и похвальба. Недавняя схватка с неведомыми противниками, словно его не коснулась, а последующее самолечение-самоистязание, будто бы, произошла не с ним.

— Да какие проблемы, Дарья? Подобным пируэтам с Последним тоннелем меня сам Леший научил. Но это еще что, а вот когда мне довелось...

— Молчу, Волчара, молчу, — Морева издала нечто похожее на смешок. — Я прекрасно помню, когда в одной из командировок в Древнюю Русь IX века ты прочитал злой ведьме лекцию, — Об основах социализма. А в другом «странствии» ни кого иного как Серого Волка взялся обучать Правилам безопасного движения на автострадах.

— Ну и что, — не сдался ее друг. — Мне важен был результат. Вот ты говоришь, дескать, ведьма злая-злая, а между тем дорожку она указала верную. Про Волка или автомобиль темы вообще не обсуждаются. Что касается моего крайнего «спутника», так если бы я руководил операцией, то...

Неожиданно размышления «странника» вернулись к недавнему поединку, который завершился его блистательной победой. Иначе и быть не могло! А уже в следующее мгновение перед мысленным взором Волкова пронесся образ Д'Артаньяна в исполнении Жана Маре с фразой, которая сейчас точно соответствовала нынешним думам Волкова. «Эх, а видели бы вы меня двадцать лет назад!»

Стоило «страннице» разобрать имя знаменитого мушкетера, как она тотчас же сообразила, что ее друг остро нуждается в восстановлении сил. И чем скорее, тем лучше. Оптимальный же отдых, по мнению Дарьи, заключался в смене деятельности. В их случае в обмене мнениями или беседе.

— Володька, как чувствуешь себя после этого боя. Кстати, с кем сцепился, на твой взгляд?

— Сам не понимаю, — задумался «странник». — Меня начали преследовать три «ньюоукера». Но перед Последним тоннелем разделились. Один из них, скорее всего, здраво прикинул свои силы и отвалил в сторону. Тут вроде бы ясно. Он профессионал и сообразил, что схватить меня в тоннеле задача чрезвычайно трудная, если вообще выполнимая. В таком случае, зачем ему погибать понапрасну? А вот остальные... Эти оказались уж очень идейными. Пошли напролом чисто на эмоциях. Для них поймать меня было сродни победе в их операции.

На это Морева выразила недоумение:

— Странно, откуда взялись идейные в наш сугубо утилитарный мир?

— По всему, из Туманного Альбиона.

— Ух ты, откуда узнал? — Здесь Дарья пришла в крайнее изумление от выводов, насколько оригинальных, настолько же, по ее мнению, скоропалительных.

— По рваным обрывкам их предсмертных мыслей, когда они уходили навсегда. А врать напоследок в этом случае никакого смысла нет. Вот и мелькнули передо мной пара-тройка правдивых образов. Например, как нашу страну необходимо обвинить чуть ли ни во всех смертных грехах. Тут один «Старичок» чего стоит. Во-вторых, ФРГ замазать. Дескать, какие слабые союзники, если у них твориться подобное, — без малейшей тени сомнения ответил друг Моровой, а затем сделал окончательный вывод по поводу недавней схватки: — Полагаю, что моими врагами оказались спецы из МИ-6. Эти вечно тень на плетень наводят да так ловко, что о них подумашь в последнюю очередь.

— Хм..., в таком случае, позволь спросить, что сподвигло тебя на подобное заявление, мой несравненный аналитик? Неужели тебе известна разница в мыслительных процессах жителя, например, из Суссекса или Девоншира?

В последнем вопросе его подруги Волков почувствовал иронию, но ответил вполне серьезно:

— Прекрасно знаешь, что я не языковед. Зато без затруднений смогу отличить левостороннее движение от правостороннего. — И предугадывая следующий вопрос, продолжил: — Увидел картинку в затухающем сознании «ньюоукера», где автомобиль подъезжает к зданию штаб-квартиры данной спецслужбы. Вот чё бойся-то. — Этой извечной присказкой он попытался завершить свой аналитический обзор по текущим событиям. Однако не утерпел и через силу все-таки добавил то, что его действительно беспокоило: — Ладно, Дарья, что-то я действительно с моим анализом — хорошо не медицинским! — влез не в свою

область. Поэтому насчет МИ-6 тебе лучше потолковать с Эс Пэ, а там уж как карта ляжет.

Опять было замолчал, но через непродолжительное время задал встречный вопрос:

— Ты лучше вспомни, когда в две тысячи четвертом проводили совместную операцию с БНД по империи Каролингов, ваши обучали стажеров?

— Было дело, — согласилась Дарья. — Непосредственно учебой и подготовкой я не занималась. Однако в розыске «ньюуокеров», пропавших во время одного из мятежей в Саксонии VIII века, я принимала активное участие. Кстати, в той экспедиции мне довелось поработать с двумя «ньюуокерами». И здесь отмечу, что они, Мартин и Вилдо, оказались не только знающими специалистами, но и людьми с отличными человеческими качествами.

Вот тогда же я и пересеклась с этим... Алёшкой. Сначала он числился среди «уокеров», затем переметнулся к «странникам». Ну а потом, судя по его делишкам с бодричами и вильцами, Алёшку потянуло, так сказать, на вольные хлеба.

Знать, не давали ему покоя мечты нашего давнего «дружка» Гордыни, — последнего из семи Симеонов. Кстати, с ним ты, как Серый Волк, больше не пересекался?

Волков понял, что его подруга в попытке уйти от неприятного для нее вопроса, вспомнила о другом «уокере». Да только о Гордыне Волчара готов был вспомнить в самую последнюю очередь.

Поэтому он продолжил прежнюю тему беседы:

— Значит, на Алёшке Эс Пэ зацепил тебя на нынешнюю работенку. Ну что ж, теперь ты можешь быть спокойной. После сегодняшнего оглушительного провала любой службе он будет по барабану.

В свою очередь, Морева сообразила, что в данный момент лучше ответить на неудобный вопрос, чтобы в дальнейшем к нему больше не возвращаться:

— Понимаешь, раньше я злилась не на этого «уокера» Алёшу, а исключительно на себя. За то, что в том давнем «странствии» у Ратенхугеля не распознала в нем гадкого перевертыша. А узнай его суть раньше, не сорвалась бы тогда, как задумывалась, экспедиция с лже-внучкой Карла Великого. Да и по возвращению из командировки не возбуждали бы против меня уголовного дела. Но случилось то, что случилось, а именно долгое следствие, и не менее утомительный суд. Приговор, затем апелляция. И хотя в итоге вердикт суда вынесли оправдательным, от всех этих игр тошно мне до сих пор.

После чего «странница» надолго замолчала. Лишь только по части Пограничья сразу разошлись волнами ее эмоции. Правда, не гнева, не раздражения, а холодного равнодушия. Хотя позже Морева все-таки бурдо встряхнулась, и произнесла с озабоченностью:

— Волчара, а давай-ка, мы отступим поскорее из этой области. Вдруг объявятся очередные перехватчики?

— Не думаю, сейчас «ньююокерам» самое время, чтобы раны заливать. Однако, ты права, быстренько уходим отсюда. Держись за мной. Отыщем нужный коридор, и все тогда будет претотлично.

В какой-то момент «странникам» удалось обнаружить необходимый путь к возвращению на базу, и тогда они неторопливо «поплыли» по коридорам безбрежного океана владений его величества Хроноса.

Для Моревой, наконец, выпала счастливая возможность привести ее мысли в порядок. Волков правильно понял, что задумала Дарья, и не возразил. Его всегда больше интересовала живая оперативная работа в «странствии», чем кропотливая аналитика.

10.

Группа наблюдения из СЕС зафиксировала, что к 15:50 у скамьи №13 семья Шелкун не появилась. Оказалось, что по неизвестной пока причине семья изменила место встречи с противной стороной. Группа технического обеспечения не смогла за столь короткий промежуток времени оказать содействие группе визуального надзора. Тем не менее по инструкции агент Мэри, в 15:58 обнаружила семью Шелкун на скамье № 12 и обработала их газом.

В 16:01 у скамьи № 12 появился агент Герд и продублировал действия агента Мэри. Из-за дальности поста визуального наблюдения агенты не смогли утверждать со стопроцентной гарантией, что агент Герд, осмотрел внутренности дамской сумочки.

Здесь служба наблюдения отметила, что в охраняемой зоне семья Шелкунов оставалась без надлежащего присмотра на протяжении восьми минут. Однако за все время наблюдения за указанной семьей, никто из посторонних лиц к ним даже не приближался.

Поэтому по истечению отведенного времени на операцию, а именно 16:15 по средневропейскому времени, командир группы наблюдения отдал приказ о вызове двух карет скорой помощи. Официальная версия, — оказание экстренной помощи лицам, которые были обнаружены в парке на Графской Аллее с признаками острого и неизвестного отравления.

Означенные машины скорой помощи оперативно прибыли к месту происшествия. Позже потерпевших незамедлительно доставили в окрестной госпиталь.

После чего, исходя из всех сложившихся фактов, компетентные службы Евросоюза, иначе говоря СЕС, посчитали, что операция «Хилдегард», подошла к завершению.

В свою очередь, мысленный отчет «странницы» Моревой о проделанной работе во время ее заграничной командировки прозвучал следующим образом:

«Должна сразу отметить, что без дезинформационной поддержки Волкова, мое местоположение определилось бы легко. Ибо на протяжении полутора суток напарник в роли «странника» для противной стороны создавал впечатление, что мы постоянно находимся на связи друг с другом, а мое прибытие в Райнштадт — не за горами. Хотя, на самом деле, в течение последних двадцати четырех часов, я спокойно обитала в этом славном городе.

Однако по порядку. Мое включение в операцию по возвращению досье началось с появления в Шереметьево. Именно в этот аэропорт я и Эс Пэ добрались на обычном рейсе Аэрофлота из нашего города.

Здесь надо сказать пару слов о высоком профессионализме начальника нашей группы. Он не только провел на отлично телефонные переговоры с госпожой Шелкун, после которых она согласилась встретиться с ним в Шереметьево перед отлетом ее самолета. Вдобавок загримировал меня до такой степени, что в момент появления в привокзальном кафе я выглядела, действительно, старушечьей шалью, побитой молью.

Затем Эс Пэ с ловкостью добавил «Симбо Ц» в кофе для госпожи Шелкун. В это время я тоже приняла данный эликсир, и в результате случилась пламенная встреча двух женских сознаний. Кстати, мое проникновение в тело Лилии произошло, когда женщина бодрствовала. Что до сих пор считается непростым делом. Ибо здесь у потенциально «спутника» могли бы проявиться негативные факторы как психологического, так и физиологического плана.

Именно поэтому мы устроили небольшое шоу с рукоприкладством и дерганием за волосы. Необходимо было любым способом отвлечь внимание Шелкун, когда я как «странник» очутилась в ее организме. После чего в игру опять вступил Эс Пэ. Ему предстояло без лишнего шума

забрать мое тело из кафе и отвезти на базу, в которую на этот раз превратилась наша квартира.

Что касается меня, то я оказалась у «спутницы», которая ни сном ни духом не догадалась о моем подселении и позднейшем проживании в ее теле. Для чего пришлось вспомнить кое-какие предыдущие наработки по данному вопросу. В результате три последующих часа каждая из нас провела по собственному разумению. И при встрече молодых влюбленных, и во время перелета на «Аэробус-320».

Я, к примеру, сначала подслушала историю о старой ZIP-дискете. Потом очень тонко и не назойливо, пока «спутница» спит по время перелета, покопалась в тайниках Лилиной памяти. Из чего узнала, что на данной дискете хранится архив, суть которого не знакома Шелкун-младшей, но который страстно мечтает заполучить Шелкун-старший.

Однако у влюбленных голубков родился план, на котором они тоже решили подзаработать. Если уж к ним в руки попала информация, за которую можно получить большие деньги, то грех было бы ей не воспользоваться.

По крайней мере, Шелкун-младшая решила выступить в роли посредника при продаже. Однако если дочь не договорится с отцом по любовно, то не исключен был вариант с шантажом.

К сожалению, планы влюбленных шантажистов моментально рассыпались в прах, стоило только Лилии встретиться с Шелкуном-старшим в Райнштадте. Дочери, правда, не было известно, что ее отец затеял игру с продажей архива не по собственной инициативе. Зато я поняла сразу, — «уокер» в опасной близости.

Здесь мне на выручку пришел опыт из давних «странствий», когда маскировка явилась бы единственной возможностью, чтобы моего тогдашнего «спутника» не отправили, к примеру, на костер.

В моем же нынешнем случае при попытке «уокера» просканировать Лилию на предмет присутствия в ее теле «странника», я благополучно затаилась в тени сознания Шелкун. Тут самонадеянность Алёшки — знаний и умения ни на грош, а берется за дело! — пришла мне на помощь. В результате я оказалась в курсе как разговоров, так и мыслей противников.

Например, из бесед между Алексеем и Сергеем я выяснила о плане операции «Хилдегард». Целью явился бы захват «странников», для чего приготовили ловушку в виде семьи Шелкун.

Что касается копий дискеты, которые теперь хранятся у жениха Лилии, то для меня это явилось приятным сюрпризом. Полагаю, что поз-

же в России после соответствующей беседы этот молодой человек обязательно вернет нужное нам досье.

Теперь о «Старичке». Это новейшая разработка военной лаборатории из города Партон. Именно с помощью данного яда человеческий организм сначала вводится в запредельное коматозное состояние, а затем после проведения назначенных мер по реабилитации человек выходит из этой комы IV степени. Безусловно, если на то будет желание заказчика.

Сообщить Волкову обо всех замыслах «уокера» и его хозяев я не смогла бы под угрозой провала нашей операции. Поэтому устроила проблемы с женскими органами у моей «спутницы». Сознаю, что причинила ей острую боль. Однако главной задачей для себя посчитала, чтобы встреча «странников» и «уокера» произошла не под надзором СЕС. В результате наша операция завершилась без потерь с нашей стороны и, мало того, принесла успех».

Тут Волков отвлек Мореву от составления своеобразного отчета по текущей командировке, заявив: «Готовься, мы приближаемся». На что Дарья ничего не ответила. «Значит, по-прежнему наш трудоголик в работе», — хмыкнул про себя ее напарник.

Кстати, если теперь посмотреть на «странников», то они представляли собой два сферических объекта с разной интенсивностью свечения. От ярко-красного цвета, принадлежавшего Волкову, до темно-зеленого оттенка, которым было окрашено сознание Моревой.

Наконец у «странницы» был подготовлен мысленный отчет о заграничной командировке. Настроение Дарьи мгновенно поменяло оттенки цвета ее «сферы». Из темно-зеленого, который прежде воплощал озлобленное состояние Моревой, цвет посветлел. Что означало радостное расположение духа «странницы».

Волков заметил изменения, которые произошли в настроении его напарницы, и поспешил за объяснениями:

— Ну, если освободилась от работы, то уж, будь добра, поведай, какие у тебя мысли об этом новом «Старичке»?

— А что рассказывать? — прикинулась Морева этакой простушкой. Поняла, чем был обусловлен внезапный интерес ее друга к яду. Не исключено, что неугомонный авантюрист теперь задумался, не помогут ли его здоровью свойства этого «Старичка»? Дескать, летаргический сон, и все такое прочее... Так вот, чтобы ничего подобного не произошло и в помине, Дарья решила сразу и бесповоротно поставить жирный крест на планах по затеваемой афере.

После чего, даже особо не задумываясь, она продолжила вроде бы прежнюю тему разговора, но повернула течение беседы в сторону, которая была выгодна для нее:

— Коротко рассказать не получится, а если долго, то времени не хватит. Ты же привел нас прямой дорогой к родному дому. Значит, сейчас нас встретит разлюбезный, Сергей Павлович. Наверное, заждался. Вот тогда мы обстоятельно и доложим ему обо всех результатах нашего закончившегося «странствия».

Затем Морева без лишней паузы перевела беседу на другую тему. Что действительно наболело у нее на душе за прошедшие дни и часы, которые, кстати, истекали буквально в эти минуты.

— Командировка у нас правда же последняя, дорогой ты мой милый Волчара? — нежно промурлыкала Дарья. Прямо сейчас ее «сфера» терлась о «сферу» напарника, словно ласковая кошка о ногу хозяина. Ибо Морева прекрасно сознавала, что ее сиюминутная нарочитая любезность в общении с другом, казалась приятной Волкову.

В свою очередь, «странник» догадывался, что эпитеты в превосходной степени в его честь являлась не более чем шутливая игра Дарьи. А что было ей в радость, считал Волков, значит приятно ему.

Из чего следовал однозначный вывод: когда Морева и Волков — рядом, они чувствовали бы себя естественно и порой даже прекрасно в любых жизненных ситуациях. В каком бы состоянии ни находились. Хоть в своем человеческом теле, хоть в чужом у «спутника», а хоть «странниками» в Пограничье.

Как раз сейчас в продолжении их общения эту мысль подтвердила Дарья, обратившись к своему другу:

— Зато, когда придет настоящая зима, то долгими и холодными вечерами, мы присядем у камина рядком, и поговорим ладком. Например, ты поведаешь о царях, колдунах и злых боярах с бандитами всех времен и народов.

В свой черед, я расскажу о ведьмах и драконоборцах, о духах лесных, водяных и домашних, равно как и о чародее-разлучнике меня с красавцем-витязем. А мое участие в операции под названием «Шамаханская царица»?.. Или процесс рождения временной воронки, картина от которого ужасает и одновременно чарует взор?.. Да много, о чем мы сможем поговорить спокойно и не торопясь. Ведь мы же теперь на пенсии! Да, Володенька?

ТЕАТР

Вячеслав Кушнир

г.Инта, респ.Коми

ПОЭМА О ТАРАСЕ БУЛЬБЕ

драма в 2-х действиях

по мотивам повести Н.В. Гоголя
«Тарас Бульба»

действующие лица:

ТАРАС — козацкий полковник, пятидесяти лет

МАРИЧКА — его жена

ОСТАП — его старший сын

АНДРИЙ — его младший сын

ТОВКАЧ — его товарищ, есаул, погодок

ЭВЕЛИНА — польская дворянка

ТАТАРОЧКА — служанка панночки

ЯНКЕЛЬ — жид

Гайдук, Шляхтич с Юзысей и другие люди

Действие 1

Картина 1. Дом.

СЦЕНА 1. Двор дома Бульбы. Утро. На нижней ступеньке крыльца сидят Тарас и Товкач, курят. На пороге дома стоит Маричка, глядит вдаль.

МАРИЧКА. Тарас, я — мать, не забудь, дай мне наглядеться на диток.

ТАРАС. А что, Товкач, как тебе табак мой?

ТОВКАЧ. Злой, как татарин.

ТАРАС. А только нет большего зла для козака, чем бабы, не?

МАРИЧКА. Что же то за зло, которое я тебе сделала, чоловиче?

ТАРАС. А что, Товкач, как тебе холостякуется, небось, краше, чем мне, застарелому женатику? У тебя, вон, и чубина, и ус молодого колера, а у меня уже всё кругом белым-бело.

ТОВКАЧ. Так-то, конечно же, так, только у меня сынов, как у тебя, нету, а где ж их взять, как не через бабскую, злонамеренную возможность рожать. Так что, не гневи Бога, хлоп, цени, что нажито, оно больше того, что прожито.

МАРИЧКА. Едут, едут! Вон они!

ТОВКАЧ. Что ж не идёшь, батьку, сынов встречать?

ТАРАС. Разве ж я их никогда в жизни не видел, чтоб кидаться? Козак без глупых нежностей всегда обойдётся, и кто знает, что за дети теперь стали. Чему их в Киеве обурсачили? Может быть, они есть козаки, а может быть, поповские прихвостни. Сейчас проверим их, как надо. А ты, Маричка, стой, пока не скажу, не суйся до них с соплями своими, успеешь ещё обслюнявить детёнышей.

Входят Остап и Андрий.

ТОВКАЧ. Вот они, Тарас, погляди уже, не кобенясь.

МАРИЧКА. Сыны мои!

ТАРАС. Цыц! Стоять, кровь бы тэбэ зальела, стара! (Встаёт, подходит к сынам. Остапу.) А поворотись-ка, сын. Экой ты смешной какой, что то на вас за поповские подрясники. И этак все ходят в академии? Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько. А ну, поворачивайтесь кругами, чтоб я вас всех разглядел. Поворачивайтесь, раз отец приказуе. Какие же длинные на вас свитки. Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас? Я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

ОСТАП. Не смейся, не смейся, батьку.

ТАРАС. Смотри ты, какой пышный. А отчего ж бы не смеяться?

ОСТАП. Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу.

АНДРИЙ. Да что ты, Остап...

ТАРАС. Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?..

ОСТАП. Отойди, Андрий. Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

ТАРАС. Как же хочешь ты со мною биться? Разве на кулаки?

ОСТАП. Да уж на чём бы то ни было.

ТАРАС. Ну, давай на кулаки! Посмотрю я, что за человек ты в кулаке. (Бьётся.)

МАРИЧКА. Смотрите, добрые люди: одурел старый! Совсем спятил с ума! Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

ТОВКАЧ. Не встрейвай, Маричка, чтоб самой не быть битой. То ж Тарас Бульба!

ТАРАС. Да он славно бьётся! (Останавливается.) Будет. Ей-богу, хорошо! Так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак. Ну, здорово, сынку, почеломкаемся. (Целуется с Остапом.) Добрэ, сынку! Вот, так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай. А всё-таки, Остапэ, на тебе смешное убранство: что то за верёвка висит? (Анрию.) А ты, бейбас, что стоишь, и руки опустил? Что ж ты, Андрий, собачий сын, не колотишь меня?

МАРИЧКА (обнимая Андрия). Вот ещё что выдумал! И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось...

ТОВКАЧ. Тому дитя уже за двадцать лет и ровно в сажень расту... здорово, Остап.

МАРИЧКА. ... ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться.

ТОВКАЧ. Здорово, Андрий. Да оторвись же ты уже от матери для козаков.

АНДРИЙ. Здорово, вуйку Товкач.

ТАРАС. Э, да ты мазунчик, как я вижу. Иди же и ты до батька. (Целуется с сыном.) Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чисто поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот сю саблю — вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия — всё это ка зна що, я плевать на всё это.

МАРИЧКА. Да не бранись же ты только, старый, уши ж опадают!

ТАРАС. А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот, где наука так наука! Там вам школа; там только наберётесь розуму.

МАРИЧКА. И всего только одну неделю быть им дома?

ТАРАС. Та не плакай уже, стерлядь адская.

МАРИЧКА. И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

ТАРАС. Полно! Полно выть, старуха!

МАРИЧКА. Да я тебе моложе, пёс смердячий, через тебя и старухой раньше срока сделалась, одна радость — сыны, и той лишаешь, ирод!

ТАРАС. Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, мёды сорокалетние! Да горилки побольше, не с выдумками горилки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горилки, чтобы играла и шипела, как бешеная. Идём до хаты, сыны мои, до хаты. Товкач, товарищ мой, не сочти за труд, Дмитро, проследи всех приглашённых... сотников всех и весь полковой чин, кто только есть налицо.

СЦЕНА 2. День. Одну стенку телеги разобрали и накрыли, как стол. В телеге сидят Тарас, Остап и Андрий.

ТАРАС. Ну же, паны-братья, садись всякий, где кому лучше, за стол. А я тут, в телеге, с этими бурсаками, чтоб чувствовали себя не учёными, а воинами, чтоб задам их пожёстче было. Эй, сынки. Прежде всего, выпьем горилки. Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий. Дай же, Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы. Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! (Андрию.) Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горилка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горилка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте розумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

ОСТАП (Андрию). Вишь, какой у нас батько! Всё старый, собака, знает, а ещё и прикидывается.

ТАРАС. Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горилки. А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком розумные, так, может, и плетюганями пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду, и в четверги?

ОСТАП. Нечего, батько, вспоминать, что было. Что было, то прошло.

АНДРИЙ. Пусть теперь попробует! Пускай теперь кто-нибудь зацепит. Пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля.

ТАРАС. Добрэ, сынку! Ей-богу, добрэ! Да когда на то пшло, то и я с вами еду, ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться

с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! Завтра же едем! Зачем откладывать? Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель, нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе. К чему нам всё это? Дмитро! Эй, Товкач, где ты есть? Есаул, принимай от меня всю власть, а как подам весть из Сечи, сей же час явиться со всем полком.

СЦЕНА 3. Ночь. Тарас спит в телеге, рядом лежат Остап и Андрий. Сидит на приступочке Товкач, курит.

ОСТАП. Что-то быстро срубило батьку, храпит, аж вишня дрожит.

АНДРИЙ. Что она, какая Запорожская Сечь, вуйку?

ОСТАП. Дай роздыху людям, Андрейка.

ТОВКАЧ. Ничего, табачьим зельем разве роздышишься. А так всегда и выходит, что когда едешь на Сечь, то прежде всего степь принимает тебя в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрывает тебя, и только козачья чёрная шапка одна мелькает меж её колосьями. Степь — зелёная, девственная пустыня. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывающиеся в них, как в лесу, вытаптывают их. Ничего в природе не может быть лучше. Вся поверхность земли представляется зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозят голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивает вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестреет на поверхности; занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливается в гуще. Под тонкими их корнями шныряют куропатки, вытянув свои шеи. Воздух наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стоят ястребы, распластав свои крылья, и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигающейся в стороне тучи диких гусей отдаётся бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымается мерными взмахами чайка и роскошно купается в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..

АНДРИЙ. Вы, вуйку Дмитро, бандуристом ли никак не учились?

ТОВКАЧ. Учился, не учился, и за Горация ничего не скажу толком, с Гомером-слепцом горилки не пил, а как себе знаю, так и говорю. При-

роду знать надо воину лучше любого учёного, потому что природа одна только и вылечивает от ран, и спасает от мук. Природа да истинная вера в Христа Бога нашего. Дай вам, хлопцы, не самой короткой на этом свете козацкой судьбы, чтобы заматереть и обмыслить всё, что ни есть в Божьем мире. Так меня ж и на самой Сечи кличут Бандуристом.

ОСТАП. Батьку во сне бормочет чтось...

ТОВКАЧ. А ты не розумеешь разве? Он во сне часто бредит, я его во всяком виде чую и разбираю. А ну, тихо, сейчас услышим.

ТАРАС (во сне). Э, э, э! Что же это вы, хлопцы, так притихли? Как будто какие-нибудь чернецы. Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами...

ОСТАП (смеясь). Тату тоже уж в степь выехал, чёрт старый, на своём конячем Чорте.

АНДРИЙ (смеясь). И он мог бы стать кобзарём, не, вуйку?

ТОВКАЧ. Тарас из числа коренных, старых полковников: весь соткан для бранной тревоги. Будет вам над спящим потешаться. Спите уже. Пойду и я. На добра ничь. (Уходит.)

ОСТАП. Вот тебе и дурь козачья, где чью голову саблюю снесут, а где розуму в чью голову положат... Гораций, Гомер... шутка ли. Так что же, Андрейка, случилось с тобою тогда, в Киеве?

АНДРИЙ. О чём ты?

ОСТАП. Да о прекрасной панночке, воеводиной дочке, что в окне торчала, когда ты мордою в грязь рухнул. Или ты думаешь, от наших бурсаков можно, что укрыть в Киеве?

АНДРИЙ. То не тогда ли было, когда ты опять отлёживался после профессорских розг? И как ты, Остапэ, вечно больше всех получал горячих, если добрых три четверти раз увернуться можно было бы.

ОСТАП. Я не из вертлявых. Всё, нет больше ни бурсы, ни девок. Теперь будет только Сечь. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё. Спи.

АНДРИЙ. Мамо идёт. Не станем ей мешать плакать. Спокойной ночи.

ОСТАП. Спокойной ночи.

Входит Маричка, со свечой, идёт к сынам.

МАРИЧКА. Пусть хранит вас Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать свою. Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много вы-

пил. Пришлите хоть весточку о себе! Свою мать, сынки, не забывайте. Матерь Божья вас хранит пусть! (Задула свечку.)

Картина 2. Любовь.

СЦЕНА 4. Ночь. Козачий табор спит. В телеге спит Андрий. Входит Татарочка.

ТАТАРОЧКА (будит Андрия). Проше пана... проше пана.

АНДРИЙ (вскочив). Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела. Женщина? Дура, что же ты пришла в козацкий табор, тебя же растоптают в прах, чума, не можно здесь быть бабе. Ещё палец к губам прикладывает. Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

ТАТАРОЧКА. Два года назад тому в Киеве.

АНДРИЙ. Два года... в Киеве... Татарка! Служанка панночки, воеводиной дочки!

ТАТАРОЧКА. Чшш! Тихо, пан Андрий! Не побудите табор!

АНДРИЙ. Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? Где панночка, жива ли ещё она?

ТАТАРОЧКА. Она тут, в осаждённом городе.

АНДРИЙ. В городе? Отчего же она в городе?

ТАТАРОЧКА. Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

АНДРИЙ. Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! Что она теперь?

ТАТАРОЧКА. Теперь она... другой день ничего не ела.

АНДРИЙ. Как?..

ТАТАРОЧКА. Так пан Андрий сам служит в козацкой осаде, должен же понимать. Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю. Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, чтоб ради её дал хлеба!»

АНДРИЙ. Но как же ты здесь, как ты пришла?

ТАТАРОЧКА. Подземным ходом.

АНДРИЙ. Разве есть подземный ход? Идём, идём сейчас!

ТАТАРОЧКА. Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

АНДРИЙ. Хорошо, будет. А тебе — на, возьми краюху, ешь. Стой здесь, возле воза, или лучше ложись на него: тебя никто не увидит, все спят, я сейчас ворочусь. (Идёт к возам с продовольствием.) Да чёрные хлеба грубы и неприличны нежному сложению панночки, был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, что нашли, грабя монастырскую пекарню. Вот, Остап взял его себе под головы... и храпит на всё поле. (Берёт мешок из-под Остапа.)

ОСТАП (впросонках). Держите, держите чёртова ляха! Да ловите коня, коня ловите!

АНДРИЙ (замахнувшись мешком). Замолчи, я тебя убью!

ОСТАП. На добра ничь... на добра ничь, хлопцы... на добра... (Засыпает.)

АНДРИЙ. Вставай, татарка, идём. Все спят, не бойся. Ох, как же тебя скрючило! Уж не от хлеба ли, с голоду. Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все? Ладно, идём же, нехристь. (Идёт с мешками и с Татарочкой.)

ТАРАС (пробудившись). Андрий?

АНДРИЙ. А что, тату?

ТАРАС. С тобою баба! Ёй, отдеру тебя, вставши, на все бока. Не доведут тебя бабы к добру. Утром с тобой разберусь. Козаку, как спать есть возможность, надо спать. (Засыпает.)

АНДРИЙ. Заснул батька. Больше нет времени, пока не померла с обжорству, говори, татарва, где твой подземный ход?

ТАТАРОЧКА. Там... я дойду. Туда нам... дойду. Туда. (Уходит с Андрием.)

СЦЕНА 5. Ночь. У каменного дома стоит телега. К двери дома подходят Андрий и Татарочка.

ТАТАРОЧКА. Ну, слава Богу, мы пришли.

АНДРИЙ. Неужели они, все, кто мёртвые валяются по улицам, и тот, что повесился, и тот, что кинулся на мои хлебы, неужели, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться теми тварями, которые запрещены законом, всё может тогда пойти в снесь.

ТАТАРОЧКА. Всё переели. Всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов, всё привозилось из деревень.

АНДРИЙ. Но как вы, умирая такую лютою смертью, всё ещё думаете оборониться?

ТАТАРОЧКА. Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Бурджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идёт на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их. Мы пришли к дому. Туда нам, туда.

СЦЕНА 6. Ночь. Комната. Здесь Эвелина. Входит Андрий.

ЭВЕЛИНА. Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь. Один Бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине.

АНДРИЙ. Будь я проклят, деревенщина, ничего не умею сказать.

Входит Татарочка.

ТАТАРОЧКА (подавая на золотом блюде тонко порезанный белый хлеб). Вот возьмите хлеба, пани Эвелина, съешьте.

ЭВЕЛИНА. А мать, ты отнесла ей?

ТАТАРОЧКА. Она спит.

ЭВЕЛИНА. А отцу?

ТАТАРОЧКА. Отнесла. Он сказал, что придёт сам благодарить рыцаря. (Уходит.)

ЭВЕЛИНА (взяв хлеб). Боже, благослови! (Ест хлеб.)

АНДРИЙ. Довольно! Не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб теперь будет ядовит. Спасибо, что послушала. Я видел, как умер человек, которому я дал съесть. Царица! Что тебе нужно? Чего ты хочешь? Прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, — я побегу исполнять её. Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! И погубить себя для тебя, клянусь Святым Крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, — всё моё. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего того откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнёшь свою тонкою чёрною бровью! Но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и некстати, и нейдёт всё это сюда, что не мне, про-

ведшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и всё, что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творение Бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жёны и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе. Скажи мне одно слово! Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна!

ЭВЕЛИНА (отбросив платок, отдёгнув с очей длинные волосы косы). Не достойна ли я вечных сожалений? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришла мне? Не лютый ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела к ногам моим; лучших дворян изо всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов и всё, что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почёл бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породю, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала моё сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, Пречистая Божья Мать, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои; лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снedyю. И на что всё это было, к чему оно всё было? К тому ли, чтобы наконец умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разордал на части моё сердце, чтобы горькая моя участь была ещё горше, чтобы ещё жалче было мне моей молодой жизни, чтобы ещё страшнее казалась мне смерть моя и чтобы ещё больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя — прости моё прегрешение, — Святая Божья Мать!

АНДРИЙ. Не слыхано на свете, не можно, не быть тому, чтобы красивейшая и лучшая из жён понесла такую горечь, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё, что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрёшь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрёшь. Если же выйдет уже так и ничем — ни силой, ни молитвой, ни мужеством —

нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрём вместе; и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мёртвого меня разлучат с тобою.

ЭВЕЛИНА. Не обманывай, рыцарь, и себя и меня. Знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

АНДРИЙ. А что мне отец, товарищи и отчизна! Так, если ж так, так вот что: нет у меня никого. Никого, никого! Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда. И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! (Принимает в объятия панночку и целует её в ответ.)

Входит Татарочка.

ТАТАРОЧКА. Спасены! Наши вошли в город, привезли хлеба... как, они целуются?! Пшена привезли, муки и связанных запорожцев... как они целуются! Ничего не слышат. Погиб козак. Пропал для всего козацкого рыцарства. Не видать тебе больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей. Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый отец седой клочок волос из своей чуприны и проклянёт день и час, в который породил на позор себе такого сына. В таком поцелуе ощущается то, что один только раз в жизни даётся чувствовать человеку. Любовь.

Картина 3. Душа.

СЦЕНА 7. Степь. Вечер. У костра стоит телега без лошадей. В телеге лежит израненный Тарас. Тарас приподнялся, огляделся.

ТАРАС. Мать Божья, где я?

В световое пятно от костра входит Остап, в чистой одежде.

ТАРАС. Долго же я спал.

ОСТАП. Заснул бы ты, может быть, навеки.

ТАРАС. Что ты мне, Товкач, пальцем грозишь, как дитю какому.

ОСТАП. Иного грозного отца вот так, поскоблить пальцем, окажется, что дитя малое. Выпороть бы его вожжами, да судьба уже раньше расстаралась.

ТАРАС. Остап! А я тебя за Товкача, было, принял. Сынок! Ты живой! Вырвался-таки от ляхов? Как же? Расскажи? Чёрт! Товкач? То ты!? Раздружился с головой я, старый дурень, ничего в уме не держится. Одряхлел твой батько, а, Остапэ? Тьфу ты, я хотел сказать: Товкач. Ну, есаул, онемел, что ли? Тебя твой полковник слушает!

ОСТАП. Чего тебе ещё хочется знать.

ТАРАС. Скажи мне, где я теперь?

ОСТАП. Молчи лучше, силы береги.

ТАРАС. Ой, как же вы суровы, вуйку...

ОСТАП. Скалится ещё. Разве ты не видишь, что весь изрублен? Молчи ж, когда не хочешь нанести сам себе беду.

ТАРАС. Да-да, да... да ведь меня же ляхи, совсем было, схватили и окружили!? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы...

ОСТАП. Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя. Нам ещё, ох, сколько ночей скакать вместе. Думаешь, у ляхов ты сошёл за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

ТАРАС. А Остап? Остап, где?

ОСТАП. Схватили его ляхи.

ТАРАС (вскочил). А берите всё! Всё, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш, или черпак, которым поит коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти. Я угощаю вас, паны-братья, не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично и то, и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперёд всего за святую православную веру: чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделались христианами. Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурменству, чтобы с каждым годом выходили из неё молодцы один одного лучше, один одного краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдились товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане-братове, за веру! За Сечь! Теперь последний

глоток, товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете! За всех христиан, какие ни есть на свете! (Встал на калении.) Боже мой! В полоне сын мой... Остапэ, Остапэ, Остапэ! (Падает.)

ОСТАП. Лежи уже. Увернул я тебя, батьку, в воловью кожу, увязал в лубки, приторочу накрепко к седлу и помчимся вновь с тобой в дорогу. Уж две недели, как мы с тобою скачем, не переводя духу, и как ты в горячке и жару несёшь и городишь чепуху. Хоть неживого, да доведу тебя! Не попусти, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою порою, на куски рвали бы твоё тело да бросали его в воду. Пусть же хоть и будет орёл высмывать из твоего лоба очи, да пусть же степовой наш орёл, а не ляхский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а доведу тебя до Украины! (Взмахнул руками.)

Костёр вспыхнул, осветив, как солнце всё кругом.

СЦЕНА 8. Двор Бульбы. Утро. В телеге спит Тарас. На крыльце дома сидит Товкач, курит. У калитки ожидает Маричка. И Остап здесь, в чистой одежде, никому из них невидимый.

МАРИЧКА (сама с собою). Пусть хранит вас Божья Матерь. Не забывайте, сынки, мать свою. Авось — либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил. Пришлите хоть весточку о себе! Свою мать, сынки, не забывайте. Матерь Божья вас хранит пусть.

ОСТАП. Вставай, батьку, вставай уже, разлётся. Будет спать.

ТАРАС (приподнялся). Ну, хлопцы, полно спать. Пора, пора. Напойте коней. А где старая? Живее, мать, готовь нам еду: путь лежит великий!

ОСТАП. Лежит, лежит нам путь, всем лежит, а как же, только тебе, батьку, не сегодня ещё и не завтра.

ТАРАС (сел). Нечего мешкать. Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть. Благослови, мать детей своих.

ТОВКАЧ. Ах, ты ж зараза, опять пошёл на приступ, вояка. Война, будь ты неладна.

МАРИЧКА (сама с собою). Пусть хранит вас Божья Матерь! Не забывайте, сынки, мать свою.

ТАРАС. Моли Бога, мать, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете!

МАРИЧКА (сама с собою). Пришлите хоть весточку о себе...

ТАРАС. А где сыны? Андрий же только проходил мимо, шёл с мешками между возами... с бабою, точно видел.

ОСТАП. Надо сходить до Солохи, есаул, пусть даст снадобий для отца.

ТОВКАЧ. Сходить, что ли, до жидовки — травницы, пусть даст того самого снадобья? О, та Солоха знает, что делать.

Во двор входит Янкель.

ЯНКЕЛЬ. Пан полковник! Пан полковник!

ТОВКАЧ. Эх, лихомань тебя съешь. Не дотронься даже, Янкель, до него, зашибу. Дома ведьма твоя — Солоха?

ЯНКЕЛЬ. Конечно, пан есаул, конечно!

ТОВКАЧ (выходит за калитку). Маричка, пригляди за мужем. Я пойду. (Уходит со двора.)

ЯНКЕЛЬ. Пан полковник! Ваш есаул, Товкач, мне пятьдесят червонцев должен, скажите вы ему...

ОСТАП. Янкель, вспомни осаду. Другое ему всё одно в ум не идёт.

ЯНКЕЛЬ. Может, я с ума сошёл? Пан Остап, так вы умерли или так и живёте зачем-то?

ОСТАП. Если скажу, точно с ума сойдёшь. Делай, что сказал!

ЯНКЕЛЬ. А что вы сказали? Ах, да, да-да. Чудеса... как истинная вера выживает в христианском мире, так и не пойму. Чудеса!

ОСТАП. Не волнуй меня, Янкель.

ЯНКЕЛЬ. Оно, конечно! А только скажу ещё, хорошо, что я в жёны взял мудрую Солоху, не-то было бы мне сию минуту слишком уж удивительно находиться на этом свете.

ОСТАП. Сделаешь, как я сказал, вернутся тебе твои червонцы.

ЯНКЕЛЬ. Всё-всё-всё! Умолкаю, где не надо. (Тарасу.) Пан полковник!

ТАРАС. Кому нужно меня? Янкель? Живой ещё? Не порвали тебя ни козаки, ни ляхи?

ЯНКЕЛЬ. Я был в городе, пан полковник!

ТАРАС. Надо же, мы ещё города не взяли, а наш жид в городе уже был. Какой же враг занёс тебя туда?

ЯНКЕЛЬ. Я сейчас расскажу. Подмога в город прорвалась. Переяславский курень был пьян мертвецки, чего ж дивиться, что половина перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли понять, в чём дело.

ТАРАС. Так вот что случилось в эту ночь. Вот, до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У нас, видно, уже такое

заведение: коли позволит кошевой удвоить порцию, так мы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с нас шаровары, но в самое лицо нам начихает, так мы того не услышим. Вон Остап ходит, добрый козак.

МАРИЧКА (ходит по двору). Смотрите, добрые люди: одурел старый! Совсем спятил с ума! Дети приехали домой, больше году их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

ТАРАС (Янкелю). А где ж Андрий? Полонили ли его вместе с другими и связали сонного?

МАРИЧКА (ходит по двору). Вот ещё что выдумал! И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось...

ТАРАС. Нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен.

МАРИЧКА (ходит по двору). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться.

ОСТАП. Идите, мамо, до хаты, отдохните, я тут сам посмотрю.

МАРИЧКА (остановилась). Не бейся больше с батьком, Остапчику, ни на кулаки, никак по-другому, не к добру то. Иду-иду, уже иду. (Уходит в дом.)

ТАРАС. Иди-иди, стара, иди, совсем помешалась с розуму, дура, где ты видишь Остапа? Остапчик... да он уже куренной атаман! Хоть и не Бульба ещё, а Бульбенок, однако же, атаман.

ЯНКЕЛЬ. Пан полковник, дайте же досказать.

ТАРАС. Что?

ЯНКЕЛЬ. Как только услышал я на заре шум, и козаки стали стрелять, я ухватил кафтан и, не надевая его, побежал туда бегом; дорожку уже надел рукава, потому что хотел поскорей узнать, отчего шум, отчего козаки на самой заре стали стрелять. Я взял и прибежал к самым городским воротам в то время, когда последнее войско входило в город. Гляжу — впереди отряда пан хорунжий Галяндович. Он человек мне знакомый: ещё с третьего года задолжал сто червонных. Я за ним, будто бы за тем, чтобы выправить с него долг, и вошёл вместе с ним в город.

ТАРАС. Как же ты: вошёл в город, да ещё и долг хотел выправить? И не велел он тебя тут же повесить, как собаку?

ЯНКЕЛЬ. А ей-богу, хотел повесить. Уже было его слуги совсем схватили меня и закинули верёвку на шею. Но я взмолился пану, сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал ещё дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей; ибо у пана хорунжего — я всё скажу пану — нет и одного червонного в карма-

не. Хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова, а грошей у него так, как у козака, — ничего нет. И теперь, если бы не вооружили его бреславские жида, не в чем было бы ему и на войну выехать. Он и на сейме оттого не был...

ТАРАС. Что же ты делал в городе, видел наших?

ЯНКЕЛЬ. Как же, наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох...

ТАРАС. Пропали они, собаки! Что ты мне тычешь своё жидовское племя, я тебя спрашиваю про наших запорожцев!

ЯНКЕЛЬ. Наших запорожцев не видал. А видал одного пана Андрия.

ТАРАС. Андрия видал! Что ж ты, где видал его: в подвале, в яме, обесчещен, связан?

ЯНКЕЛЬ. Кто же бы посмел связать пана Андрия? Теперь он такой важный рыцарь... Далибуг, я не узнал! И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и зеркало в золоте, и всё — золото. Так, как солнце взглянет весною, когда в огороде всякая птаха пищит и поёт и трава пахнет, так и он весь сияет в золоте. И коня дал ему воевода самого лучшего под верх; два ста червонных стоит один конь!

ТАРАС. Зачем же он надел чужое одеянье?

ЯНКЕЛЬ. Потому что лучше, потому и надел... и сам разъезжает, и другие разъезжают; и он учит, и его учат. Как наибогатейший польский пан!

ТАРАС. Кто же его принудил?

ЯНКЕЛЬ. Я ж не говорю, чтобы его кто принудил. Разве пан не знает, что он по своей воле перешёл к ним?

ТАРАС. Кто перешёл?

ЯНКЕЛЬ. А пан Андрий.

ТАРАС. Куда перешёл?

ЯНКЕЛЬ. Перешёл на их сторону, он уж теперь совсем ихний.

ТАРАС. Врёшь, свиное ухо!

ЯНКЕЛЬ. Как же можно, чтобы я врал? Дурак я разве, чтобы врал? На свою бы голову я врал? Разве я не знаю, что жида повесят, как собаку, коли он врал перед паном.

ТАРАС. Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?

ЯНКЕЛЬ. Я же не говорю того, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешёл к ним.

ТАРАС. Отчего же?

ЯНКЕЛЬ. У воеводы есть дочка — красавица. Святой боже, какая красавица!

ТАРАС. Ну, так что же из того?

ЯНКЕЛЬ. Он для неё и сделал всё и перешёл. Коли человек влюбится, то он всё равно что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми согни — она и согнётся. Слушай, пан, я всё расскажу пану. Как только услышал я шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякий случай с собой нитку жемчуга, потому что в городе есть красавицы и дворянки, а коли есть красавицы и дворянки, сказал я себе, то хоть им и есть нечего, а жемчуг всё-таки купят. И как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор продавать жемчуг и расспросил всё у служанки-татарки. «Будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев. Пан Андрий обещал прогнать запорожцев».

ТАРАС (сошёл с телеги). И ты не убил тут же на месте его, чёртова сына?

ЯНКЕЛЬ. Янкель знает только одного чёрта наяву, то есть конь пана полковника, которого так и зовут — Чорт. Но сын того Чорта не может быть человеком, он может быть только жеребёнком, что же я татарин какой, чтобы забивать на мясо конину.

ТАРАС. Что такое?

ЯНКЕЛЬ. За что же убить? Он перешёл по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешёл.

ТАРАС (ходит по двору). И ты видел его в самое лицо?

ЯНКЕЛЬ. Ей-богу, в самое лицо! Такой славный вояка! Всех взрачней. Дай Бог ему здоровья, меня тотчас узнал; и когда я подошёл к нему, тотчас сказал...

ТАРАС (ходит по двору). Ну! Что же он сказал?

ЯНКЕЛЬ. Он сказал... прежде кивнул пальцем, а потом уже сказал: «Янкель!» А я: «Пан Андрий!» — говорю. «Янкель! Скажи отцу, скажи брату, скажи козакам, скажи запорожцам, скажи всем, что отец — теперь не отец мне, брат — не брат, товарищ — не товарищ, и что я с ними буду биться со всеми. Со всеми буду биться!»

ОСТАП. Эх, Андрейка, Андрейка... брат мой, друже мой. Вот и Товкач, слава Богу.

Тарас ходит по двору. С улицы входит Товкач.

ТАРАС. Врёшь, чёртов иуда! Врёшь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то — тут же тебе и смерть! (Схватил саблю из телеги.)

ТОВКАЧ (перехватил руку Тараса). Ох, как я вовремя. (Подносит ко рту Тараса склянку.) На, пей, Тарас, пей скорее сю микстуру, ну же,

друже! (Вливает содержимое склянки в рот Тараса.) Нет тебя, Янкель, уже нет. Вон!

ЯНКЕЛЬ. Нет меня, пан есаул, уже нет. А только, пан Остап...

ОСТАП. Лучше иди, от греха.

ТОВКАЧ. Что ты там сказал за Остапа?

ЯНКЕЛЬ. Кто? Я? Да ни-ни! Доброго всем здоровья! (Уходит со двора.)

ТАРАС. Что ты мне дал?

ТОВКАЧ. Доброе снадобье, от лекарки, от Солохи.

ТАРАС. От жидовки!

ТОВКАЧ. От лекаря! Ну, какая мне разница, какой веры лекарь, когда он умеет излечивать.

ТАРАС. А где мы, Товкач? Разве мы не под Дубною, не на Сечи?

ТОВКАЧ. Дома, Тарас, дома мы.

ТАРАС (сел, опершись о телегу). Так я и говорю, что дома. Долго мы уже здесь, пора нам ехать на Запорожье.

ТОВКАЧ. Всё новое на Сечи, все перемёрли старые товарищи. Полтора месяца вставал ты на ноги, раны зажили. Вставай, козак, вставай и ходи. Думай, козак, вспоминай. А только нет уже Андрия на этом свете, в аду горит, а для Остапа ад ещё на этом свете приготовлен. В плену он, ждёт казни лютой.

ТАРАС. Да, да-да... теперь я вспоминаю.

ОСТАП. У козака одна есть крепкая надежда, одно счастье, что поднимут его молодую душу ангелы под руки и понесут к небесам, а там скажет ему Христос: «Садись, славный козак, одесную меня, ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь».

ТАРАС (вскочил на ноги). Помню. Всё вспомнил! А что товарищи наши, Дмитро? Кукубенко? Мосий Шило? Степан Гуска? Вовтузенко? Черевиченко? Дёгтяренко? Вертихвист? Балабан? Старый Бовдюг? Не надо, Товкач, после расскажешь. Сын мой... Остап! Вот я следом за тобой! Остап, не поддавайся! Спасибо, Дмитро, что вынес меня, спас от смерти, от плена спас.

ТОВКАЧ. Ещё раз говорю: то не я тебя привёз до дому, я уже был здесь, когда тебя нашли на пороге, в перевязках всего да в бреду.

ТАРАС. Так что ж меня, ангел, что ли, перенёс до дому?

ТОВКАЧ. Да я и сам про себя не очень знаю, я ж из-под Дубны поскакал в Сечь, с теми, кто остался жив. А там меня, как саданул, кто в спину, может, и кулаком, может, и крылом, где мне знать, чтоб шёл до дому. Я и пришёл, как раз, чтобы тебя найти. Маричка-то твоя совсем

из ума вышла, как про детей своих узнала, она всю ночь, до утра, покуда я не пришёл, с тобой, как со спящим говорила. Как и с сынами.

ТАРАС. Я точно тебя помню, Товкач, что с тобой говорили у костра в степи, что скакали на конях, что ехали на возу. На один миг только, однажды, почудилось мне будто то не ты, а сын мой, Остап, надо мною кружится. Я даже заговорил с ним. То есть Божий промысел, Дмитро. И как полонённый сын мой спас меня от смерти, так и я, отец его, должен сделать всё, чтобы спасти его из плена. Так то не ты спас меня, Товкач?

ТОВКАЧ. Да чтоб тебя, опять за своё!

ТАРАС. Коли не брешешь, так то был Остап. Хоть тресни, Остап!

ТОВКАЧ. Так ты, Тарас, решил твёрдо идти, чтобы увидеть сына? Что ж, золота есть много, нет такого ляха, чтобы не купить его за грош, а уж за тысячи червонных хоть и до короля добраться можно и попросить его впустить в тюрьму, к сыну, да и выкупить его, к слову. Правда, твоя голова тоже двух тысяч стоит, не угадаешь, что раньше случится с нами: то ли купля, то ли продажа. Кончились времена рыцарства, торгоши царят в мире.

ТАРАС. Не бывать тому на Руси Святой. Пока жив Тарас Бульба, не кончится рыцарства на нашей земле, есаул. А только мнится мне, Дмитро, что, может быть, вся беда оттого случилась с нами, что разошлись мы на два войска, что надо было или всем разом ляхов в Дубне добивать, или за татарвой скопом гнаться, чтобы отбить войсковую казну.

ТОВКАЧ. Не казись.

ОСТАП. А напомним вам, что сказал тогда, на раде, старейший из всех, из нас, козак Бовдюг: «Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и пещись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет моя первая речь. А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот, что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, — дай, Боже, ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны-братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те, и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот, какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одной поло-

виной за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из вас никого, равного ему в доблести».

ТАРАС. Сын мой... Остап мой.

ТОВКАЧ. Славный козак Остап. Как убили куренного атамана Бородатого, уманцы и совещаться не стали долго, говорят: на что нам совещаться, лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа, он, правда, младший всех нас, но розум у него, как у старого человека. Кошевой ещё сказал, помнишь, Тарас, подъехавши, когда Остап не пустил своих уманцев, не то, что другие, в дурную погоню: «Вот и новый атаман, а ведёт своё войско так, как бы и старый».

ТАРАС. Оглянулся я тогда на слова кошевого, поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидит на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. Вишь ты, какой! Узнай мне, Дмитро, где найти Янкеля. Пусть он поможет мне увидеть сына прямо в тюрьме.

ТОВКАЧ. Боже мой! Чтоб такой великий козак, как Тарас Бульба на поклон жиду шёл! Что за времена настали, Господи! С ляхом торговаться, с турком мировую подписывать — куда ни шло, но чтобы с жидом рядиться, да по доброй воле, да с поклоном самому первым идти — дико. Дико то мне, козак.

ТАРАС. Сына не спасти вот то дикость.

ТОВКАЧ. Спасти!? Через погубление души? Зачем то спасение, Тарас?

ТАРАС. Пред Вельзевулом поклонюсь, когда придётся, ради сына, перед самым невзрачным, перед самым мелким бесом. Так я сказал, Бандурист!

ТОВКАЧ. А как пропадёшь ты, что — тогда наши товарищи, дело наше тогда — что?

ТАРАС. Нет сейчас для меня никого и ничего, кроме Остапа.

ТОВКАЧ. Нет, пан полковник, мне такого чёрного позора добровольно нести не хочется даже просто рядом. Короток путь от сыноубицы до жидовского прихвостня. Прощай, не будет для меня больше на свете Бульбы, ни одного. (Уходит.)

ТАРАС. Остапэ. Остапэ. Остапэ. Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он, в могиле, или уже и в самой могиле нет его? Что ты сказал, Товкач? Есаул, будь ты где, покажись, отзовись, Дмитро! Разве я сыноубийца? Не было у меня другого сына, один лишь был, Остап. Будь же ты проклят и в самом аду, Андрий! Как?.. своих?.. Своих, чёр-

тов сын, бьёшь! Эй, хлопцы! Заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! Вот и ты, бейбас, что стоишь, и руки опустил? Что ж ты, Андрий, собачий сын, не колотишь меня? Ну, что ж теперь мы будем делать? Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? Так продать? Продать веру? Продать своих? Стой же, слезай с коня. Стой и не шевелись. (Снимает с плеча ружьё.) Что, что ты говоришь губами, не разберу? То не отчизну ты кличешь, не мать родную, не меня ты зовёшь, не брата, не товарищей наших... её кличешь, полячку свою! Я тебя породил, я тебя и убью. Чем бы не козак был? И станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою. И на отца руки таки не поднял. Пропал, пропал бесславно, как подлая собака.

ОСТАП. Батьку, что ты сделал? Это ты убил его? Эх, Андрейка... жалко-то как! Предадим же, батьку, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

ТАРАС. Что говоришь, Остап? Предать его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы? Погребут его и без нас! Будут у него плакальщики и утешницы. Беда, окрепли ляхи прибыла на подмогу свежая сила... вот новая валит ещё сила... ищут меня козаки! Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожний убит, Черевиченко убит. Но стоят казаки, не хотят умирать, не увидев атамана своего в очи; хотят чтобы взглянул я на них перед смертным часом. На коня, Остап! И я на коня, эй, где ты, Чорт! Добрэ, сынку, не поддавайся, Остап! (Хватает саблю, рубит, колет.) Вот я следом за тобою! Аркан на шею сына моего, лихие ляхи, враги Господа, сына моего вдесятером валят, вяжут, проклятые... взяли! В капусту вас всех, ляшьё грязное, в капусту! Остап, сын мой! Эх, кабы не хватили меня самого, как тяжёлым камнем, закружилось всё и перевернулось в глазах. Кабы не грохнулся, как подрубленный дуб, на землю... кабы туман не покрыл мои очи! Не поддавайся, Остап... вот я следом за тобою! Один пойду, я теперь всегда один. Не то, может быть, приведётся выкупить сына, не? Разведаю, во что бы то ни стало! Остапэ. Остапэ. Остапэ.

Действие 2.

Картина 4. Казнь.

СЦЕНА 9. Телега у грязной лачуги. Здесь Янкель. Входит Тарас.

ТАРАС. Слушай, Янкель. Я спас твою жизнь, — тебя разорвали бы, как собаку, запорожцы; да перестань ты кланяться, я не Господь Бог тебе; теперь твоя очередь, теперь сделай мне услугу.

ЯНКЕЛЬ. Какую услугу! Если такая услуга, что можно сделать, для чего не сделать.

ТАРАС. Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву.

ЯНКЕЛЬ. В Варшаву? Как в Варшаву!

ТАРАС. Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу ещё раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.

ЯНКЕЛЬ. Кому сказать слово?

ТАРАС. Ему, Остапу, сыну моему.

ЯНКЕЛЬ. Разве пан не слышал, что уже...

ТАРАС. Знаю, знаю всё: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Они в твоих жадных глазах светятся, по гаману в каждом глазу, чтоб тебя... погань людская. Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас. (Высыпает деньги.) А остальные — как ворочусь.

ЯНКЕЛЬ (резко накрыв полотенцем червонцы). Ай, славная монета! Ай, добрая монета! (Пробуя один червонец на зубах.) Я думаю, тот человек, у которого пан обобрал такие хорошие червонцы, и часу не прожил на свете, пошёл тот же час в реку, да и утонул там после таких славных червонцев.

ТАРАС. Я бы не просил тебя. Я бы сам, может быть, нашёл дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не горазд на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы. Вы хоть чёрта проведёте; вы знаете все штуки; вот для чего я пришёл к тебе. Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня.

ЯНКЕЛЬ. А пан думает, что так прямо взял кобылу, запряг, да и «эй, ну, пошёл, сивка»! Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши везти пана?

ТАРАС. Ну, так прятай, прятай, как знаешь; в порожнюю бочку, что ли?

ЯНКЕЛЬ. Ай, ай! А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что всякий подумает, что в бочке горилка?

ТАРАС. Ну, так и пусть думает, что горилка.

ЯНКЕЛЬ (подняв кверху руки). Как пусть думает, что горилка!

ТАРАС. Ну, что же ты так оторопел?

ЯНКЕЛЬ. А пан разве не знает, что Бог на то создал горилку, чтобы её всякий пробовал! Там всё лакомки, ласуны: шляхтич будет бежать

вёрст пять за бочкой, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течёт, и скажет: «Жид не повезёт порожнюю бочку; верно, тут есть что-нибудь. Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида». Потому что всё, что есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид.

ТАРАС. Ну, так положи меня в воз с рыбою!

ЯНКЕЛЬ. Не можно, пан; ей-богу, не можно. По всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут, и пана нащупают.

ТАРАС. Так вези меня хоть на чёрте, только вези!

ЯНКЕЛЬ. Слушай, слушай, пан! Вот что мы сделаем. Теперь строят везде крепости и замки; из Неметчины приехали французские инженеры, а потому по дорогам везут много кирпичу и камней. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, коли будет тяжелько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

ТАРАС. Делай, как хочешь, только вези. А в кирпичной ли клетке, в клетке ли для зверя или для птицы — всё равно, мне будет, о чём думать, есть мне, что передумывать. Вези!

СЦЕНА 10. Телега, у дома Янкеля. За нею Янкель с соплеменником, они шепчутся. Впереди телеги, сидит Тарас.

ТАРАС. Я зарытый в кирпичах мучился, чтобы добраться в Варшаву, не за тем, чтобы сидеть здесь, слушать вашу воркотню и ничего не розуметь! Слушайте, жида! Вы всё на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского; и пословица давно уже говорит, что жид сам себя украдёт, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! Дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных, — я прибавлю ещё двенадцать. Все, какие у меня есть, дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь, с тем чтобы всё, что ни добуду на войне, делить с вами пополам.

ЯНКЕЛЬ. О, не можно, любезный пан, не можно! Нет, не можно. А попробовать? Слушай, пан. Нужно посоветаться с таким человеком, какого ещё никогда не было на свете. У-у! То такой мудрый, как Соломон; и когда он ничего не сделает, то уж никто на свете не сделает. Сиди тут; вот ключ, и не впускай никого. Вот и он сам: Мардохай, Мардохай! Ты знаешь, пан полковник, что он сказал тебе? Он тебе сказал:

«Когда мы да Бог захотим сделать, то уже будет так, как нужно». Мы уже пойдём, до вечера. (Уходит со всеми.)

ЭПИЗОД 11. Там же, вечер. Тарас один. Входят Янкель и его друзья.

ТАРАС. Вечер, уже вечер! Что? Удачно?

ЯНКЕЛЬ. О, любезный пан! Теперь совсем не можно! Ей-богу, не можно. Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай скажет, Мардохай уже без последнего выдранного пейса остался. Мардохай делал такое, какого ещё не делал ни один человек на свете; но Бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить. А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так чтобы ещё и солнце не восходило. Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья! Ой, вей мир! Что то за корыстный народ! И между нами таких нет: пятьдесят червонцев я дал каждому, а левентарю...

ТАРАС. Хорошо, веди меня к нему.

ЯНКЕЛЬ. Твёрдость вся вернулась к любезному пану, как я хорошо то вижу. А вот платье, в какое тебе надо переодеться иностранным графом из немецкой земли.

Входит Товкач.

ТАРАС. Бандурист!

ЯНКЕЛЬ. Ох, какой любезный пан пришёл...

ТОВКАЧ. Идём отсюда, Тарас, ничего эти люди тебе не помогут, оберут только: они — тебя, ляхи — их, не выйдет у тебя встречи с сыном, поверь мне. Вернёмся на Сечь, новую войну начнём, там и отомстим за всех, за наших, за Остапа. Выйди отсюда, Бульба, на Божий Свет, и пойдём с тобой жить козацкою нашей судьбой.

ТАРАС. Нет, Дмитро, мне надо видеть Остапа, надо хоть слово сказать сыну.

ТОВКАЧ. Боже ты мой, до чего же ты упёртый! Не могу я здесь больше быть. Идешь?

ТАРАС. Да. Рано утром. В тюрьму. К сыну. Прости, брат.

ТОВКАЧ. Эх, Тарас... суди тебя Бог. Прощай. (Уходит.)

ТАРАС. Эй, Янкель, давай твою графскую одежду, чтоб с ночи быть готовым. Мне всё одно не спать. Смотри, я засветло побудку устрою, не дай тебе Яхве в минуту не собраться. Порешу, ей-богу, порешу.

ЭПИЗОД 15. Длинная узкая башня: и казармы, и тюрьма, и уголовный суд. В коридорах — часовые: кто во что играет, кто что себе делает. Входят Тарас и Янкель.

ЯНКЕЛЬ. Это мы; слышите, паны? Это мы. Что? Пан граф, идёмте, они нам показывают, что мы можем себе ступать дальше. (Идёт с Тарасом.) Это мы! Как не велено пускать? То же мы, ей-богу, мы, ясные паны! Вот так, идём. (Идёт с Тарасом.) Пан, это ж мы, вы уже знаете нас, и пан граф ещё будет благодарить. Идём. (Идя с Тарасом, на все стороны.) Это мы... это я... это свои! А что, можно теперь? Как то уже нет Яна! Как то уже вместо него стоит другой! Как то могут не пропустить в самую тюрьму! А мы испробуем дойти. Уже идём. (Тихо, Тарасу.) Ай, ай! Это скверно, любезный пан.

ТАРАС. Веди.

ЯНКЕЛЬ (подойдя боком, в три погибели, к гайдуку). Ваша ясновельможность!

ГАЙДУК. Ты, жид, это мне говоришь?

ЯНКЕЛЬ. Вам, ясновельможный пан!

ГАЙДУК. Гм... а я простой гайдук.

ЯНКЕЛЬ. А я, ей-богу, думал, что то сам воевода! Ай, ай, ай... ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот ещё бы только на палец прибавить, то и полковник! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки! Что за народ военный! Ох, вей мир, что за народ хороший! Шнурочки, бляшечки... так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай! Прошу пана оказать услугу: вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на козаков. Он ещё сроду не видел, что то за народ козаки.

ГАЙДУК (Тарасу). Я не знаю, ваша ясновельможность, зачем вам хочется смотреть их. То собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.

ТАРАС. Врёшь ты, чёртов сын! Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? То вашу еретическую веру не уважают!

ГАЙДУК. Эге-ге! А я знаю, приятель, ты кто: ты сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших...

ЯНКЕЛЬ. Ясновельможный пан! Как же можно, чтобы граф да был козак? А если бы он был козак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский!

ГАЙДУК. Рассказывай себе...

ЯНКЕЛЬ. Ваше королевское величество, пан гайдук, молчите, молчите, ради бога! Молчите! Мы уж вам за то заплатим так, как ещё никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.

ГАЙДУК. Эге! Два червонца! Два червонца мне нипочём. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид! А как не дашь ста червонных, сейчас закричу.

ЯНКЕЛЬ. И на что бы так много! (Развязав кошель, высыпает деньги дочиста.) Тут как раз сто, слава богу, не больше, ох, вей мир, и не меньше, он же до ста считать не умеет. (Тарасу.) Пан, пан! Уйдём скорее! Видите, какой тут нехороший народ. Жалеет вон, что не запросил больше, уйдём!

ТАРАС. Что ж ты, чёртов гайдук, деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не вправе теперь отказать.

ГАЙДУК. Ступайте! Ступайте к дьяволу! А не то я сию минуту дам знать и вас тут... уносите ноги, говорю я вам, скорее.

ЯНКЕЛЬ (тащит прочь Тараса за рукава). Пан, пан! Пойдём! Ей-богу, пойдём! Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно. (Подталкивая впереди себя Тараса, идёт на выход.) И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился. То уже такой народ, что не может не браниться. Ох, вей мир, какое счастье посылает Бог людям: сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут, и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных! О, Боже мой! Боже милосердный! (Выходит на улицу, вослед Тарасу.)

ТАРАС. Пойдём. Пойдём на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.

ЯНКЕЛЬ. Ой, пан! Зачем ходить! Ведь нам тем не помочь уже!

ТАРАС. Пойдём. (Уходит, гоня впереди себя Янкеля.)

ЭПИЗОД 16. Городская площадь. Толпа столь огромна и плотна, что стала как бы стеною — безликою массой, вроде бы и нет ни одного человека. Входят Тарас и Янкель. Из толпы выделились двое: молодой Шляхтич и его подружка Юзыся.

ШЛЯХТИЧ (ковыряя пальцем в носу и беспрестанно оглядываясь, чтобы кто-нибудь не замарал шёлкового платья Юзыси). Вот то, душечка Юзыся, весь народ, что вы видите, пришёл затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, — то палач, и он будет казнить. И как начнёт колесовать и другие делать муки, то преступник ещё будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрёт. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будет головы.

ЮЗЫСЯ. Ведут! Ведут... козаки! Как страшно, что вы говорите, не подойти ли нам как-нибудь ближе, чтоб было виднее?

ШЛЯХТИЧ. А вот я вам покажу одну лазейку, я там часто прохожу, с малолетства. Прошу пани! (Взяв за руку Юзысию, уходит.)

ЯНКЕЛЬ. Пан граф, видно ли вам лобное место, там ваш сын впереди всех стоит...

ТАРАС. Молчи. Всё вижу. Только не слышу ничего, как он скажет что, передай мне.

ЯНКЕЛЬ. Что ж тут ему ещё сказать.

ТАРАС. Скажет, он должен сказать, если он впереди всех, чтобы задних поддержать.

ЯНКЕЛЬ. Точно, говорит! Слушай...

ОСТАП. Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин. Чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова.

ТАРАС. Добрэ, сынку, добрэ! Плачу я, жид, не разглядеть мне ничего, рассказывай!

ЯНКЕЛЬ. Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки...

ТАРАС. Что ж ты молчишь так долго!

ЯНКЕЛЬ. Ясновельможный пан... не буду я, не могу смущать тебя картиною адских мук, от которых дыбом поднялись волосы у людей. Только скажу, что выносит он пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не слышно даже теперь, когда ему стали перебивать на руках и ногах кости... даже здесь ужасный хряск их слышен...

ТАРАС. Слышу. Добрэ, сынку, добрэ.

ЯНКЕЛЬ. Всё, повели к последним смертным мукам. Кажется, стала поддаваться его сила. Повёл очами вокруг себя...

ОСТАП. Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при моей смерти! Я не хотел бы слышать ры-

даний и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. Господи Боже! Как же я устал!

ЯНКЕЛЬ. Упадёт ли он силою, воскликнет ли в душевной немощи?

ТАРАС. Нет, ни за что! Только не Остап, не сын мой! Ну! Что? Что он сказал, ну?

ОСТАП. Батько! Где ты! Слышишь ли ты?

ТАРАС (во всю мощь). Слышу!

Входит Товкач.

ТОВКАЧ. Эй, дурень старый, сюда, за мной, в тот лаз, ну!

ТАРАС. Здорово, Дмитро! Мы с ним поговорили таки. В лаз! (Уходит за Товкачом.)

ЯНКЕЛЬ. Боже, что ж вы делаете, пан! Гайдуки, солдаты бегут сюда... где вы? Где он? Ох, вей мир, исчез, как наваждение, слава Богу. Какой вредный человек. Без следа. Ай, ай. И нет головы у преступника, как и не было. А ведь была, точно помню, что была. Знаю. Хватит уже мне тут быть, больше нет здесь ни знакомых, ни червонных. Ай, ай, вей мир.

Картина 5. Мечь.

ЭПИЗОД 17. Тот самый город, тот самый дом, та самая комната, где год назад изъяснились в любви и преданности Андрий и Эвелина. Здесь Эвелина. Входит Татарочка.

ЭВЕЛИНА. Ну, что, привела?

ТАТАРОЧКА. Пан есаул ждёт у двери, чтобы войти.

ЭВЕЛИНА. Так пусть же войдёт! И сама будь здесь.

ТАТАРОЧКА (открыв дверь). Пан есаул, госпожа велит войти.

ЭВЕЛИНА. Да не велит же, глупая, не велит, просит! Просит!

ТАТАРОЧКА. Просит, пан есаул, госпожа моя просит вас войти.

Входит Товкач.

ЭВЕЛИНА. Пан есаул! Пан есаул, присаживайтесь, мне надо говорить с вами.

ТОВКАЧ. Дякую, постою. Только времени у меня нет даже и посто-
ять.

ЭВЕЛИНА. Времени нет? Времени нет ни у кого. Беда, когда време-
ни нет даже у младенцев. О вашем полковнике многое говорят, пан
есаул, прошу простить.

ТОВКАЧ. Наш полковник предводителем самого отборного козацко-
го полка. Всё даёт ему перевес над другими: и преклонные лета, и
опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая ненависть к
врагам.

ЭВЕЛИНА. После разрыва с гетьманом и остальными полковника-
ми...

ТОВКАЧ. Наш полковник оказался во всём прав! Где теперь гетьма-
нова голова? На колу! Там же, где головы первейших его сановников. А
разве не о том предвещал наш полковник, когда говорил не подписы-
вать мира с коронным гетьманом Потоцким: «Эй, гетьман и полковни-
ки! Не сделайте такого бабьего дела, не верьте ляхам: продадут псяю-
хи!»

ЭВЕЛИНА. Прошу пана не собачиться! Я — полька!

ТОВКАЧ. А я козак! И что теперь, мне идти?

ЭВЕЛИНА. Нет! Простите меня, простите!

ТОВКАЧ. Наш полк гуляет по всей Польше, мы выжгли восемна-
дцать местечек, близ сорока костёлов, уже доходили до Кракова...

ТАТАРОЧКА. Много избил он, Тарас Бульба, всякой шляхты, разгра-
бил богатейшие и лучшие замки; распечатал и поразливал по земле ве-
ковые мёды и вина, изрубил и пережёг дорогие сукна и одежды, утвари
в кладовых...

ТОВКАЧ. Повторяет только: «Ничего не жалейте»!

ТАТАРОЧКА. Не уважил чернобровых панянок, белогрудых, светло-
ликих девиц; у самых алтарей не могли спастись те: зажигал их Тарас
Бульба вместе с алтарями...

ТОВКАЧ. Что тебе с того, с тех алтарей, татарва проклятая.

ТАТАРОЧКА. ...не одни белоснежные руки подымались из огнистого
пламени к небесам, с жалкими криками, от которых подвинулась бы
самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Не
внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младен-
цев их, кидали к ним же в пламя.

ТОВКАЧ. «То вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — приговари-
вает только Тарас.

ЭВЕЛИНА. Даже самим козакам кажется чрезмерною его беспощад-
ная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяет се-

дая голова его, и всё дышит в нём только одним истреблением. Не вы ли, пан есаул, сами урезонивали пана полковника остановиться во мщении, не вы ли, пан есаул, призывали его к милосердию, пусть и военному, но милосердию!

ТОВКАЧ. Что же вы хотите от меня, спасения? Вряд ли оно будет. Тарас Бульба уже давно окаменел, с того самого дня, как сыну его, единственному, Остапу, после лютых пыток отсекали голову и не дали более жизни на земле, рядом с отцом.

ТАТАРОЧКА. Но теперь-то вам конец, теперь-то вас обложили со всех сторон и вам не отбиться. Знаю, ваш полковник решил прорываться, значит, подпалят нас в любую минуту, чтобы истребить здесь всё!

ТОВКАЧ. Так что же? Чем вы лучше других, тех, что прахом в землю пошли, или вы боитесь, что не сможете так славно гореть, как прочие ляхи, впридачу с татарвою? Так не горюйте, обеспечим в лучшем виде, я хоть и не похоронная команда, что вы меня призвали до себя, но распорядюсь из любви к красивому, чтобы горели вы дольше всех и горше. Нельзя, не по-божески то, чтобы такая бабская прекрасность слишком скоро бы отошла.

ЭВЕЛИНА. Пойдите! Не за себя я молю вас! Вы не знаете, кто я.

ТОВКАЧ. Всех ангелов не узнаешь, а часто некогда и разглядеть.

ЭВЕЛИНА. Вы сказали, что Остап — единственный сын пана полковника. То не так!

ТОВКАЧ. Знаю я, что ты и есть та самая панночка, которая склонила Андрия к предательству, только это не поможет, это только усугубляет.

ТАТАРОЧКА. То ж любовь!

ТОВКАЧ. Тарас тебя ненавидит больше всего вражьего ляшства, вместе взятого!

ТАТАРОЧКА. У него есть внук! Его внук, Тараса Бульбы! И моя пани Эвелина мать его внуку, сыну сына его, правнуку его отца! Вон он там, в соседней комнате, спит. Гляньте!

ТОВКАЧ. Вон оно что...

ТАТАРОЧКА. Пойдите, гляньте на него! И у вас самих не подымется рука. У Бульбы в свете никого больше нет, так неужели же он не пощадит единокровного внука!

ТОВКАЧ. Торгуетесь?

ЭВЕЛИНА. Нет! Делайте со мной, что вздумается, то моя лютая судьба, с нею я уже свыклась. А только сына, маленького Тарасика не убивайте, козаки!

Входит Тарас.

ТАРАС. Что, Товкач, по бабам заскучал, старый? Пора уходить. Небось, уговаривала тебя ся лярва пощадить её в память об Андрии? Ступай, я сам тут справлю поминальную тризну, а ты мне можешь помешать. Хотя ты и есть Кровавый Бандурист, Дмитро, как тебя люди кличут, а таки бандурист. У вас, виршеплётов, всегда найдётся место для жалости.

ТОВКАЧ. Не торопись, Тарас. У ней есть сын. Твой внук.

ТАРАС. Брешет! За жизнь свою поганую дрожишь, курва! (Вынимает саблю.)

ЭВЕЛИНА. Убейте меня, пусть я трепещу перед смертью, но жизни мне нет без вашего сына Андрия, только маленький Тарасик... Тарас Бульба должен остаться на этом свете. И вам, пан полковник, осталось недолго, вы и так пережили короткий козацкий век, может стать, что сегодня же вы падёте смертью храбрых. Так пусть же останется быть на земле ваш внук! А меня можешь рубить.

ТАРАС. Что ж, ты сама сказала. И рубить буду крест-накрест, еретичка. Не жить тебе, погибель семьи моей, ни мгновенья больше. (Срубает Эвелину.) Вот так. Жги здесь всё, есаул, и татарку не оставь вниманием, у меня уже рука устала сегодня рубить сю капусту. Да смотри, Товкач, никого не пожалей!

ТОВКАЧ. Что ж ты и внука не посмотришь?

ТАРАС. У единственного сына моего, у Остапа, детей не осталось, какой же у меня может быть внук? Неоткуда ему взяться. А щенок, может быть, и зовётся Тарасом, только он никакой не Бульбенек, козацкой крови в нём жидковато будет, да то и не кровь, а обманная красная водица. Пора, Дмитро, нам с братьями идти на прорыв. Догонишь. (Уходит.)

ТАТАРОЧКА. Так ты и есть, тот самый Кровавый Бандурист, о котором молва сама собой трепещет? Так принимайся за дело, палач, только дай мне сходить за Тарасом.

Является Остап.

ОСТАП. Пусть она идёт, есаул.

ТОВКАЧ. Иди.

ТАТАРОЧКА. Звери вы, люди, звери. (Уходит.)

ОСТАП. Пора и огонь зажигать.

ТОВКАЧ. Пора и огонь зажигать. (Зажигает от свечи занавески и всё, что может разжечь пожар.) Пока из дома этого разгорится костёр, ты, татарка, уже уйдёшь из него каким-нибудь способом. Не подымается у меня рука на Тараса Бульбу. И у кого же из своих она подымется? Ни у кого. Живите себе, как сможете. (Уходит.)

Входит Татарочка, с младенцем на руках.

ТАТАРОЧКА. Вот как! И звери бывают людьми. Сейчас мы с тобою, Тарасику, пойдём тем ходом, что твой батька до твоей матери пришёл когда-то, чтобы тебе, сынок, дать время жить на этом Божьем свете. Прощай, пани Эвелина, ты сделала, как могла. Я сделаю, как смогу. Что там? (В окно.) Ты гляди, взяли наши воины Бульбу, надо же, повязали таки чудище! Сколько ж человеков понадобилось, чтоб взять. Попалась ворона! Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать! Сжечь его живого, живого его сжечь! И гори оно, прошлое наше и настоящее, чистым огнём! Ага, вот и Кровавый Бандурист несётся на выручку! Нет, есаул, поздно, и тебе не жить больше, не гулять, разливая по сырой земле красное вино людских жизней. Неужели, малец, и ты будешь таким же, станешь воином, сеющим боль и смерть? Ведь ты Тарас Бульба! Однажды, так же ты войдёшь и порубишь, крест-накрест, чью-то мать, чью-то дочь... жену. Хочешь ты того, Тарас? Не знаю, как ты, а я того не хочу. Оставайся же с матерью своей. А я тебя не хочу. И Господь меня поймёт и простит. Вы, христиане, не жалеете друг друга, отец сына, сын отца, брат брата, зачем же мне, не вашей веры, жалеть вас и даже вскармливать. Оставайся же, Бульба, без продолжения, ты сам так захотел. Прощай. Гори, козачество, гори! (Кладёт младенца к Эвелине на грудь, уходит. Нарастает плач младенца.)

ОСТАП. Здравствуй, батьку. (Берёт на руки младенца.) А я и не знал, что ты был маленьким. (Протягивает руку.) Вставай и ты, сестра. Вставай, сейчас Андрий придёт, приберись, ты же любовь ему, и он тебе любовь, а дитёнка я подержу, мне не в тягость.

Входит Андрий, навстречу поднявшейся Эвелине.

ЭВЕЛИНА. Андрий мой! Князь мой светлый!

АНДРИЙ. Люба моя, как давно мы не виделись.

ОСТАП. Мамо идёт. Не станем ей мешать плакать.

МАРИЧКА. Пусть хранит вас Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать свою. Свою мать, сынки, не забывайте... Матерь Божья вас хранит пусть!

Картина 6. Смерть.

ЭПИЗОД 18. Так, как было уже, когда Тарас стоял один над костром в степи. Только теперь Тарас притянут железными цепями к древесному стволу нагого дерева, вершину которого разбило громом, а руки прибиты гвоздями. Рядом, так же, на меньшем дереве, прикован Товкач. Гайдук разводит костёр.

ТАРАС. Товкач, мне больше повезло, я выше прикован, всё отсюда, как на ладони.

ТОВКАЧ. Давай, Тарас, пока огонь не разгорелся до нашей смерти, говори, как наши?

ТАРАС. Отстреливаются. Занимайте, хлопцы, занимайте скорее горку, что за лесом: туда не подступят они!

ТОВКАЧ. Ветер не донесёт твоих слов, не туда дует.

ТАРАС. Вот, пропадут, пропадут ни за что.

ТОВКАЧ. Как же тебя ляхи взяли?

ТАРАС. Выпала у меня люлька с табаком, не хотелось, чтобы даже люлька досталась врагам. Нагнулся, стал отыскивать люльку в траве, а тут ватага гайдуков набежала. Прежде, бывало, двинешь всеми членами, так и сыпались враги на землю... эх, старость. Старость!

ТОВКАЧ. Не грехи, то не старость, то сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у тебя по рукам и ногам. Что ты радостный такой, что там?

ТАРАС. Из-за кустарника четыре кормы выдвинулось. К берегу! К берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

ТОВКАЧ. Ветер верный! Ну, как там?

ТАРАС. Услышали! Услышали!

ГАЙДУК. Я тебе дам, граф! (Бьёт обухом по голове Тараса.)

ТОВКАЧ. Что ж ты делаешь, гайдучина клята! Мало, что приковали старика, жечь живьём собрались, так ещё и обухом бьёте по голове!

ГАЙДУК. Ничего. Не насмерть. Горите тут, ваши ясновельможности, а я пойду, со стороны поглядеть, с друзьями. Вы уж только напоследок

какую-никакую речь скажите непременно, чтоб как в балагане было. Слышь, Кровавый Бандурист, ты, может быть, ещё даже нам и споёшь? Не гляди на меня так, очи твои вырывать не стану, чтоб сам всё увидел ты, чтоб ничего из своей кончины не пропустил. Пойду. А ты спой, спой! (Уходит.)

ТОВКАЧ. Тарас! Тарас, очнись! Успеешь сдохнуть!

Входят Маричка с младенцем, Остап, Андрий и Эвелина.

ОСТАП. Вот мы все здесь, батьку.

ТАРАС. Вот как! Маричка, любя моя, что ж и ты уже с ними?

МАРИЧКА. Кому ж с маленьким-то нянчиться, как не мне! Тебя годами дома нет, сыны мои оба воины, а с Эвелинки, что возьмёшь, у них, дворян, любви только навалом, а как что по хозяйству так всё на нас, на бабах.

ЭВЕЛИНА. Я и сама могу, мамо, что вы всё ругаетесь, будто я от собственного дитя отказываюсь. Из вас же самой, из рук ваших, внука не вырвать, когда так — дайте ж мне его!

МАРИЧКА. Ещё чего, милуйся вон с чоловиком своим, покуда опять не уехал куда.

ТАРАС. А ты, бейбас, что стоишь, и руки опустил? Что ж ты, Андрий, собачий сын, не колотишь меня?

АНДРИЙ. А ничего, слава Богу, тату, всё как есть, другого-то разве могло ли быть.

МАРИЧКА. Выдумал! И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца.

ОСТАП. Ждём, тату. Слышишь? Батько! Здесь все мы. Вот. Где ты! Слышишь ли ты?

ТОВКАЧ. Тарас! Очнись же, как то там наши?

ТАРАС (очнувшись). Добрэ приложился лях, у, зверюга, не человек совсем, что ли. Что там? Плывут! Слышь, Дмитро? Гребут уже на чёлнах! Спасены! Огонь чтось очень скоро поднялся, не?

ТОВКАЧ. Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

ТАРАС. Добрый ветер, спасибо тебе, что даёшь сказать своим братьям последние слова свои на свете. Прощай, Дмитро Товкач, есаул, вернейший брат мой. Встретимся ли с тобою на том свете, кто знает, как оно там повернётся. А только знаю, что ждёт меня там семья моя. Верно говорю: ждёт. Прощайте, товарищи! Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте!

Что, взяли, чёртовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы боялся козак? Пойдите же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая не покорилась бы ему. Прощай всё. Пой, Бандурист, прощальную песню... а я помолчу, я всё сказал. То твоё дело погибать с песнею, а моё дело отходить молча. Пой, Бандурист, пой!

РОМАН

Игорь Бёзрук

г. Иваново

ГАМИЛЬКАР БАРКА

ВОЙНА НА СИЦИЛИИ (247-241 гг. до н.э.)

(Окончание. Начало в №№ 13, 14)

ЧАСТЬ 3

1

Новоприбывших в Лилибей ополченцев разделили на две части: одна по желанию оставалась защищать крепость, другая отправлялась в новый лагерь Гамилькара на Герктах.

Итобаал попросился на передовую. Только там, он считал, от него будет польза: он всегда больше воевал в открытом поле, чем за крепостными стенами, ему там привычней.

Отговаривать его не стали. Гамилькар все равно отправляли дополнительное подразделение новобранцев — как он ни берег своих людей, в последних стычках с римлянами потерь избежать не удалось.

На место прибыли к вечеру, высадились в охраняемой лагуне, по извилистой тропе поднялись почти к самой вершине; миновав ворота лагеря и побросав поклажу, сгруппировались на открытом месте, пока лилибейские сопровождающие отправились передавать их местному руководству.

Лагерь оказался наполовину пуст. Большинство солдат с самим Гамилькаром, как потом выяснилось, ушло рейдом в Италию. Но и коли-

чество оставшихся для защиты лагеря и его дальнейшего укрепления было немалым.

У десятка палаток дымились костры, несло запахом вареного и жареного, царившая тишина в сравнении с городским гулом была непривычной.

Гамилькар удачно выбрал место для лагеря, отсюда хорошо просматривался и Панорм, и восточная низина, где закрепились римские войска — незамеченным не проскользнешь, да и наступать снизу вверх намного тяжелее.

Итобаал залюбовался окрестным пейзажем, так что даже не заметил, как подошло новое начальство.

В этот раз в лагере за старшего остался Китион-лидиец, и хотя ему были больше по душе боевые стычки, чем управление лагерем, выбирать не приходилось — в прошлое столкновение он был слегка ранен в бедро. Рана хоть и затянулась, но еще давала о себе знать. Китион попросил Гамилькара оставить при нем и Ирхулина — тот его понимает с полуслова, да и ноги целы и быстры, как у гепарда, будет его ногами.

Гамилькар не возражал — нередкое своеволие Ирхулина начинало его раздражать. Несколько раз он ловил себя на мысли, что жалеет о том, что в свое время приблизил к себе капризного юношу. Что хотел выгадать? Держать у себя под крылом сына Бодмелькарта-тихого, чтобы знать через него все отцовские секреты, у него не получилось. Ирхулин и не скрывал, что пошел к Гамилькару только из-за того, чтобы вырваться из-под власти отца. Но вряд ли юноша искренне разделяет и убеждения Гамилькара, иначе прислушивался бы к нему, а не безобразничал. Китион пытается слепить из него настоящего человека, воина, патриота, но Гамилькару иногда кажется, что грек Китион больше патриот, больше карфагенянин, чем ханаанин Ирхулин. Но Китион не сдавался. Когда-то он увидел в сердце юноши свет и поверил, что этот свет сможет перебороть в нем все темное, поэтому яростно защищал Ирхулина перед Гамилькаром, перед другими, которые сомневались в возможности юноши, в его силы и волю погасить в себе своеобразие и спесь.

— Ладно, — сказал Гамилькар. — Пусть остается с тобой, быстрые ноги командиру тоже нужны.

Китион обрадовался и поспешил обрадовать друга, но Ирхулин, напротив, воспринял эту новость прямо противоположно.

— Не вижу никакой радости! Что прикажешь мне делать здесь? Ходить с солдатней собирать хворост или расставлять по лесным опушкам дозоры? Считаешь, что я именно для этого пошел на войну?

— Я думаю, ты пошел на войну, чтобы стать настоящим воином, командиром, будущим полководцем. А настоящий полководец, как я понимаю, должен знать и рутинную сторону ратного дела. Без этой стороны и воин не воин, и победа не победа.

Ирхулину нечего было возразить — работы в лагере хватало, к тому же им подкинули несколько сотен новичков, которых нужно было обучить хоть каким-то ратным навыкам, чтобы их первый бой не стал для них боем последним. Но сути это не меняло — Ирхулину хотелось самому распоряжаться своей судьбой, а не быть мальчиком на побегушках.

— Да как ты мог такое подумать? — Китион бросился обнимать друга. — Какой мальчик? На каких побегушках? Мы оба старшие в этом лагере, и наша задача сейчас как можно быстрее ввести в строй новобранцев, брось хмуриться, пойдем.

На плацу Китион приказал новоприбывшим построиться в несколько шеренг, воевавших ранее — выйти из строя. Таковых оказалась треть. Так их и распределили по подразделениям, в которых насчитывалось до сотни человек: треть бывалых, две трети новичков. Уже на месте раскинули по десяткам, так как каждая десятка в подразделении становилась своеобразной ячейкой, которая самостоятельно занималась собственным бытом: добывала питание, если кончались деньги, выделяемые на продовольствие, собирала хворост и дрова для своего костра, готовила еду, следила за порядком в палатке, приглядывала за имуществом.

За добычей ходили отрядами в несколько десятков человек. Но находились отчаянные парни, которые умудрялись на свой страх и риск рыскать по округе в одиночку, что называется, «хапать в один рот». Их не осуждали — каждый шел в наемники по своим нуждам. Законы наемнической жизни позволяли это делать: добыча, захваченная общими усилиями, делилась на всех; захваченная одним, доставалась исключительно одному.

Десятка, в которую попал Итобаал, как и все остальные, была разношерстная. Из воевавших в их группе: малый в кольчуге, который, как только Китион подошел к ним, выпятил грудь и тут же был назначен десятником (Итобаал с облегчением вздохнул — не хотелось лишний раз высовываться); добряк-увалень, на пол головы выше Итобаала, чему-то все время улыбавшийся, и он сам. Из желторотых: несколько только что оперившихся малолеток, которые только-только, наверное, вынырнули из-под маменькиной туники; амбициозный крепыш, слишком серьезный для своих двадцати лет; два несостоявшихся гончара и

рыбак, у которого в последнюю бурю разбило барку и который пошел в армию только для того, чтобы поднакопить денег на следующую. Но Итобаалу не привыкать: сколько он поменял соседей по палатке за время предыдущей службы, — не упомнит. Иногда на войне они менялись так часто, что он не успевал даже запомнить их лица, не то, что имена.

Десятка два новобранцев сразу же отправили на заготовку дров, остальных — обустроить палатки и готовить ужин.

Итобаалу это было знакомо, но сейчас возиться с готовкой вовсе не хотелось, он вызвался рубить дрова. Возвратившись затемно, похлебал немного свежей, сваренной добряком каши, и сразу же завалился спать на одну из свободных коек: крепкий солдат — выспавшийся солдат. Да и потом, как говорится: «Если собираешься замесить тесто утром, просей муку вечером».

Утром часть солдат, как и вчера, ушла на рубку деревьев (благо, леса вокруг достаточно), часть — на углубление и расширение рва перед валом (Гамилькар распорядился основательно укрепить лагерь, превратить его в еще одну неприступную крепость наряду с Лилибеом и Дрепаном. Серьезность его намерений в полную силу уже оценили противостоящие им римские легионы Отацилия), третьи направились в ближайшие окрестности добывать пропитание.

Вольничали чаще всего галлы, но если другие больше занимались ловлей кроликов, птиц, охотой на диких кабанов или наскоками на обработанные поля, то галлы не гнушались и набегам на небольшие селения, где можно было не только опустошить винные погреба, но и раздобыть скот и рабов.

Рабов, если не было особой нужды оставить у себя, не задумываясь, сразу же сплавляли предприимчивым торгашам, биваки которых росли возле стана, как грибы.

Гамилькар запретил торгашам располагаться в лагере, как это всегда было принято в станах наемников, и они поселились неподалеку, нисколько не опасаясь, что сами станут добычей — они не вояки, их дело торговать, а потому они не являются угрозой ни тем, ни другим.

Здесь же возникал и рынок, где наемники могли купить себе еды, продать или обменять добытое на стороне, разделить ложе с блудницей.

Итобаалу не нужно было долго втягиваться в лагерную жизнь — все ему в ней было знакомо. Не пугали тяжелые будни, пьяные разборки между собой галлов, не удручали заунывные песни балеарцев (он

находил в них даже некоторую прелесть) или задорные боевые пляски эллинов, которые то и дело в танце размахивали мечами и щитами.

Наемнические отряды держались, как принято, сами по себе, особняком. Прежде всего, таково было негласное правило карфагенян. Им казалось, что так будет легче избежать массового бунта, если тот неожиданно назреет. Подразделения формировались по национальному признаку, не смешивались, почти не общались между собой. Управлялись своими, но утвержденными карфагенянами, командирами, которые давно служили в карфагенской армии, имели у варваров вес и сносно разговаривали на семитском языке. Они получали приказ, доводили его до своих подчиненных, регулировали жизнь внутри сформированного подразделения, собственными силами умирляли недовольных и поощряли достойных. Впрочем, особо важные вопросы в таком подразделении решались сообща, на сходке. Уж тут оратору, чтобы не быть побитым камнями, приходилось держать не только ухо остро, но и слово на привязи. В таких подразделениях общим решением на сходке выбирались и командиры, когда предыдущие становились либо чем-то неуютны, либо гибли в бою.

В большинстве своем в армию карфагенян призывали подвластных ливийцев, нанимали галлов, иберов, греков, балеарцев, по желанию — соотечественников. Встречались также кампанцы или суровые горцы северо-запада Италии, которых римляне собирательно называли «лигурами» и которые многие сотни лет упорно сопротивлялись и продолжают активно сопротивляться римским захватчикам.

Как правило, в наемники шли люди, по тем или иным причинам оторванные от родных мест: либо изгнанные общиной, либо которые у себя негодились. Но были и те, кто нанимался исключительно ради обогащения или практических выгод (как, скажем, ливийцы, пытаясь получить карфагенское гражданство). Были и другие, которые в военных походах искали приключений и от макушки до пят были пропитаны воинским духом и жадой ратных подвигов. Таким было все равно, где воевать, с кем и за кого. Такие чаще всего и поднимали смуты...

Укрепление лагеря, обустройство палатки, знакомство с соратниками, дозоры — рутинное дело, без которого не обходилась ни одна воинская жизнь, но были и своеобразные моменты, как вот вчера: отряд галлов отправился на поиски продовольствия и наткнулся на слабо охраняемое стадо овец. Заколов пытавшихся сопротивляться пастухов, они пригнали в лагерь все стадо. Удивили уловом не только воинов, но и командование.

Сам Китион настолько был поражен и обрадован столь богатой добычей, что разрешил даже устроить по этому случаю в лагере праздник с обильной выпивкой и присутствием женщин.

Въедливый запах жареной баранины быстро распространился по всей округе. Не только часовые на валу, но и дозорные на удалении от лагеря почуяли манящий аромат съестного. Одурманенные запахом, они едва держались на ногах, жалели о том, что именно им в этот час приходится нести службу, ждали только одного: когда закончится их смена и они присоединятся к всеобщему веселью.

Вино в лагере полилось рекой. Задорные песни и женский смех с одного конца лагеря волнами перекатывались на другой, взрываясь на одном краю, тут же подхватывались на другом.

Разморенному вином, теплом от костра и приятной беседой с соратниками, предыдущая жизнь его, рабство, смерть Бодостора, потеря жены с сыном воспринимались Итобаалом теперь, как неясный сон, далекое событие, которое происходило совсем не с ним, а с другим человеком. И все вокруг казалось больше не войной, а забавным препровождением с мелкими стычками, бравадой.

Утро, впрочем, доказало обратное: война рядом и иногда может неожиданно ворваться в твою размеренную жизнь.

Итобаала растормошил сосед. Крики: «Римляне! Римляне!» — пробудили окончательно. Итобаал не стал даже надевать шлем, натянул только льняной панцирь, схватил меч и копье и рванул на вал, где уже бурлила потасовка.

Как позже выяснилось, авангард одного из римских отрядов, который перебирался из Панорма в Дрепаны, наткнулся на полусонный дозор карфагенян. Захваченные в плен ливийцы, рассказали римлянам не только о том, что лагерь их противника почти пуст, но и о том, что всю ночь в лагере шло бурное веселье и теперь наверняка все спят в нем без задних ног и римлянам ничего не стоит взять лагерь, что называется, голыми руками.

Командир этого небольшого римского отряда, вопреки поставленной перед ним задаче, соблазнился напасть на слабо охраняемый вражеский стан, уверенный в том, что в таких обстоятельствах перепившиеся карфагеняне вряд ли смогут отстоять свой лагерь, а его сил вполне достаточно, чтобы лагерь захватить. Перед ним уже маячила перспектива богатой добычи и опьяняющей славы. Недолго думая, он отдал приказ атаковать. Однако на валу, как мнилось римскому военачальнику, не дремали. Китион лично поздним вечером обошел ночные

посты и приказал старшим строго следить за соблюдением дисциплины.

Стражи первыми и заметили выдвинувшийся из леса отряд римлян.

К их подходу на валу уже теснилось не менее сотни карфагенян. Завязался бой. Римляне ловко взбирались по приставным лестницам на вал, но с частокола их сметали дротики ливийцев, копья греков и длинные мечи галлов.

Галлы ревели как оголтелые. Их яростные крики разбудили остальных. То тут, то там с внутренней стороны к валу летели оставшиеся в лагере бойцы карфагенян.

В рев галлов и греков неожиданно ворвались визгливые, звонкие голоса блудниц. Скрываться в палатках своих любовников и дрожать там мелкой дрожью они не захотели.

Смелости им было не занимать. Плечом к плечу с настоящими воинами они твердо стояли на валу, помогая по мере сил: подавали камни для пращей, подносили дротики, оттаскивали раненых. Их удивительная отвага воодушевила карфагенских защитников. Можно ли было на глазах отважных «амазонок» пасть духом?

На валу у частокола почти рядом с Итобаалом неожиданно оказалась крепкая на вид, высокорослая, русая гречанка с бронзовой кожей, с волнистыми волосами, собранными на голове в греческий узел. Как заправский воин она умело орудовала коротким копьем, ловко разила им взбирающихся по лестнице римлян.

Ливиец, оборонявший эту часть вала, был даже рад такой поддержке. Девица не только отвлекала внимание нападавших римлян, но наносила им порой и серьезные раны, после которых те уже не могли сражаться на две стороны, срывались или спрыгивали с лестницы вниз.

Итобаал, выглядывая из-за частокола наружу, нет-нет, да и бросал косые взгляды на безумную.

Когда их взгляды ненароком пересеклись, Итобаал усмехнулся воительнице и слегка покачал головой, мол, ну и ну, чего только не увидишь в подлунном мире.

В ответ, успев ткнуть копьем очередного римлянина, девица поджала полные губы и удивленно округлила глаза, мол, что не так?

Нет, нет, все в порядке, — опять покачал головой Итобаал и улыбнулся.

«Чудно», — подумал и сразу же насел на следующего взбирающегося.

Обороняющихся было немного, но и римских солдат недостаточно, чтобы прорваться в лагерь. Кто из карфагенян крепко стоял на ногах,

коршунами взлетали на вал, где завязалась стычка, так что Итобаал вскоре даже не заметил, как оказался рядом с отчаянной гречанкой, помогая ей отбиваться, если перед ним самим не возникал надраенный до блеска бронзовый шлем противника. И все же где-то он то ли недосмотрел, то ли не смог оторваться от нового наседающего, услышал только крик, глянул — краем глаза заметил, как напротив девицы уже на полторса возвысился легионер, резко ткнул копьем своего в лицо, крикнул соседу: «Прикрой» и с копьем наперевес со всех ног бросился на почти перемахнувшего через высокий частокол римлянина.

Укол копья пришелся наглицу в правый бок. Увлеченный нападением на девушку, тот никак не ожидал атаки сбоку, поэтому, ощутив укол, глянул на Итобаала широко раскрывшимися глазами, но сделать больше ничего не смог — в следующую секунду меч Итобаала воткнулся ему прямо в горло.

Вдвоем с девушкой Итобаал столкнул грузное обвисшее тело врага вниз и только после этого заметил, что ее левый висок слегка окрасился кровью.

— Ты ранена? — быстро спросил он и снова прильнул к частоколу. Никто, вроде, больше не взбирался.

— Ерунда, царапина, — ответила девушка.

Итобаал ринулся на помощь к другим товарищам, однако атака больше не возобновлялась — римский центурион после часа бесплодных усилий, поняв наконец, что просчитался, отдал приказ об отступлении, и под громкий продолжительный сигнал, римляне не солоно хлебавши от вражеского лагеря отступили.

Карфагеняне от радости закричали, с ними возликовали и женщины.

Китион пожалел только о том, что не было у них конницы — тогда они преследовали бы врага до самой кромки леса и даже, может быть, разнесли бы его в пух и прах.

Проводив взглядом римлян до самой опушки, Итобаал опустился на землю у частокола и устало закрыл глаза.

Их счастье, что у римлян не оказалось лучников, не то им бы не одобровать.

— Не хочешь попить? — неожиданно раздался над ним девичий голос.

Итобаал открыл глаза. Та самая «амазонка», с которой он плечом к плечу сражался на валу, протягивала ему небольшой вытянутый скифос¹ и добродушно улыбалась.

Итобаал (у него на самом деле все пересохло во рту) взял из рук девушки чашу и жадно приложился к ней.

Разбавленное, немного кислое вино показалось ему райским напитком.

Напившись, он вернул чашу обратно и удивленно спросил:

— Когда же ты успела еще и за вином сходить?

— Да это подруги принесли, а я решила тебя угостить. Будешь еще?

— Можно, — ответил он и неосознанно накрыл своими ладонями ее ладони, держащие чашу двумя руками под ручками. Они посмотрели друг другу в глаза. У Итобаала забилося сердце. Ее глаза улыбались, но на открытый высокий лоб, он заметил, набежали легкие морщинки.

— Ну что же ты не берешь, бери, пей.

Какая у нее улыбка!

— Спасибо, — сказал Итобаал.

— Это вам спасибо, вы нас защитили от врагов.

— Ну, знаешь, — рассмеявшись, чуть не поперхнулся он вином. — Кто кого защитил — это еще разобраться надо. Как, кстати, твоя рана?

— Ерунда, царапина, — ответила девушка, как и в прошлый раз.

Итобаал еще раз отпил и будто оживился. Складывалось впечатление, что к нему вернулись прежние силы, прежняя уверенность в себе. Нет, все-таки он правильно поступил, что снова записался в армию. Дома, скорее всего, он превратился бы в слабое подобие прежнего разочаровавшегося во всем Итобаала. Армия — вот его настоящее призвание, битва — его стихия. Тем более, когда рядом такие удивительные существа — амазонки!

Итобаал вернул чашу девушке, спросил, как ее зовут.

— Виола, — нисколько не смущаясь, ответила девушка.

— Виола, — ломая язык, повторил вслух Итобаал. — Чудное имя.

— Почему чудное? Самое обычное. По-вашему будет фиалка.

— Виола? — переспросил Итобаал. — Чудно. Впрочем, как и все, что сегодня произошло, — сказал и закрыл глаза. Усталость сразу на-

¹ Скифос (др.-греч. σκίφος) — древнегреческая керамическая чаша для питья с двумя горизонтально расположенными ручками у самого края широкого устья, на низком поддоне. Имел массу разновидностей.

валилась на него, захотелось спать. Но как же спать, когда рядом такая бесподобная наяда, нимфа.

Итобаал попробовал бороться со сном, но веки словно налились свинцом. В конце концов он пересилил себя, открыл глаза, но вблизи уже никого не было. Вероятно, он уснул, и девушка, не смея его тревожить, ушла. Жаль. Он ничего толком так о ней и не узнал. Виола... Фиалка... Чудно.

2

Через пару дней вернулся Гамилькар. Его встретила восторженная толпа на валу. Конечно же, доложили, что была попытка атаки на лагерь. Хвала Баалу и грозной Анат, лагерь не захватили и в нем можно немного отдохнуть от ратных дел.

— Что еще? — спросил он потом Китиона и Ирхулина.

— Вроде ничего, — сказал Китион.

— Хорошо, — сказал Гамилькар. — Тогда пойдите ко мне, доложите всю обстановку.

А командирам подразделений приказал:

— Распустите людей, сами придите в себя после дороги, а к вечерней трапезе жду всех у себя в палатке.

Гамилькар повернул коня к своему шатру, однако не успел и шагу ступить, как до ушей донеслось баранье бляенье.

— А это что?

— Да это мы в твое отсутствие немного разжились провизией.

— Провизией? — удивился Гамилькар. — Ловкачи. Ну-ка, хвалитесь!

Гамилькар направил своего гнедого в сторону, откуда доносилось бляенье.

— Отару пригнали галлы, наткнулись на нее во время вылазки.

— Молодцы. Где наткнулись?

— Почти у подножья Эрикса. Римлян там совсем нет. За стадом приглядывало всего несколько пастухов.

— А это не элимов¹ ли стадо? — нахмурил брови Гамилькар.

Китион опешил. Все уже знали: когда Гамилькар хмурится, — ничего хорошего не жди.

¹ Элимы — один из древнейших народов Сицилии.

— Я как-то не поинтересовался, прости... На вражеской территории. Значит, по закону военного времени... — невнятно пробормотал Китион.

Гамилькар придержал коня.

— Под Эриком значит? Кто, говоришь, пригнал стадо?

— Ходили галлы. Они наткнулись на отару. Что не так? — Китион не мог понять, чем так раздосадован Гамилькар.

— Приведи-ка мне этих молодцов, — сказал Гамилькар. — И Автарит пусть придет с ними.

Гамилькар повернул коня к центру лагеря. Китион остался вдвоем с Ирхулином.

— Что опять не так? — буркнул Ирхулин.

— Не знаю, — проскрипел Китион, хлестнул своего коня и поспешил в сторону галльского стана. Ирхулин поскакал за ним.

Вечером командиры подразделений собрались в палатке командующего (сам Гамилькар в это время обходил лагерь). Шум поднялся отменный. Китиона-лидийца в который раз просили рассказать о его командирстве.

— Ко мне, главное, в начале ночной стражи, прилетает начальник караула и, чуть ли не трясая от страха, буравит о том, что от опушки леса, крадучись, черными тенями к нашему лагерю движутся вражеские легионы. Я на вал, пристально вглядываюсь в сплошную мглу, — не пойму ничего. Далеко, луна за облака зашла, в лагере и трех сотен бойцов не соберешь, галлы-то еще с утра за провизией ушли — как обороняться? Тут долетает до меня какое-то блеяние. Неуж, думаю, римляне себя за овец выдавать стали? Начитались древнего грека, что ли? Взяло меня тут сомнение: трубить тревогу — не трубить? Начкар места себе не находит, мечется вдоль частокола. Надо, говорит, срочно людей подымать, подойдут ближе — поздно будет! Измотался весь, издергался. Я за ним: труби, приказываю. Он — к ближайшему посту, к сигнальному: труби! — кричит. Сигнальный протрубил. Все, кто был способен стоять на ногах, в считанные минуты взлетели на вал и замерли в ожидании атаки у частокола. А враг все ближе, и все громче блеет, пытаюсь нас одурачить. Но тут рассеялись облака, и как на ладони предстало пред наши светлы очи огромное стадо овец, гонимое нашими пропавшими галлами. Они сами не поймут, с чего это мы все как один взобрались на вал и оцетинились копьями. Давай нам в свою очередь подавать сигналы. Оставшиеся в лагере галлы услышали своих,

узнали, и тут до всех доходит, что мы за римлян приняли угнанное галлами стадо овец — вот умора! — развел руками в стороны Китион.

Передать словами, как умел рассказывать истории Китион, просто невозможно. Он не рассказывал, а словно разыгрывал по ролям пьесу. Свое удивление, испуг начальника караула, борение чувств, происшедшее у него от нерешительности — он так изображал в лицах, что слушатели хохотали до коликов.

— Я, главное, бормочу начкару, а что это за бляение, похожее на баранье, а он мне: так то ж римляне так, говорит, гудят, когда наступают!

— Римляне так гудят? — переспросил, хватаясь за живот зять Гамилькар, Бомилькар.

— Когда наступают, говорит, — сделав серьезное лицо, сказал Китион.

— А про девок, про девок расскажи, — сквозь смех и слезы бросает Китиону Бомилькар.

— Тут еще хлеще! Ахеец со своей «Одиссеей» отдыхает. В лагере, как вам известно, никаких девок. Командующий сказал — боец знает. Галлы ко мне: провизией, мол, лагерь надолго обеспечили, Гамилькар будет рад-радешенек; разреши в честь такого дела немного покутить, к тому ж у них там какой-то галльский праздник всплыл, то ли свадьба Луга, то ли Поля, хрен разберешь.

— Да у них этих праздников, что кур не резаных, — вставил Нагиднумидиец.

— Ладно, думаю, — продолжил Китион, — слегка покутить можно, солдат любит покутить, когда с делами у него все в порядке. Разрешил всем. Кроме дозорных, конечно. У меня ведь, знаете, дисциплина прежде всего. Напились вдрызг. А на рассвете, что бы вы думали, из тумана настоящие римляне выползают. Наши-то бараны блеют внутри лагеря, а эти прут молча. Сигнальный, как положено, трубит, народ, какой стоит на ногах, — на вал, но что я вижу: из галльских палаток к частоколу вместе с галлами несутся бабы. Что за вакханалия! Откуда бабы? Кто с мечом, кто с копьем; бегут, визжат громче галлов — а галлы знаете, как вопят, когда в атаку идут... Ну, думаю, точно — Гомер и близко не валялся. Не иначе в шкурах баранов галлы не овец, а девок в лагерь пригнали — в темноте-то не видно: овца или девка в овечьей шкуре...

Вошел Гамилькар. Все повернулись к нему, продолжая безудержно хохотать. Гамилькар был темнее тучи, борода на щеках чуть ли не хо-

дуном ходила. Смех прекратился, но на лицах командиров еще блуждали улыбки.

— Чего я еще не знаю? — спросил прямо со входа командующий.

— Да ничего такого, о чем бы мы могли пожалеть, Гамилькар. С чего ты такой суровый? — спросил Китион, продолжая улыбаться. Ему льстило внимание товарищей.

Гамилькар не видел ничего радостного в происходящем. Он обвел суровым взглядом светлые лица своих командиров и сказал:

— Мы уже почти полгода кровью и потом удерживаем небольшой плацдарм в окружении римлян. Благодаря чему мы держимся? Не только собственной крепости и дерзости духа, но и тем, что продолжаем оставаться символом той державы, которая издавна своим духом влияла на эти территории. Кому еще это не ясно? Не моргеты и сикулы — дальние родственники италиков, а коренные сицилийцы — элимы — веками поддерживали нас в борьбе с греками. И сейчас пусть не открыто, но они на нашей стороне. Пока еще мы, а не Рим для них ближе всех. И вы хотите враз все разрушить?

Гамилькар в упор взглянул на Китиона.

— Мы могли бы огнем и мечом пройти по Сицилии, но вместо этого снаряжаем корабли и плывем за добычей в Италию. От нечего делать? Что ты мне скажешь доблестный Китион? А ты, храбрый Ирхулин? Если кому еще не понятно, почему мы не лютуем на Сицилии, а уходим за сотни миль от этих берегов, скажу: потому что мы хотим остаться здесь, как прежде, надолго, потому что хотим, как прежде, жить в мире с соседями, потому что в соседях видим реальных союзников в борьбе с римскими захватчиками! А вы что делаете?!

Гамилькар снова воткнулся взглядом в Китиона.

— Отвечу: вы рвете все, что складывалось веками, что было скреплено веками, благодаря нашим предкам. Я для этого вас оставлял в лагере? Для этого?!

Гамилькар взглотнул.

— Ответить нечего? Ладно. Ответьте тогда на другой вопрос: откуда в стане появились шлюхи?

— Какие шлюхи? — переспросил, будто ничего не понял, Китион.

— Я опять не ясно выразился? Что-то ты, Китион, в последнее время стал каким-то непонятливым. У лигурийцев, галлов и даже у ливийцев я наткнулся на свору баб. Не жен, не матерей, а известно каких баб... Я ведь запретил их селить в лагере. Откуда они взялись?

Китион замялся. Ища поддержки, растерянно глянул на друзей, потом на Гамилькара.

— Я же тебе говорил, что мы оборонялись, отбились, поэтому я разрешил на время бойцам расслабиться. Но пообщаться с девушками... Может, кто и захотел втихую, а потом, видно, не успел отправить обратно. Я разберусь.

— Теперь разбираться будут другие, вы уже достаточно со всем разобрались! — гневно бросил Гамилькар. — Я вас с Ирхулином несколько раз предупреждал, чтобы вы не занимались отсебятиной. Мы не какая-то банда разбойников, мы действующая армия, в которой дисциплина и приказ — закон. Причем закон — один для всех: и рядовых, и командиров. Кому не ясно? Благодаря этому закону, мы еще держимся, еще противостоям врагам на захваченной им территории. Благодаря дисциплине мы живы, а не лежим склеванные падальщиками на поле брани. И я уже сто раз говорил: не одной мощью оружия мы сильны, а и своим отношением к местным. Мы полгода пытаемся укрепить свои позиции, вернуть старые, веками сложившиеся связи с местными, а вы с Ирхулином за один день разрушаете все, к чему мы шли более полугода. Галлы угнали скот, а вы даже не удосужились узнать, у кого они его отняли. И как выясняется, — у тех, кто римлян так же кровно ненавидит, как и мы. Теперь по вашей милости они больше не наши друзья и мы для них ничем не отличаемся от захватчиков. Я этого от вас ждал, оставляя вместо себя в лагере? Мало того, что вы перечеркнули все, что мы добыли потом и кровью, вы еще распустили солдат, впустили в лагерь шлюх, допустили оргии и как следствие сами чуть не попали в руки врагов. Что мне прикажете с вами делать?

Китион не знал, что ответить. Ирхулин возмутился:

— Ты к нам несправедлив, Гамилькар, — мы отстояли лагерь. Чего еще надо было? Вернуть Панорм?

Последнее Гамилькар пропустил мимо ушей, остановился на главном:

— Лагерь отстояли солдаты, им низкий поклон. Им, а не вам, доблестные командиры! Лично вы, как мне кажется, предавались только разврату и только о разврате и думали.

— Это не так! — вспыхнул Ирхулин.

— Так это или не так, мне уже надоело разбираться. Я тебя предупреждал не один раз, дальше с тобой нянчиться не желаю. Завтра с утра отправишься в Дрепаны. Останешься там оборонять город — честь тебе и хвала; не захочешь — волен вернуться в Карфаген, там тоже, для таких, как ты, найдется немало посильных дел. Пока по воле народа этой армией командую я. И пока я командую, своеволия в ней не будет. Дисциплина в армии — залог ее побед, разброд — заранее проиг-

ранные сражения и напрасно потерянные жизни, заруби себе это на носу!

Ирхулин снова вспылил и опрометью выскочил из палатки. На минуту воцарилась тишина. Гамилькар подошел к разложенной на столе карте, оперся двумя руками о край стола. Продолжая хмурить брови, взглянул на нее.

Тишину нарушил голос Бомилькара:

— Не слишком ли ты строг с Ирхулином, Гамилькар? Он еще молод, горяч. Мы сами были такими в свое время.

Гамилькар оторвался от карты, разогнал складки на лбу.

— Мы были другими, Бомилькар, вспомни: соблюдали дисциплину, не позволяли себе вольностей. Такими, надеюсь, и остались. А эти... Одна ошибка, две... Сколько можно прощать?

Гамилькар перевел дух.

— Кому здесь надо доказывать, что в серьезном бою нарушение приказа или малейшая промашка — тысячи погубленных жизней? Тысячи! И за каждую из них мы как командиры отвечаем головой! Больше не хочу об этом говорить. Маменькины сынки пусть сидят дома — я им не нянька, возиться с ними не намерен! Я сказал.

Гамилькар снова уткнулся в карту.

— Завтра же оставшихся овец вернуть. Перед главами селений извиниться. В этом районе нам как нигде нужна поддержка местных, а мы рубим сук, на котором сидим... Мы здесь застолбились лагерем, успешно противостояем римским легионам. Если захватим Эрикс¹, сможем контролировать весь северо-запад и наладить связь с Дрепаном посуху, а не только морем, как сейчас. Это наша первоочередная задача. Набегами на Италию мы обеспечим себя только провиантом, но от нас на родине ждут другого: энергичных действий. Не только посильного сопротивления, но и активных наступлений! Подходите ко мне поближе, посмотрим вместе, что мы можем сделать в ближайшее время, на каком направлении сосредоточить главный удар...

3

Приказ Гамилькара вернуть овец в деревню элимов, галлов возмутил. Они, между прочим, не для себя старались. Не надоело товарищам по оружию питаться травой и кроликами, да той залежалой солониной, которую в последнее время им втюхивают торгаши? И чем, скажи, эли-

¹ Здесь — город, расположенный у подножья горы Эрикс.

мы лучше тех же самых сикулов или сиканов? Такие же продажные, как и все остальные. Им все равно под кого лечь, перед кем прогибаться. Чего с ними возиться? — перебивая друг друга, возмущались галлы.

Автарит думал также и был согласен с большинством своих соплеменников, что жалеть элимов нечего.

— И по большому счету, братья, — сказал, поднявшись со своего места, один из старейших и уважаемых в стане галлов бойцов, — мы ведь сюда пришли не для того, чтобы защищать какой-то далекий для нас Карфаген — себе-то хоть не лгите. Мы здесь собрались, чтоб хоть чего-нибудь заработать, отправить семьям, накопить на будущее. Я, как и вы, надеюсь вернуться домой не прахом могильным, а живым и здоровым, и не с пустыми руками. А сами знаете, какие у нас сегодня заработки: жидкая миска похлебки на обед да хилая девка на ужин.

— Верно сказал!

— Верно! — поддержали оратора товарищи.

Автарит им не возражал: его соплеменники правы. В Дрепанах они в ожидании скорых перемен сидели впроголодь. За Гамилькаром пошли в надежде на будущее. И он полгода оправдывал их надежды, правдами и неправдами находил деньги, платил исправно. Но хотелось большего. Наемник живет не столько жалованием, сколько добычей. А какая тут добыча, если они чаще сидят в обороне, а если выйдут куда, то, как голодные волки, бродят полями и перелесками, щекочут нервы деревням и мелким селениям — разве это добыча?..

— А почему Гамилькар не позволяет селиться нам здесь с семьями? Думает, мы станем хуже воевать? Только что может быть хуже, когда я здесь, а моя семья в Дрепанах, — выкрикнул из толпы худощавый, но жилистый кельт по прозвищу Скворец, — или как у Лысого в Лилибее, а у Прыща и вовсе в Тунете? У нас еще голова должна болеть, как отправить родным денег, ведь их там карфагенские власти не содержат. Может, тебе уже стоит замолвить за нас словечко перед Гамилькаром? А то мы найдем кого другого говорящего на пунийском, тогда и ты нам будешь не указ!

— Ладно вам впадать в крайности! — оборвал недовольно Скворца Автарит. — Вы же знаете, я такой же наемник, как и вы, я на вашей стороне. И обо всем, что вы мне сейчас сказали, обязательно доложу Гамилькару.

— Потребуй, а не доложи!

— Иначе пусть сам воюет!

— Пусть попробует без нас!

Автарит пообещал передать командующему все их пожелания.

Был зол и Ирхулин, желчь раздувала ему ноздри¹, он места себе не находил: разбрасывал по палатке одежду, крушил мебель, бил посуду, в заглянувшего в палатку раба швырнул лампу. Таким, в ярости, и застал его Китион.

— Кем он себя возомнил, выскочка? — брызгая слюной, возмущался Ирхулин. — Моя семья не менее знатна, чем его. И он впервые стал командовать, будучи не намного старше меня! Где справедливость? Скажи? Скажи, разве он прав?

— Я предупреждал тебя, чтобы ты не разрешал пускать в лагерь девок, Гамилькару это не понравится.

— А что ему нравится? Что? И что, я должен каждый раз думать о том, что ему нравится или не нравится? Может, мне еще ему задницу полизать?

— Задницу лизать не надо. Мы не для того шли воевать, чтобы унижаться и идти против своей воли.

— Но он этого хочет! Требуется этого!

— Он требует только дисциплины. В армии дисциплина прежде всего.

— И ты туда же. Только и делаешь, что, как попугай, повторяешь его слова. Талдычишь и талдычишь. Ты с кем? Со мной или с Гамилькаром?

— Мы оба были с ним.

— Но теперь, теперь ты с кем? Бросишь меня? Это — цена твоей дружбы и верности?

— Не говори ерунды, — Китион обнял Ирхулина. Ирхулин головой ткнулся ему в плечо. — Понятно же, что я никогда тебя не брошу. Мы уедем. Мы всегда будем вместе — разве можно предать настоящего друга?

Ирхулин затих.

— Я тебя никогда не брошу, — еще раз повторил Китион.

4

Когда вошел Китион, Гамилькар стоял у развернутой на столе карты свежих позиций римлян, уточненных разведкой. Он уже был слы-

¹ В Античности считалось, что желчь у человека помещается в ноздрях.

шан, что Китион собирается покинуть лагерь вместе с Ирхулином. Это сообщение его сильно расстроило: с Китионом они были знакомы давно, и он считал лидийца способным воином. «Очень жаль», — сказал он, узнав о намерении старого товарища по оружию. И хотя сердце его тогда, при оглашении новости, сдавило сильно, он и вида не подал. «Очень жаль», — повторил произнесенное и продолжил свои дела. Теперь, когда Китион сам зашел к нему, чтобы заявить об увольнении, Гамилькар даже головы не повернул. На Китиона посмотрели только стоявшие рядом со столом командиры.

Докладывавший до этого обстановку Бомилькар, увидев Китиона, замолчал.

— Ну? — спросил Гамилькар, не услышав окончания доклада. Однако по наступившей внезапно паузе догадался, что что-то случилось.

— Что опять? — спросил, поднял голову, заметил, что все устали в одну точку, повернулся, увидел Китиона и тут же снова уткнулся в значки и схемы, бросив Бомилькару:

— Заканчивай. Вы прошлись вдоль этих холмов... Насколько там круты подъемы?

Китион негромко кашлянул. Бомилькар, глядя на Китиона, продолжал молчать. Гамилькар оторвался от карты.

— Чего тебе? — спросил, как человек, которого отрывают от дел понапрасну.

— Я зашел попрощаться, — словно извиняясь, произнес Китион.

— Всего доброго, прощай, — бросил Гамилькар и отвернулся.

— Не держите на меня зла, братцы, — обронил Китион, развернулся и быстрым шагом вышел из палатки. Тишина продолжала висеть в воздухе.

— Очень жаль, — сказал, наконец, тяжело вздохнув, Гамилькар, — толковый был командир, нужный... Продолжим. У кого много дел впереди, тот назад не оглядывается.

Все повернули головы к командующему.

Пример с Ирхулином и Китионом убедил всех, что Гамилькар прозволла не потерпит. Ради весомых результатов, ради дела он был способен и на крайние меры. Для него в армии не было своих и чужих. Были профессионалы и дилетанты. Профессионал — дисциплинированный, исполнительный, стойкий воин, дилетант — безалаберный, бесшабашный разгильдяй. И командир, не ценящий ни своей жизни, ни жизни подчиненных для Гамилькара тот же непрофессионал. Еще хуже, если командир — просто дурак, не видящий дальше своего носа, у которого и солдаты стонут, и дело не движется.

На полномасштабные действия, все понимали, ни у римлян, ни у карфагенян достаточных средств сейчас нет, поэтому и стоят они друг против друга, как две озлобленные, истекающие слюной беззубые собаки, с бесплодным желанием укусить одна другую. Но и в этих обстоятельствах Гамилькар не терял надежды переломить ход событий. Как говорится: не съем, так понадкусуваю. Небольшие мобильные подразделения, способные к быстрому передвижению, мгновенному реагированию на малейшие изменения — вот тактический прием в сложившейся ситуации. Одна группа сегодня теребит окрестности Панорма, другая плывет будоражить прибрежные италийские города, третья остается на страже лагеря. Завтра вернувшиеся с добычей каперы отдыхают в стане, а остальные формирования теребят осаждающих Дрепаны или Лилибей. Наука боем, скучать некогда. И противник в растерянности: чего добивается Гамилькар? Чего от него завтра ждать?

Китион вышел из палатки сам не свой. Может, Ирхулин и прав: у Гамилькара нет сердца. Сколько они уже знают друг друга? Прошли, как говорится, огонь и воду. Вместе съели не один фунт соли. Он никогда не был трусом, никого никогда не предавал. Почему Гамилькар так поступает с ним? Он даже не возмутился, не вспылал, как обычно, когда был чем-то раздражен, только демонстративно выказал равнодушие. При всех. Унизил его больше, чем если бы наорал на него. Равнодушие Китион явно не заслужил, его выбор все должны уважать. В тяжелую для близкого друга минуту он остался с другом. Чего тут непонятного? За это разве перестают уважать? За это разве презирают?

Понятно, когда Гамилькар выговаривает неоднократно попадавшему впросак Ирхулину, мальчишке неразумному, но он, Китион, разве заслужил подобных упреков? Зачем с ним так пренебрежительно?

Ирхулин давно ждал его у груженной скудным добром повозки. Увидев издали, вскочил на коня.

— Едем? — спросил, когда Китион приблизился.

— Да, едем.

Китион также взобрался на своего коня.

С ними Гамилькар отправлял в Дрепаны тяжелобольных, связанных и интендантов для решения хозяйственных вопросов. Вернее, они присоединялись к отправляемым в Дрепаны. Унизительней не придумаешь.

За воротами лагеря к обозу пристроились купцы, которым нужно было пополниться новыми товарами и для которых Дрепаны были лишь промежуточным пунктом их дальней поездки, а также некоторые жен-

щины, которые понимали, что с возвращением Гамилькара хорошие заработки в лагере им больше не светят.

— Ну что, попрощался? — не без некоторой доли ехидства, спросил Ирхулин.

— Попрощался, — сухо ответил Китион.

— Особой благодарностью Гамилькар не отличается, — заметил Ирхулин.

— Едь уже, — огрызнулся расстроенный Китион.

— Ну, ну, — ухмыльнулся Ирхулин и, хлестнув своего гнедого, покакал в голову колонны, оставив Китиона с его мрачными мыслями наедине.

5

Если может в сердце засесть заноза, то в сердце Итобаала она задела точно. Заноза с таким чудным для произношения карфагенянина именем: Виола.

Чем она его так приворожила, что он ни на минуту теперь не может выкинуть ее из головы? Засыпая, вспоминает ее улыбку, просыпаясь, видит перед собой ее глаза...

Он заметил, что от ее образа его не может отвлечь ни тяжелая работа, ни стычки с римлянами, ни лагерные ристалища. Везде и всюду он высматривал девушку, надеялся встретить на рынке, когда с кем-нибудь из своих товарищей по палатке ходил за продуктами, расспрашивал торговцев и женщин. Искал, но не находил.

И уже как анекдот рассказывали все, что Итобаала на валу охраняла не кто-нибудь, а сама Афина. Ну, не помнит никто такой девушки, какой ее описывал Итобаал! И вообще, кажется, в тот день, если девушки и были, то визжали они где-то в лагере, а не набрасывались на римлян у частокола.

Один повторил это, другой, третий... Итобаал сам уже начинал сомневаться в существовании подобной девы. Может, на самом деле его так сильно огрели по голове рукоятью меча, что, очумев, среди сражающихся рядом с собой он увидел деву. Но ведь она была так реальна. Принесла пить... Он ведь пил! Говорила с ним... Это тоже ему привиделось?

Итобаал не знал, что и думать.

Наверное, все-таки она была. Никакая это не богиня, явившаяся ему в забытии, а реальная девушка, которая после возвращения командующего покинула стоянку вместе со своими подругами, иначе они давно бы где-нибудь столкнулись, и уж тогда он бы ни за что ее не от-

пустил. По крайней мере, взял бы с нее слово, что они будут видеться чаще. Как же иначе?

«Иначе теперь и быть не может», — думал Итобаал, убеждая себя, что Виола если и уехала, то не навсегда. Съездит, куда ей надо, и вернется. Не могут же боги так долго быть немилосердны к нему. В чем он перед ними так провинился?.. Но прошла одна неделя, потом другая, там и месяц после их разлуки подошел к концу, а девушка так и не объявлялась. Тогда Итобаал стал проситься в сопровождающие фуражиров, время от времени плававших в Лилибей или Дрепаны за дополнительными поставками продуктов, снаряжения или вооружения, которое ковали на месте или время от времени присылали из Карфагена.

Улучив свободную минуту, он волком рыскал по харчевням и борделям в надежде найти Виолу, но и там ее не находил.

Из-за своего безрассудства он быстро попал гарнизонным острословам на язык. Одни, насмехаясь, считали, что он помешался на бабах, другие с восторгом восклицали: «Молодец, мужик, своего не упустит», но это тоже звучало как издевка. Итобаал ни на тех, ни на других внимания не обращал, упорно продолжал искать Виолу, жалея только об одном: что он не может отправиться на ее поиски в города, занятые противником. Не хотелось думать также, что она попала в храм Астарты, где обитали не только храмовые путаны, но и пришлые, и где нынче обосновались римляне.

У него как-то блеснула безумная мысль переодеться пастухом и добраться до Эриксы, чтобы и там разузнать что-нибудь о своей зазнобе. Но, хвала Баалу, он в конце концов отменил эту мысль: там его могли признать за лазутчика, схватить, пытаться, — разве объяснишь внятно, зачем он пожаловал в стан противника, чего хочет? А он, может, даже себе этого объяснить не в состоянии. Ну, допустим, встретит он Виолу, — и что? Что скажет? Что предложит? Может, надо уже просто успокоиться, забыть девушку? Может, на самом деле, это было просто видение? Время все вылечит. Со временем забудется и она, как постепенно забывается его кошмар в плену, бледнеет память о доме, о жене, о неродившемся сыне...

Однажды засыпая, Итобаал поймал себя на мысли, что, сбежав из дома, он и здесь не нашел себе душевного покоя, боги словно нарочно в очередной раз испытывают его. Для чего только?

6

Ближайший корабль из Дрепан в Карфаген отходил только через два дня. Ирхулин, сняв комнату в верхних этажах харчевни, все два

дня вволю отсыпался, как будто наверстывал упущенное в стане. Китиону не давал спать тяжелый осадок на душе. Ночью он спускался вниз, пил горькую с проходимцами, под утро на несколько часов забывался во сне, потом опять спускался вниз и снова крепко пил. Даже на корабль рабы занесли его вдрызг пьяным.

В море Китион немного проблевался, отказался от еды и проспал все плавание до самого Карфагена. В порту дал на свою лошадь погрузить поклажу Ирхулина (у него самого кроме доспехов, оружия и кошелька на поясе ничего не было), а сам пошел пешком, в пыльной тунике, босиком. Как раб поплелся за восседающим верхом Ирхулином в Мегару.

На виллу Бодмелькарта-тихого его, однако, не пустили, как Ирхулин ни пытался доказать, что Китион его друг и человек свободный.

— Вы знаете, молодой хозяин, что ваш отец будет рассержен, если мы без его позволения пропустим на территорию незнакомца, — сказал начальник охраны, здоровенный нубиец, на голову выше Китиона и мускулистее.

— Но я ручаюсь за него головой! — попытался было поспорить с начальником охраны Ирхулин.

— Прежде всего, за такой поступок головами ответим все мы, — сказал здоровяк и как отрезал.

— Подожди немного здесь, я поговорю с отцом, и тебя примут как гостя. Как доброго гостя, — сказал Ирхулин Китиону.

Китион снял свою нехитрую поклажу с лошади, слегка ударил ее по крупу и бросил Ирхулину:

— Я буду ждать тебя, мой друг.

— Я разберусь, — пообещал Ирхулин и скрылся за воротами.

Высокие, массивные, по краям обитые железными полосами ворота закрылись. Китион опустился на землю, вытянул ноги, прислонился спиной к теплой стене.

Солнце уже не палило так горячо, как днем, но все равно было очень душно.

Не прошло и получаса, как ворота раскрылись и Китиону вывели его лошадь. За нею вышел знакомый нубиец.

— Вот твоя лошадь, — сказал он. — Можешь больше не ждать. Распоряжение господина неизменно. Если не хочешь оказаться схваченным здесь ночной стражей, поспеши обратно в город и сними себе лучше в харчевне комнату, не то ночь проведешь в тюрьме за бродяжничество. Удачи тебе, солдат, — сказал здоровяк, развернулся и скрылся за воротами.

Китион погрузил свою поклажу на лошадь и, ведя ее в поводу, медленно побрел вдоль по улице в город.

Солнце уже клонилось к закату.

7

— Ну, рассказывай, сын, как ты жил все это время вдали от дома? Не надоела ли тебе солдатская баланда? Тебе, с детства привыкшему есть вкусно и сытно, спать на мягких постелях, потакать своим желаниям.

Бодмелькарт-тихий восседал на своем возвышенном месте в огромной зале для приема гостей. Не сидел, полулежал в кресле с высокой спинкой, на самом верху которой был вырезан знак Тиннит, а под ним символ рода Бодмелькарта — перевернутая буква «каф»¹.

Бодмелькарт принимал у себя послов из Киренаики, крайнего, граничащего с Карфагенской державой на востоке, греческого полиса.

Прибывшие послы были сторонниками карфагенян, из их уст звучало опасение, что по всему северо-восточному побережью Ливии ходят упорные слухи о том, что Египет намерен захватить их независимую греческую область. Все, конечно, понимают, что Египет ныне эллинистический, что грекам там раздолье и в науке и в экономике, но в Киренаике греки хотели бы другой свободы, хотели бы оставаться, как и раньше, независимыми, каких бы благ им ни сулил завоеватель. Что думает по этому поводу Карфаген и его правители?

Бодмелькарт знал о претензиях Египта на Киренаику. Это была старая история, но Птолемей Филадельф уже дряхл, ему не до соседей. Иное дело если на египетский трон взойдет его сын, Птолемей III, расклад в мире может сильно измениться. Тут, как говорится, ухо надо держать востро.

Бодмелькарту доложили о возвращении старшего отпрыска (Вот как? Не ожидал, что так быстро!). Но удовлетворенный удачными переговорами, он не вспылал, учтиво препроводил гостей (конечно, мы заинтересованы в защите своего ближайшего соседа), рекомендовал им посетить еще нескольких членов карфагенского Совета, потом только велел позвать сына.

¹ Одна из букв финикийского алфавита, ставшая впоследствии буквой «к» многих европейских алфавитов. Первоначально обозначала «ладонь».

Положив в небольшое блюдо пышную ветвь винограда, Бодмелькарт-тихий вернулся обратно в кресло и стал ждать его появления, с удовольствием смакуя виноград.

Виноград был крупный, сладкий, так и таял во рту.

Когда Ирхулин вошел, Бодмелькарт, полускрыв глаза, с наслаждением перекачивал во рту сочную ягоду. Он любил сладкие фрукты, они делали его безмятежным, успокаивали. Поэтому он не набросился, как раньше, на Ирхулина, говорил с ним как все понимающий отец с блудным, потерявшим себя на время, запутавшимся сыном: без упреков, с небольшой долей иронии.

— Расскажи-ка, сын, как ты жил все это время вдали от дома?

В этом вопросе отца Ирхулин уловил и жалость, и сожаление, и прощение. Но прощение не доброго, любящего отца, а прощение главы, вождя; вождя милующего, ждущего в ответ покорности, полного и безоговорочного подчинения. Прощение будет только в таком случае. Иначе он не может. Иначе — проклятие, изгнание и как результат — смерть, если не физическая, то гражданская точно, что, как правило, всегда одно и то же. Без выбора. Он — отец, он — вершитель судеб всех членов подвластного ему рода.

Ирхулин стоял перед отцом, как побитый. Идти ему больше некуда. За пределами власти отца он еще никто. Без покровительства отца он оторванный ломоть, которого не примет ни один сановник, ни одно общество, ибо он еще не самостоятелен, даже не заручен поддержкой чьего-либо рода, изгой, утративший отцовское доверие.

— Что мне прикажешь с тобой делать?

Бодмелькарт поднялся с кресла, отложил в сторону блюдо с виноградом, подошел к сыну.

Ирхулин так и не поднял головы. Ему нечего было ответить.

Бодмелькарт посмотрел на его склоненную голову, на опущенные плечи, обвисшие, как плети, руки, но не почувствовал к сыну жалости — слишком сильно он его разгневал своей мальчишеской выходкой, сбжав в стан его соперника, можно сказать, плюнул ему в самую душу, по сути — предал, а предательство никогда еще никому не прощалось, даже родному сыну. Стоило так поступать, чтобы потом вернуться обратно? Он думал, там ему будут рады? Но ему никогда не будут там рады, потому что он был и остается его сыном, сыном Бодмелькарта-тихого, его плотью и кровью, как бы он не отрешался от этого.

Бодмелькарт резко взмахнул рукой и изо всей силы залепил сыну звонкую пощечину.

От неожиданности Ирхулин даже пошатнулся, вскинул на отца глаза, полные растерянности (он ждал всего, только не этого!), но Бодмелькарт уже отвернулся. Довольный собой, вернулся к столику с фруктами, оторвал от грозди виноградину и с удовольствием отправил в рот. Ягода была просто восхитительной!

— Через два дня, — сказал Бодмелькарт, прожевав ягоду и проглотив, — Ганнон отправится на усмирение одного из взбунтовавшихся городов у самого края ливийской пустыни. Поедешь с ним. А после останешься под его началом. В городе тебе пока делать нечего. Оттуда с Ганноном ты вернешься победителем, а не жалким изгнанником, которого потом никто не станет уважать. Поверь мне, тебе еще вспомнят, с кем ты якшался. Иди, повидайся с матерью, она по тебе все слезы высушила, всех богов облагоденствовала, молясь за тебя. А про грека своего беспутного забудь. Он только портит тебе репутацию. Придешь к власти, сотни таких греков будут лизать твои пятки, еще устанешь от них отбиваться! Ступай, добавь мне более нечего.

— Тошат! — крикнул он находящемуся за дверью управляющему, когда Ирхулин покинул комнату. — Вели подавать обед, у меня впереди еще много дел.

Тошат поспешил исполнить распоряжение хозяина.

8

Китион не стал долго бродить по Карфагену, остановился у первой попавшейся харчевни.

Харчевня была небольшая, о двух этажах, на первом этаже которой располагались собственно помещение закусочной и загон для мелкого скота и птицы, на втором — комнаты, больше напоминающие клетушки, в которых едва помещались постель, небольшой сундук для вещей и табурет, на котором возвышалась деревянная лохань для умывания и сосуд для воды.

— Лошадь есть куда пристроить? — спросил Китион у хозяина, как только переступил порог харчевни.

— Только в стойле с коровой, — ответил хозяин.

— И комнату на пару дней. Думаю, дольше я у вас не задержусь.

— Обед?

— А это в первую очередь, — проголодался, как волк.

Наверху в комнате Китион с наслаждением вытянулся на соломенном тюфяке. Он не считал, что Ирхулин его бросил. Надо просто немного подождать. Через день-два все станет на свои места, Ирхулин приедет за ним, и они, как раньше, будут вместе. Может, даже уедут из

Карфагена. Лучше уехать, чтобы не было кривотолков и лишний раз не пришлось бы доказывать, кто ты и что здесь делаешь...

Утром Китион проснулся бодрым и выспавшимся. Через маленькое отверстие под потолком на противоположной стене в комнату уже проникло солнце. Давно Китион не спал так безмятежно, давно так долго не нежился в постели после пробуждения.

Поднявшись, он налил в лохань воды; наслаждаясь бодрящей прохладой, ополоснулся по пояс, затем натянул на себя свежую тунику, обул сандалии, кожаные, с тонкими ремешками. Превосходно!

«Чем теперь себя занять?» — задал себе вопрос как человек праздный и уверенный в завтрашнем дне.

— Чем у вас можно заняться? — спросил он опять у хозяина харчевни, когда спустился вниз к завтраку.

— Сегодня в цирке будут бои с животными. Если желаете, можете сходить. Довольно интересно. Будут тигры, львы и еще, кажется, пантера.

— Отчего бы и не сходить? Схожу. Во сколько вы говорите представление?

— Вечером, когда спадет жара. До обеда можете пройтись по главной площади, там тоже бывают любопытные события.

Китион позавтракал, поднялся из-за стола.

— Пойду, пройдуся, посмотрю, как живут мирные люди.

Хозяин иронию отставного солдата пропустил мимо ушей.

Было непривычно никуда не спешить, не вздымать ногами пыль, неторопливо брести по улицам города, прислушиваться к случайным разговорам, наблюдать за незнакомыми людьми.

Китион упивался праздностью — она рождала в его душе легкость. Упивался тем, что никому до него нет дела, он один из нескольких тысяч эллинов, которые остановились в Карфагене на правах свободных. Чистая туника и новые сандалии выдают его за человека независимого, а не раба. Немного спутанная борода и взлохмаченные волосы говорят скорее о его недавнем пребывании в городе, чем о неряшливости. Он откуда-то приплыл или приехал, но еще не успел посетить баню, постричь волосы, отдохнуть, как следует. Это человек, бесспорно, который присматривается, оценивает; деловой, а не бесцельно шатающийся.

Китион поглазел на бродячих акробатов, послушал заезжих музыкантов, пожертвовал несколько серебряных монет служителям храма Мелькарта. Когда солнце поднялось выше, заглянул в одну из городских бань неподалеку от храма Решефа, понежился в прохладном бас-

сейне, дал помять себя массажисту, толстому железному карийцу с услужливой улыбкой, который то и дело восхищался его атлетической фигурой и крепкими мышцами, после обеда отправился на площадь в цирк.

Хозяин харчевни не обманул, программа в цирке на самом деле оказалась насыщенной: на зарешеченную со всех сторон арену выгоняли разных зверей, тыкали в них баграми, заставляли биться друг с другом. Тигр с тигром, тигр с ягуаром, слон против пантеры...

После представления люди расходились по своим районам и живо обсуждали увиденное. Этот вечерний гул ложился на душу Китиона бальзамом.

— Как прошел день? — спросил его хозяин харчевни.

— Замечательно, — ответил Китион и тут же заказал себе кружку самого лучшего вина.

Он нисколько не лукавил. Укладываясь на ночь, пожалел только о том, что нет сейчас рядом с ним Ирхулина, его единственного друга, товарища, с которым он готов был разделить свою радость в полной мере.

Прошло два дня, но Ирхулин так и не объявился. Китион уже устал бродить по городу, слоняться без дела, валяться на топчане, тупо разглядывать игру света на стенах.

Может, Ирхулин не знает, где он остановился, и в этом все недоразумение?

Китион решил прогуляться к нему в усадьбу, но перед воротами в Мегару его остановили привратники.

Китион попытался было им объяснить, чего он хочет, но они только посочувствовали ему и не пустили в аристократический район одного. Только с кем-нибудь из местных.

— Да что такое! — возмутился Китион, но задраться, как бывало раньше, не стал, вернулся в харчевню, набрался допьяна.

Утром голова раскалывалась на части, и Китион попросил вина в комнату. Выпил, полегло, но ненадолго.

«Что же, — подумал, вытянувшись на топчане, — Ирхулин совсем его, что ли, забыл? Что он теперь будет делать? Обратю к Гамилькару возвращаться — примет ли? Уж слишком некрасиво он ушел. Да и гордость не позволяет. Ждать дальше Ирхулина — есть ли смысл? Что впереди?»

Пошел четвертый день его пустых скитаний по городу. Ирхулина как и не было. Китиона охватило уныние.

В толпе на площади у него стащили кошелек, ловко срезали с пояса. Только теперь Китион пожалел, что совсем не думал в армии о будущем, существовал на одно жалованье, ничего не копил. Да и здесь жил одним днем, полагаясь на друга. Но друг пропал, и незаметно как уплыли и денежки.

Китион пересчитал оставшиеся. Хватило бы, чтобы вернуться на Сицилию, там снова наняться в армию и начать потихоньку откладывать про запас для возвращения на родину. Хотя он уже не знает, захочет ли его обратно после стольких лет разлуки родина, остались ли на родине хоть кто-нибудь, кто его еще помнит...

Вторая неделя пролетела так же незаметно, как и первая.

Один эпизод вывел его из себя: возвращаясь с представления в храме Тиннит, он наткнулся на белую палатку вербовщиков в армию. В груди тут же засадило. Даже руки, как показалось ему, сжались в кулак, словно почувствовали привычную тяжесть меча.

Китион шарахнулся в сторону, быстро завернул за угол, и только когда белая палатка скрылась из глаз, позволил себе отдышаться.

Грудь по-прежнему распирало, сердце готово было вырваться — вот куда он должен был пойти, вот, где он должен быть! Это — его настоящая жизнь, там он настоящий Китион, один из лучших бойцов и офицеров Гамилькара! А здесь? Жалкий, никому не нужный человек. Да и человек ли? Бродяга...

На Китиона будто обрушился небосвод. Теперь он понимал, почему этого так бояться галлы. Когда тебя придавят собой небеса, ты только погружаешься в землю, в темноту, в преисподнюю. Издыхаешь.

Больше Китион в город не выходил. Днем спал; когда темнело, спускался вниз, пил. После закрытия требовал дать вина с собой, выпивал его наверху, валился на топчан, проваливался в сон. Злился на Ирхулина. А больше — на себя. Понимал, что не хочет возвращаться к соратникам униженным, потому что, как ему казалось, он еще не утратил достоинства, хотя многое и потерял. И прежде всего, веру. В настоящую дружбу, в товарищество, в память.

«Неблагодарный» — только это слово все чаще всплывало теперь в мозгу.

На третьей неделе Китион заложил свою лошадь, но и ее потерял. Продал доспехи. По привычке предварительно надраил их до блеска. Долго не хотел продавать меч, свое второе «я». Пропил сандалии. Стал буяннить. Кому-то расквасил физиономию, кого-то пырнул ножом, разбил несколько лавок. Хозяин харчевни выкрикал дозор. Китиона скрутили, увели в тюрьму.

Сколько он там не бил себя в грудь, доказывая, что он бывший офицер Гамилькара Барки и с ним на короткой ноге; сколько бы не утверждал, что он близкий приятель сына Бодмелькарта-тихого, его никто не слушал. Когда же он набросился на стражника, который принес ему в яму похлебку, его заковали в кандалы, передали шофетам, а шофеты присудили буйному греку несколько лет каторжных работ в каменоломне. Там всегда требуются свежие, сильные руки, тем более, городские власти из-за перенаселенности затеяли в ближайшее время грандиозное жилищное строительство: решено было немислимые мастерские с южных склонов Бирсы перенести поближе к морю, а на их месте выстроить несколько высоток, глядишь, власти смогут утихомирить еще пару-другую сотню недовольных, предоставив им для жилья комнатушки в новостройках.

Китиона бросили в телегу с клеткой и отправили в каменоломню на мысе Бон. Камень Карфагену сейчас нужен, как никогда!

9

Ганнон наслаждался торжеством, которое устроили ему горожане Гекатомпил¹, одного из крупнейших городов Ливии.

Когда он заставил город капитулировать, седобородые старейшины вышли к нему с оливковыми ветвями в руках. Они умоляли его пощадить их прекрасный стовратный город, основанный, по преданию, самим Мелькартом, величайшим из известных богов.

Коварные ливийцы... Они всегда были такими, еще с древнейшего своего царя Антея, любителя покрывать стены храма Посейдона черепами вторгшихся в его страну врагов. И как символично, что он — Ганнон Великий, карфагенянин, покорил теперь ливийцев, как в свое время Мелькарт, Величайший царь земли ханаанской, победил исполина Антея, царя земель ливийских и эфиопских.

Лицемеры, они уповали на милосердие, призывали в помощь ханаанских богов, старались лишней раз словом не обмолвиться, а сами часто и неожиданно в тяжелую минуту предавали Карфаген. И хотя карфагеняне по своей натуре вовсе не злопамятны — они все равно все помнят и ничего, в отличие от ливийцев, не забывают.

Давно ли кресты с их распятыми вождями-предателями после победы над Регулом возвышались вдоль дорог и падальщики вместе с воронами выклевывали им глаза и внутренности? Давно ли взбунтовавшие

¹ Нынешняя алжирская Тебесса.

ся общины после покорения вынуждены были отдавать своих лучших мужей в качестве рекрутов на съедение богу войны? Коротка память людская...

Стоило только боевым действиям на Сицилии приутихнуть, как ливийцы вновь поднимали головы, думали, что на два фронта карфагеняне воевать не способны, а римляне рано или поздно задушат агонизирующее царство Баала. Как они ошибались! Ганнон напомнил им, что они снова поставили не на того петуха; показал, что у Карфагена хватит сил противостоять любому врагу. К тому же доказал не только им, но и народу Карфагена, что он вполне может быть как успешным военачальником, жестким, снисходительным, справедливым, так и крепким управляющим.

Несколько ливийских городов Ганнон Великий растоптал без сожаления (особенно свирепствовал командующий конницей Ирхулин, сын Бодмелькарта-тихого), дал своей армии насладиться вкусом победы, утолить жажду крови, снова почувствовать себя воинами. Убил, можно сказать, двух зайцев: примирил коварных ливийцев и не позволил своей армии разложиться. Даже больше сделал: заставил ливийцев в дополнение к штрафу оплатить все военные издержки, в том числе довольствие солдат и их вознаграждение, чем только утер нос заигрывающим с простым народом политикам, которые на каждом углу кричали, какой умелый стратег и хозяйственник Гамилькар Барка, ведь он не только противостоит врагам на поле боя, но и находит средства для содержания вверенной ему армии на Сицилии, не выклянчивает, как предыдущие, так называемые полководцы, у Совета денег, не отнимает у народа принадлежащий ему по праву кусок хлеба.

Теперь Ганнон доказал, что не один Гамилькар думает о народе!

При своем назначении на должность наместника карфагенской хоры Ганнон Великий пообещал Совету, что изыщет другие, альтернативные средства снабжения государства хлебом и деньгами. И он сдерживает свои обещания, сдерживает вопреки злословиям оппозиционеров, среди которых более всех стал выделяться Гасдрубал по прозвищу «Красавчик». Но теперь, когда Ганнон усмирил ливийцев, даже этому выскочке придется заткнуться!

Ганнону льстило, что его избрали именно в ту пору, когда государство оказалось ослабленным затянувшейся войной, когда противник подошел к самому порогу родного дома, когда реально стали вопросы «чем дальше жить, на что существовать?» Он чувствовал себя востребованным, он верил в свою значимость, в свою миссию, был убежден,

что только он знает, как возродить мощь государства, вернуть ему былое влияние.

С помощью своих сторонников он смог убедить Совет, что нужно обратить свой взор на запад и юг. Туда еще не распространилась алчность Рима, а для карфагенян эти края — невозделанное поле. Нужно только немного удобрить его, заставить работать на себя.

Соглашаясь занять этот ответственный и немаловажный пост, Ганнон поначалу точно не знал, что будет делать. Витали мысли, еще не совсем определенные, скрытые, как в тумане. Но ливийцы, взбунтовавшись, сами подсказали ему, с чего начать. Подавленным городам однозначно поднять налоги, затем увеличить рекрутский набор.

Гекатомпилы дали три тысячи заложников, оплатили содержание его армии, выплатили солидную контрибуцию. Чем лучше остальные восставшие ливийские города? Пусть также запускают свою замаранную руку в собственную казну для укрепления дружбы с Карфагеном...

Ганнон Великий справедлив, Ганнон мудр, отбирать последнее не будет. Он понимает, что Карфагену не нужен враг в тылу, враг, который судорожно сжимает под плащом рукоять кинжала. Это должны понимать и другие, в том числе и его недруги.

В этом свете Ганнон ничуть не сомневается, что в Карфагене ему также устроят триумф и он, как и в Гекатомпиле, прокатится по улицам на триумфальной колеснице, и благодарный народ будет бросать к его ногам пальмовые ветви и ликовать, как они всегда ликовали после победы над врагом.

10

Прошло больше полугода. Войска с обеих сторон словно впали в зимнюю спячку.

Зима обычно — пора, когда крупные военные сражения на время затухают, война замирает, противники перебираются на зимние постой и укрепляют свои силы. Если и случаются какие-либо столкновения, они больше походят на разминку кулачных бойцов, которые не причиняют друг другу какого-либо серьезного урона.

Основательно укрепив свой лагерь, Гамилькар старался далеко от него не отходить, чтобы не попасть в крупную засаду. И, совершая набеги на италийское побережье, строго-настрого запрещал удаляться от лагеря далеко и оставшимся на месте командирам. Им нужно было только постараться защитить лагерь в случае массивной атаки римлян. Но, хвала Мелькарту, римляне сами, несколько раз получив

серьезный отпор, больше не рисковали надолго оставлять свои позиции и осаждать лагерь карфагенян на Герктах.

Прекращение активных боевых действий со стороны римлян Гамилькар относил еще к тому, что срок командования обоих консулов подходил к концу. И в этом он не ошибался: в ожидании смены Метелл и Бутеон позволили себе немного расслабиться — основную свою задачу они выполнили: старые позиции римлян удержали, свежей армии карфагенян развернуться не дали. Однако угроза наступления армии Гамилькара никуда не делась, поэтому сенатом было принято решение обоим консулам оставаться на Сицилии вплоть до прибытия нового руководства, а может, и дольше.

В Риме тоже вроде все поуспокоилось, война с карфагенянами больше не казалась столь угрожающей. Отравление сирийского монарха Антиоха II, кончина египетского царя Птолемея II и последовавшее затем присоединение Египтом Киренаики¹ остались вообще где-то в стороне. Римляне продолжали заниматься землей, собирать урожай, жить общественной жизнью, посещать зрелища. И снова, как и прежде, чаще и острее реагировали на сплетни и слухи городской жизни, чем на приевшиеся сообщения о мелких стычках войск на Сицилии.

Вздурочил всех случай с одной из римских матрон, которая возвращалась домой с очередного представления и попала в жуткую давку толпы. Когда матрона выбралась, обрушилась на нее с возмущением:

— О, если бы мой брат был жив и опять начальствовал над флотом, я была бы рада, чтобы он еще раз его погубил — может, тогда в Риме поубавилось бы народу!

Эх, как тогда на нее набросились те, до ушей которых донеслось ее недовольство! Так это, оказывается, сестра подохшего в этом году бывшего консула Клавдия Пульхра! Того самого выродка, который некогда на Сицилии пренебрег птицегаданием?! Именно из-за него тогда в морской пучине погиб вверенный ему народом римский флот!

Сколько грязи в одну минуту вылилось на голову несчастной женщины! Не отделается она одним словоблудием, притянет ее римский народ к ответу за похабные слова, не глядя, что почтенная патрицианская матрона!

¹ Эллинистическое государство, расположенное между Карфагенской державой и Египтом.

Но прежде всего на шум толпы отреагировал Автолик, плутоватый клиент Гая Фундания¹. Не долго думая, он опрометью метнулся на Авентин, где на северном склоне, ближе к Бычьему рынку, стояла инсула в три этажа. Там, на первом этаже, в небольшой квартирке о пяти комнатах с окнами во внутренний двор, ютилась семья его патрона Фундания, нынешнего плебейского эдила.

Со всех ног промчавшись через Бычий рынок, чуть не сбив привратника, влетел Автолик в кабинет к самому патрону, который уже предвкушал сытный обед.

Стол, правда, пока не был накрыт, да и патрон ходил в домашнем, не ожидал, что кто-нибудь к нему на ночь глядя пожалует: это народному трибуну никогда не было ни сна ни отдыха, днем и ночью, в любую минуту мог к нему прийти любой из граждан, и ты обязан был его принять, выслушать и тут же отреагировать на его жалобу. Эдиду в этом случае проще, но — что это? Автолик-сумасброд, чего тебе под конец дня понадобилось? Утра, что ли, мало? Не знаешь, пройдоха, когда в обычае у нас принимать клиентов?

Но Автолик, едва переведев дух, ошарашил Фундания еще больше:

— Патрон, патрон—благодетель, не ругай понапрасну, спешу лучше на форум, там это... Матрона... Клавдия, сестра этого... Как его там?.. Которого вы притягали...

— Пульхра?

— Кажется, Пульхра, так говорили... в толпе.

— И что же?

— Она там всех клянет и честит налево и направо, уста мои боятся повторить. Но всех клянет: и граждан и неграждан, и Рим поминает всеу.

Фунданий онемел. Сердечко его так и застучало молоточком в грудь. Наконец-то, наконец! Вот он — еще один шанс. Был уже такой два года тому назад. В то время он впервые из Фунданий прославился. Можно сказать, переплюнул и отца, и деда.

И вот ирония судьбы: будучи в то время народным трибуном, не зная, не гадая, он добился осуждения брата этой самой Клавдии, Публия Клавдия Пульхра за его преступную беспечность под Дрепанами: 120 тысяч ассов — по тысяче монет за каждый потерянный в том бою корабль — пришлось заплатить злополучному бывшему консулу в казну республики! Теперь и ей неимется?

¹ Гай Фунданий Фундул.

— Панопа! — взревел на весь дом Фунданий. — Панопа! Скорей мою выходную тунуку и тогу!

Панопа, однако, казалось, и бровью не повела:

— Парадную тунуку, хозяин, вы велели отдать в стирку, а тога еще не штопана — сами сказали пока отложить, готовить в первую очередь обед, мол, никуда, сказали, сегодня больше не пойдете..

— Да что б вас всех! Набрал вас, тупиц, по-дешевке, теперь рас-плачиваюсь! Давай скорей сюда тогу, в тунике этой побегу, все равно смеркаться скоро будет.

— Поспешим, Автолик, — понесся первым Фунданий, кое-как обвя-зав вокруг торса тогу и перекинув через левое плечо оставшийся край. — Скорей, скорей!

Фунданий с Автоликом стремглав выскочили из дома.

Бежать было недалеко, но Фунданий все равно летел как стрела — их все-таки четверо в Риме: два плебейских и два курульных эдила, а слухи в городе распространяются со скоростью ветра, — вдруг кто его опередит?

Могло и в прошлый раз ничего не выгореть. Так тогда он был од-ним из десяти трибунов, мог оказаться в неведении, и слава осуждения Пульхра досталась бы кому-то другому! Но он лично смог довести экс-клюдивное дело до конца, и о нем и его роде узнал весь Рим. Чего еще желать гражданину, который тем более не обременен особо богатством и знатностью?

Род, в котором ему суждено было появиться на свет, был хоть и од-ним из старинных плебейских, но не таким уж важным и заметным в Риме, как другие. Фунданий были выходцами из Фунды в Лации, они не значились среди потомков богов или героев, как значились Юлии или Клавдии. Фунданий всегда жили незаметно, без претензий, не совер-шая великих дел и даже скромных деяний. Но разве в Риме запрещалось когда кому-либо мечтать и добиваться исполнения своих грез? Для гражданина Рима всегда все дороги открыты!

Фунданий, как и два года назад, внезапно почувствовал, что Форту-на благоволит ему. Он поймал птицу удачи за хвост. Теперь главное — не выпустить ее из рук!

Однако, уже на подходе к форуму, неподалеку он заметил долговя-зую фигуру своего собрата по должности Семпрония. Почти одновре-менно они приблизились к неумолкающей толпе.

— Коллега, — поприветствовал Фундания Тиберий Семпроний Грах.

— Коллега, — кивнул в ответ Фунданий, поправляя складки тоги.

— Расступись, квириты! Расступись! — чуть не в один голос крикнули Автолик и сопровождавшие Семпрония его клиенты.

Эдилы торжественно прошептали к изрыгающей проклятия фуреи.

Злопамятен римский народ, когда дело касается его чести! Не удалось дочери знаменитого Аппия Клавдия Цека¹ избежать сурового наказания — перед законами Рима все граждане равны!

Матрону притянули к суду, и плебейские эдилы, Гай Фунданий Фундул и его коллега Тиберий Семпроний Гракх, чтобы впредь неповадно было кому-либо оскорблять римский народ, оштрафовали ее на двадцать пять тысяч монет в серебряных слитках — немалая сумма даже для состоятельных патрициев! (На эти деньги тут же было начато строительство храма Либерты на Авентине.)

Но зрелища зрелищами, забавы забавами, а в сенате сплошное уныние. На восемнадцатом году войны Рим, сдавалось, оказался еще дальше от своей цели, чем в начале. За это время уничтожены четыре крупных военных флота, сухопутная армия Регула, крупнейшие города Сицилии — Дрепаны, Лилибей и Акрагант — до сих пор остаются за карфагенянами.

Запасы казны таяли на глазах, война становилась убыточной и для союзников, чьи силы и ресурсы также в немалом количестве привлекались римлянами.

Упразднение флота и поощрение каперства не намного улучшили положение. Дошло до того, что капитанам, которые на свой страх и риск начали заниматься морским разбоем, отдали для этих целей оставшиеся казенные корабли.

Цензоры Авл Атилий Калатин и Авл Маний Торкват закончили перепись римских граждан. Более чем на четверть убавилось население республики за восемнадцать лет войны с карфагенянами!

Кроме того, Гамилькар, тот самый наглец, который в прошлом году досаждал им на полях Локриды и Бруттия, видя пассивность римских консулов на Сицилии, возобновил набеги на италийское побережье вплоть до Кум в Кампании. Это снова обеспокоило соседей, и послы

¹ Аппий Клавдий Цек (Слепой) (около 350-273 гг. до н. э.) — выдающийся древнеримский государственный деятель, цензор, построивший первый римский акведук и дорогу, названную его именем, дважды консул, сенатор.

других городов так же, как в свое время локриды, вереницей потянулись за помощью в Рим. Тут не захочешь, придешь в уныние!

— Хватит уже пускать все на самотек! Очнитесь, наконец, сенаторы! Нет на вас слепого Аппия! — все чаще доносилось с форума.

Народ напоминал сенаторам о Клавдии Цеке, вернее, о том событии, которое произошло после поражения римлян от Пирра при Гераклее.

Многие тогда в сенате тщедушно склонялись к заключению с агрессором мира. Узнав об этом, отошедший от государственных дел ослепший старец Аппий Клавдий, тем не менее, приказал рабам принести его на носилках в курию, где с жаром стал стыдить доблестных отцов республики, которые в своем малодушии забыли о великой славе предков.

«Я жалею, что только слеп, а не глух!» — бросил он им в лицо с негодованием.

Его пламенная речь тогда настолько воодушевила сенаторов, что они тут же отвергли все предложения Пирра и набрались решимости воевать с ним до его полного изгнания из Италии...

Нет, не забыли римляне этот славный и мудрый поступок достойного мужа! И никогда не забудут!

Римские сенатские мужи собрались с духом. Направили запрос консулам. Те для проведения очередных выборов, в ночной тишине, как велел обычай, объявили диктатора — все-таки верховного понтифика Тиберия Корункария.

Своим помощником Тиберий взял Марка Фульвия Флакка — в начале войны вместе с Аппием Клавдием Кавдиком он был консулом.

Новыми консулами стали Маний Отацилий Красс повторно, под командованием которого в свое время римские легионы успешно воевали на Сицилии, и Марк Фабий Лицин. Последний ничем еще пока не отличился, но — время покажет.

Большие надежды были на опытного Красса, честолюбивого плебея. Он первый из своего рода достиг высших должностей и поддерживался влиятельными Фабиями.

Ни для кого не секрет: когда Красс был консулом, он успешно вел сражения с карфагенянами. Именно к нему Гиерон Сиракузский пришел с веткой мира. Но славу всех побед тогда сенат присудил консулу из патрициев Манию Валерию, тому самому, который впоследствии получил прозвище Мессала, удостоился триумфа и установил на колонне у роствр привезенные из Сицилии первые часы общего пользования...

Некоторые из сенаторов ставили на то, что уязвленное в прошлом самолюбие Красса теперь сыграет римлянам на руку: обиженный полководец будет еще рьянее крушить врагов республики, еще беспощаднее.

Однако, новоизбранные консулы, хоть и сменили прежних, активных боевых действий также проводить не стали, а продолжили осады Дрепан, Лилибея и карфагенян на Герктах — Гамилькар крепко удерживал форпост и противника ближе, чем на пять стадий, к своему лагерю не подпускал.

Война перешла в затяжное противостояние без решительных штурмов и знаменательных побед.

Армии противников оказались равносильны, полководцы испробовали все мыслимые и немыслимые хитрости и в конце концов ограничились редкими вылазками.

Гамилькар стал было подумывать даже, почему бы ему не вызвать на Сицилию семью, раз им теперь ничего не угрожает.

11

Время тянулось неторопливо вслед за вялой поступью слоновьих шагов. Почти год прошел, как Федим с ватагой Иоахима покинул Карфаген. Чем дальше они углублялись в Нумидию, дольше бродили по Мавретании, тем чаще Федиму казалось, что он словно пребывает во сне, долгом, вязком, уходящем в небытие. Остался позади Карфаген, Гамилькарова усадьба, Ашерат. И хотя мысли о ней время от времени к нему возвращались, особенно на привалах или перед ночной стоянкой, он чувствовал, что постепенно они бледнеют, как будто с удалением от города отдалялась и его прежняя жизнь. Да ему, собственно, и задумываться о прошлом было некогда: днем он, как и остальные, возился со слонами; ночью, измотанный, беспробудно спал. Расслабиться особо было некогда, порой по лесным чащам они брели с опаской — вокруг полно диких зверей, и хотя некоторых слоновий запах отпугивал, терять бдительность нельзя было ни на минуту, особенно на привалах. Даже бывалый Иоахим, который обходил вдоль и поперек эти края, знал, казалось, каждую тропку, каждый кусток, и тот никогда не позволял себе расслабиться, был всегда осмотрителен. Да и разыскать бродячее стадо слонов не так-то легко. Иоахим обычно, чтобы отследить его и устроить гон, привлекал местных охотников, которые давно работали с ним. Они неделями топтали тропки в поисках, ведь никогда нельзя сказать определенно, где стадо находится. За день слоны могут уйти за сотни миль — ищи их тогда, свищи!

Многие из местных помощников Иоахима были потомственными охотниками на слонов, с детства до мельчайших подробностей они познавали повадки этих необыкновенных животных, в глубоких сумерках способны были различить их следы, по следам уловить особенности каждого, отличить одного слона от другого.

Когда они присоединились к команде Иоахима, тут же повели ее к предполагаемому месту пребывания стада, за которым следят уже несколько недель.

Охота на слонов — сложное занятие, его не сравнить с охотой на антилоп или диких кабанов. Охотники на слонов, как правило, мужчины молодые и шустрые — нерасторопный малый или постаревший для такой охоты никуда не годится. Тут нужно быть бдительным и проворным, мужественным и хладнокровным. Малейший промах, оплошность, промедление — и твои друзья вернутся в деревню без тебя, — сколько таких было, которые погибали на охоте за серыми гигантами!

Иоахим с этими звероловами знает давно. Под его надзором в нескольких милях от деревни вблизи от небольшого водоема они соорудили загон, куда пригоняли высмотренных для поимки животных и где первоначально обучали их простым командам и действиям.

Иоахим времени зря не терял: несколько дней на отдых от долгой дороги, несколько на подготовку облавы и согласование действий со всеми участниками охоты — и сразу в бой.

Менехем и Иолк в облавах еще не участвовали, Иоахим запретил мальчишкам охотиться со взрослыми — в их возрасте нет еще требуемой быстроты и сообразительности, их легко может затоптать возмущенный слон, не говоря уже о слоне разъяренном, который крушит и разрывает все вокруг себя.

Федим остался в лагере с ними — их время еще пришло. А пока в загон уводят карфагенских самочек, которым предстоит быть основной приманкой вожделяющих самцов. На их запах потянутся особо беспечные, а уж там Иоахим решит, кого оставить в вольере, а кого выпустить за ненадобностью.

Раньше слонов загоняли в ямы, где ранили им ноги стрелами, или на специальные площадки, которые были окружены глубоким и широким рвом (иногда, чтобы поймать одного или двух слонов, продолжали применять эти старинные способы), но Иоахим — широкая натура — в последние годы для ловушек стал использовать загоны, куда можно было завести гораздо больше слонов и выбирать из них наиболее приемлемых для дрессировки.

Когда Иоахим с охотниками ушли, Федим с мальчишками уселись на жердях и стали наблюдать за самками. Прервал молчание Иолк:

— Почему Иоахим не взял нас с собой? Мы уже сколько возимся со слонами, неуж не справились бы и с этими, неприученными?

— Тебе же ясно сказано: мал еще! — раздраженно бросил Менехем.

— Как десятки амфор воды или мешки с финиками таскать, так большой, а как на облаву ходить — недорос!

Федим ухмыляется над Иолком, но у самого на душе кошки скребут — он ведь тоже не рад решению Иоахима, тоже хотел со взрослыми участвовать в облаве. Дома и не такое видал. Не ходил в одиночку на волка или крупного кабана, но навыки охоты и выслеживания зверя имел, следопытом мог быть. Неужели Иоахиму никто об этом не сказал, что он, Федим, может самому заядлому охотнику фору дать? Федим, может, не до конца знает повадки серых гигантов, но как стать на охоте незаметным для зверя, как вовремя затаить дыхание, замереть и, замерев, простоять битый час, чтобы не спугнуть дикого зверя, учить его не надо, он сам в этом смысле кого хочешь научит, кому хочешь урок преподает, не гляди что для взрослых он еще недоросток желторотый!

Но ведь так думают сейчас о себе и его друзья, он просто уверен, и каждый мнит себя не только уборщиком за слонами, но, в душе, и ловким погонщиком, который чуть ли не сросся со своим подопечным, а значит, и понимает его — что же такого-то не брать на охоту за своими братьями по духу? Только таких и надо брать, только такие, сроднившиеся по духу, и смогут в непроходимых лесах или на саваннах просторах отыскать своего собрата. Хотя куда и ходить далеко не надо.

— Вот это да! — чуть не разорвало от удивления Менехема. — Гляди, братва! — уже сквозь зубы пролепетал он дальше.

Мальчишки глянули сначала на глаза товарища, которые чуть не выкатились у того из орбит, потом в сторону, куда он глядел, и сами чуть не ахнули: на опушке леса, всего в какой-то четверти стадия от площадки вольера, выставив вверх хобот, словно принюхиваясь, замер небольшой, едва больше их самой крупной самочки, слон. Молодой самец? Учюял их приманку? Если бы человек был, сказали бы: «потерял голову», «кровь заиграла»!

Вот те на! Иоахим бродит где-то в гуще непролазных зарослей, прислушивается к каждому шороху и хрусту ветки, а наш пострел сюда поспел!

— Что будем делать? — спросил Иолк.

— Пока не будем дергаться, — твердо сказал Федим.

— Но наши девчонки связаны. Если он войдет к ним, мы его не оставим. И связать не свяжем.

Спустились с жердей, осторожно, чтобы не привлечь внимание слона, хоть он был и не близко, но всякое мельтешенье может его испугать, тем более они в светлых туниках. Спрыгни резко, туника взвывает, что бабочка крыльями взмахнет, бросится в глаза слону.

— И что теперь?

Самки тоже начали волноваться, переступать с ноги на ногу, испуганно вращать глазами. Они тоже почувствовали прищельца, его неподдельный интерес, желание.

— Может, их развязать? — прошептал Иолк.

— Ты что, они тогда ломанут куда глаза глядят, найдешь потом? Иоахим точно нас удавит.

— А так что? Вломится этот увалень в загон, что мы сделаем, как его удержим?

Ответить Иолку нечего. Меж тем самец, не старый видно, сам, может, самку не нюхал в жизни, с опаской, но приближается к заграждению. Как будто никто его не подстерегает, людским духом не тянет.

Мальчишки удивлены: как он их не учуял на расстоянии — запах самок перебил ему, что ли, нюх? А от мысли, что слон тут, а они ничего поделаться не могут, их кожа только больше покрылась потом — любая мышья учует!

— Идем к самкам, попробуем там его отогнать. Что он с ними делает, неясно, но они точно никак себя не защитят, — пробормотал Менехем. — Может, хоть криками его отвадим, если надумает напасть.

Побрели к самкам, пригибаясь, старались не подниматься над высокой травой, которая окружала загон.

— Вот бы его заарканить, Иоахим был бы счастлив! — бросил на ходу Иолк.

— Самок бы не попортил. Не знаю, что делать, — сказал Менехем.

Тем временем слон приблизился. Видно, на самом деле, запах мальчишек потерялся в запахах двух аппетитных слоних. Он уже шел, тряся легкой трусой, жадно втягивая хоботом воздух.

Вот и загон. Ворота нараспашку, препятствий впереди нет, впереди только две взволнованные самки, которые чуть ли не сходят с ума от страха, пытаются оборвать пути, которыми их сковывали.

Самец входит в вольер. Его отдалают от самок каких-то сто, а может, и меньше шагов. Он уже ясно видит их, он больше ничего не ви-

дит вокруг, только думает, наверно, откуда они взялись тут, каким чудом появились...

Он удивлен и вместе с тем еще осторожен, хотя и не осматривается с прежней опаской. Теперь он ничего больше и не хочет видеть, слышать и обонять. Но так беспечно отдавшись влечению, он и не замечает, как позади него, из того же леса, на простор выходит громадный индеец с Иоахимом на спине в сопровождении опытных ловцов — охотников на его сородичей. Скажи кто ему, что это именно они правдами и неправдами, всякими хитростями и уловками направили его сюда, он бы ни за что не поверил: он их и близко не чувствовал, и за милую, а вот источающих желание самочек... Или ему так померещилось, они вовсе не пылали страстью? Они не хотели ничего?

Громогласно взревел индеец. Наш самец оторопело замер, обернулся. Что еще за громадина сунется на него из чащи? Да эта скала чуть ли не раза в два выше его и крупнее!

Парализованный видом индийца, он совсем не обращает внимания на спешащих закрыть за индийцем ворота. Исполин с огромными бивнями, с ушами, хлопающими громко, с глазами, налитыми кровью, приближался к нему неумолимо.

Молодой самец попытался было напрячь грудь, встолбиться незыблемо в землю ногами и грозно выставить вперед свои бивни, однако гигант с Иоахимом на спине (а он уже учуял запах Иоахима), не дошел до него и десяти шагов, вдруг затрубил как сотня слонов, поднялся на задние конечности и резко грохнулся на передние, так что аж земля ходуном заходилась. Один раз, другой, потом сорвался с места, налетел на юного самца, схлестнул свои бивни с его коротышами, чуть ли не громадным обломком скалы обрушился на него. Куда только делась его душа? Мышонком в пятки ушла...

Вечером у костра, когда небо в черноте слилось с землей, мальчишки потешались над наивным дуралеем, которого хитростью и обманом Иоахиму удалось выманить из леса и вывести на самок.

От столкновения с индийцем молодой самец в себя прийти не мог. Связанный теперь по ногам, голодный, ибо кормить его пока Иоахим запретил, он стоял в путах в узкой ограде — не пошевелишься, не развернешься, подавленный и униженный. Не далек тот час, когда он сломаётся и будет выполнять все команды поймавшего его. Если захочет жить.

Еще год бесполезного топтания на месте пролетел как один миг. Римские легионы вроде и осаждали карфагенские города на Сицилии, противостояли Барке, но он по-прежнему совершал набеги на Италию и не было ему спуску.

Народ на форуме стал негодовать. Подлило масла также одно из заметных в Риме событий: в этот год¹ хоронили Сципиона Азину², в прошлом дважды консула, полководца, который захватил в свое время Панорм и получил за это триумф.

Несмотря на карфагенский плен под Липарами в начале войны и постыдное прозвище³, данное ему после этого политическими противниками (истолкованное позже совсем по-другому), Гнея Корнелия в Риме уважали.

Наряду с Атилиями, Клавдиями и Фабиями, Корнелии Сципионы в этот период войны были не менее заметны и влиятельны.

Оттесненные Азиной и Калатином десять лет назад на запад Сицилии, карфагеняне до сих пор не могли оттуда выбраться...

Азину похоронили в выстроенной еще его отцом родовой гробнице на Аппиевой дороге за Сервилиевой стеной. Здесь в монолитном саркофаге из пеперино⁴, лежал и сам отец, Луций Корнелий Сципион Барбат, и не менее знаменитый брат Азины Луций, которого погребли каких-то пять лет назад. Луций изгнал карфагенян из Корсики, в память о погибших на море построил в Риме храм Бурь.

Жители с унынием провожали взглядом похоронную процессию Сципиона Азины, некоторые тянулись вслед.

Как долго Рим будет терять своих лучших сыновей? Как долго будет длиться война с карфагенянами, которая уже унесла десятки тысяч крепких мужей, граждан, земледельцев?..

¹ 245 г. до н.э.

² Гней Корнелий Сципион Азина — консул 260 и 254 гг. до н. э., двоюродный дед Публия Корнелия Сципиона Старшего, победителя Ганнибала.

³ В переводе с латинского «asina» означало «задница ослицы».

Впоследствии легенду о происхождении данного когномена переиначили, связав прозвище с ослом, на котором Корнелий, якобы, привез на форум золото вместо поручителей то ли когда приобретал поместье, то ли когда отдавал дочь жениху.

⁴ Один из видов вулканического туфа.

Карфаген для войны использует наемников. Может, себе позволить их содержать?

Рим не контролирует море и торговые пути в Средиземноморье. Не пришла ли пора всерьез задуматься и над этим?

Гамилькар Барка опустошает побережье Италии, — почему нам нельзя совершать такие же рейды в Африку? Пусть и в Карфагене потрепещут! Казна Рима почти пуста, но корабли еще оставались, — чем бес не шутит, авось новоявленным консулам повезет больше, чем Регулу, а чуть позже Сервилию с Блезом¹?

«Думайте, отцы-сенаторы, думайте — именно для этого мы и выбрали вас управлять республикой!» — возмущались на форуме.

Решение было принято после долгих обсуждений. Новоизбранным консулам: Гаю Атилию Бульбу вменено продолжать оппозиционную войну с Гамилькаром Баркой на Сицилии; Марку Фабию Бутеону — искать удачи у берегов Африки. Может, этот поход вынудит Гамилькара оставить свой лагерь под Панормом и покинуть Сицилию...

13

Успехи Ганнона Великого в управлении Ливией превзошли все ожидания. Никто не думал, что подвластные ливийцы после их усмирения, станут такими уступчивыми. Ганнон и поднял-то налоги не так высоко: со всех деревенских жителей половину земных плодов, а на горожан наложили вдвое большую дань против прежней (при этом не было никакой пощады неимущим и никакого снисхождения).

Как напишет позднее один известный римский историк: «Правителей отличали и ценили не тех, которые обращались с народом мягко и человеколюбиво, но тех, которые доставляли им наибольшие сборы и запасы, а с туземцами обращались крайне жестоко».

Наиболее лояльным городам Ганнон вскоре снизил налоги обратно до прежней десятины, чем снова заслужил себе славу мудрого управленца.

Доходы в Карфаген, как в давно забытые времена, потекли рекой. Но некогда благодатная для карфагенян Сицилия больше не казалась рогом изобилия, она перестала кормить Карфаген. Война на острове велась теперь исключительно ради того, чтобы не дать римлянам продвинуться дальше к берегам Африки.

¹ Гней Сервий Цепион и Гай Семпроний Блез — консулы 253 г. до н.э., совершившие рейд по восточному побережью карфагенских владений.

Птолемей III после своего вступления на престол Египта развязал очередную сирийскую войну, поэтому на финикийские города на Востоке тоже было мало надежды (наоборот, жители многих из них, как во времена Александра, опять стали массово перебираться в Карфаген, просили крова и гражданства).

Ганнон оказался прав: юг и юго-запад теперь их основное поле деятельности.

К тому же особых успехов у Барки на Сицилии не наблюдалось.

Никто не спорит, он остановил продвижение римлян, оттянул на себя часть их войск от Лилибея и Дрепан, но вот пошел второй год его командования, а заметных наступлений все же нет, коренных изменений, скорее всего, и не предвидится. Да и кормить Дрепаны и Лилибей с каждым годом становится все сложнее. Может, от них вообще откаться?

Боеспособных кораблей у римлян, кажется, совсем не осталось, в Африку после разгрома Регула они еще не скоро надумают нагряться; Карфаген сможет уберечь свои берега оставшимся флотом — сил для обороны хватит. Не урезать ли финансирование строительства боевых кораблей? Раз Рим почти полностью потерял свой флот и больше не восстанавливает его, какой смысл вкладывать деньги в свой? Заметьте — немалые деньги!

Не пришла ли пора вообще свернуть войну на Сицилии? Не сразу, постепенно, — все и так к этому идет.

К тому же власти затеяли грандиозную реконструкцию города, окончательно было решено перенести плавильни и ремесленные мастерские со склонов Бирсы на окраины города, промышленный район создать у порта, а центр облагородить, поставить новые храмы, возвести доходные кварталы — народу в городе накопилось немерено, беженцев из Сицилии, Сардинии, Корсики (а теперь еще и из Финикии) стало негде селить.

Совету нужно вдумчиво рассмотреть все варианты. И не оттягивать обсуждение по каждому пункту. Решено вынести появившиеся вопросы на ближайшее заседание Совета.

По рекомендации Ганнона-Великого в состав ведомства, которое занимается строительством, ввели Ирхулина, сына Бодмелькарта-тихого. Молод, но уже подает надежды, успешно показал себя в Ливии.

Ганнон, под чьим крылом работал Ирхулин, охарактеризовал его только с лучшей стороны. Такие юноши в дальнейшем будут править государством, такие юноши станут опорой для нас и нашего дела, — Ганнон нисколько не сомневался в этом.

Никто возражать не стал.

На одно из заседаний пригласили глав всех крупных храмов Карфагена. Если вдруг... Ну, допустим, карфагенянам придется покинуть Сицилию. Что будет со сбережениями храмов Лилибея и Дрепан? Что стало с сокровищами храма Астарты на Эриксе, всем известно.

Гербаал отправился на заседание Совета вместе с Белшебеком. Теперь он везде и всюду брал с собой своего протеже — после его смерти именно ему везти лодчонку Баал-Хаммона дальше, пусть дотошно вникает во все тонкости.

Вначале председательствующий на Совете один из суффетов напомнил о строгой секретности сегодняшнего заседания — паника среди населения никому не нужна, все сказанное должно остаться в этих священных замкнутых стенах.

Полностью сворачивать боевые действия на Сицилии безрассудно, но думать о будущем тоже надо. Вряд ли Дрепаны и Лилибей долго продержатся — на сегодняшний день Рим располагает гораздо большими людскими ресурсами, чем они. Поэтому, так или иначе, надо постепенно выводить средства из этих осажденных городов в Карфаген. И в первую очередь, богатые запасы храмов. Иначе будет то же самое, что с Эриксом или с Панормом, который неожиданно для всех был внезапно захвачен римлянами, и все храмовые сокровища оказались в их руках. По сути, пошли в копилку неприятеля.

Главы религиозных пентархий, а также крупных храмов без промедления должны направить на Сицилию своих представителей, чтобы точно определить размеры накопленных богатств и, может быть, даже начать их незамедлительный вывоз.

Решение было поддержано большинством членов Совета.

Белшебек срочно послал нарочного в Бизацену — вот тот удобный случай, когда Батбаал, если захочет, сама сможет встретиться с мужем. Вряд ли они там долго задержатся, но и тех коротких минут хватит, чтобы им пообщаться. К тому же Белшебеку и самому было за радость лишний раз увидиться с Батбаал.

Сообщение Белшебека вызвало в поместье Гамилькара настоящий переполох. Несмотря на боевые действия Сицилии, все в один голос настаивали на поездке Батбаал.

Парфенида ссылалась на последнее письмо Гамилькара, где он утверждал, что опасности никакой нет, что римляне ведут себя, как сонные мухи, боятся лишний раз высунуться из своего лагеря; что стены их лагеря на Герктах, благодаря мужеству и стойкости защитников, ничуть не уступают каменным стенам Лилибея или Дрепан.

— Я даже не знаю, — говорила Батбаал. — А как же девочки? Как Ганнибал?

— Нечего и думать, — стояла на своем Парфенида. — Девочки достаточно взрослые, чтобы перенести недолгую разлуку с матерью, а Ганнибала можно взять с собой. Я еще меньше была, когда мои родители вместе со мной бежали по морю из Самоса в Гелу. Я всё плавание, рассказывали, спала беспробудно. А Ганнибалу, извините, давно перевалило за два года.

— Что думаешь ты, Ахирам?

Батбаал, бесспорно, очень хотелось повидаться с мужем, но не будет ли ее поездка безрассудством?

Ахирам поддержал Парфениду.

— Я думаю, вряд ли вы будете встречаться в лагере. Гамилькар, скорее всего, сам заглянет в Дрепаны — под защитой более крепких стен спокойнее. К тому же ты могла бы взять с собой и Йааэль, наверняка она тоже соскучилась по мужу. А девочки в Карфагене останутся под надежной охраной, за них переживать нужно меньше всего. И потом Белшебек обещал договориться с врачами храма Эшмуна на Бирсе, чтобы те посмотрели Ашерат. Вот и будет оказия.

Батбаал воодушевилась.

— Ладно, убедили. Тогда выезжаем без промедления. Парфенида, Мактаб, девочки, — у Батбаал не хватало слов, — уж вы побудете недельку в Мегаре без нас. Клянусь, мы долго у папы не задержимся!..

Кто мог ее остановить?

Попыталась было закапризничать Нааме, мол, и она вполне может отправиться с ними, но Батбаал и слышать об этом не хотела, вдобавок напомнила ей о том, что им придется добираться на Сицилию по морю. Кто с детства не переносит качку? Будь уже взрослой. Несколько дней пролетит — не заметишь. Тогда Нааме заявила, что в таком случае вообще никуда не поедет, останется вплоть до их возвращения в Бизацене.

— Какая мне разница, где сидеть, — вспыхнула капризница. — Что здесь, что там, — везде одно и то же...

Батбаал несколько не удивилась переменчивости настроения средней дочери, — не первый раз она выказывала подобное упрямство. Видно, на самом деле пришла пора отдать ее замуж, отец был прав.

Парфенида тоже попросилась остаться с Нааме — кто-то все-таки должен за ней присмотреть.

— Хорошо, — согласилась со своей кормилицей Батбаал, — оставайтесь, мы попытаемся вернуться обратно как можно скорее.

Вопрос был решен.

Не прошло и двух дней, семейство Гамилькара Барки (кроме Нааме и Парфениды) с десятком слуг и охраной выехало в Карфаген. Дождался бы их только Белшебек.

14

В Мегару прибыли к вечеру третьего дня. Батбаал сразу же послала одного из рабов к Белшебеку. Они в Карфагене и готовы отправиться с ним на Сицилию в любой из ближайших дней.

Белшебек поверить не мог, что Батбаал так легка на подъем. Он был уверен, что они просто передадут для Гамилькара письмо или какую-нибудь безделушку на память, но решиться плыть самой, да еще с семейством, за сотни миль, туда, где до сих пор идет война, — нужно быть поистине отчаянной или безрассудной. Или...

Белшебек побоялся произнести слово «любовь». Не хотел этим словом называть отношения между Батбаал и Гамилькаром. Чем угодно: супружеской привязанностью, привычкой, долгом, обязанностью перед детьми и прочим — только не любовью. Это право он оставлял исключительно за собой.

Если бы сейчас возле него оказалась Батбаал и произнесла вслух: «Знаешь, как сильно я его люблю», — он, наверное, вскрикнул бы, как сумасшедший, и забубнил: «нет, нет, не верю! Как можно любить лед, как можно любить холод... Сколько ты из-за него натерпелась, сколько из-за его равнодушия пролила слез? Может, раньше он тебя и любил, обожал, носил на руках, но ведь потом остыл и чем старше становился, тем больше отдалялся... А сколько боли причинил, когда родилась Ашерат! В тот же день, напившись допьяна, сбежал к жрицам Астарты, — разве так поступил бы человек, который по-настоящему любит? Только не это. Только не любовь...»

Белшебек был в растерянности. Вернул его на землю посыльный:

— Что передать хозяйке?

— Что передать? Скажи, я сам зайду. Скажи, я рад, что она приняла мое предложение. Нет, я это сам скажу. Ступай. Скажи, я иду следом за тобой.

Слуга Батбаал ушел. Белшебек опустился на скамью. Сердце его билось неровно.

«Может, не надо было звать ее с собой, — думал он. — В ее присутствии я уже не могу сдерживать себя. Кажется, все мои чувства к ней проявляются на лице. Раньше такого не было. Я был более сдер-

жан, более спокоен. Сдается, окажись рядом Гамилькара, он сразу все поймет, когда увидит. Разве можно скрывать в себе это пламя?»

Белшебек опустился на колени перед статуэткой Баал-Хаммона, склонился в низком поклоне.

«Направь меня, всемогущий, на путь истинный; подскажи, как правильно поступить, что сделать, как погасить в себе это пламя; как забыть то, что невозможно забыть?»

«Помни, — тут же вспыхнуло в мозгу. — Ты дал обет!»

«Кто это сказал? Ты, всемогущий?»

«Ты дал обет, помни...»

— Я помню, помню, конечно, помню, — забормотал Белшебек, взял с полки жертвенный нож и прочертил им на руке очередную неглубокую полоску. На ране тут же выступила кровь.

— Я помню, мой господин, помню...

И еще одну прорисовал. Немного попустило, но только немного, самую малость...

Если б можно было вынуть сердце и его исчеркать ножом — стало бы легче на душе? Одному Баалу известно...

Чуть погодя, он поднялся на ноги, пошатываясь, как пьяный, подошел к рабочему столу, сел и начеркал письмо, в котором извинялся перед Батбаал, что, к сожалению, ни сегодня, ни завтра навестить их никак не сможет, пусть не обижается, — ему до отплытия нужно успеть решить массу неотложных дел. Но он рад, что они плывут вместе с ним. Они увидятся в порту. Корабль на Сицилию отплывает послезавтра с рассветом. Если они не успели собраться, пусть поторопятся. Корабль, на котором они пойдут, — торговый, стоит в Восточной бухте. Белшебек будет ждать их там.

Белшебек оторвался, еще раз перечитал послание. Вроде, все так. Позвал храмового раба. Когда тот явился, приказал ему немедленно отправляться в Мегару, в имение Гамилькара Барки, и передать письмо хозяйке.

Когда за посланником закрылась дверь, Белшебек с облегчением вздохнул — он все-таки удержал себя от безрассудства, смог не помчаться сломя голову к Батбаал, хотя был готов, но как бы это выглядело со стороны: сошедший с ума прежде невозмутимый жрец — потеха для толпы, персонаж для греческой комедии... Хвала Баалу, который удержал его от безрассудного поступка, остепенил, помог сдержаться в руках. А любовь... Какое это все-таки всепоглощающее чувство, безжалостное и беспощадное. Лучше бы, наверное, никогда не влюб-

ляться, но если влюбился, не любить до беспамьятства, до умопомрачения, иначе душа до конца жизни не обретет покоя...

Семейство Гамилькара не опоздало, прибыло в порт вовремя.

Шумел прибой, волны с шелестом накатывались на берег. Несколько десятков рыбацких барок мерно покачивались на них неподалеку. На их фоне в смутной дымке утреннего тумана стоявшие на якорях купеческие корабли со спущенными парусами казались огромными и призрачными.

Корабли, которые отправлялись на Сицилию, находились чуть в стороне, пришвартованные, с их бортов на каменный причал спускались мостки.

На один корабль уже поднялись наблюдатели от Совета и храмовые ревизоры. На корабль, на котором должны были отплыть Белшебек с семейством Гамилькара, портовые рабы поднимали последние грузы.

Ахирам помог девушкам слезть с повозки, взял маленького Ганнибала на руки, тот полусонно ткнулся ему в плечо, рабы понесли их большую поклажу на борт.

На палубе капитан любезной улыбкой сам встречал пассажиров.

Белшебек стоял рядом, горячо обнял Ахирама, кивнул Йааэль, поклонился Батбаал.

— Рада тебе, уважаемый Белшебек, — сказала Батбаал. — Как долго мы не виделись?

— Почти год.

Батбаал покачала головой:

— Как быстро летит время...

Капитан провел гостей к приготовленному для них помещению, но Батбаал не захотела сидеть в неудобной низенькой клетушке — стены, казалось, давили на нее.

Оставив вещи, уложив Ганнибала и заставив Йааэль тоже немного поспать — солнце только всходило, никаких особых дел не было, — Батбаал вернулась обратно на палубу. Заметив у одного из бортов Белшебека, улыбнулась и сразу же направилась к нему.

Как она все-таки очаровательна! Белшебек взгляда от нее не мог оторвать. Сердце его наполнилось нежностью.

— Что новенького в столице? — спросила Батбаал, когда приблизилась. — У вас, наверное, каждый день событие за событием. Не то, что у нас на окраине, «куда и ворон не каждый долетит», — процитировала она «Сон Баала».

Легкий, хоть и немного влажный, ветер приятно обдавал лицо, море почти не волновалось, чайки не утомляли криком, весла мерно ударяли по воде, выводя их трирему из гавани. И все же Белшебек скинул свой плащ, набросил его на хрупкие плечи Батбаал и только потом отвел ей из того же произведения:

— «В моем краю все прежняя печаль. И прежняя забота нас изводит...»

Батбаал снова улыбнулась Белшебеку той самой улыбкой, которая всегда так нравилась ему, и напряжение, которое сковывало его перед встречей, наконец-то спало.

Он тоже улыбнулся Батбаал.

— Я до сих пор люблю эту поэму и подписался бы, наверное, под каждой его строчкой, особенно в том месте, где Баал объясняется в любви к Анат.

— А я в детстве зачитывалась и другими строчками:

*«Омыла руки свои девственница Анату,
Пальцы свои «невестка народа»,
Взяла лиру в руки свои,
Положила кораллы на грудь свою,
Стала воспевать нежность Силача Балу,
Любовь «Скачущего на облаке»¹,*

— прочитала наизусть Батбаал. — В детстве все было так ярко...

— Сейчас, наверное, не менее ярко, только мы изменились, а значит, изменилось и наше отношение ко всему.

Батбаал печально улыбнулась, посмотрела вдаль.

— Что говорят в столице про войну? Как долго она продлится, хотелось бы, чтобы все родные поскорее вернулись домой.

— Если бы это зависело только от нас. Римляне давно вошли во вкус завоеваний. Их, кажется, уже и море не может остановить.

— Думаешь, они снова попытаются напасть на нас на материке?

— Уверенности нет, но то, что Совет все меньше и меньше теперь выделяет денег на армию Гамилькара, настораживает.

— Но ты как-то писал, что он сам успешно добывает себе средства.

— Писал, но это крохи, которых недостаточно для полномасштабных действий. А сейчас, я думаю, именно сейчас, римляне так слабы,

¹ Перевод с угаритского И.Ш. Шифмана.

что мы могли бы их если не поставить на колени, то отбросить к своим прежним границам на Сицилии — точно. Я сказал об этом на Совете, но меня, как и не слышали — всех все устраивает. Вроде, как и войны никакой нет, так, небольшое недоразумение, нечего лишний раз привлекать к этим конфликтам внимание, нечего почем зря будоражить народ, искрой вызывать пламя... Но хватит об этом. Что мы все про войну, да про войну. Как вы там живете в Бизацене? Как Ашерат? Как она, кстати, восприняла гибель Федима?

До Карфагена докатился слух, что Федима затоптал на охоте дикий слон. Проверить было нельзя, но сообщение могло оказаться правдой: все знали, насколько опасна охота на слонов, даже местные бывалые охотники частенько гибнут, охотясь на непредсказуемых гигантов.

При упоминании Федима Батбаал несколько сникла, Белшебек даже пожалел, что спросил об этом. Но вскоре она собралась и ответила:

— Когда весть о его гибели достигла имения, Ашерат чуть с ума не сошла. Никто не знал, что с ней делать. Мы все пережили столько страшных минут. Мало с этими снами, теперь еще Федим... Я думаю, что только наша любовь к ней помогла ей выкарабкаться. Но она, как мне кажется, стала еще угрюмее. И еще больше замкнулась. Теперь не вспомню даже, когда она последний раз улыбалась. И сны ее стали тревожнее. То были просто неясные картины, теперь совсем непонятные. Допытаешься или прорвется иногда — является к ней во снах Астарты, или Тиннит. Приходят, чтобы что-то сказать, но что, — Ашерат не понимает, и от этого очень боится. Мне самой становится жутко, когда она рассказывает об этом. Как будто не своими глазами видит. Ты как-то обещал договориться об ее лечении в храме Эшмуна, может, получится что. Мы приехали почти всем семейством (Нааме только осталась дома). После возвращения из Сицилии может все-таки свести Ашерат с лекарями храма?

Белшебек внимательно слушал Батбаал. К сожалению, когда они виделись в прошлый раз, Гамилькар не дал им пообщаться подольше, и тогда речь о тревожных снах его младшей дочери в потоке дел перед предстоящим отъездом как-то затушевалась. Но теперь, собрав всё заново, восстановив обрывки фраз, с помощью которых Батбаал пыталась ему донести свою озабоченность, Белшебек по-новому взглянул на ее тревогу.

На самом деле, как вырвалось у кормилицы Ганнибала, — не каждому во сне являются боги! Это вообще крайне редкое явление. Даже в хрониках упоминания о таких событиях и людях единичны.

Отец говорил, что его прадеда несколько раз посещал в сновидениях Баал-Хаммон, но ни дед, ни отец, ни он сам, Белшебек, даже являясь священниками, такой милости не удосуживались, хотя каждый день говорят с богами, каждый день воскуривают им фимиам.

Почему и для чего боги открываются отдельным людям, наверное, навечно останется загадкой. Хотя иногда «для чего», становится понятным по прошествии времени — чаще всего для предупреждения. Катастроф, катаклизмов, падения нравов — чего угодно! Осмысливалось, как правило, спустя какое-то время, какими-то одиночками, которых никто никогда не слушал, редко когда воспринимал серьезно. А потому человеческая жизнь катилась по склону своего существования дальше, снова переживала катаклизмы, окуналась в катастрофы, стирала грань между правильным и неправильным, разрешенным и запретным.

О чем теперь устами Ашерат хотят поведать боги? Он тогда, к сожалению, не смог подробнее расспросить девочку о ее снах, как не смог и убедиться, на самом ли деле боги являлись к ней во сне. Иногда низшие темные существа напускают пелену на глаза «видящих», выдавая себя за богов. Не случилось ли такое и с дочкой Гамилькара — Белшебек не был уверен. И нужно ли это лечить, чтобы не убить дар вовсе? А в тот факт, что Ашерат обладает даром провидицы, Белшебек перестал сомневаться, когда узнал о решении Совета убрать со склонов Бирсы мастерские и начать сооружать на их месте высотки. Два года назад Батбаал рассказывала об одном сне дочери, где дома горели именно на склонах Бирсы. Два года назад, когда о жилых кварталах на том месте еще и разговора не было...

Когда Белшебек сопоставил эти факты, он чуть дара речи не лишился. В Карфагене объявилась своя пифия? Кто в это поверит? Как об этом поведать? И стоило ли сейчас говорить? Даже с ближайшими родственниками?

Белшебек решил никого не шокировать своим открытием, пусть для окружающих это останется тайной. Дочь Гамилькара немного эмоциональнее других, ее мучает бессонница и пустые страхи, особенно после известия о гибели близкого друга, — дело житейское, вполне излечимое...

— Я думаю, все это реально. Вернемся, я обязательно свяжусь с кем надо, — сказал, чуть погодя, Белшебек.

— Мы были бы только рады, — сказала Батбаал.

«А как я был бы рад, ты себе не представляешь», — подумал он с грустью и тут же поспешил отвести от Батбаал глаза — самые предательские существа на теле.

15

Жизнь в Мегаре все-таки сильно отличалась от жизни в Башне, когда вокруг была привычная с детства обстановка, больше воздуха, больше свободы...

В Башне, когда было не очень жарко, а мама или Мактаб заняты по хозяйству, Ашерат уходила на пристань, сидела на берегу, слушала прибой и чаек, вспоминала свои лучшие дни, Федима. В Мегаре свобода была относительной: самой одной в огромном полисе так просто не побродишь, усадьбу без сопровождения не покинешь.

В Бизацене, когда тревожные сны время от времени продолжали изматывать Ашерат, она, пробудившись, бродила от роци к роце сама не своя, не могла понять, чем она так обидела богинь, что они в таких видениях являются к ней, то ли предупреждая о чем-то, то ли показывая картины будущего. Здесь, в Мегаре, ни от кого не спрячешься, даже от себя самой. А как тяжело носить в себе эти видения, знала только она. Но от этого ей несколько не проще. Почему она не может быть обыкновенной девушкой, у которой радости жизни нехитрые и ясные: дом, семья, забота о близких? А ей — мрачные картины, не то предупреждения, не то предвидения.

Но, может, Мактаб права: она рождена для других дел, иные заботы будут у нее, отличные от обыденных забот обыкновенных людей? Может, ей уготована судьба жрицы или пифии, и жить она будет где-нибудь при храме богини, которая станет поверять ей свои тайны и мысли?

Сказал бы кто об этом напрямую, а не мучил непонятными и кошмарными снами, — как ей было бы легче!

Мактаб, видя, как страдает Ашерат, в который раз предложила:

— Почему бы тебе, как все девушки, все-таки не заняться ткачеством? Придумай рисунок, я помогу тебе набить его на станке. Хочешь, выткем с тобой покрывало для Тиннит. До ее праздника осталось недолго. Можно, опять же, поучаствовать в конкурсе, глядишь, наше покрывало признают лучшим и оно целый год будет покрывать плечи богини.

Ашерат неохотно взялась за полотно, но ткать покрывало для Тиннит пока не решилась: уж слишком амбициозной показалась ей задумка Мактаб (на кого ей производить впечатление?), а вот для начала она

бы соткала пасущегося на берегу озера аиста, похожего на Кесепа, который улетел из зверинца Сиппара. По крайней мере, попробует. Правда, вся та пряжа, которая хранилась в кладовой, ей совсем не приглянулась. Может, в базарный день съездить в Лептис-Минор или Тапс, выбрать что-нибудь более подходящее?

Почему бы и нет? Все возможно. Решили: как только подойдет базарный день, Ашерат, хоть с Парфенидой, хоть с Мактаб, отправятся за пряжей в один из ближайших полисов. Съездили, но и там Ашерат ничего не приглянулось. Теперь они с Мактаб в Городе, где пряжи — хоть весь Карфаген обмотай вокруг стены! И цвет какой захочешь подберешь, и оттенок к нему. Глядишь, за станком и время разлуки с матерью пролетит незаметно, не бродить же, как потерянной, еще и в садах Мегары.

Мактаб снова потянула Ашерат в общество поклонниц Тиннит, поглядеть, какие покрывала ткут там, какие орнаменты используют.

Ашерат немного отвлеклась. Не то Нааме. Уже через день-два она пожалела, что осталась в Бизацене. Лучше бы уехала со всеми в Карфаген. Какой невыносимой скукой вдруг потянуло из каждого угла! Парфенида по-прежнему, в отсутствие матери, распорядилась на кухне и рабами по дому, но Нааме стало тошно даже за пряжей. Теперь она, как прежде Ашерат, бродила вдоль побережья, глядела на море, на птиц, парящих над головой, но и они ей скоро надоели. Парфенида сказала, что через несколько дней в деревне начнется праздник, может, хоть он немного ее отвлечет?

16

Едва перешли через Баграду и на горизонте показались высокие зубчатые стены Карфагена, Федим снова подступил к Иоахиму с просьбой, чтобы тот отпустил его до захода в Город. Если, как Иоахим предполагает, обратно они пойдут недели через две, Федиму вряд ли хватит времени навестить отца в Бизацене (это — для всех, но более — пообщаться с Ашерат).

Федим договорился, что Иоахим даст ему коня, и он доскачет, что-бы не терять время, туда и обратно на коне.

Никто не смог убедить юношу заглянуть в Мегару хоть на минуту, а вдруг семейство Гамилькара сейчас находится там. Федим был уверен, что без отца они не тронутся с места, значит, по-прежнему остаются в Бизацене, и значит, Федиму только туда и дорога.

Иоахим не стал с ним даже спорить, выделил спокойного гнедого и отпустил с миром, взяв с него слово, что через неделю юноша обяза-

тельно вернется, — со слонами много еще будет хлопот, пока они окончательно не передадут всех приемлемых в загоны. Федим побожился, взяв Решефа в свидетели.

Не долго думая, он попрощался с друзьями, миновал Город, погнал своего гнедого на восток.

Помня, как в прошлом он уморил жеребца до смерти, Федим не стал гнать что есть духу, но и расслабляться гнедому не позволял — так ему хотелось поскорее увидеться с Ашерат.

С каждой новой милей образы прошлого, их памятные встречи, ее облик высвечивались ярче и ярче. Ее улыбка, озорной блеск глаз, солнце, которое переливалось на ее щеках и в волосах, — всё становилось отчетливее, красочнее, милее, наполняло сердце теплом и радостью. Радостью от долгожданной встречи. Некогда было остановиться и перекусить, некогда утолить даже жажду; спрыгнул с коня у колодца, напоил коня, сам глотнул с ладошку и снова в путь — нет времени рассиживаться, так сильно хочется увидеть любимую.

В Башне еще не спали, но Шардан, привратник, хоть и был удивлен появлением Федима, во двор его не пустил — хозяев нет, отбыли в Карфаген, а оттуда, как планировалось, поплывут к отцу на Сицилию.

Федим поверить не мог, тогда старец отправил кухаркиного мальчика за Парфенидой, а та, увидев Федима, выкатила глаза, отшатнулась, потом, как будто признав, всплеснула руками, забубнила что-то невнятное, как будто встретилась с нечистью.

— Баба Парфенида, вы что? Вы меня не узнали? Это же я, Федим, сын дядюшки Ахата, разве не помните?

— Живой?

— Живой. Куда ж я денусь? А где все? Почему никого не видно?

Парфенида, так и не придя в себя, как будто хотела поскорее от него отделаться, залопотала, что ничем помочь ему не может, что на самом деле все, кроме Нааме и нее, уехали еще неделю назад на Сицилию к отцу.

— А почему Нааме осталась?

— Просто не смогла, заболела, — ответила Парфенида, не вдаваясь в подробности.

— Но хоть ее-то я могу увидеть? — спросил расстроенный Федим.

— Если захочешь, увидишь, она в деревне, на празднике, найдешь ее там. Праздник протянется до самого утра, — снова проворчала старуха и закрыла перед ним дверь.

«Странно как-то, — ничего не понял Федим. — Почему она спросила: живой? А каким я еще могу быть?»

Федим поковылял в деревню, лошадь повел в поводу. Куда было теперь торопиться? Хотя бы с мыслями собраться. Пока скакал, одно желание затмевало все, но теперь...

Нааме... Хотел бы он ее увидеть или не хотел? В последний раз, помнится, она, как и всегда, отнеслась к нему с прохладцей, даже несколько с пренебрежением. Еще бы! Он сын слуги, пусть и не раб. Она — дочка хозяина, господина. И хотя она уже не прежняя девочка Нааме, а уже почти девушка на выданье (пятнадцать миновало), — изменилось ли ее отношение к нему? Как она его встретит?

И все-таки надо бы увидаться. Что ему расскажет об Ашерат Парфенида или его отец? А Нааме всегда была рядом с сестрой, ежедневно с ней общалась...

Но всё же Федим решил сначала завернуть к старику Сахебу, как он там, не спился ли еще, тем более его хижина была по пути к деревне.

Федим взобрался на коня и, не погоняя, поехал прямо к Сахебу.

Старик лежал на своем топчане, как всегда, в стельку пьян, — ничего не изменилось! Когда Федим растолкал его, Сахоб сначала тоже, спросонья, изумился, как изумились в Башне, но потом, протерев глаза, залопотал, почти как Парфенида, прожевывая беззубым ртом слова:

— О-хо-хо, не могу поверить, это ты, пройдоха, каким ветром тебя занесло? Вернулся? Жив-здоров, ну и ну! А слухи-то ходили, что тебя слон затоптал. Не веришь? А мы все тут изревелись по тебе, а более всех меньшая хозяйская дочка. Врали, что ли, про твою смерть, не разобрались толком?

Теперь только до Федима дошло, почему так испугалась, увидав его, Парфенида и удивился Шардан. Они все здесь считали, что он погиб. Какая ерунда! Был один случай со взбесившимся слоном: тот вырвался из загона и отшвырнул Менехема, который опрометчиво оказался у животного на пути. Менехем с неделю провалялся на топчане, но потом все-таки поднялся на ноги. Но его, Федима, там и близко не было, он был тогда совсем в другом месте. А до Карфагена, выходит, дошли слухи, что он задавлен? Вот умора!

Федиму даже стало смешно.

— Да ладно тебе, дядя Сахоб, какой меня слон затоптал, что ты горишь? Живой я, как видишь. Не веришь, потрогай.

Сахоб пощупал руку Федима, провел ладонью по его лицу, улыбнулся.

— Вот теперь вижу — ты жив, ядрена вошь! (Легонько пнул его кулаком в грудь.) За это надо выпить. Где мой кувшин, там еще, кажется, немного оставалось.

Федим пожал плечами.

— Нет-нет, — вскочил со своего топчана старый следопыт, — я — не я, если за твое благополучное возвращение не выпью. Давай со мной. Ага, вот он где, зараза.

Сахеб вытащил из-за топчана початый кувшин и протянул его Федиму:

— Держи, сейчас найду пару чаш. Сейчас. Вот, одна есть. Другая... Другой может и не быть, но ничего, мы с тобой и с одной хлебнем. А то я тебе в чашу, а сам прямо с кувшина. Давай, держи крепче, налью.

Сахеб стал наливать Федиму вина.

— Когда же ты прибыл? С час назад? Еще никого не видел? И голодный, небось, с дороги. А мне и угостить тебя нечем — на охоте не был дня два, в деревне праздник, у них на торжествах и перехватываю.

Выпили, Сахеб закричал.

— Хорошо. Давай еще по одной.

Федим не останавливал старика.

— Скажи лучше, дядь Сахеб, как вы тут, как отец.

— Да все, вроде, живы-здоровы, я в деревню не хожу, новостей не знаю. Чего тебе скажу? А вот в деревне праздник, я говорил тебе? Нет? Говорил? Ну ладно. Пойдешь, там всех, кого захочешь, увидишь, там должны быть и все Баркиды.

— Но они, кажется, уплыли на Сицилию?

— Еще не вернулись, значит? А мне показалось, я видел там Нааме. Померещилось?

— Нааме с ними не поплыла.

— А!

Сахеб хлебнул из кувшина уже сам, больше Федиму не предлагал.

— Сходи тогда в деревню. Я вот просплюсь немного, и тоже туда загляну, до рассвета никто из них не разойдется, Рихат даже рабам разрешил сегодня праздновать. Таков обычай. Там, может, и отца увидишь, вот он обрадуется!

Поняв, что от старика Сахеба ничего толком не добьешься, Федим поднялся.

— Тогда я пойду?

— Да-да, иди, еще увидимся, — заворочался на топчане Сахеб. — Живой. Возмужал. Молодец, — уже еле разборчиво пробормотал он.

Федим вышел из хижины старика. Похоже, только Нааме может ему что-то толковое сказать об Ашерат. Придется искать Нааме.

Громкие звуки барабанов и голоса певцов из центральной деревни слышны были за добрую милю. Небо озаряло зарево огромного костра, вокруг которого расположились жители. Рядом с костром в ритме мелодии плясали гуляющие. В кругу деревенских парней, вместе с местными девушками, Федим увидел и Нааме, в простом одеянии, с распущенными волосами. Он никогда не видел ее такой. Да и повзрослела она на удивление. Какой же тогда стала Ашерат? Не хотелось думать, что Нааме красивее сестры. Как давно, кажется, он их не видел. Но за два года Нааме словно преобразилась, похорошела.

Федима заметили и его старые приятели, тоже, как и Сахэб, удивились, что он жив, потянули в свою кампанию, сунули в руки плошку с едой, чашу с крепким пальмовым вином.

Каждый норовил похлопать его по плечу. Видно было, что они уже хорошо набрались, но до утра все еще может выветриться. Музыка, пляски, девушки, вино, — чего еще желать в праздничный день? Потом обо всем расскажешь, а сейчас радуйся жизни, веселись, что ты такой мрачный, точно на похоронах?! Пошли к костру, в круг, вспомни, как в детстве мы хотели быть ближе к костру взрослых, теперь имеем полное право!

— Идем! — потянули его приятели, но Федим решительно замахал руками:

— Нет, нет, я еще не готов, вы идите, я немного осмотрюсь.

Приятели оставили его доедать кашу и допивать вино. Федим глаз не сводил с Нааме, его так и подмывало вырвать ее из круга и рассказать об Ашерат. Он поднялся и направился прямо к ней.

— Нааме, — крикнул, пытаясь прорваться сквозь бой барабанов и громкие голоса певцов. — Нааме!

Нааме замерла, как вкопанная, глаза ее округлились.

— Вот так дела! — только и смогла что произнести она. — Федим? Федим! — крикнула и бросилась к нему на шею. Федим такого не ожидал. Всегда холодная Наамемилкат вдруг проявляет такую пылкость! Наверное,хватила лишку. Федиму стало даже неловко. Но, как оказалось, никому до них и дела не было, все веселились, праздновали тожество.

— Ты откуда, пропащая душа? Какими судьбами? — горящие глаза Нааме с восторгом уставились на него, как будто не Ашерат, а она его ждала и не могла дождаться.

Федим смутился еще больше. Такая недоступная прежде, теперь сама любезность!

— Пойдем, пойдем скорее, расскажешь мне все, что с тобой произошло, — потянула она его в толпу сидящих, где рабыни устроили ей место. — Давно ли ты здесь? Откуда? Рассказывай, не тяни душу.

Она усадила Федима рядом с собой, помахала руками рабыням, чтобы они налили Федиму вина и положили перед ним еды, тесно прижалась.

— Рассказывай, рассказывай. Тебя, правда, потоптал слон? — Она была вся одно внимание.

Федим сидел, как заколдованный, не понимал, где он, с кем. Барабаны продолжали оглушительно выбивать ритм, у огромного — почти до звезд — костра плясали и пели, сидящие вокруг костра хлопали в ладоши и тоже пели.

— Да что рассказывать? Какой слон? Никто меня не топтал. Наоборот, я только сдружился с гигантами, — попытался было отшутиться он от Нааме, но девушка еще теснее прижалась к нему и чуть ли не на ухо прошептала:

— Ну как же нечего рассказывать: дикие непролазные леса, ущелья, саванны, пески...

— Ну, так далеко, до песков, мы не заходили...

— Ой, а тут чего только не говорили: что тебя затоптал громадный слон, что останки твои не нашлись... Ашерат ревела — остановить не могли.

Нааме вспомнила, как убивалась ее младшая сестра, никто ничего не мог с ней поделать. Даже в ее сердце будто надломилось что-то. Нааме полезла в свой сундук, вытащила из вороха одежды деревянную фигурку аиста, которого для Ашерат вырезал Федим и которую она утаила при отъезде из Мегары, и отдала ее сестре.

— Я тут копалась у себя в вещах, — соврала она тогда, — и смотри, что нашла. Наверное, служанки засунули в мой сундук, перепутав с твоим.

Ашерат поверила, схватила фигурку, прижала к груди. А Нааме снова позавидовала ей: сердце сестры было наполнено любовью...

— Да басни всё, — вернул Нааме на землю Федим. — Были моменты, но, как видишь, всё обошлось.

Нааме улыбнулась.

— За это тоже выпьем, а то тоска зеленая, ты себе не представляешь.

Федим взял у нее чашу, пригубил, улыбнулся в ответ. И чем больше пил, тем больше ему казалось, что он на празднике вместе с Ашерат. А то, что время от времени ее лицо превращается в лицо Нааме, то это, скорее, от вина. Крепкое все-таки вино, да и он никогда в жизни столько не пил.

А когда Нааме вышла в круг и стала танцевать, собрав возле себя мужчин и юношей, выделявая такие па, от которых у любого мужика голова кругом пойдет, сам от нее не мог оторвать глаз: настолько чувственными были движения ее ног, рук, бедер. Казалось, сама Астарта, богиня любви, управляла ею.

Не остались равнодушными и окружавшие ее мужчины и юноши, они плясали вокруг нее с не меньшим азартом и чувственностью. И видно было, каждый готов был наброситься на нее в любую минуту и растерзать. Сдерживало только то, что Нааме все-таки была дочерью хозяина, хотя сейчас себя она таковой не считала. Она была львицей, и как всякая львица сама выбирала, кого подпустить к себе. И она выбрала Федима. Поманила к себе ладошками, улыбаясь. Отсветы костра играли на ее лице, горели в глазах.

Сидевшие позади Федима юноши толкнули его в круг. Он тоже заплясал, полностью отдался ритмам танца. И снова в объятьях Шадрапы¹ ему стало казаться, что он танцует не с Нааме, а с Ашерат и видит ее лицо, а не лицо ее сестры.

Ашерат, как долго мы не виделись! Ашерат, если бы ты знала, как я по тебе скучал, любимая!

С ужасной головной болью проснулся утром Федим. Он лежал в богато убранном помещении, на ложе, покрытом пышными дорогами покрывалами. Как он сюда попал? Что это за место? Федим ничего не помнил. Вчера был в деревне праздник, он, кажется, виделся со старыми приятелями, пил. И там была почему-то Нааме... Нааме... Баал благословенный! Костер до небес, бешеный ритм барабанов, пляски и песни, и чьи-то жаркие объятья потом. Нааме? Он обнимал и целовал Нааме? Не может быть!

— Доброе утро, мой охотник, — услышал он ласковый голос.

Федим обернулся, у его ложа стояла Нааме. Выходит, вчерашняя жаркая ночь и жаркие объятья сестры Ашерат ему не приснились?

¹ Финикийский бог врачевания и виноделия. В качестве последнего отождествлялся с греческим Дионисом и римским Либером.

— Нааме... — то ли удивленно, то ли с сожалением, протянул он. — Ты зачем здесь?

Голова еще раскалывалась хуже некуда.

Нааме усмехнулась:

— Это ты здесь. У нас в гостях. Разве не помнишь? Мы решили с праздника вернуться в Башню. Ты в Башне. Неужели ничего не помнишь? Может, позавтракаем, слуги давно все накрыли?

— Погоди. — Федим приподнялся на широком ложе. — Я что, спал здесь?

— Как видишь.

— Я... С тобой?

Он поднял на нее непонимающие глаза.

— Ты совсем ничего не помнишь? — снова ухмыльнулась Нааме. — Оставь, пойдем лучше завтракать. Или желаешь сначала обмыться? Я позову рабынь.

— Не надо никого. Я не пойму, всё вчерашнее было не сон? Скажи, что это был сон.

— Гм, конечно, это был сон, чудесный сон. Скажу тебе, как на духу: один из лучших снов в моей жизни.

— Не может быть. Ты мне врешь. Ты всё врешь. Я не мог быть с тобой. Я... Я люблю Ашерат.

— Ну, знаешь, дорогой, вино и не такие грезы наводит. Что касается Ашерат... С тех пор, как ей сказали, что ты погиб, был растерзан дикими зверьми в Мавретании, она решила на долгие годы посвятить себя Тиннит, так что горевать о том, что случилось вчера, тебе нечего — вы никогда и не были по-настоящему близки, так, детские чудачества.

Федим вскочил на ноги, не удержался, залепил Нааме пощечину.

— Ты опять всё врешь, дрянь, хватит врать! Скажи, что ты всегда завидовала нашим отношениям с сестрой и теперь выдумываешь всякие небылицы, в том числе и то, что я будто бы переспал с тобой.

Глаза Нааме сверкнули гневом.

— Что было, то было. Съел? Ласкал меня, а бормотал слова любви к Ашерат. Заткнуть тебя не могла!

— Врешь, опять врешь, не спал я с тобой!

Федим с силой оттолкнул от себя Нааме, она упала навзничь на постель, но жечь взглядом его не перестала.

— Ненавижу, ненавижу вас, — процедила, приподнявшись на руках.

Федим бросился вон из комнаты, из дома, из Башни. Бежал в деревню сломя голову, не разбирая дороги, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал.

«Какая же я сволочь!» — корил себя. И Наамемилкат хороша — чего только надо было? Насолить сестре? А тех, кто, не разобравшись толком, разнес по Карфагену слух, что он погиб на охоте за слонами, — как их назвать? Сделали доброе дело...

Федим не знал, что делать. Как теперь жить? Как смотреть в глаза Ашерат?

Ему было стыдно и обидно, что так произошло, и он, даже не заглянув к отцу, вскочил на свою лошадь, привязанную у жилища Сахеба, — и был таков. Подальше от этой грязи, от лжи, куда глаза глядят...

К вечеру прискакав в Карфаген, он едва успел к закрытию крепостных ворот. Поставив в стойло гнедого, попросил конюха покормить его, а сам, не заглянув даже к товарищам, сразу же направился к Иоахиму.

— А, явился, — Иоахим перебирал свою бухгалтерию, сверяя счета, едва освещенные тусклым светильником. — Что-то ты быстро. Повидался с родней?

— Повидался, — вздохнул Федим.

Иоахим оторвал взгляд от глиняных табличек.

— Что-то ты, как вижу, не больно этому рад.

— Устал в дороге.

— А! Ну-ну.

Федим подошел к погонщику поближе.

— Мы скоро пойдем обратно?

Иоахим шмыгнул носом.

— Тебя не поймешь: в Мавретании ты не мог дожидаться, когда мы вернемся в Город, теперь тебе не терпится убраться. Что не так? Поссорился с подружкой?

— Я и не видел ее, — пробубнил Федим.

— Чего тогда рвешься обратно?

Федим ничего не ответил. Иоахим больше его не мытарил.

— Я удачно пристроил пятнистого и вислоухого, но еще остаются четверо. А там, как обычно: закупка фуража, продуктов, одежды. Будет видно. Ты куда-то спешишь?

— Мне все равно, — сказал Федим.

— Тогда ложись. Завтра как всегда ранний подъем. За нашими слонами ходить некому, а каждый день пребывания их с нами, — минусу мошне. Отдыхай. Хорошо, что ты не задержался.

Иоахим снова воткнулся в свои счета. Федим оставил его одного.

17

Как все и предполагали, Гамилькар сам приплыл в Дрепаны, чтобы встретить жену, сына и старшую дочь. С ним был и зять Бомилькар. Передав семейство Баркидов Гамилькару, как говорится, из рук в руки и перекинувшись парой-тройкой слов, Белшебек поспешил в храм Баала, где его ждали с ревизией и указаниями.

— Вечером обязательно увидимся, — сказал Гамилькар и дружески похлопал Белшебека по плечу.

— Обязательно, — сказал Белшебек.

— Счастливо устроиться, — сказал он Батбаал, на секунду поднял на нее глаза и тут же отвернулся, надеясь, что его замешательства при этом никто не заметит.

Не заметил никто, кроме зоркого Ахирама. Однако он не стал раздувать из мухи слона, — Батбаал ни разу не дала повода усомниться в своей верности супружескому долгу, а Белшебек никогда бы не предал друга.

Белшебек ушел, но Гамилькар, немного потрепав сына, также не стал долго задерживаться, препоручив бытовое обустройство семьи зятю. Все давно оговорено, они останутся в доме одного из дрепанских муниципалов, который был гостеприимцем отца Гамилькара и остается таковым для всех Баркидов.

— Уж не обессудьте, — извинился Гамилькар. — Это замечательно, что вы приехали, но дел невпроворот: надо встретиться и с комендантом Дрепаны, и с членами Совета, которые прибыли вместе с вами, а завтра меня уже ждут в Лилибее. Нам тут расслабляться некогда.

У Гамилькара масса идей и соображений, как дальше действовать на Сицилии. Он не сидел сложа руки за крепостным валом в ожидании манны небесной, его лазутчики (а часто и он сам) обшарили вдоль и поперек всю округу от Панорма до Лилибея в поисках слабых мест римской обороны.

Что карфагеняне могут безболезненно противостоять Риму, сомнений больше не оставалось, они вполне убедились в этом за прошедший год. Нужна была лишь небольшая поддержка со стороны Карфагена. Здешние мастерские не могут одновременно в полном объеме обеспечить снаряжением два крупных, находящихся в осаде города и армию Гамилькара. Пополнение продовольственной базы карфагенян на Сицилии сводится к редким захватам фуража противника или его союзников.

Члены Совета, которым Гамилькар высказал все это, были немногословны: Карфаген делает все возможное, чтобы облегчить Гамилькару боевые действия. Ничуть не меньше средств требуется Бостару на Сардинии и Ганнону для усмирения ливийцев.

К слову сказать, Ганнон в Ливии действует намного успешнее, чем Гамилькар на Сицилии. Где существенные перемены, которые он так обещал при своем вступлении в должность? Опять одни планы да проекты. Для утопических идей казна Карфагена не беспредельна...

«Прожекты»? Одни «прожекты»?

Гамилькар после встречи с членами Совета вернулся сам не свой. Ярость захлестывала его. Они считают, что у него только «прожекты» на уме!

— Если так, как эти «покровители», думают и в Карфагене, то я разговариваю со стенкой. Там что, сидят одни слепцы? Они ничего не хотят слушать. Куда тогда ушли все мои прежние донесения? Или их вовсе не читают? Если бы я не знал многих достойных мужей в Совете, подумал бы, что все вдруг разом стали подлецами, если не сказать больше — предателями. Как это: ничего не знаю, ничего не вижу? Не они ли еще год назад во всеуслышанье трубили, что готовы поддержать весь ханаанский мир на Сицилии, мол, Карфаген своих не бросает. Но прошел год, и что я вижу? Совет готов слить наши последние города на острове, чтобы только римляне не шли дальше. О чем они думают? Что римляне, омыв сандалии в сицилийских бухтах, на этом и успокоятся? Как можно быть такими наивными и близорукими — не знаю!

Гамилькар нервно расхаживал по комнате. Ахирам, Белшебек и Бомилькар внимательно его слушали.

— Просто нет слов! Неужели мы здесь одни-одинешеньки прикрываем своей хилой грудью Карфаген? Неужели в столице больше не осталось граждан, переживающих за будущее страны? Белшебек, что случилось? Куда исчезли тысячи патриотов, которые еще год назад сотрясали стены Совета? Куда они делись? Чего ждут?

— Я не знаю, — откровенно ответил Белшебек.

Гамилькар был в растерянности. Опустился на стул, поник.

— Неужели все, что я сейчас делаю на Сицилии, — напрасно? Неужели только нас так остро волнует судьба отечества?

Гамилькар с напряжением сжал руку в кулак, ударил ею по столу.

— Хоть убейте, не хочу больше видеть эти заплывшие от жира рожки членов Совета. Если бы не семья, — ни минуты бы здесь не задержался. Ты когда отплываешь обратно, Белшебек?

— Дня через три-четыре, не раньше. Мне еще надо побывать в Ли-либее.

— Я завтра утром отплываю туда же, можем отправиться вместе.

— Завтра, боюсь, у меня не получится, за день я не успею завершить все свои дела здесь, — сказал Белшебек.

— Очень жаль, — Гамилькар не скрывал своего сожаления. — Что касается моих... Ахирам, мой верный друг, тебе я обязан по гроб жизни, ты охранитель нашей семьи, верой и правдой служащий нам издавна. Если б ты знал, как мне порой тебя не хватает... Завтра утром, насколько я знаю, отсюда в Карфаген отправляется бирема с небольшой партией недавно захваченных рабов. Я договорился с капитаном, он возьмет вас с собой обратно на материк. Бомилькар, посадишь родных на корабль и вернешься в лагерь. А теперь, друзья, прошу меня извинить — жена и сын давно, наверное, заждались, а до рассвета осталось не так много времени.

Гамилькар ушел, но оставил у всех смутный осадок на душе...

Озабоченный он пришел и к жене. Она только глянула на него, сразу узнала прежнего Гамилькара: энергичного, непоседливого, кипящего. Он бегло поинтересовался делами в Бизацене и тут же перешел на свои заботы; спросил об оставшихся дочерях, но даже не дослушал Батбаал, стал рассказывать ей о том, каких молодцов он собрал вокруг себя в стане, какие рейды совершал в тылы римлян, сколько нужного делает здесь для родины.

Батбаал слушала его, не перебивая, и слегка улыбалась. Ничего не изменилось. Как он был интересен исключительно самому себе, так и остался.

Привели маленького Ганнибала.

— Сын! — подхватил его на руки Гамилькар. — Как ты вырос, сынок, и возмужал. Настоящий богатырь.

Ганнибал заерзал на его груди, стал хныкать, отпихиваться, рваться к матери, испугавшись незнакомого бородача.

— Во, совсем не признает отца!

— Дак он тебя и не знает. Разве видел когда? Иди ко мне, — потянулась она к сыну.

Ганнибал быстро перешел в руки матери, прижался к ее плечу. Слезы застыли на его пухлых щеках.

— Тише, тише, мой дорогой, не плачь, это же наш папа.

— Ну, иди ко мне, родной, отрывайся от матери, — Гамилькар протянул руки к сыну, но Ганнибал отвернул от него голову и еще крепче прижался к Батбаал.

— Вот умора! Совсем отца не признает, сорванец!

Батбаал рассмеялась.

— Ну что ты, сынуля, чего испугался, это же наш папа. Помнишь, я тебе рассказывала про него? Забыл, что ли?

Маленький Ганнибал повернул голову и с недоверием посмотрел на отца. Гамилькар широко улыбнулся:

— Ну что, идешь? — продолжал он протягивать руки.

— Иди, — протянула Батбаал сына. — Не бойся.

Ганнибал перешел в руки отца.

— Вот и молодец, молодец. Мой сын не должен никого и ничего бояться. Пусть лучше боятся тебя, мой богатырь. Нагонишь, чувствую, ты на врагов страху. Во-на, как злишься. Хорошо! — заискрился Гамилькар, сжимая сына. Добрый воин растет у него, славный воин, он нисколько в том не сомневается. Пусть только кто другой усомнится!

Утром Гамилькар снова ненадолго встретился с Белшебеком.

— Спасибо, что привез моих повидаться, — сказал Гамилькар, не отрываясь от вершины Эрикса.

Здесь, над Дрепанами стояло чистое, без единого облачка небо, а вершина Эрикса вместе с одноименным городом под ней были полностью скрыты облаками, словно Астартта хотела утаить от людских глаз и свой храм, который возвышался на вершине, и город под ним, который основал ее сын, убитый впоследствии Мелькартом в кулачном бою.

— Когда я прочно закрепился у Панорма, думал, заберу всех к себе в лагерь — живут же мои вояки со своими женами, детьми, рабами... Уступил я им, когда понял, что война затягивается и чья-то божественная сила противится тому, чтобы мы вытеснили римлян из Сицилии. Хотел поначалу забрать, но потом, глядя на лагерный быт, передумал — не созданы все же мои жена и дети для бивуачной жизни, не будет им тут радости, да и я, как мне кажется, обаблюсь, потеряю и то, что сейчас имею: неистощимый запас ненависти к врагу, которому не даю угаснуть в себе ежедневно, ежечасно. Наверное, поэтому и провожать их сегодня на причал не пошел. Как ты думаешь, правильно ли я поступаю? — Гамилькар повернулся к Белшебеку.

— Что отдаляешь от себя семью?

— Нет, что поддерживаю в своем сердце огонь ненависти к врагу, как мстящая за своего супруга безжалостная Анат. Ненависти жестокой, бескомпромиссной, сжигающей изнутри.

— Не знаю, — сказал Белшебек. — Есть риск, что ты останешься со своей ненавистью даже тогда, когда закончится война, и больше на-

правлять ее на кого-либо не будет нужды. Как дальше тогда будешь с этим жить?

Гамилькар пристально посмотрел в глаза Белшебека и сказал:

— Не знаю, там посмотрим. Не хочу даже думать об этом. Ну, ладно, мне пора. Рад был тебя еще раз увидеть. Бомилькар передаст тебе от меня небольшое подношение в храм. Воскури фимиам за всех нас, которые сражаются и умирают здесь за родину, за наш мир, за наше будущее.

Гамилькар крепко обнял друга. Белшебек пообещал сделать все, как положено по обряду.

Утром, едва поднялось солнце, Белшебек встал, но был совсем разбитый — бессонная ночь давала о себе знать. Он долго не мог уснуть, а ненадолго уснув, снова просыпался и мыслями парил через весь город в дом, где остановилась Батбаал.

Как это было невыносимо: находиться с ней в одном городе и не видеть. Во сне — вот она — руку протяни; милые черты лица, устремленный на тебя, пусть и усталый, взгляд, такая же измученная улыбка — не пойми отчего: от тяжелого морского плавания или оттого, что так холоден оказался муж.

Во сне она будто извинялась перед ним за Гамилькара, ей словно было неловко за эту мужнину холодность. «Он ведь другой, ты знаешь, — словно говорил ее взгляд. — Он весь в ратных заботах, поэтому, как неродной» — «Ну что ты извиняешься, — хотелось ответить Белшебеку. — Не расстраивайся, я все понимаю, но нисколько не оправдываю его, ведь вы с ним столько не виделись... И сын... Мне так тебя жаль...»

На самом деле Белшебеку было больно, что Гамилькар так встретил жену. Но что он мог поделать? Даже во сне не мог ее обнять и пожалеть.

Вскоре она скрылась в темноте, оставив ему одно горькое сожаление.

Было бы это в другом месте, он бы и в храм с утра не пошел, причался бы, не помня себя, на пирс, проводил ее, как полагается, попрощался бы, как с близкой подругой, заверив, что она по-прежнему может рассчитывать на него, он по первому клику всегда явится на ее зов. Но, поднявшись с ложа, Белшебек вдруг понял, что, как бы сильно он ни хотел, не сможет проводить ее даже до корабля — безжалостная судьба безнадежно влюбленного человека...

И все же Белшебек, несмотря на сомнения, взобрался на крепостную стену, что выходила фасадом на гавань, и, прикрываясь зубчатыми

выступлениями, украдкой стал наблюдать, как семья Гамилькара поднимается на корабль.

Почувствовала Батбаал его пристальный взгляд или не почувствовала, но, когда она поднялась на борт, все-таки взглянула на крепостную стену и некоторое время смотрела на нее, будто выискивала кого-то, пока ее не попросили пройти дальше на корму.

Как бы хотел Белшебек, чтобы их взгляды встретились! Но Батбаал скрылась из вида, сходни подняли, гребцы налегли на весла, бирема неторопливо побрела из гавани. Только тогда Белшебек покинул свое укрытие и как можно скорее поспешил окунуться в предстоящие заботы — нет лучшей пилюли от сердечной хандры.

И снова море, разверстые паруса, благодатный попутный ветер, легкие волны...

Батбаал отрешенно смотрит на горизонт. Позади Дрепаны и Лилибей, Эгатские острова, но ей не хочется оборачиваться.

Ахирам присаживается рядом, слегка обнимает ее за плечи.

Батбаал щекой прижимается к его широкой груди, не может больше сдерживать слез — душа саднит. Ахирам не останавливает ее.

— Лучше бы я, наверное, не приплывала, — говорит она, тихо всхлипывая.

— Почему? — не соглашается с ней Ахирам. — Ты повидалась с мужем, вселила в него новую уверенность в своей правоте, новую надежду на будущее. Он хоть и воин до мозга костей, но и ему нужна поддержка. Даже больше, чем ты думаешь.

— Я понимаю, но он слишком воин, и меньше всего супруг. Не зря в пословице говорится: далеко от глаз — далеко от сердца...

— Позволь с тобой не согласиться, девочка, — сказал Ахирам. — Гамилькар и муж, и воин, и супруг. Взгляни на все с другой стороны. Пойми, у Панорма он защищает не только свой лагерь, он защищает всех нас, здесь, на корабле, и там, в Карфагене... И в Бизацене, где нам кажется, что мы далеко-далече от ужасов войны. Поверь, если бы я не был так стар, непременно стоял бы сейчас рядом с ним у защитного палисада или шел плечом к плечу с ним в атаку, чтобы только не дать врагу ни шагу ступить дальше. К сожалению, не все сейчас это понимают. А некоторые и не хотят понимать.

Батбаал нечего было возразить старому солдату.

Что-то невообразимое творилось в душе Федима. Не было минуты, чтобы он не возвращался к мысли об Ашерат и своем поступке.

Чем он думал? Как позволил Нааме так поступить с ним? Казнить его мало.

Как поведать обо всем произошедшем Ашерат? Нет ему оправдания. Не может быть и прощения. И все же Федим не терял надежды увидеться с Ашерат, самому рассказать ей обо всем: о своем падении, об унижении. Пусть лучше из первых уст, чем от кого бы то ни было. Ашерат только вправе его судить, только перед ней он в ответе.

При каждом удобном случае Федим срывался в Мегару, но стражники у ворот пропускать его в элитный район и не собирались. Напрасно он умолял их, доказывал, что он слуга Барки, только не из здешних, а с Бизацены, — стражники были неумолимы. У здешних олигархов десятки тысяч слуг, проживающих вдали от Города, если каждый будет рваться к хозяину в Карфаген, Мегара задохнется от проходимцев. Кто за тебя поручится? Кто признает тебя за своего?

Федим уходил ни с чем.

Пытался пробежаться по храмам: жертвоприношения в них проводятся каждодневно, люди массами несут подношения богам, приходят к ним с просьбами, жрецы и служители культов ежедневно жгут фимиам и приносят жертвы от граждан, — наверняка и Ашерат, если она уже стала, как его уверяла Нааме, жрицей, проводит ритуалы в одном из храмов.

Федим обежал все крупные и средние, расспрашивал храмовых рабов, прислугу. Никто Ашерат или похожую на нее, по его описанию, среди жриц не встречал. Может, Нааме и в этом его обманула? Ашерат не приняла, как уверяла та, обет?

Голова шла кругом.

И каким облегчением стала весть Иоахима о том, что все дела его удачно завершились, и они могут снова отправляться в Мавретанию за следующей партией слонов.

Быстрее, быстрее бы покинуть Карфаген, пока он, Федим, окончательно не сошел с ума. А там, может, время зарубцует его раны. Ну, хотя бы, приглушит ненадолго.

Аполлоний Родосский оставил пост главы Александрийской библиотеки и покинул Египет. Это сообщение сильно расстроило Архимеда. И не потому, что он был на стороне Аполлония или его нынешнего про-

тивника, в прошлом друга и наставника Каллимаха, а потому, что удручал сам факт противоборства двух знаменитых ученых Мусейона. Как следовало из письма Досифея, противоборства политического, завуалированного творческим соперничеством.

Каллимах, автор прославленной поэмы «Волосы Береники», посвященной супруге нынешнего правителя Египта Птолемея Эвергета, поэмы «Причины» и «Гимнов» открыто обвинял Аполлония, создателя «Аргонавтики», в подражании Гомеру.

Чего не хватает обласканным богами ученым? Зачем эти дразги? Вам дали возможность творить, а вы растрчиваете их на бессмысленные дебаты... Было бы у него столько досуга, думал Архимед, он мог бы сделать втрое больше того, что сделал, решить невыполнимое количество задач, которые терзают его ум. Но он невольно должен заниматься обыденными, практическими делами, а не чистой наукой.

Вот опять срочно позвал его к себе Гиерон. Он вновь озабочен усилением на острове римлян. И глупцу ясно, что они уже не оставят остров никогда, пусть даже сегодня им и противостоят еще на облучке Сицилии карфагеняне. Гиерон удручен этим, обеспокоен будущим своего царства.

Сегодня римляне их покровители и товарищи, завтра в одночасье все может измениться и орудия, созданные Архимедом, подкатятся под стены Сиракуз.

— Я много размышлял над этим, — признался Архимеду Гиерон, когда тот пришел к нему во дворец, — мы много с тобой сделали для укрепления нашего полиса, и все же, я думаю, если стены Сиракуз какое-то время еще выдержат осаду, то флот, который сейчас располагается в наших гаванях, римским пентерам противостоять не сможет.

— Но есть ли у римлян флот? Мне кажется, после стольких морских потерь они уже и не помышляют более о флоте.

— Как знать, — сказал Гиерон. — Карфагенский флот тоже заметно поредел, но море никуда не делось, кто им будет владеть, будет владеть миром. Пиратам столько не освоить. Но о чем я? Внутренняя — большая — гавань наша довольно-таки обширная, может принять целую флотилию, а что мы можем противопоставить флотилии?

Архимед тяжело вздохнул.

— Ну знаю, знаю, дорогой друг: я обещал отпустить тебя в Александрию, в храм Муз. Помню. И не нарушу своего обещания. Но прежде хотел бы, чтобы ты исполнил еще одну мою задумку: я предлагаю тебе взамен на свои обещания создать такой корабль, подобного которому не будет во всем мире. Разве ты пройдешь мимо этого? Согласись:

здесь столько простора для мысли механика! За собой я оставляю только общий план, излишества, необходимые для царского тщеславия, ну и, само собой, право собственности. Всё остальное — в пределах твоей фантазии и многоопытного ума. А?! Что скажешь? Ты как-то рассказывал про любопытные безделушки сына брадобрея Ктесибия, про всякие там водяные штуки, которые открывают двери в храме или отмечают время. Хочешь, применим их на «Сиракузии» — так я решил назвать наш с тобой корабль. Пусть в мире все узнают, что Сиракузы гордятся не только славным прошлым, но и не менее удивительным настоящим.

Архимед с иронией посмотрел на Гиерона. Царь нравился ему своим молодецким задором, своей неоскудевающей жаждой жизни. Вечно у него какие-то планы, новые живые мысли. Но эта... Утопия? Однако Гиерон так разгорячился, что невольно его запальчивость передалась и Архимеду. Еще минуту назад тот с виноватым видом извинялся перед ним, а заговорил о своей задумке — лицо его в мгновение ока просветлело, глаза заискрились.

— Посмотри, — Гиерон потянул Архимеда в тронный зал к столу с чертежами. — Мои наброски. Думаю, это будет уникальный корабль. Размеры его позволят установить на верхней палубе какие угодно орудия: от метательных до осадных, взять на борт гораздо больше солдат, чем сейчас позволяют брать современные суда. В окружение к нему добавь несколько пентер, пару-тройку быстроходных трирем, и мы надежно прикроем подступы к городу с моря.

Архимед поначалу скептически, но потом все с большим интересом рассматривал исчерканные рисунками папирусы. В них что-то было. Даже механику хватило бы, где развернуться. На такого объема корабль можно будет установить приспособления, которые на простой пентере или тетрере не разместятся. Надо бы прикинуть его устойчивость, рассчитать прочность конструкций. Учесть, опять же, буйные сезонные приливы. Как поведет себя такое судно в шторм или бурю, где укрыть такого гиганта, если понадобится? Десятки идей тут же завертелись у Архимеда в голове.

— Возьмешься? — У Гиерона был один вопрос. — Все технические дела твои. И общее руководство. В помощники тебе из Коринфа я вызвал известного кораблестроителя Архия, он будет наблюдать за действиями корабельных плотников и различного рода ремесленников. За собой, как я говорил, оставляю саму идею и излишества — прости своему царю эту маленькую прихоть.

Архимед улыбнулся непосредственности царя.

— Я возьму с собой некоторые эскизы?

— Конечно! Можешь даже сразу прикинуть с Архием, сколько чего понадобится: людей, леса, металла. И обязательно всё высшего качества. За деньги не беспокойся.

— Хорошо, я посмотрю на досуге.

Архимед добавил к своим свиткам в сумке, с которой никогда не расставался, наброски будущей «Сиракузии».

— И не задерживайся, пожалуйста, с ответом. Думаю, овчинка стоит выделки, — Гиерон уже насмешливо похлопал Архимеда по плечу.

20

Карфагенские наблюдатели возвратились из Сицилии, доложили Совету как о том, что они узнали от командующих, так и о том, что увидели собственными глазами.

Нельзя утверждать, что дела карфагенян на Сицилии идут успешно, но нельзя и сказать, что полководцы там совсем ничего не делают. Дрепаны и Лилибей продолжают мужественно обороняться, Гамилькар сдерживать натиск римских легионов. Донесения и просьбы, которые Гамилькар регулярно шлет в Карфаген, — не мыльные пузыри, карфагенским войскам на Сицилии на самом деле не хватает оружия и фуража. Если Карфаген не хочет потерять свои владения, которые остались на Сицилии, Совет просто обязан прислушаться к пожеланиям Гамилькара.

Мнения в Совете разделились. Одни настаивали на помощи карфагенянам на Сицилии, другие сели на любимого в последнее время конька и стали ставить в пример управление Ливией Ганноном Великим, который сделал многое, чтобы на континенте было безмятежно.

Сторонников Ганнона и в этот раз оказалось больше. Однако и единомышленники Гамилькара не сидели сложа руки, они снова взбаламутили народ на площади: когда такое было, чтобы государство не поддерживало собственных полководцев? Ради чего тогда воюет армия на Сицилии? Разве не ради нас с вами?

В который раз Гасдрубал Красивый до того завел толпу, что некоторые стали сбрасываться в общий котел, чтобы на полученные средства закупить для армий на Сицилии дополнительное вооружение и фураж. Пусть Совету станет стыдно, если они еще сохранили стыд! Да если народ захочет, он и Совет поменяет в два счета!

Такого поворота члены Совета никак не ожидали. Как так — смеить Совет? Да что они там, эти уличные горлопаны, о себе возомнили? А члены Совета разве не народ? В нем его лучшие представители! Самые достойные радетели государства!

И все же голоса приверженцев Ганнона немного поутихли. С другой стороны: в Ливии воцарился относительный покой, налоги в казну потекли, как и в прежние времена, стабильно, может, и вправду выделить немного средств Барке и иже с ним?

Народ утихомирили. За несколько недель набрали продовольствие и оружие, даже дополнительно призвали порядка тысячи ливийцев для обороны сицилийских городов, спустили со стапелей полтора десятка пентер.

Провожали грузенную флотилию всем миром. Однако не успела флотилия обогнуть Эгимур¹, который достаточно хорошо просматривался из Карфагена, как началось что-то непонятное: корабли стали беспорядочно расходиться в стороны, пентеры сопровождения поднимать боевые стяги, разворачиваться в линию атаки. Что случилось?

На лучшей лошади срочно был отправлен гонец в Неферис², который ближе других городов находился к острову. Некоторые рыбаки вышли в залив на своих челноках, чтобы воочию увидеть происходящее.

Каково же было удивление карфагенян, когда они узнали, что у Эгимура на их корабли напала эскадра... римлян. Враг снова возле их порога?! Как такое могло произойти?

Зеваки с крепостной стены Карфагена так пристально вглядывались в черные точки на горизонте, словно пытались в деталях рассмотреть течение боя.

Можно было направить несколько боевых кораблей из гавани Тунетского озера, но пока разбирались бы, что да как — упустили бы время. И все же направили пару триер, как только впопыхах собрали команду матросов.

Ближе к вечеру рыбаки первыми возвестили город о победе. Несмотря на малочисленность и беспокойное море, карфагеняне смогли дать противнику достойный отпор. «Доблестные» римляне, понеся существенный урон, ретировались.

Иначе об этой битве поведали в Риме.

Консул Марк Фабий Бутеон (а это под его руководством небольшая римская флотилия подошла к Эгимуру), увидев вражеские корабли, не задумываясь направил свой флот наперерез.

¹ Небольшой остров в 230 стадиях (около 45 км.) от Карфагена неподалеку от мыса Бон.

² Город на восточном побережье Тунисского залива.

Не ожидавшие увидеть здесь римлян, карфагеняне опешили и бросились врассыпную. Один за другим римляне топили или захватывали корабли противника. И все это происходило на самом виду вражеского Карфагена! Вот когда проявилась храбрость римских солдат!

В который раз римляне убеждаются, что могут бить врага у его собственных берегов, на его собственной земле! Так и дальше нужно действовать!

Марс ликовал: его сыны не ославились, показали себя отважными воинами!

К сожалению, на обратном пути корабли Бутеона, как это нередко случалось с римским флотом в эту войну, попали в шторм. Буря бросала корабли от одного острова к другому, разбивала о скалы, выкидывала на мели. Почти всю захваченную у противника добычу или поглотило море, или расшвыряло по ближайшему побережью. Многие из тех, кто выжил в битве, погибли в море. Но оставшимся все-таки удалось добраться домой и сообщить о славной победе над пунийцами и бурей!

Римский народ восхищался своими моряками.

Сенат постановил: Фабию Бутеону, несмотря на потерянные трофеи, справить триумф!

В дальнейшем, конечно же, нужно всерьез задуматься о более добротном флоте, способном крушить врага на море так же, как крушит его могучая римская пехота на суше. Вопрос остается только за деньгами. Где взять деньги?

21

Целебными успокаивающими травами наполнена теплая мраморная ванна, в которую погрузилась Ашерат. После ванны ее натрут маслом, запеленают и некоторое время она будет пребывать в покое.

Ашерат согласилась на водные процедуры. Батбаал убедили, что они, вместе с растираниями, подействуют на девочку укрепляюще, сон наладится, кошмары перестанут истязать. Хотелось верить.

Она уже была готова на все, лишь бы Ашерат не рыдала по ночам, не просыпалась в тревоге. Поэтому сразу, как только они вернулись в Карфаген из Сицилии, Белшебек, как и обещал, обратился к жрецам Эшмуна, чтобы осмотрели Ашерат и назначили, если нужно, лечение.

Душистый аромат наполнял небольшое слабоосвещенное помещение. Эшмун дружит с водой, Эшмун лечит водой, массажем и травами. Ашерат отдалась воде полностью, отдалась на волю Эшмуна.

В этой комнате все было сделано так, чтобы любой из пришедших поправить здоровье совершенно забыл о том, что происходит за этими

стенами, забыл обо всех своих заботах и печалях, бедах и неприятностях. Не вспоминала о них и Ашерат, тепло расслабило ее, дурманящие травы унесли далеко, на озеро с белыми птицами. Ясный солнечный день, счастливые глаза Федима, тепло его руки в ее руке, — всё так реально, так замечательно. Поскорее бы он вернулся, она уже соскучилась по нему.

Храмовые рабыни помогли ей выбраться из ванной, уложили на кушетку без изголовья, натерли ее с ног до головы маслом, закутали в простыню. И снова ласковое солнце, зеркальная гладь озера, белые и розовые птицы, влюбленные глаза Федима, его теплая ладонь...

Батбаал нарадоваться не могла: несколько лечебных сеансов в храме Эшмуна, — и Ашерат словно преобразилась: посвежела, чаще стала улыбаться и все время, включая лечение и позже, спала спокойно, тревожные сны, казалось, перестали ее беспокоить.

Батбаал сияла от радости. Пребывая по делам в Городе, заскочила и к Белшебеку. Давно он не видел ее такой: веселой, улыбчивой, счастливой. Улыбался ей в ответ, радовался с ней за Ашерат, но оставшись один, печалился: это солнце светило другому, ему никогда не греться в его лучах.

Через несколько дней после их встречи семейство Барки вернулось в Бизацену.

22

Когда вести о стычке римлян с карфагенянами у Эгимура достигли лагеря Гамилькара, все были растеряны. Они считали, что полностью оттянули на себя силы противника, заставив их завязнуть в нескольких точках на Сицилии, но — нет! Римлянам хватило дерзости отправить свой небольшой флот к берегам Ливии! Неважно, что они не достигли своей цели, они, может, и не намеревались высаживаться на побережье, но сам факт того, что флот врага появился у Карфагена, заставлял еще раз задуматься: все ли они делают правильно, все ли силы прилагают к тому, чтобы римляне напрочь забыли о карфагенской стороне. Здесь, на Сицилии, плацдарм их действий!

Все так в Карфагене и считали: что Гамилькар не даст римлянам дальше и шагу ступить, но, как оказалось, ошибались. Римляне нашли возможность провести разведку боем, потревожить зверя в его собственном логове.

Карфагенян спасла только случайность и последовавшая за столкновением буря, которой римская флотилия, как это случалось и ранее,

избежать не смогла. Но что дальше? Римляне найдут деньги на постройку новых кораблей и опять появятся у ливийских берегов?

Гамилькар крикнул ординарцу, чтобы созвал всех командиров. Немедленно снаряжать корабли на Италию! Их там стали забывать? Повеселимся вволюшку! Бруттий встряхнули, Луканию напугали, пройдемся рейдом по Кампании! Чем бес не шутит, а вдруг к ним на равнину спустятся с гор для поддержки самниты — мало кто верит, что в сердцах гордых горцев так быстро угасла боль утраты независимости...

Загудели в лагере, загорелись мыслью наказать наглых римлян, наказывать на их же собственной земле.

Капитаны с матросами поспешили проверить оснастку кораблей, всадники осмотреть лошадей и амуницию, копейщики и пращники — состояние своего оружия и снаряжения. Всё в одночасье пришло в движение.

В семьях все без исключения бросились снаряжать в дорогу своих мужей, братьев, отцов: дети помогали старшим начищать щиты, шлемы, кирасы и кольчуги, жены и дочери приводить в порядок одежду, готовить еду... В лагере наступил такой всеобщий душевный подъем, словно народ готовился не к военному походу, из которого многие из них, возможно, не вернуться, а к какой-то увеселительной прогулке, где и сердцу легко и душе просторно...

И в этот раз солдаты Гамилькара лютовали в Кампании не меньше, чем в Бруттии: римлян безжалостно убивали, их жен и дочерей насиловали, не щадили ни старого, ни малого; усадьбы и поля выжигали дотла, деревни разоряли, угоняли скот, увозили урожай, крепких мужчин и здоровых женщин угоняли с собой для последующей продажи или сбывали по дешевке тут же на побережье перекупщикам и барыгам — крысятникам, которые, как тени, следовали за ними на своих челноках, надеясь пожить, и которые хорошо знали ближайшие невольничьи средиземноморские рынки и цены на рабов.

Потрясение мирных кампанцев было столь велико, что они попросили Рим срочно прислать в их край профессиональное войско, потому что того ополчения, которое собрали кампанские города, было слишком мало, чтобы дать отпор карфагенским налётчикам.

Риму пришлось впервые отправить в Кампанию небольшое подразделение под предводительством претора. Но, как в случае и с набегами на южную Италию, карфагеняне, узнав о приближении римских легионеров, спешно ретировались.

Гамилькара и в этом случае не стал ввязываться в серьезные столкновения в Италии — если Рим поднимет союзников, его сил будет недостаточно, чтобы им противостоять.

И тем не менее, шума он наделал, о нем снова заговорили в Риме. И снова в Риме сенаторы задумались о поисках финансов не просто для продолжения войны, но для коренного изменения положения.

Сколько можно возиться с этими гнусными карфагенянами — за двадцать лет войны они римлянам уже как кость в горле. Даже продолжительная вторая война с самнитами была, кажется, не столь изнурительной и беспокойной!..

23

С тяжелым, мрачным чувством покидал Ирхулин Карфаген. Он понимал, чтобы достичь многого, надо во многом знать толк, поэтому, освоив ратное дело под крылом Гамилькара, а после Ганнона, по настоянию отца, он занялся муниципальными делами в самом Городе, конкретно, — стал курировать строительство и дороги, с головой окупнулся теперь в быт и управленчество.

Здесь тоже были свои «тараканы», которые не всегда приходились ему по душе, но отец покровительствовал ему и на этой стезе, каждый раз повторял как догму: «Не замараешь руки, не узнаешь, что чего стоит». Но «что чего стоит», считал Ирхулин, можно узнать, не обязательно пачкаясь в грязи, хотя послушаться отца не мог никак — отец еще был вес и столп в государстве, послушаться его, значило потерять всё, быть изгнанным в глубинку, без связей и протекций, а этого Ирхулину хотелось меньше всего. Но ладно еще Карфаген, дороги... Случилось так, что стройки в городе, включая храмы, стали стопориться. Попытались разобраться: и камень с кирпичем, вроде, поставляют исправно, и к качеству их не придерешься, но когда копнули глубже, оказалось — специалистов по кладке почти не осталось, а то, что подкидывает государство, включая подсобников, — никуда не годится. Надо было кому-то отправиться с инспекцией в каменоломни и глиняные мастерские, чтобы дать нагоняя поставщикам и подобрать мастеров, которых еще окончательно не загубили.

Каменоломни... Ирхулин и слышать о них не хотел, попытался было увильнуть, но когда отец на его реплику: «Может, туда поедет кто-нибудь другой?» — как коршун, зыркнул на него, отвернул глаза в сторону и тихо произнес: «Как скажешь, отец».

«Как скажешь, отец», — как надоело ему повторять эту фразу день через день. Она словно жгла его изнутри, но выбирать пока не прихо-

дилось, и если отец сказал, что именно он, Ирхулин, обязан лично отправиться в каменоломни с инспекцией, то так тому и должно быть.

Каменоломни...

Ирхулин думал, что он больше никогда и не вспомнит это слово. Но оно снова вернулось, и снова, как изредка, но бывало, хилый червь угрызения совести начинал шевелиться в его груди.

В каменоломнях до сих пор может находиться Китион, если изнурительный труд окончательно не доконал горемыку. В таких местах выживали единицы, редко кто протягивал даже год, а с того времени, как упекли туда Китиона, прошло почти два, наверняка, кости бедолаги давно гниют в какой-нибудь общей безвестной могиле. Но Ирхулин не совсем уверен в этом — какое-то гнетущее чувство время от времени охватывает его, не дает уснуть: «А вдруг он еще жив?»

Почему это чувство никак не проходит, и Ирхулин снова и снова вспоминает старого друга? То же угрызение совести, что не дает ему спокойно спать по ночам? Или чувство вины? Как бы он хотел, чтобы эти грызуны перестали, наконец, точить его нутро. И уже отправляясь на место с вполне определенной задачей, он ехал туда с единственной мыслью, окончательно убедиться в том, что Китиона больше нет, он умер, и прах его давно покоится под гнетом песка и пыли в глубине карьера.

Лучше бы так оно и было, и мрачная тень прошлого больше никогда не угнетала его.

Об этом он думал, выезжая из Карфагена, двигаясь к Тунету, а от туда к каменоломням на мысе Бон.

Даже на месте, краем уха выслушав отчеты и отдав мелкие распоряжения, он снова вернулся к той же угнетающей мысли: «Жив ли Китион?»

Ирхулин поднялся со своего кресла и сказал управляющему каменоломен:

— И все же, с вашего позволения, я хотел бы лично убедиться, что камень для отправки в Карфаген готов.

— Конечно, конечно, — не стал препираться перед столичным сановником управляющий, и тут же вызвался лично сопровождать высокого гостя к месту хранения обработанного под требуемый размер камня.

Карьер был открытый, глубокий, камень приходилось ломать и обтесывать внизу, наверх вытаскивать уже готовой формы, под заказ.

Ирхулин со свитой на минуту замер наверху, поглядел вниз, где, как муравьи, тут и там копошились рабы, как муравьи, сновали туда—

сюда, пристраивались к веренице поднимающихся по сходящим с наде- тыми на голову мешками или с корзинами, наполненными камнем, за спиной, а потом спускались обратно, с трудом волоча ноги, подгоняе- мые бичами надзирателей.

Мог ли быть среди них Китион? Ирхулина так и подмывало обра- титься к управляющему, заставить его поднять списки, сверить нали- чие, — он имел на это право. Но так ли он хочет выяснить, жив ли его бывший друг, предательски брошенный им на произвол судьбы не- сколько лет назад? Может, лучше ничего об этом не знать? Убедить се- бя, что его друга больше нет, и жить с этим грузом дальше, — время сотрет все сожаления, все угрызения, время перетирает даже страны, судьбы, ничего порой не оставляя ни воспоминаниям, ни истории.

Ирхулин еще раз окинул мрачный муравейник и сказал сопровож- дающим:

— Ладно, дальше не пойдем. Вижу, дело у вас отлажено, поставле- но на широкую ногу, движется. Я так и доложу Совету. Надеюсь, к кон- цу этого месяца обещанная вами партия камня прибудет в город без задержки.

— Конечно, конечно. Иначе и быть не может, — сказал несколько растерянный управляющий, сперва удивленный тем, что столичный чи- нуша ни с того ни с сего захотел осмотреть карьер и места складирова- ния, что редко кто из проверяющих до него делал, потом вдруг резко изменил свое решение и так и не доехал до места. Но, видно, столич- ные штучки все такие капризные, особенно сынки высших сановников, а этот явно чей-то подобный, избалованный с детства сынок.

Ирхулин повернул обратно.

Китион словно почувствовал взгляд Ирхулина, устремленный вниз. Вряд ли он признал в окруженном свитой чиновнике старого друга, но сердце его тихо заныло, и только удар плети, который обрушился на его спину, заставил отвернуться и продолжить погрузку корзины. Сда- ваться ему не хотелось.

Не хотелось сдаваться, хоть работа в карьере и была на износ — здесь их даже за рабов не считали, — раскрошенный в пыль камень, песок под ногами.

Для охранников и надзирателей они были просто «Эй!», «Слышь, ты, дебил!», «плешивый» или «губастый» — всё в том же роде.

Иногда Китиону казалось, что он даже имя свое забыл. Но есть ли у пыли имя? У ветра есть, у камня тоже есть, даже у облаков... У пыли нет.

Мёрли пачками. Китиону частенько приходилось выносить трупы с рабочего места и сбрасывать их в старый разлом в скале, который обнаружили при разработке очередной штольни.

Разлом был так глубок, что сброшенное тело не издавало даже шмякающего звука. Поговаривали, что он уходит в землю настолько, что за двести лет существования карьера до сих пор его не смогли заполнить, — легенды. Но смрад, который поднимался оттуда, никто не мог переносить, надзиратели даже не подходили к расщелине, а сбрасывающему трупы приходилось заматывать тряпкой нижнюю половину лица, чтобы не потерять сознание — некоторые беспечные, бывало, хапнув адских испарений, падали в обморок, а то и срывались вслед сброшенному ими же трупу.

Подыхало много. Китиону несколько раз казалось, что и он готов отойти в мир иной, но помня, что делают с мертвыми, будто воскресал, находил в себе силы подняться с земли и снова взять в руки кайло.

Иногда в разлом бросали и живых, совсем выбившихся из сил, или неугодных: бунтовщиков, беглецов, пойманных за пределами карьера, — живые вносились в списки мертвых также просто, как мертвые вычеркивались из списка живых. Но Китион хотел жить, цеплялся за жизнь, как только мог, и проходил один месяц, потом другой, полгода, год, Китион уже сбивался со счета, и продолжал существовать, хотя силы его неумолимо сякли, — трудно в подземном царстве Аида думать о жизни, смерть в Аиде становится близким другом, утешителем, теплым, уютным лоном Леты, реки забвения. И вот уже когда Китион, кажется, смирился с ней, со смертью, сдался, жизнь словно дала ему еще один шанс. Тот самый юноша на гребне карьера, так сильно похожий на его прежнего друга, по причине которого он оказался в этом Тартаре. Китион только мельком взглянул на него и тотчас же узнал. Он не мог ошибиться. Это был Ирхулин, его добрый друг. Наверняка он теперь по всей стране разыскивает его, не гнушается даже такими жуткими местами, как каменоломни.

Новая искра жизни вспыхнула в сердце Китиона, и хотя на этот раз Ирхулин вернулся в Карфаген ни с чем, в следующий свой приезд (а он ненадолго затянулся), работы в карьере на некоторое время были прекращены, а все, кто еще держался на ногах, выстроены рядами для осмотра. В одном из рядов оказался и Китион. И тут уже он не мог признать старого друга.

Ирхулин вернулся в каменоломню буквально через месяц. Поставки камня в город шли без задержек и в срок — придраться не к чему. Загвоздка оказалась в нехватке каменотесов на строительстве новых до-

мов и храмов. Набирать ремесленников или рабов и обучать их с нуля, не было ни возможности, ни времени.

Ганнон Великий предложил вновь добытых пленных отправить в каменоломни, а оттуда взять уже приловчившихся к каменным работам, крепких еще рабочих.

Некоторые нашли это резонным ходом, скептики с улыбками подначивали Ганнона, мол, где же в каменоломнях когда бывали крепкие, каждые полгода начальник карьера просит новых рабов, мрут как мухи. Но Ирхулин уцепился за эту мысль и выехал обратно сразу же после заседания Совета.

Были ли в карьере крепкие? Ирхулину тоже не хотелось наполнять Карфаген трупами. Но даже при первом беглом осмотре удалось выявить несколько десятков жилистых каменотесов. Может, найдется и больше?

Ирхулин увез с собой первую отобранную партию, а начальнику карьера приказал подготовить еще несколько десятков рабочих к следующему месяцу. Рабов на замену он найдет без труда, хоть мускулистых ливийцев, хоть выжженных на солнце обитателей пустыни, есть нумидийцы, из тех, кто строил козни карфагенянам.

Китиона Ирхулин тоже включил в списки отправляемых на строительство в Карфаген. О том, как сложится его дальнейшая судьба, Ирхулину думать не хотелось, но огромным облегчением его стала мысль о том, что он все-таки пусть хоть немного, но искупит свою вину перед своим бывшим близким другом.

24

И еще один год прошел, как считал Гамилькар, бесполезного топтания на месте. Складывалось впечатление, будто боги обеих воюющих сторон договорились между собой не доводить войну до победного конца, договорились не давать никому из соперников преимущества. Они словно наслаждались самим действием и их уже мало волновал результат. Бесконечное зрелище, бесконечное наслаждение, спортивный азарт!

«Подлей мне вина, Ганимед, — просит убогатворенный Юпитер. — И гостю не забывай подливать. Где твоя чаша, любезный Баал?»

Никто уже — ни карфагеняне, ни римляне — не понимали, воюют они или обороняются. Каких-то значимых битв за последние два года никто не вспомнит, никаких коренных стратегических изменений совсем не произошло, да и сам прошедший год пролетел — не успели оглянуться. Какая-то всё суета, бестолковые стычки, скупые денежные

поступления из Карфагена и многочисленные инспекции по их использованию, причем не только в Дрепанах и Лилибее, но и в стане Гамилькара.

Гамилькар снова негодовал: выделяют с гулькин нос, а спрашивают на сотни талантов. Да если бы не многочисленные рейды в Италию его отрядов, тех жалких крох вряд ли бы хватило его армии и на треть года! А ведь у него теперь дополнительной обузой стал незаметно как разросшийся обоз. И бросить не бросишь, и уйти далеко с ним не уйдешь.

Согласился на свою голову когда-то, теперь в палатках и на тренировочных площадках все больше слышен детский лепет, чем мужские голоса. Может, еще и эта сторона бивачной жизни заставила Гамилькара внимательнее присмотреться к хорошо укрепленному Эриксу. За крепкими стенами города было бы гораздо спокойнее и за солдат, и за их семьи. Да и своих родных можно было бы забрать — сколько еще продлится подобное противостояние? Год, два, пять лет, десять? Что они, что римляне бьются, словно на последнем издыхании. Давно пора бы предпринять что-нибудь дерзкое, активное, переломное, но будто кто-то не дает это сделать, упорно противится... Какого бога плохо просили, какому богу недостаточно жертвовали, как карфагеняне, так и римляне? Пир на Олимпе будто продолжается. Баал в гостях у Юпитера. Отдохновение от ратных дел. Налей, Ганимед, еще вина! Пей, дорогой Баал, веселись, впереди еще много интересного...

Но Гамилькару неизвестно, что Баал выпивает, но не теряет рассудка, исподволь торопит небесных повитух собираться в дорогу. Пришла пора навестить Гамилькарову жену в Бизацене. Кого вы там насудачили ему — опять мальчика? Уж отец будет рад новому отпрыску несказанно! Жене наверняка хороший подарок приготовит. Да только ли же не!

Прячет Баал в пышных усах коварную улыбку. Наливай, Ганимедушка, еще, наливай. И про отца-благодетеля своего не забывай...

Но и долгому терпению когда-то приходит конец. Вернувшись как-то из очередного рейда в Италию, Гамилькар нашел у себя в лагере посла из Дрепан. Новость была не из лучших: римляне незаметно как подтянули к Дрепанам свежие дополнительные силы.

Как они проморгали? Где он оплошал? Надеялся, что, захватив площадку на Герктах, ослабит осаду оставшихся карфагенских городов, оттянет на себя большую часть римских легионов? Поначалу так оно и вышло, впоследствии же оказалось — он только заставил противника

искать новые возможности продолжения войны. Тут аристотелева логика бессильна. Гамилькар стал для римлян крепким орешком, поэтому, выставив против него несколько легионов у Панорма, они набрали новые, чтобы заткнуть дыру возле Дрепан. Хитро. С прицелом на будущее. Значит, не дремлют, не успокаиваются.

«Нашим великим стратегам в Карфагене так бы вершить дела!» — вспыхнуло у Гамилькара едкое. Хотя, руку на сердце положи, и он от них недалеко ушел: в заботах о хлебе насущном не придал большого значения мнимому затишью на линии соприкосновения, увлекся набегам на италийское побережье, переусердствовал и в результате многое в римской стратегии сам проворонил, не доглядел.

Ему, как никакому другому карфагенскому полководцу, удалось на несколько лет приостановить продвижение римлян на северо-запад Сицилии, заставить их увязнуть в районе Панорма в мелких боях и малокровных стычках, но он не учел, что враг окажется более коварным и упорным, чем он думал, более вдумчивым и целеустремленным.

Коварство римлян проявилось еще и в том, что они стали переманивать на свою сторону галлов. Да, да, тех самых галлов, которые навсегда оставили глубокий след в сердцах римлян, которые некогда захватили их величественный город, заставили побежденных латинян платить дань. Фактически унизили их перед всем миром...

Это была еще одна скверная новость из Дрепан.

Никогда до этого римляне не брали на службу наемников, всегда кичились, что их армия потому и непобедима, что в ней служат исключительно римские граждане. Что произошло? У Рима появились свободные деньги? Или их сил стало недостаточно, чтобы противостоять карфагенянам?

— Галлы бегут пачками. Выходят из города якобы для вылазки и исчезают, — продолжает рассказывать посланец из Дрепан. — Римляне этому только рады. Где берут деньги для их оплаты? Отдали галлам на разграбление храм Астарты на вершине Эрикса. Теперь дорогу к храму и сбор пожертвований контролируют именно эти переметнувшиеся наемники.

Многое испытал в жизни, ничему больше, кажется, Гамилькар удивиться не мог, но этому удивился. Поражало и то, что римляне по сути оскорбили одну из величайших сакральных святынь ойкумены: тысячелетний храм Астарты. Лишний раз убеждаешься, что для римлян ничего святого нет, несмотря на обилие богов, которыми они себя окружили и которых посулами переманили на свою сторону.

Что же ты, великая непобедимая Астарта, молчишь? Неужели и ты склонила голову перед дерзостью Рима? Неужели циничный дух римского самодовольства повсеместно восторжествует на земле? Не хочется в это верить! И пока я жив, ни за что этому не бывать! Не будь я Гамилькаром Баркой!

Гамилькар отправил посланника обратно в Дрепаны.

25

— Ты, кампанец, или слишком рисковый малый, или дурак набитый! С чего ты решил, что, добившись благосклонности хозяйки, ты изменишь свою жизнь к лучшему? Для римской аристократки ты как был рабом — пылью под ногами, — так им и останешься. Вдобавок, если вернется домой хозяин, а слух об этом уже прошел, и узнает, что ты осквернил его супружеское ложе — головы тебе явно не сносить.

— Что ты меня все учишь, Манефон? — огрызнулся Спендий, оторвавшись на секунду от своей похлебки. — Дай, наконец, поесть, я голоден как волк. Никакого супружеского ложа, как про меня болтают твои подстилки, я не осквернял. Ну, да, взглянул пару раз на хозяйку влажными глазами, — за это же не убивают! Но и она, заметь, тоже частенько не сводила с меня очей. Я не один год живу на свете, чувствую, когда мной интересуется баба, пусть даже и хозяйка, — мне теперь от этого вешаться, что ли?

Спендий с Манефоном ужинали одни — управляющий после приезда и отчета перед хозяйкой ушел к себе домой. Всех троих хозяйка отсылала в Дикеархию¹ для закупки нового инвентаря. Вернулись почти за полночь — не захотели оставаться на постоялом дворе — ехать было всего ничего: часа два с небольшим. Именно в Дикеархии кто-то из местных и сообщил управляющему, что их хозяин вот-вот должен вернуться из Сицилии. Спендию бы одуматься, а он геройствует. Вернется хозяин — не смотри, что силен и крепок, — узнает про его шашни с хозяйкой — не сносить дурню головы!

— Да ладно тебе! — отмахнулся от товарища Спендий. — Вечно ты все усложняешь. Хозяйка не настолько глупа: промолчит, а рабы рта открыть не посмеют — она их потом поедом съест.

— Ты так в этом уверен? Наверняка, кто-то проболтается. Думаешь, никто не знает о твоих проделках? Ты слишком наивен.

¹ Один из небольших греческих полисов Кампании, позже переименованный римлянами в Путеолы.

— Да что ты понимаешь в наивности? Я, может, только прикидываюсь наивным. Для меня наивность, может, одна из масок, за которой я пытаюсь скрыть свое желание стать свободным. Разве другие, не думают о том же? Ты, разве, не хочешь стать свободным? Смирился с оковами?

— Какая свобода? О чем ты говоришь? Вернется хозяин, помани мое слово, и точно освободит тебя, только не от цепей твоих, а от жизни.

— А я, думаешь, буду ждать его? Уйду к самнитам в горы, к тем, что не примирились еще с римлянами. Думаешь, не возьмут меня к себе? Пошли вместе. Или ты совсем забыл, какими мы были совсем недавно? Вспомни.

— Теперь другие времена, теперь ты раб, а завтра будешь рабом беглым. И любая собака в округе вольна будет тебя загрызть. Ты об этом не думал?

— Думал, много об этом думал. И решил, что червем навозным жить вовсе не намерен. Ладно, — сказал, поднимаясь из-за стола Спендий, — пошли на боковую, завтра вставать ни свет ни заря.

Но Спендию, видно, ложиться спать было слишком рано — хозяйка прислала за ним рабыню.

Манефон неодобрительно покачал головой, Спендий буркнул расстроено:

— Зачем я понадобился ей вдруг среди ночи? — как будто сам не знал ответа.

— Не знаю, хозяйка не сказала, — ответила рабыня.

— Наверное, хочет услышать, как мы съездили, — сказал Спендий.
— До утра никак не дождется.

— Наверное, — хмыкнул Манефон.

Спендий последовал за рабыней.

— Можешь идти, Лелия.

Лелия кивнула.

Как только девушка вышла, хозяйка приблизилась к Спендию.

— Я думала, вы приедете раньше. Почему задержались?

— Управляющему не понравились лемехи, которые нам хотели всучить, пришлось ждать, пока со склада не принесут другие. Потом еще смотрели бороны... Разве он не сказал тебе об этом?

Хозяйка прижалась головой к широкой груди Спендия, провела по ней рукой.

— Сказал, но я хотела от тебя услышать, хотела видеть тебя. Я скулала. По твоему телу, твоему запаху...

Хозяйка подняла на Спендия глаза, Спендий не отвел взгляда.

— В городе говорили, что на днях возвращается твой муж. Это правда?

Спендию никак не хотелось произносить это поганое слово — «хозяин».

— Тебе не о чем беспокоиться. Он приедет всего на пару дней, получит новое назначение, а потом снова уедет, и все у нас будет прежнему, как раньше...

— Не знаю. Мне кажется, уже каждая дворняга знает, что я часто у тебя бываю. Не как раб.

— Пусть только скажет кто, я ему лично зашью рот суровыми нитками!

— Ты так добра.

— Не стоит меня испытывать. И тебе не советую. Прижми, лучше, к себе покрепче — если б ты знал, как я соскучилась по твоим крепким объятиям...

В барак, где спали господские рабы, Спендий вернулся только через час — усталость давала о себе знать. В иные дни хозяйка не отпускала его до первых петухов, но сегодня смилостивилась.

В бараке все, включая Манефона, дрыхли без задних ног (хозяйка имела дурную привычку: перед ночью, когда она вызывала к себе Спендия, — выматывала его товарищей до изнеможения).

Спендий лег на свой топчан, но уснуть не мог: воткнул ему заботливый друг Манефон занозу в сердце.

Да и дураку ясно, что возвращение хозяина ничего хорошего ему не сулило. Как бы он ни осторожничал, ни берегся, глухой ночью украдкой пробираясь в хозяйскую спальню, кто-то все равно рано или поздно заметит, прознает, а потом расскажет и другим, так что теперь всем известно, кто мимо них по ночам шастает...

Хотелось верить в чудо: а вдруг хозяин приедет и ни о чем не узнает, и он будет продолжать жить в имении не в статусе раба, а в статусе хоть немножко свободного, которому хозяева доверяют все (вплоть до собственных жен, — мелькнуло у Спендия, и он повеселел). Может, он больше выдумывает, чем есть на самом деле. Вряд ли кто из рабов осмелится признаться хозяину о похождениях хозяйки. Такой раб сам может впасть в немилость, или того хуже, если попадет под горячую руку.

И надо же было так вляпаться: хозяйка... красивые глазки, стройный стан, крутые бедра... — польстило самолюбие?

Утешает и отчасти оправдывает только одно: не он стал домогаться ее, а она первой повисла на его шее. Но спасет ли это оправдание от гнева хозяина? Ответ очевиден... Глупец, зря он все-таки пошел на поводу озабоченной менады — разве можно такое утаить в небольшом имении?

Спендий лежал с открытыми глазами и тупо смотрел в темноту.

Манефон сто раз прав: не стоило ему ходить по краю пропасти. Вернется хозяин — головы ему не сносить. Бежать. Только бежать, укрыться где-нибудь в тени Везувия. А лучше — податься прямо в горы, к самнитам. Они как горцы хоть и надменны, непримиримы, но уважают силу духа, крепость характера, чего самому Спендию не занимать. Самниты его примут, в этом он нисколько не сомневается.

Чем больше Спендий не спал, тем больше укреплялся в своем мнении: его спасет только бегство, хоть бегство и равнозначно самоубийству, потому что по римским законам хозяин волен беглого раба убить. Без всякого суда и следствия. Раб — не гражданин, раб — хоть и живой, но инвентарь, и хозяин вправе поступить с ним, как с обычным инвентарем: сломать, обрезать, выбросить, уничтожить.

В городе говорили, что одна всеми уважаемая матрона где-то в Лациуме взбеленилась и заморила своих рабов голодом, — просто невзлюбила. Тут еще с ужасом рассказывали, что какие-то пираты из пунийцев повадились грабить окрестности Кампании. Может, стоит прибиться к ним — в чужой стороне хозяин вряд ли будет его искать. Остается только решить, когда удобнее сбежать. Не затягивать — точно, потому что хозяин может появиться на вилле со дня на день — что тогда он будет делать? Хозяйка его вряд ли защитит, скорее наоборот, прикрывая себя, обрушит все обвинения на него, пусть даже ничего серьезного между ними и не было. Но даже одна мысль о связи хозяйки и раба может стоить рабу жизни...

«Бежать, бежать, бежать», — крохотными молоточками стучало в голове, угнетая.

Беглый раб — бродяга, изгой, которого в любую минуту может схватить любой конвой. В лучшем случае — вернут хозяину, в худшем — казнят. Но и возвращение сулило тоже наказание: сырая плоть или палки и, как правило, та же смерть. Выбор у беглого раба невелик, Спендий это понимал, как понимал и то, что оставаться в имении в таком неопределенном положении — такое же безрассудство, как и бегство. Но бегство вселяло хотя бы какую-то надежду на удачу. Авось

удастся скрыться, может быть, даже раствориться где-нибудь в толпе под чужим именем...

С этой немного обнадеживающей мыслью Спендий в конце концов и уснул.

26

Не всем эриклянам¹ нравилось соседство галлов, пусть и находящих под эгидой римлян.

Один из Гамилькаровых соглядатаев в Эриксе сообщил, что в городе, после появления у храма Астарты галлов, обострилось противостояние между прокарфагенской партией и сторонниками Рима. Народ также разделился во мнении. Противники римлян ссылались на то, что за последние пять лет их присутствия в городе и окрестностях ничего в лучшую сторону не изменилось. Мало того, у эриксийцев отобрали и то, что было весьма доходным: денежные поступления от паломников со всего света, которые прибывали поклониться Афродите² в ее храм на вершине Эрикса...

Эта новость была лучшей из последних новостей для Гамилькара. Он снова и снова заставлял произносить ее разведчика. И даже когда офицеры ушли, заснул с трудом, еще и еще раз обдумывал каждое услышанное слово.

Если соглядатай не лжет, если он не подсадная утка, у карфагенян есть надежда изменить сложившуюся ситуацию в корне — ему до колик надоело нервозное топтание на месте. За три года, как он командует войсками на Сицилии, ни одного серьезного боя, ни одной настоящей битвы. Разве об этом он мечтал, когда принимал на себя командование, когда бил врага под Дрепанами, занимал одну из горных вершин возле Панорма? Разве думал тогда, что завязнет здесь на несколько лет. Думал, зацепится, застолбится, оттянет на себя часть вражеских легионов от Дрепан и Лилибея и отсюда начнет теснить римлян на восток. Но минуло три года, а он не продвинулся вперед ни на шаг, наоборот, как римляне разбили свой лагерь в пяти милях от их лагеря два года назад, так до сих пор и стоят перед ними как скала, как бельмо на глазу. Теперь все может в одночасье измениться. Только бы не

¹ Жители Эрикса.

² Греки финикийскую Астарту ассоциировали со своей Афродитой, поэтому называли храм Астарты на Эриксе храмом Афродиты Эриксийской.

сплугнуть удачу. Прежде всего, наверное, надо как можно сильнее усыпить бдительность римского гарнизона в Эриксе. Добиться того, чтобы каждая собака знала, что Гамилькар вновь отплывает в Италию. А он тем временем... Хотя если он сделает еще один набег в логово римской волчицы, ничего, наверное, страшного не произойдет. Они убьют двух зайцев: притупят бдительность эриксийцев и набьют собственную мошну.

Утром Гамилькар отдал приказ готовиться к отплытию на Италию.

В этот раз набег получился особенным. Все давалось легко. Море было необычайно спокойным, погода — благоприятной. Бухта для высадки оказалась тишайшей, и противостояния их набегу — почти никакого. Все, наверное, думали, что они больше не будут беспокоить кампанцев, раз недавно разбойничали. Ошиблись. Гамилькар собрал и то, что в прошлый раз не смогли увезти. Мало того, к нему прибилось несколько десятков беглых римских рабов, Гамилькар никого не прогнал: римский раб, который люто возненавидел собственного хозяина — лучший вояка в противостоянии с римской военной машиной, тому после бесчинств хозяина никакая рубка не страшна.

Гамилькар торжествовал, а на обратном пути признался своим, что в этот раз их набег был исключительно ложным ходом: нужно было убедить римлян, что они вовсе не интересуются высокогорной крепостью. Хитёр бобер этот Гамилькар, ну, до последнего будет скрытничать!

Как воодушевились все, услышав о решении командующего!

Нельзя сказать, что о его задумке никто ничего не знал. Идея захватить Эрикс и закрепиться в нем витала в их стане уже несколько лет, все голодными глазами пожирали соблазнительный городок на склоне горы Эрикс, с высоты которого как на ладони просматривались раскинувшиеся на побережье Дрепаны, городок, гораздо сильнее, укрепленней их стана, к тому же имеющий удобную гавань для стоянки кораблей. Однако раньше Гамилькар считал, что у них недостаточно сил для захвата Эрикса, что условия для его штурма еще не сложились. И вот он скомандовал возвращаться обратно на Сицилию и сходу, без передышки после ночного плавания двигаться на Эрикс. Жалел только об одном: что так слабо дует попутный ветер...

Высаживались на берег спешно, но без суеты и столпотворений. Едва брезжило. В лагерь на Герктах отправили посыльного. Они здесь, поэтому оставшимся в гарнизоне отрядам срочно выдвигаться к намеченной цели.

Посыльный долго в лагере задерживаться не стал, тем более из Карфагена и для самого Гамилькара пришло сообщение: он в который раз стал отцом, у него появился еще один мальчик. Как же на это радостное событие не отреагировать? Захват Эрикса и станет своеобразным подарком родным и семье в честь рождения его очередного сына. Несомненно такого же бравого воина в будущем, как и отец.

27

Эрикс, небольшой городок у подножья одноименной горы, еще в давние времена, по преданию, основал сын Афродиты и Посейдона и назвал в свою честь (впрочем, некоторые утверждают, что отцом Эрикса был не Посейдон, а афинянин Бут, аргонавт, который, услышав пение сирен, кинулся в море. Афродита-де его спасла, перенесла в Лилибей и там родила ему Эрикса). Как бы то ни было, Эрикс вырос, сделался царем элимов и искусным кулачным бойцом, побежденным только Гераклом, у которого он украл его быка из Герионова стада.

Удобное расположение горы Эрикс, храма Афродиты на ее вершине, который посещал и пышно украсил в свое время сам Эней, — все это притягивало к себе не одного завоевателя. Кто только не владел этой высокогорной крепостью, стены которой возвел знаменитый мастер Дедал после побега с Крита: элимы и карфагеняне, спартанцы и сиракузяне, даже Пирр соблазнился мыслью завоевать крепость, дабы приблизиться к славе божественного Геракла.

Что помогло Гамилькару, какие боги стояли за его спиной — неизвестно, но в тот день боги были на его стороне, удача ни на минуту не оставляла его.

Все сложилось как-то легко: и в гавани никого, кто мог бы воспрепятствовать их высадке, не оказалось и на всем пути до Эрикса не встретился ни один соглядатай, который мог бы предупредить эриклян в городе или римлян в их стане у подножья горы.

Не подозревали, видно, о дерзком замысле карфагенян и в крепости — ворота закрыть успели, а рассредоточиться вдоль стен не смогли. Когда карфагеняне по приставным лестницам сходу взлетели наверх, на стенах их встретило не больше сотни солдат: патрульных и тех, кто был близко от них и смог услышать призывы о нападении.

Гамилькар именно на эту внезапность и рассчитывал, не стал тянуть громоздкие осадные машины из Дрепан, заметить которые могли за сотню стадий, а уж тем более из ближайшего римского лагеря. Да и римские лазутчики совсем не дремали, шастали по округе, высматривали слабые места карфагенян. Но и Гамилькар не сидел сложа руки, по-

сылал в разведку своих лазутчиков выяснять уязвимые места эрикской крепости, возможности римского гарнизона в ней, его численность, смену страж.

Помогли многое узнать и местные, те, которые с нетерпением ожидали, когда снова вернутся под крыло Карфагена, как это было раньше, еще до Пирра, а после — до захвата города Юнием Пуллом (каких-то пять-шесть лет назад!).

(К слову, тот же Юний захватил тогда Эрикс остатками своей пострадавшей от бури армии!)

Медлить теперь Гамилькару было нельзя: вести длительную осаду у него не было возможности и сил, немалый римский гарнизон Фундания у подножья горы не дал бы ему спокойно и успешно проводить ее, доводя город до истощения. Поддержка богов, милость фортуны и внезапность — только на это и уповал Гамилькар, когда отдавал приказ двигаться на Эрикс.

Тридцать стадий от гавани к крепости его воины прошли быстрым шагом, сходу подступили к стенам, но пару сотен бойцов пришлось оставить на склонах на случай выдвижения римлян из лагеря у подножья.

Но что за народ собрался у Гамилькара под крылом! В одной из этих сотен нашлись неугомонные, недовольные тем, что их заставили стоять и только наблюдать, как их братья по оружию добиваются ратной славы и добычи.

Гамилькару доложили о выдвижении около пятидесяти человек из заградительного отряда в сторону крепости.

— Как посмели! — возмутился Гамилькар и лично поскакал на встречу бунтарям.

Он остановил своего взмыленного коня перед фалангой возмутителей спокойствия, недовольно обвел бунтовщиков взором.

— Кто приказал? Почему оставили позицию?! — возмущению его не было, казалось, предела.

Однако вперед фаланги вышел одетый в кожаные доспехи крепыш (каким-то знакомым показалось его лицо) и сам, недовольно вспыхнув, крикнул так, чтобы и Гамилькар его услышал, и стоящие рядом соратники:

— Ты хочешь, чтобы мы ответили тебе, почему ушли из засады? Ответь тогда сперва, почему мы там, в том укрытии, а не на передовой? Мы разве провинились в чем? Наказаны? Мы такие же солдаты, как и все, и так же рвемся в бой, как и другие. Почему ты лишаешь нас славы и ратных подвигов и заставляешь прозябать в тылу? Пусти нас

на передовую, а в заслон отправь тех, кто слаб духом или предпочитает прятаться за спинами товарищей — таких ты массу наберешь среди любого войска, а мы жаждем боя, жаждем сражения, разве не ради этого ты нас призывал под свои знамена?

Дерзко. Очень дерзко. Бунта и возмущений Гамилькар терпеть не мог. Выпороть бы этого развязного солдата, но что-то удержало Гамилькара от первого побуждения. К тому же он вспомнил, откуда знает горлохвата: это же тот самый кампанец, раб, примкнувший к ним в их предыдущем набеге на Италию. Он еще в стане? Не сбежал, как сбегали, бывало, все бывшие рабы, почувствовав свободу и легкую возможность смыться? Теперь он жаждет ратных подвигов, наглец! Но с другой стороны — Гамилькара как осенило, — кампанец совершенно прав, только этого и жаждут тысячи солдат, которые считают себя настоящими воинами. И разве сам Гамилькар не такой же?

Гамилькар придержал своего нетерпеливого коня и вместо того, чтобы приказать своим телохранителям немедленно схватить негодяя, окинул неторопливым взором стоявших вокруг них наемников, таких же дерзких, таких же бесстрашных, которые давно превратились в цельный камень, сказал:

— Хорошо.

Сначала сказал, потом выкрикнул:

— Хорошо! Жажда боя на войне — это хорошо! И злость — хорошо! Если в сердце твоём не угасает злость — враги будут повержены! Если в сердце твоём горит ненависть — враги будут раздавлены! Ты храбрый солдат, Спендий. Ты — настоящий солдат!

— Таких солдат бы мне сотню, — снова громко крикнул в толпу Гамилькар, — не было бы равных ей среди любого войска! Три сотни таких закрыли собой проход в Фермопилах, остановили несметную тьму персов!

— Да! — громко выкрикнул, уже немножко дрожавший от своей выходки Спендий. — Да! — выкрикнул, теперь уже воодушевленный произнесенными генералом словами — все-таки он поступил правильно, что не промолчал. Лицо его все более оживлялось.

— С такой сотней я бы в два счета очистил Сицилию от алчных римских кáлиг! — распалялся Гамилькар.

— Да! Да! Да! — все громче и неистовее кричал вслед за Гамилькаром Спендий.

С каждым последующим словом вождя солдаты распалялись сильнее и сильнее, единодушно подхватывали разносившееся по всему холму троекратное: «Да! Да! Да!» И уже не было ни стоявшего на этом пя-

тачке, который бы не верил в свои силы, в свою мощь, утроенную энергией толпы.

Теперь они стояли рядом — непобедимый полководец Гамилькар и простой, но бесстрашный, солдат Спендий (Гамилькар, положив руку на плечо Спендия), а вокруг волнами прокатывалась уверенность каждого в свою непобедимость.

— Вперед, на штурм крепости! — вскочив на коня, вскрикнул Гамилькар и выбросил вперед руку с мечом; затем, более не задерживаясь, приударил своего нетерпеливого коня и молнией ринулся в наступление.

— Впе-ре-д! — вслед за генералом протянул и Спендий, и его воодушевленные товарищи, опережая друг друга, гурьбою бросились за ними.

Солнце не успело достигнуть зенита, Эрикс пал.

Не щадили никого: безжалостно разили и тех, кто бежал, и тех, кто пытался сопротивляться, рубили вооруженных и беззащитных.

Оставшихся в живых, переправили в Дрепаны.

Спендию предложили возглавить сотню.

ЧАСТЬ 4

1

В первый день мартовских календ погасили огонь Весты, убрали старую золу, вылизали до блеска очаг, вымыли в храме пол.

На глазах у толпы народа на главном алтаре перед входом в храм Метелл вручную, трением умело разжег новый огонь, и тот под радостные возгласы квиритов и пение весталок был перенесен в святая святых — очаг храма, где за ним будут денно о ночью следить хранительницы священного огня, неотступно, не смыкая глаз.

В тот же день приняли присягу и новые консулы Гай Фунданий Фундул и Гай Сульпиций Гал. Бросили жребий, распределили обязанности. Гаю Фунданию досталась Сицилия, Сульпиций оставался в Италии. Это была еще одна, пусть и маленькая, но победа плебеев.

За время службы эдилом, несмотря на всяческие треволения, Гай Фунданий заметно подобрел, под глазами от частого употребления неразбавленного вина, появились мешки, стал заметен двойной подбородок. Тем не менее, он безудержно рвался в бой с уверенностью, что и полководец из него выйдет не хуже народного трибуна и эдила в прошлом.

Вечером с форума народ разбрехался по домам с надеждой, что новый год принесет наконец изменения к лучшему, все давно устали от долгой изматывающей войны, войны без конца и края, которая только обедняла народ, приносила разорение.

После своего избрания Великим понтификом и инаугурации, Луций Цецилий Метелл закатил в Риме пышный пир.

Он нисколько не сомневался, что легко займет эту пожизненную должность после смерти Корункария: он был достаточно известным в республике государственным деятелем, дважды консулом, проконсулом, начальником конницы... Народ никогда не забудет его блестящую победу под Панормом над пунийцами и его триумф с тринадцатью пунийскими военачальниками в кандалах, а с ними и ста двадцатью гигантскими слонами, которых впоследствии закололи в угоду зрителей на арене.

Не сомневался он и в том, что коллегия понтификов утвердит решение комиций, потому что сам почти семь лет был членом этой коллегии и всеми членами коллегии уважаем, — не смотри, что плебей. Но что теперь плебей? что патриций? — одна из самых тяжелых войн в истории Рима почти стерла аристократические различия. Теперь только доблесть, как воинская, так и гражданская подкрепляют честь и достоинство истинного римлянина. А уж ему в доблести никто не откажет, и он еще полон сил — совсем недавно перевалило за полтинник, он еще, как говорится, *Compos mentis* — в здравом уме и физически крепок, — чего еще для отправления столь важнейшей должности надо? И благочестия хватает, чтоб быть услышанным богами, чтоб донести до них желания римского народа.

И была у него одна задумка, которую он в самые ближайшие дни намерен огласить в сенате.

Какая первая и немаловажная обязанность понтифика? Следить за тем, чтобы как можно точнее и правильнее проводились жертвоприношения, определенные ритуалы, в определенные дни, с определенными атрибутами... Но правильно ли мы поступили, что отдали храм Астарты-Афродиты на Эриксе под контроль галлов? Я понимаю, что нам не хватало сил и средств вести осадную войну пунийских крепостей на Сицилии и отражать болезненные уколы Барки. Но он теперь закрепился в полуразрушенном Эриксе, — не следует ли из этого, что Астарта до сих пор продолжает помогать ему, покровительствует пунам, несмотря на то, что в ее храме расположились наши ставленники? Где мы оплошали? Что сделали не так, чтобы переманить на свою сторону древнюю грозную богиню, как переманили богов завоеванных италийских и гре-

ческих городов? Известно, как Камилл упрощил Юнону из Вей перейти в Рим, а Марк Фульвий призвал в Рим этрусского Вертумна из Вольсиний...

Стоит нашим жрецам дотошнее вникнуть в ритуалы, которые проводятся в храмах Астарты и Афродиты, тщательнее разобрать вековые записи, — уверен, справившись с такой задачей, мы лишим пунийцев главного козыря: поддержки всемогущих богов, — и тогда наша победа над ними будет не за горами.

В последние дни он думал об этом часто (так сильно завладела им заманчивая мысль), думал, когда вступал в должность, когда ездил в Лавиний, чтобы там по древнему обычаю принести жертвы местным Весте и пенатам после своего избрания, когда проводил ревизию вверенного ему наследства.

И всю прошедшую ночь накануне заседания сената Метелл почти не спал, все не мог дождаться открытия курии, где оно должно будет проводиться. И хотя задуманное твердо отложилось в уме, он снова и снова прокручивал свою речь, боясь упустить какой-либо важный аргумент, чтобы сенаторы единодушно поддержали его задумку и дали добро на ее осуществление, ведь от этого (он был искренне убежден) напрямую зависит дальнейшее существование римской республики, римской *civitas*.

Римляне уже не раз убеждались: любого бога можно переманить на свою сторону, а уж если переманили — надежней и крепче эгиды не сыщешь.

Но сегодня вдобавок Метеллу предстояла еще одна немаловажная задача: решить в сенате, на какой день назначить жеребьевку в комициях, которая определит, кого из кандидаток принять в лоно хранительниц священного огня и священных реликвий вместо выбывшей недавно по возрасту весталки.

Прежний понтифик оставил ему это ответственное дело. Затягивать с выбором никак нельзя — культ Весты был особо важен среди других, к тому же кандидатуры на место жрицы давно определились.

Шесть весталок — неизменное число. Оно сложилось издревле. Шесть девственниц, которые день и ночь охраняют священный огонь и священные реликвии — залог существования самого Рима.

Впрочем, с другой стороны, выбор не так уж и тяжел, потому что тем же кодексом к будущей весталке предъявлялось такое обилие разнообразных требований, что круг кандидаток быстро сужался и под жесткие, казалось бы, условия, попадали единицы: девочка должна быть не моложе шести и не старше десяти лет, не являлась сиротой, не име-

ла телесных или иных изъянов, не была бы дочерью рабов или представителей позорных профессий, — и еще многое и многое другое, дошлое, строгое, без каких-либо малейших отступлений.

Старшая весталка совместно с понтификами двадцать таких претенденток уже отобрали. Теперь единственную, которая станет впоследствии их сестрой и подругой на долгие тридцать лет, должен определить жребий на всенародном собрании. Об этом тоже хотел напомнить Метелл на заседании сената, ведь именно сенату предстоит назначить день этого собрания, а позже утвердить избранницу сенатским декретом.

Как человек исключительной ответственности, Метелл лично встретился и переговорил с каждой из девушек, с каждым из ее родителей и соседей.

Нрав, привычки, уважение к старшим, богопочитание, даже опрятность, — всё имело значение и должно было браться в расчет при окончательном решении.

По сути, весталка становилась пожизненной хранительницей главного очага и главных святынь Рима (включая Палладий), являлась связующим звеном между миром богов и миром людей, — как же не учитывать в ней человеческое, самое слабое в такой ответственной обязанности. Именно проявление человеческого, эмоционального, чувственного и губило некоторых весталок...

До начала заседания сената еще оставалось время, на форуме толкаться не сильно хотелось, и Метелл решил прогуляться в священной роще, которая разделяла его нынешнее официальное жилище и храм Весты и к которой примыкал с левой стороны небольшой дом весталок.

Сегодня было немножко душновато, но, может, оттого, что он просто нервничает перед заседанием. Хотя чего ему нервничать — обычная процедура, да и он не первый год ораторствует, со многими сенаторами знаком, с некоторыми тесно дружит.

Можно было бы, конечно, пока пройти в атриум дома весталок, присесть на одну из скамеек возле маленького бассейна — он любил в нем отдыхать и размышлять. Даже когда был рядовым понтификом, управится со своими обязанностями и несколько минут обязательно уделит праздному созерцанию безмятежного атриума священных дев, статуй прежних весталок в нишах двухэтажного портика с колоннами, которые окольцовывали бассейн по периметру, алтаря Ларов в одной из ниш, статуи Нумы, второго царя, который, по преданию, был основателем вестального культа. Сюда не доносились шум и людские голоса с

форума, хотя он был неподалеку, здесь мелкие пернатые трещали в кустах, не так, казалось, громко, как в городе, мысли приходили в порядок, и даже самые запутанные проблемы сами собой прояснялись.

В атриуме весталок был какой-то особенный воздух, особая атмосфера... Тишина и покой... Обитель блаженных...

«Им бы побольше пространства, — подумал отчего-то Метелл, — расширить атриум, посадить деревья».

Он видел, что некоторые деревья в священной роще уже доживают свой век, рано или поздно засохнут, можно будет за счет них расширить жилище весталок...

Но что это он? Что это ему взбрело в голову? Это ведь священная роща!

Метелл оторвал от земли взгляд. Он и не заметил, как приблизился к дому весталок. Ноги словно сами его сюда принесли.

Заметил его и привратник, уважительно поклонился и тут же крикнул рабыне, чтобы та разыскала старшую весталку.

Но Метелл остановил девочку жестом:

— Нет, нет, не стоит ее беспокоить, пусть собирается.

Он знал, что жрица готовилась к очередной церемонии освящения: весталки помогали в священнодействиях жрецам и других культов. Однако девочка все равно убежала доложить старшей весталке о появлении Великого понтифика.

Да, ему теперь даже по городу просто так не пройти. Как говорили древние, слава сама догнала его...

Появилась Эриция, старшая весталка, с которой Метелл был знаком еще будучи рядовым понтификом: как-то вместе они посвящали один из новоявленных храмов на Бычьем рынке.

Эриция нравилась ему своим мягким характером, добротой, покладистостью, да и в умении одеваться ей не откажешь.

Вот и сейчас она одета как первая римская модница, вроде ничего особенного: скромная нижняя туника, поверх нее подпоясанная выше талии стола, обыкновенная, казалось бы, прическа, но как уложены волнистые волосы, как мягко струятся складки столы, как искусно завязан узелок пояса. Она еще не совсем одета как должно, но уже неотразима.

Только недавно девушке исполнилось тридцать, совсем ничего осталось до того дня, когда она, по обычаю, сложит с себя обязанности весталки и вернется в мир. Благо, если встретит достойного мужа, нарожает детей, — она еще способна на это, однако, — как повезет.

Редкая в прошлом весталка становилась матерью семейства. Многолетняя обязанность хранить верность Весте зачастую налагала на бывшую весталку тяжелый груз одиночества, неприятия внешнего мира, неудобства. Как правило, бывшая весталка до конца своих лет оставалась одинокой, неприкаянной, можно сказать, потерянной для общества и людей, но тут уж каждый выбирает сам.

Некоторые доживали свой век в доме весталок — это не возбранялось, до конца дней своих помогали другим чем могли, но большинство уходило в мир и словно растворялось в небытии, превращаясь в неуловимый образ в виде статуи в узкой нише портика...

Метелл слегка кивнул жрице. Она поспешила извиниться перед ним:

— К сожалению, я не смогу уделить вам много времени, так как нам с моими помощницами нужно спешить на освящение нового фонтана на Эсквилине, вы же знаете.

Да, Метелл был в курсе. Одно из самых значимых событий этого года.

Фонтанов, как, впрочем, и колодцев, в городе не так уж и много, — по пальцам можно перечесать.

До Аппия Клавдия Цека римляне вообще брали воду только из Тибра, потом Гай Аппий, коллега Цека по цензорству, прозванный впоследствии «охотником», так как словно носом чуял скрытую под землей воду, нашел другой источник, за городом, а Цек провел воду в город, за что акведук и получил его имя.

Через сорок лет Маний Курий Дентат, за счет поступлений от добычи, которую захватили у Пирра, соорудил еще один водопровод, известный теперь как Старый Анио, — для него воду забирали чуть выше Тибура. И каждый фонтан в городе питался от этих источников, из фонтана брали воду для домашних нужд, фонтаны освежали, у фонтанов собирался народ, перемалывал соседям косточки, делился новостями с форума...

Метелл улыбнулся.

— Нет, нет, задерживать тебя не буду, я, собственно, пытался только немного собраться с мыслями перед заседанием в сенате, вот и забрел случайно. Признаться честно, ты мне оставила тяжелый выбор, предложив равнодостоинных кандидаток. Но, я думаю, не пройдет и декады, сенат утвердит кандидатку и ваша достойная семья священных дев вновь будет в полном составе.

— Надеюсь, — сказала Эриция. — Не за горами вестальные праздники, девочка как раз бы прониклась нашими священнодействиями, лучше бы почувствовала значимость своей службы, ее необходимость.

— Всё так, всё так, — сказал Метелл. — Ну, иди, пусть с тобой пребывают боги.

Эриция откланялась, вернулась к себе. Метелл опять побрел под сень священных дубов.

До курии, где сегодня заседал сенат, было два шага, но он хотел еще раз мысленно пробежать свою речь, чтобы не выглядеть неподготовленным и нетвердым.

2

Сенаторы не стали тянуть лямку: сразу же определили день голосования.

Раз испокон веку определено быть при богине шести жрицам, — так тому и быть.

В тот же день, не затягивая, утвердить и выбор народа.

Что касается эрикцинской богини, — пусть Метелл сам со своими собратьями решит, что можно и что нужно сделать, чтобы привлечь иноземных богинь на нашу сторону, как это делалось всякий раз, когда в том возникала необходимость или когда римскому народу угрожала опасность.

Не сильно встревожило сенаторов и сообщение о разгроме Птолемея Селевка, в результате которого Птолемей присоединял к Египту и Сирию. С Птолемеем они давно ладят, Селевк же всегда был непредсказуем. И теперь, сбегав в Антиохию, неизвестно еще, что выкинет, а так Птолемей будет его сдерживать. За это сенату и Риму беспокоиться не о чем. Сейчас сенат больше занимал другой вопрос: уж миновало четыре года, как римляне воюют с армией Гамилькара, второй, как пытаются скинуть карфагенян в море, но так и не скинули. Барка, словно ливийский сикомор, намертво врос в сицилийское побережье, и выкорчевать его никто не в состоянии. И море для карфагенян на Сицилии остается добрым другом. Морем карфагеняне снабжают осажденные города продовольствием, морем уходит из своего лагеря Барка и морем возвращается в него.

Со стороны суши его лагерь, как и Лилибей с Дрепаном, достаточно хорошо заблокированы: муха мимо стана римлян не пролетит, но море... Со стороны моря, к сожалению, им все просторы открыты. Значит, нужно искать другие возможности как-то закончить эту изнурительную и убыточную войну.

— Что же искать, достопочтенные сенаторы? — поднялся со своего места Авл Атилий Калатин. — Зачем далеко ходить? Вспомните: большинство последних важных побед мы совершили на море, благодаря тому, что море превратили в твердыню. Теперь пуны не властны над морем, но и мы ничего не предпринимаем, чтобы вернуть завоеванное. У нас почти не осталось кораблей, мы ничем не сможем помочь нашей доблестной армии на острове, случись пунам отправить новый флот на Сицилию. Некоторые мне возразят, мол, на сегодня, флота нет и у пунов. Соглашусь. На сегодняшний день нет. Но это не значит, что он не появится у них завтра, зная, сколь богаты кошельки их купцов и обильны налоги с подданных. Рим таким богатством не обладает. Рим не принуждает своих друзей и соседей пополнять его казну, поэтому сейчас и бедствует. Но я не о том. Я о том, достопочтимые сенаторы, что напрасно мы тешим себя тем, что на сегодня нет у пунов флота. В любую минуту они могут собрать его. В любую минуту могут направить его на помощь Барке, а это уже не иллюзия, это реальность.

Калатин замолчал, предоставляя сенаторам осмыслить сказанное. Кто-то из сенаторов не выдержал, крикнул с места:

— И что же ты предлагаешь, Авл?

Калатин глянул на крикнувшего из-под густых седых бровей.

— Предлагаю вспомнить вам, как, невзирая на бури и катастрофы, которые случались с нашим флотом по воле богов, мы находили силы, чтобы подняться. Вспомните, как нам с Гнеем Корнелием, будучи консулами, буквально за три месяца удалось спустить на воду около двухсот новых судов взамен погибших в тот год в страшную бурю. Смогли же! Сможем и теперь. Тем более у нас прекрасно сохранилась пентера Родосца, которую мы захватили под Лилибеем и которая до сих пор находится в Остии.

— Но где же взять деньги, чтобы построить нам новый флот?

— Об этом я тоже хотел сказать, — даже бровью не повел Калатин. — Да, собственно, вам всем об этом известно. Многие граждане, как муниципальные служащие, так и частные лица давно готовы на собственные средства снарядить один или два корабля. Хоть сейчас. Никому не безразлична судьба республики! Как мы можем не откликнуться на желание квиристов? Думаю, мы должны не только приветствовать подобные патриотические устремления, но всячески способствовать их воплощению. А как действующий цензор, я требовал бы от сената решения, чтобы все подобные издержки частным лицам были возмещены в полной мере. Как еще мы можем отблагодарить ратующих за нашу победу сознательных граждан?

Калатин замолчал. Наступила тишина и в курии. Кто-то кашлянул, кто-то заерзал на своем месте, под кем-то скрипнуло кресло.

Председатель поднялся.

— Думаю, благородные сенаторы, в словах уважаемого цензора есть рациональное зерно. Денег на такое крупное предприятия на сегодня в казне нет, но всякий знает, что деньги есть у граждан. И граждане горят желанием поделиться ими с государством во имя благородной цели: закончить тяжелую и ужасно обременительную для Рима войну. Три самнитских длительных войны так не выхолостили запасы нашего государства, как одна эта, которая длится почти двадцать лет. В начале ее мы еще только рожали своих детей, а теперь они плечом к плечу стоят с нами, защищая республику.

— Пусть будет так! Никто не запрещает! Есть деньги, есть! — неслось с разных сторон, с разных мест. — Надо огласить все народу! Не затаивая! Сегодня же!

Председатель, поднял правую руку, прерывая гомон.

— Обязательно объявить нашу просьбу народу. Никакого принуждения, никакого давления. Только предлагаю дополнительно обсудить и принять правильное решение еще по одному вопросу. Мне кажется, мы можем посулить тем, кто добровольно сдаст деньги на постройку кораблей, возмещение затрат. Но только в случае удачного предприятия. А погибнет наш последний флот, нет никакой уверенности, что и Рим не погибнет.

— Рим не погибнет! — крикнули с дальних мест.

— Не погибнет! — прошелестело буйно по рядам. — Нет! Никогда!

— На том и стоим, — сказал председатель, и все разом поднялись со своих мест.

— Да здравствует республика! Да здравствует Рим!

Долго не смолкали в курии возбужденные голоса сенаторов.

На следующий день решение сената довели всем гражданам Рима на форуме.

А через несколько дней свершилось голосование и по предложению Великого понтифика.

Метелл остался доволен: и решение не затянулось, и мнения сенаторов не разошлись, хотя и были прения, ведь по жребию — о, превратности судьбы! — из двадцати кандидаток с немалым перевесом вышла одна: Клавдия Квинта, дочь недавно умершего Публия Клавдия Пульхра, того самого незадачливого консула, который перед битвой под Дрепанами опрометчиво пренебрег птицегаданием, а впоследст-

вии, несмотря на многие прежние заслуги, был обвинен плебейскими трибунами в государственной измене.

Но разве дочь в ответе за отца? Никоим образом. И все понимали это.

К тому же, казалось, боги нарочно остановили свой выбор на дочери оскорбившего их святотатца. Ей служить, ей очищать свой старинный род, вымаливать у всемогущих богов прощение.

Метелл только недавно, после смерти ее отца, проводил в их семье процедуру перевода сакральных обязанностей, чтобы не прекратились посвящения и обряды ларам, пенатам и другим богам в ветви этого известного рода, ведь род Клавдиев в истории Рима оставил глубокий след.

Еще во времена Ромула переселились они из сабинского Регилла по почину его соправителя Тита Тация и стали наряду с другими патрицианским родом. С течением времени множество раз представители Клавдиев становились консулами, диктаторами, цензорами, одерживали триумфы, обустроивали и облагораживали Город.

Да и по характеру девочка подходит как никакая другая. Соседи говорят: тиха, скромна, покладиста, усердна в порученной работе и набожна, — чего еще для столь строгой обязанности хранительницы священного огня надобно?

С другой стороны для ее будущего это лучший выход, потому что, лишившись отца, она хоть и перешла под крыло родного дяди, Гая Клавдия Центона, все равно остается чужой в чужом доме.

И родной брат Аппий ненамного старше ее, — кто ему поможет стать на ноги? А у весталки широкие возможности даже в этом: она может помогать родным и деньгами, если те будут нуждаться. А там Аппий подрастет, пройдет обряд совершеннолетия, примет от дяди отцовское наследие, станет главой дома — их ведь двое осталось у матери, не смотри, что она кличется пятой...

Одобрила решение сената и Эриция. Когда Метелл сообщил ей об утверждении девушки, хотела вместе с ним отправиться за будущей сестрой-весталкой, но Великий понтифик предусмотрительно остановил ее рвение: негоже без всякой на то надобности жрицам Весты выходить из своего жилища. Он сам доставит Клавдию, а уж там девочка на долгие годы останется в полной ее власти, под ее крылом.

Метелл покинул жилище весталок. Колесница Гелиоса уже спускалась с вершины небес, форум наполовину опустел, это хорошо — не стоит к себе привлекать лишнего внимания.

Метелл не стал брать даже носилок, которые предназначались для весталок и которыми они пользовались, если надо было добраться на другой конец города или до нужного места как можно быстрее, хоть перед ними и охраняющими их ликторами народ расступался беспрекословно.

Метелл надеялся, что двух понтификов и девочку с ними в такую пору никто и не заметит. Однако все вышло не совсем так, как хотелось.

Клавдию они забирали из ее дома, хотя и передавал ее из рук в руки, как принято по обычаю, с коленей, из-за отсутствия отца, родной дядя.

— Жрицу-весталку для совершения священнодействий, производимых по закону жрицей-весталкой за римский народ Квиритов, как та, которая была лучшей по закону, так тебя, Амата, беру, — произнес Метелл слова, которые и до него столетиями произносили Великие понтифики, уводя из семьи девушку для служения Весте, словно похищая, как уводили первую, которая, по преданию, звалась Аматою.

Метелл колдовал вместе с Гаем Клавдием у домашнего святилища, ларария, Публия Клавдия. Вдвоем они возжигали курения семейным предкам и тем самым освобождали Клавдию от их покровительства, так как она теперь долгие тридцать лет будет истово служить одной богине — Весте.

Сама Клавдия смотрела на всё происходящее, как на детскую игру, на забаву.

Мать настроила ее на расставание, посулив всяческие блага, ведь она вливается в лоно великой Весты, где будут такие же, как она, девочки, где ей не придется скучать, где с ней будут обходиться, как с младшей богиней, помощницей во всех священнодействиях. Клавдия вроде бы приняла всё с должным спокойствием. Но первой не выдержала сама мать. Еще до конца ритуала она начала голосить, обливаться слезами, мол, ее лишают последней радости жизни, забирают самое ценное, что у нее осталось.

Гай Клавдий недовольно глянул на Корнелию. Его и так в последнее время выводила из себя ее помешанность — иными словами не назовешь. Видно, смерть мужа, позор, который пал на ее осиротелый дом, злобные упреки в спину вывели ее из себя, вызвали черную желчь, довели до отчаянья. После этого он уже на правах патрона категорически запретил ей покидать дом (кроме каких-либо праздничных дней, да и то в сопровождении нескольких строгих рабынь, которые нигде не оставляли ее без присмотра). По этой же причине он не хотел

Уже тогда ей захотелось быть такой же, как хотелось быть похожими на весталок всем маленьким девочкам Рима. Поэтому Клавдия нисколько не расстроилась, что покидает родной дом, расстается с матерью и братом (в конце концов, при желании она сможет их навещать, это не возбранялось).

Не было печали, как не было и страха перед новой жизнью, новыми обязанностями. Наоборот, ее всегда интересовали священные девы: они и держали себя с достоинством, и наряды их были не менее богаче и краше нарядов даже самых богатых римлянок. И наконец: приобщение к тайне. Всех детей занимала тайна, скрытая за обитыми медью парадными дверьми храма Весты: что происходит там, внутри, что совершают жрицы, что за священные реликвии хранятся в его скрытых от людских взоров нишах?

Все было любопытно Клавдии, обо всем она хотела узнать лично, поэтому с завидным спокойствием вложила свою хрупкую ручку в жилистую руку Великого понтифика, не прослезилась, прощаясь с матерью (чего она-то слезы льет?), а переступив через порог родного дома, вышла на улицу и даже не обернулась — она вся была устремлена вперед, ее мысли уже витали над форумом, у священной рощи, которая примыкала непосредственно к храму Весты, в жилище весталок.

Когда народу навстречу попался Великий понтифик в шапочке и тоге и девочка с ним, он почтительно расступался, некоторые кланялись, некоторые замирали. Это забавляло Клавдию, но и нравилось ей.

Казалось, и солнце в этот час светило ярче, и звуки рынка становились тише, и ветер быстро прятался в кронах кипарисов и пиний.

Но вот они прошли мимо храма Кастора, конной статуи Клелии, «озера» Ютурны, храма Весты, миновали священную рощу и ненадолго остановились у дверей дома весталок на ее окраине.

Метелл сказал:

— Вот ты и дома.

«Я дома», — мысленно произнесла Клавдия, и грудь ее наполнилась теплом.

А потом, переданная под крыло старшей весталки Эриции, она знакомилась с новыми подружками, с теми, кто сейчас был не на службе, знакомилась с новым домом, обслугой, порядком.

Сегодня она еще не окончательно оборванная пуповина родной семьи, а завтра, когда она пройдет все положенные ритуалы, постриг, облачится в жреческие одежды и принесет присягу, она станет священной девой, и на ее хрупкие плечи лягут тяжелые и ответственные задачи: быть хранительницей священного огня, заветных государственных

святынь, божественных тайн; ей придется долгие годы перед богами и квиритами отвечать за благоденствие и существование самого Рима.

Стригли Клавдию накануне Весталий, срезали волосы сакральным медным ножом, который знал, как утверждали некоторые, еще знаменитого царя Нуму.

Клавдия сидела на высоком кресле из слоновой кости, выпрямив спину. Она боялась лишний раз вздохнуть, пошевелиться.

Стригла ее сама Эриция, но присутствовали при этом и все остальные весталки, кроме той, что дежурила в этот день у очага. Одна держала новую, только недавно вытканную для этого случая, шерстяную тунику, в которую потом, после стрижки и омовения, облечется Клавдия, другая, чуть постарше Клавдии, обносила вокруг нее зажженную лампу с благовониями, третья, с большими, чуть навывкате глазами, читала нараспев гимны Весте.

Звуки в небольшом замкнутом помещении были приглушены слабым освещением и невысоким потолком, и голос чтицы от этого становился только бархатнее, сокровеннее.

Пламя от горящих светильников, мерцая, весело играло на стенах, ярко отражалось на лицах весталок и стоявших вдоль стен в ожидании приказов служанок.

Все было торжественно, таинственно и очаровательно.

Клавдия воспринимала все происходящее, как волшебство. С трудом верилось, что еще вчера она бродила по дому, скучала среди рабынь, общалась с матерью и старшим братом, а уже сегодня пребывает в сказочном мире, и сказка эта не выдумка сизобородых старцев, а самая настоящая реальность, хотя она и делает все, как во сне: безропотно дает себя накоротко остричь, обмыть, облечь в белоснежную тунику, повязать на голову узкую повязку; покорно произносит вслед за Эрицией обращение к Весте, просит принять ее в сонм хранительниц священного огня и верных служанок богини, послушно следует за девушками в священную рощу, где весталки с особой торжественностью закапывают ее срезанные пряди под так называемое «дерево волос», лотосовое дерево, такое же древнее, как и сам храм.

Клавдия почтительно склоняет голову перед Великим понтификом, который поначалу произносит сакральные формулы, а затем совершает на небольшом алтаре в священной роще положенные жертвоприношения.

Уже завтра она сама будет стоять среди своих сестер-весталок, жадно вникать в таинства служения богини, но сегодня она еще только

причащается, все пока для нее просто детская игра, забавное приключение...

Метелл восторгался еще, наверное, пуще Клавдии Квинты, — он все-таки успел провести обряд до наступления Весталий, потому что в Весталии, в июньский день традиционно пепел из священного очага торжественно выносили из храма и выбрасывали в воды Тибра, как было заведено издавна. Богиня была бы недовольна, если бы вместо положенных шести весталок, у очага собрались бы только пятеро. Да и вообще, можно ли было бы тогда проводить все определенные процедуры?

Обиженные боги, как обиженные дети, — с ними лучше находить общий язык. Боги обид не прощают. С ними потом трудно договариваться. Но в данном случае Метелла упрекнуть не в чем: он все сделал, как надо, он всегда был человеком ответственным, за это его и уважают. А как иначе, когда от тебя напрямую зависит судьба твоей страны, твоего народа! Всем бы правителям об этом помнить!

4

Крепость Эрикс, по мнению не одного Гамилькара, за последние годы войны была значимым приобретением. Стан на Герктах, как бы его Гамилькар ни укреплял, оставался станом, перевалочным пунктом, базой, но никак не фундаментальной, основательной крепостью, как Лилибей или Дрепаны. К тому же, заняв Эрикс, Гамилькар частично разорвал связь римского гарнизона на вершине Эрикса, который контролировал храм Астарты, с римским гарнизоном у его подножья (оставалась лишь одна крутая тропинка сверху). И ни для кого не секрет, что гавань Эрикса намного удобнее гавани их прежнего пребывания. К тому же отсюда было ближе к Дрепанам и отсюда можно было бы также продолжать рейды на Италию.

Несомненно, это был шаг вперед, и в Карфагене должны были оценить это и принять. Вдобавок римские консулы не могли не учитывать тот факт, что теперь Гамилькар в любое время способен нанести им удар с тыла в районе Лилибея и Дрепаны.

В Карфагене вновь заговорили о прежней активной поддержке государством армии Барки. Все-таки с его успехом они не могут не считаться.

Гамилькар читал сообщения из Карфагена и пребывал в хорошем настроении. К нему вошел Бомилькар.

— Пожаловали глашатаи от Фундания, примешь их?

Гамилькар побледнел.

— От Фундания? Того самого, который не выдал нам наших погибших товарищей для захоронения? — спросил, хотя прекрасно знал, Гамилькар. — Дай вспомню, что он тогда сказал нашим посланникам? Ага: «Если вы разумные люди, то нужно просить перемирия для ворот не мертвых, но живых». Каково! Ну, прямо ритор высокого пошиба! Философ, не иначе! Тот самый Фунданий Фундул?! — чуть не слюной брызнул Гамилькар.

— Самый тот.

— Чего ж теперь ему, псу, нужно? Еще пару-тройку софизмов с глашатаями передал? — бросил недовольно Гамилькар и тяжело опустился в кресло. Потом чуть поостыл. — Ладно, — сказал, — зови. И пусть пошлют за командирами подразделений, послушаем, что скажут нам на этот раз доблестные квириты.

Римских глашатаев впустили только после того, как у Гамилькара собрались все командиры подразделений. В армейской униформе, блестя начищенными нагрудниками, фалерами и бронзовыми, с конскими наверхиями, шлемами, глашатаи тем не менее держались, как напыщенные индюки. Как же иначе: карфагеняне теперь для них варвары, люди второго сорта, следующими после них стоят только рабы. А ведь когда-то заключали совместные договора, торговали, дружили, вместе очищали от пиратов моря, ополчились против Пирра...

— С чем, пожаловали, господа? — спросил, стараясь оставаться как можно более хладнокровным, Гамилькар.

Глава делегации, крепыш в начищенном до блеска панцире, словно очнулся:

— Велено передать, — сказал на ломаном ханаанейском и протянул адъютанту Гамилькара небольшой свиток.

Гамилькар кисло посмотрел в сторону.

— Мы вам дадим ответ.

Посол как и не слышал.

— Велено подождать.

— Оне еще настаивают, — усмехнулся, ища поддержки, в сторону друзей Гамилькар, потом сказал глашатаям: — Ладно, ждите.

Бой с Фундулом накануне выдался жарким, но римляне проиграли, немало их полегло на поле боя, теперь на территории, подконтрольной армии Барка.

— Богов подземного мира боятся даже напыщенные индюки, — сказал Гамилькар, прочитав и свернув свиток Фундания. — Они просят выдать им их погибших солдат для погребения. Какова ирония судьбы! Римская надменность встретила должное возмездие богов!

Гамилькар усмехнулся.

— Если бы это не было так печально... Бомилькар, зови обратно Фунданиевых посланников.

Гамилькар еще раз окинул их с головы до ног. Служивые бестии. И вышколенные, видно: лишней раз бровью не поведут, — выучка.

— Не буду произносить длинных речей, не приучен. Скажу только, что мы находимся в состоянии войны с живыми, поэтому не имеем никаких разногласий с мертвыми.

— То есть, мы можем забрать своих погибших? — переспросил, уточняя, глава римских глашатаев.

— Можете забрать, — сказал Гамилькар, — с мертвыми я не воюю. Так и передайте своему доблестному консулу!

Римские посланники покинули ставку Гамилькара в полном недоумении: в чем проявилось коварство варварского генерала? Какого теперь подвоха от него ожидать?

В благородство Барки они не могли поверить — ни в какой степени варвар не может быть благородным, благородство — свойство исключительно римской природы, испокон веку проявление римского величия. Не может варвар обладать чертой, присущей только истинному римлянину! Тут явно присутствует умысел...

Гамилькар, если бы услышал, громко бы рассмеялся им в лицо: они еще смеют рассуждать о благородстве, коварные псы войны, шакалы!

5

Мало-помалу, как-то незаметно, Итобаал прирос к интендантскому подразделению Гамилькара: несколько раз успешно отбивались от случайных римских отрядов по пути в Дрепаны или Лилибей, помогали в погрузке-разгрузке товаров, да и обычное общение никто не отменял, — все способствовало тому, что охранники сблизилась со снабженцами, и уже иногда Итобаалу самому со своим отделением поручали привезти зерно для солдат или фураж с побережья или, наоборот, увезти часть добычи для погрузки на корабль, который отплывал на материк.

Естественно и вопроса не возникло, кто будет сопровождать доставку очередной добычи в Карфаген из стана Гамилькара — конечно же, Итобаал со своим отрядом. Возглавит же всю экспедицию Бомилькар.

Гамилькар дал зятю массу поручений и писем, наказал, с кем встретиться, с кем переговорить. Ну и, само собой, навестит родню в Бизацене, пообщается с семьей, передаст весточку и от него.

Но все это было решено уже после совещания командиров. В ставке Гамилькара обсуждали новое распоряжение из столицы. Правительство требовало вернуть флот обратно в Карфаген. Они ссылались на то, что уже около года никаких столкновений на море не происходит и, якобы, по донесению надежных соглядатаев из Рима, у тех совсем не осталось кораблей.

— Странно все это, — недоуменно произнес Гамилькар, когда в первый раз прочитал распоряжение. Перечитав еще раз, уже вслух, для своих командиров, он сказал:

— Непонятно, на чье колесо наши господа патриоты льют воду. Отзыв флота оправдывают тем, что в самом Карфагене кораблей не осталось, побережье охранять нечем.

— Но если у римлян нет своих посудин, — от кого тогда охранять? — ухмыльнулся Нагид-нумидец.

— А почему свои не соберут? Из-за того только, что все деньги ушли на примирение недовольных на юге и западе? — бросил вдогонку Бомилькар.

— Странно все как-то, — повторил Гамилькар в растерянности.

Действительно, все было более чем странно: зачем нужно было именно сейчас, когда возобновились схватки на суше, оголять сицилийское побережье, а Гамилькарову армию лишать эффективных рейдов вдоль италийских берегов, рейдов, которые в немалой степени, надо признать, помогают им выжить? Зачем?

Все эти вопросы без промедления Бомилькар должен будет поднять на Совете в Бирсе. Им там сверху, может, виднее, чем нам здесь, в горнеле войны? Пусть тогда внятно объяснят всё, растолкуют. Или они думают, когда в том возникнет необходимость, они перебросят сюда эскадру в мгновение ока? Но даже при спокойном море, попутном ветре эскадра будет добираться до Эгад больше дня, а может, и дольше...

Дрепанам и Лилибею тоже оставляют по десятку кораблей для подвоза продовольствия и фуража, боевых, если останется пяток, — хорошо будет.

— Иногда так хочется самому запрыгнуть на летящий на всех парах в Карфаген корабль, и там, сходу, надавать нашим толстолобым правителям по заду, чтобы аж кожа их холеная расползлась! — закончил раздраженно Гамилькар. Но в конце концов сам отдал приказ готовить часть своих кораблей к отправлению на материк — как бы то ни было, он все еще оставался карфагенским генералом, и вся армия в конечном итоге подчинялась государству и его народу.

Гамилькар до последнего надеялся, что решение об отзыве большинства его военных кораблей все-таки было одобрено на народном собрании, — иначе весь Совет можно было счесть Советом предателей. Нам и так здесь нелегко, куда уж хуже!

Итобаал был рад, что снова возвращается в Карфаген, но не потому, что соскучился по дому, матери, покою, он снова не терял надежды теперь уже в Карфагене отыскать Виолу. Чем бес не шутит, а вдруг он там встретит ее, предложит руку и сердце, и они дальше пойдут одной дорогой, рука об руку, создадут свою семью, заведут детей...

Такие мысли посещали его в последнее время все чаще и чаще, Итобаал не гасил их в своем сердце, от них ему становилось тепло, покойно.

Связывая свое будущее с Виолой, он уже по-другому смотрел в него, — война ведь тоже не вечна, все когда-то кончается, кончится и это, договорятся как-то меж собой два сильных государства, договаривались же как-то раньше, сколько разных договоров было... Хотелось в это верить.

«Четыре года... Долгих четыре года, меня не было в городе, — спустя некоторое время думал Итобаал, разглядывая на горизонте зубчатые крепостные стены Карфагена. — Изменилось ли что-нибудь? Какая теперь моя дорогая старушка? Узнаю ли ее?»

От матери приходили иногда скупые письма, жива, мол, держусь. И он в ответ писал, что жив, здравствует, помнит о ней.

Частенько во снах он возвращался домой, бродил по улицам, с кем-нибудь разговаривал; казалось даже, ноздрями втягивал солоноватый воздух моря, иной, чем на побережье Сицилии, родной, впитанный с детства...

Когда высадились в карфагенском порту, договорились, что Итобаал после сдачи с интендантом привезенного груза на припортовый склад, сегодняшний день проведет дома, отдохнет после морского плавания, а в течение недели, пока Бомилькар навещает семью Гамилькара в Бизацене, будет заниматься поставками.

Тут же в порту Итобаал попрощался с товарищами и после всех дел, не мешкая, прошел городские ворота и, держась правым плечом крепостной стены, бодро зашагал в сторону дома.

Чтобы не привлекать внимания, он оставил на складе и свои доспехи, оделся в неброское платье, но соседи все равно его узнали, заросшего густой бородой, потускневшего, останавливали, расспрашивали о делах на Сицилии.

— Воюем, воюем, — слабо улыбался он, пытаясь не задерживаться, даже когда некоторые хватали его за руку или за плащ.

Но вот и его скромный домишко в окружении постаревших кипарисов, с кустом густого, еще не цветущего олеандра у выхода.

Мать, как и в тот раз, когда он вернулся из плена, открыв дверь, долго подслеповатыми глазами всматривалась в его лицо, не узнавала. Что за дородный муж возвышается над ней? Чего ему нужно?

Итобаал глупо улыбнулся, невнятно пробормотал «мама, мама»...

В конце концов старушка узнала сына, пылинкой упала ему на грудь, прослезилась и долго потом не выпускала из объятий. Он и через порог переступил с ней, чуть ли не перенес на руках.

— Все хорошо, все хорошо, мама, — бормотал, — не плачьте, что вы, я ведь живой.

И сам едва сдерживал слезы. Так и в детстве было: увидев, что мать плачет, сам начинал хныкать.

Не сдержался, прилетел старый друг Хавах, крепко сдавил его мускулистыми руками, не мог не удивиться, как Итобаал окреп, заматерел, не то что был четыре года назад: кожа да кости.

— Скажешь тоже, — смутился Итобаал. — Не забывай, что я тогда пришел из плена, а тут война, брат, расслабляться некогда.

Про «расслабляться» Хавах стал расспрашивать подробнее: как, что? Здесь толкуют одно, на самом деле, скорее всего, все иначе.

— Честно тебе скажу, дружище, последний год про вас вообще говорят мало, как будто на Сицилии наших войск совсем нет, как будто и не воюет там никто. Мы теперь победоносно покоряем запад и восток, Ганнон Великий теперь — наш первый полководец. Благодаря его трофеям, мы стали обустроить город, возводить новые храмы, цирки, дома. Прикинь, по склону Бирсы снесли все мастерские, застраивают подножье высотками. Люду каждый год в город прибывает несметно, как с юга, так и севера, селиться им негде, вот и забивают каждый пятачок постройками. Хибара нынче, на которую и не взглянешь, на вес золота, — прикинь!

Итобаал с удивлением посмотрел на друга.

— А мы там, на Сицилии, каждый день ломаем головы, где бы раздобыть денег на вооружение, фураж и оплату наемников. И каждый раз посланники Совета убеждают нас, что в казне нет ни шекеля.

— Ну, я в государственные дома не вхож, рассказываю тебе только о том, что все говорят и что сам вижу.

Итобаал только покачал головой. Неужели на самом деле на Сицилии их бросили на самовыживание? Не хотелось так думать.

— Да, — сказал он, вздохнув, — многое, смотрю, в городе поменялось. Сам то ты, где теперь?

— Да нас не разогнали. Разгонишь, как же! Ремесла, брат, никто не отменял, они теперь востребованнее других. Нас переселили ближе к побережью, в пределы старого тофета и красилена, теперь там располагается промышленный район и мастерские, а склоны Бирсы все будут в застройках, пойдешь в центр, сам все увидишь.

— Погоди, погоди, а кладбище, а священная роща?

— Священную рощу оставили, как и храмы, и могилы, которые примыкают к ней, но всё, что чуть дальше, сравняли с землей и тоже заложили фундаменты под будущие высотки. После всех положенных священнодействий разумеется.

Итобаал растерянно посмотрел на мать.

— Мама, а Нэшеб?

— Нэшеб осталась на прежнем месте, не переживай, — опередив старушку, встрял Хавах. — Она у тебя почти примыкает к стене храма. Сказали, эти могилы трогать тоже не будут, хвала Тиннит.

— Хвала Тиннит, — повторил Итобаал.

— Хочешь, можем хоть сейчас прогуляться, посмотреть. Я сегодня выходной, могу составить компанию. Удачно как совпало.

— Мама? — Итобаал вопросительно глянул на мать.

— Иди, иди, сынок, осмотришься, я пока схожу на рынок, начну стряпать, ты и вернешься.

— Ладно, пойдем, — Итобаал поднялся с лежака.

Они вышли.

— Какими ты судьбами? — продолжил расспрашивать друга Хавах. — Как там у вас дела? Расскажи подробнее. Не хотел теревить тебя при матери, — не расстраивать же старушку.

— Да вроде всё шло нормально, римлян сдерживали, напирать не давали, а тут пришло непонятно какое распоряжение и остатки нашего флота из Сицилии отозвали. Вот, пригнали мы его, как было велено, сюда, теперь попытаемся разобраться, выяснить все на месте, что за причуда, кто отдал такое бестолковое распоряжение; заодно пополнимся припасами. Это у вас тут и зерно под боком, и оружие куется ежедневно, а мы, что отвоевали, то и наше.

— Так я тебе о том же и талдычил: про вас все больше молчат, не хотят даже вспоминать, как будто нет больше римской угрозы и дальше Сицилии она не пойдет.

— Что, так уж и забыли?

— Пытаются забыть. Гасдрубал Красивый, помнишь, на выступления которого я как-то тебя водил? Теперь он не просто парень с подвешенным языком, он теперь — лидер оппозиции, первый оппонент Ганнона Великого и Бодмелькарта-тихого. С прошлого года в Совете, — народ делегировал его туда как сторонника твоего Барки. Ты бы видел, как бесилась старая аристократия, как он стал им поперек горла, напоминая о том, что наши люди гибнут на Сицилии и мы не вправе о них забывать. Простому люду он ужасно нравится, послушать его на площади теперь стекается не одна сотня народу. И он по-прежнему такой же хлесткий, острый на язык, беспощадный, когда вопрос касается войны на островах и помощи нашим на Сицилии, Сардинии или Корсике... Он первый бросил клич народу о частном пожертвовании армии Барки, хоть деньгами, хоть продуктами. Кажется, несколько рейсов с такой помощью уже ушло к вам на Сицилию.

Итобаал хорошо помнил эти груженные продуктами круглые суда, они им тогда очень помогли. Вот, оказывается, кто был побудителем всего этого...

Под кронами кедров в священной роще богини Ашеры все так же тихо. Фундаменты ближайших домов возводили шагах в ста от нее. С дувшим в сторону рощицы ветром доносились слабые голоса строителей, удары зубил по камню, перестукивание молотков, пиление. Два возведенных этажа щетинились недостроенными стенами.

Лучи яркого солнца прорывались сквозь листья и ветви смоковницы и все так же осеняли играющую на лире деву. Стела Нэшеб рядом с нею чуть покосилась.

«Надо сказать зрителям, чтобы подправили», — подумал Итобаал.

— Ну, я оставлю тебя? Надо заскочить к одному товарищу, он тут недалеко обосновался, в двух шагах от Бирсы. Может, вечером увидимся, посидим по старой памяти в харчевне?

— Ладно, — даже не вникая в смысл сказанного, ответил Итобаал. Даже хорошо, что Хавах оставляет его одного, — для разговора с Нэшеб никто ему не нужен.

Хавах ушел. Итобаал присел на ближайшую каменную скамью, снова посмотрел на стелу покойной жены.

«Я Нэшеб, супруга Итобаала, сына Шерапа, сына Догана...» — прочитал он еще раз знакомую до боли надпись, и как в первый раз, когда он увидел эту стелу, словно тысяча шипов терновника впились в его сердце. Но вместе с тем гадкой змеей выползла другая мысль: а не

пришел ли он сюда попрощаться с Нэшеб, попросить ее прощения за то, что он встретил другую и стал чаще думать о той? Чаще, чем о Нэшеб. Но разве он не может продолжать жить? Разве должен хоронить себя раньше времени? Он еще не так стар, и не так силен, чтобы противостоять жизни...

Когда боль немного утихла и Итобаал успокоился, он поднялся со скамьи и направился к выходу с кладбища. На самом деле Карфаген стал быстро застраиваться, всё подножье Бирсы заполнили новые высотные дома — когда только успели подняться! Видно, на самом деле, немало сил и средств брошено на жилые постройки. Народ за это членов Совета должен на руках носить. Клетушка — клетушкой, а сколько вселится в них, получит крышу над головой...

Итобаал шел мимо одной из строек, не без любопытства следя за действиями каменщиков и плотников, с удовольствием прислушиваясь к музыке пил и топоров, стуку молотков и долота, свисту рубанков. Мирные звуки, звуки простого труда, а не битвы, звуки радости, а не горя. Больше бы такой радости, солнца, отраженного от мирных стен домов, а не от кирас и лезвий окровавленных мечей.

— Эй, офице... — неожиданно донеслось до него со стороны стройки. — Офицер!

Итобаал обернулся. Шагах в пятидесяти косматый, темнокожий от зноя каменотес оторвался от камня и вопросительно уставился на него. Он ли его звал?

— Офицер! — снова крикнул косматый.

Что ему нужно? Итобаал остановился. Но увидел только, как надзиратели налетели на каменотеса и стали охаживать его плетями. Косматый в свою очередь не удержался, бросился на одного из них, с силой толкнул в грудь. Надзиратель упал, на помощь к нему подбежали еще двое, стали скручивать бунтаря.

Итобаал не знал, как поступить. Подойти и остановить свару? Но вправе ли он вмешиваться? Каменотес скорее всего был из рабов и, как видно, не особо покорных, бунтовщиков. Да и желание раба не стоило внимания, им лишь бы не работать.

Итобаал развернулся и пошел дальше, думая о том, что когда-то и он был таким же бесправным и так же частенько получал плетей. Хвала Баалу, те времена давно прошли и он теперь редко вспоминает о них.

Китиону с трудом, но заломили руки. Откуда только у этого высокого на солнце доходяги взялась такая сила? Он успел даже огреть кулаком одного из охранников. Ишь, чего вздумал! Его скрутили, связали, бросили в телегу, отвезли в темницу.

«Чего он завелся? Зачем пристал к прохожему?» — определенно Китион ответить не мог, заработал только несколько дней карцера.

Но он ясно помнил: это было, как вспышка молнии. Как будто кто-то толкнул его крикнуть. Чего там разглядишь издали? Вряд ли офицер был знакомый. Зачем тогда он закричал? Глупо. Хотя не глупее, чем торчать здесь который год, терпеть, — оправдывал свой поступок Китион. И сколько терпеть? Чего ждать? «Бежать, только бежать, — одно спасение», — внушал себе Китион. Тем более, он не в карьере, где и стражи побольше и работа не слаще. Бежать, хватит ждать подарков судьбы. Неужели ему только и остается, что сгнить в рабстве?

Но бежать Китиону так и не удалось: его и еще четырех смутьянов отправили обратно в каменоломни — нечего в городе бунт разводить, в каменоломнях их быстро приучат к порядку, там особо не расслабишься.

6

Казалось, на этот раз Шардану, привратнику имения семейства Барка в Бизацене, не суждено было первым встретить посланников Гамилькара — Ашерат из-за его спины незаметно выскочила за ворота. Вот проказница! Не сидится ей дома! Не видишь: нет еще никого! Тебя кто послал узнать? Как приедут, я отправлю сообщить Фрасимеда. Ты не видела, кстати, его? Заснул где-то, что ли? Иди, иди домой, нечего тебе на улице делать. Ишь, соскучилась. Сядешь у дверей? Садись. Только сколько сидеть придется?

Шардан присел рядом с ней на широкую каменную скамью у ворот. Ашерат примостилась рядом.

— Соскучилась, значит? Ждешь весточку от отца? — спросил, улыбаясь. — Я тоже соскучился. Как будто чего-то не хватает в доме.

Из калитки вышел Фрасимед, шестилетний сын кухарки. Видно было, что мать его только растолкала, он глаз еще не мог открыть, брел, как во сне.

— Фрасимед, бездельник! Мне за тобой еще посылать? А вдруг надо будет что сообщить, я что, оставлю ворота без присмотра? Раньше надо вставать, сколько раз тебе говорил? Вот пожалуюсь матушке, выпорет она тебя как следует. А если не она, то я, дождешься.

Фрасимед как и не слышал, устало прислонился к теплой стене и снова низко опустил голову, задремывая.

— Вот бестолковый.

Вышла Нааме.

— Я так и знала, что ты здесь, — обратилась она к Ашерат. — Тебя мама везде обыскалась, ей нужно помочь свернуть шерсть. Все заняты, тебя не найдешь.

Ашерат тяжело вздохнула, но поднялась с лавки, сказала:

— Как только увидишь дядю, пришьешь Фрасимеда, я хочу встретить его первой.

— Ладно, пришло, — пообещал Шардан.

— Идем. — Нааме увлекла за собой Ашерат.

Шардан снова уставился на дорогу, но чем сильнее он напрягал зрение, тем больше по старой привычке сон одолевал и его. Нельзя ему долго сидеть на солнце, ох, нельзя...

Бомилькар издали увидел Шардана и маленького Фрасимеда. Оба безмятежно дремали, упираясь спинами в стену, изредка только Фрасимед отмахивался от назойливых мух. Как все это было знакомо, как это все было по-семейному. Киликс, превратник Баркидов в Мегаре, старый хрыч, вечно был такой же сонной мухой. Видно, это общая черта всех привратников: засыпать на своем месте. Но с другой стороны, Бомилькару дремота привратника и мальчишки только на руку: не хотелось лишнего шума. Спят себе и спят. А то заметят невзначай, признают, поднимут гвалт, растревожат все семейство. Нет, лучше так: подойти спокойно, тронуть старика за плечо, улыбнуться, мол, Шардан, родной, как я рад снова тебя видеть. Ничего не меняется...

Но вдруг шальная мысль овладела им, он подстегнул своего коня и в два счета оказался рядом с Шарданом, не сбавив, впрочем, движения, проскакал чуть дальше, развернулся и с улыбкой во весь рот, довольный, стал смотреть, как медленно опадает завеса пыли перед привратником и Фрасимедом, который проснулся от топота чуть раньше.

— Да чтоб вас! — выругался Шардан, вскочил с лавки и сгоряча набросился на маленького Фрасимеда, который не растолкал его вовремя: — Ты чего вылупился? Беги, предупреди хозяйку, что гости подъехали.

Сам же немного откашлялся и с таким же недовольством набросился на Бомилькара:

— Э-э! Тебе бы все глупостями заниматься, хватит над бедным стариком измываться.

— Это ты, Шардан, старик? Да на тебе еще пахать и пахать, — продолжая улыбаться, подъехал к нему Бомилькар и соскочил с коня. — Ну, здравствуй, дружище, не обижайся, я же не со зла.

— Шутник ты, однако, управы на тебя нет, — пробурчал в ответ Шардан, но все равно горячо прижался к Бомилькару. — Когда уже совсем вернетесь? А то расстройства одни.

— Вернемся, вернемся, не сомневайся, отец, — похлопал его по спине Бомилькар. — Со своими суффетами только разберемся. Как сам? Как здоровье?

Но договорить им не дали. Из ворот выскочили Ашерат, Фрасимед, Нааме и Йааэль, за ними трусцой выбежали маленькие Ганнибал и Фелис, оба уцепились за ноги Бомилькара. Ашерат и Нааме совсем превратились во взрослых девчонок.

— Какие вы стали большие, — удивился Бомилькар. — Что значит, долго не виделись! — а потом полуобнял жену:

— Ну, здравствуй, дорогая. Если б ты знала, как я по тебе соскучился.

Сказать, что Бомилькар уже к вечеру почувствовал себя счастливым, — значило, ничего не сказать. В кругу семьи, во внимании близких, в их заботе о нем он ощутил больше, чем счастье; он словно пребывал на островах блаженных. Нежность, которую дарила ему жена, была для него больше, чем нежность. Но ведь он и раньше здесь жил, общался с родней каждый день до отправления на войну, тогда не было такого упоения, неужели война так обострила чувства всех, а разлука усилила радость встречи?

Бомилькар каждый день наслаждался повседневной суетой Башни, хватался за любую, даже черную, работу, старался помочь семье, хотя вокруг было полно слуг и рабов. Но после того, что он видел и испытал на войне, какой отрадой было копошиться в саду или в поле, вечерами слушать болтовню женщин или воспоминания Ахирама. Не могло не удивить и то, что, несмотря на удаленность от Карфагена, обитатели Башни не оставались без новостей, и сами могли ему поведать, какие цены нынче на продукты в Городе, какие показывали представления на праздник сбора винограда, кто ославился в Утике и какую змею — футов десять, не меньше — выловили недавно в Баграде местные рыбаки. Чуть покороче той, что в прошлом выловил римский военачальник, но тоже внушительную.

Да ладно, Карфаген! В Башне обсуждали и то, что Арат взял Коринф, а египтяне обожествили Птолемея и его жену Беренику, ту са-

мую, которая принесла в дар Афродите свои волосы, чтобы ее муж вернулся домой с Лаодикийской войны целым и невредимым.

Стоило только удивляться тому, что жизнь в Башне не замыкалась в своих стенах, она была открыта всему миру, и жителям Башни до всего было дело. И конечно же им было любопытно узнать о событиях на Сицилии из первых уст.

Бомилькар ничего от родных не скрывал: как им там нелегко, что их не понимает собственное правительство и вместо помощи кормит обещаниями, а то и вовсе отталчиваются, словно война на острове совсем не их дело, а дело одного Барки, его личная инициатива.

— Вот, вот, об этом же и в Карфагене говорят. Народ тоже возмущается, — горячо поддержала зятя Батбаал. — Иногда народ прямо-таки негодует, но нашим старейшинам хоть кол на голове чеши!

— Нет, ну отправляют иногда корабли с грузом. Кто это отрицает? — вклинилась Парфенида.

— Отправляют, — ухмыльнулся Ахиром. — Когда народ возмутится.

Бомилькар нарадоваться не мог такой живой атмосфере в Башне. Расскажи Гамилькару, тот сам рассмеется, хотя и не удивится: в его семье живой интерес к событиям, как в Карфагене, так и за его пределами — обычное дело. Даже мальчика, поди, спроси, где и с кем воюет Гамилькар, тот ответит: «На Сицилии, с римлянами».

Ганнибалу четыре, а он уже машет деревянным мечом, который ему выстругал Ахиром, и кричит во все горло:

— Впеёд, на химлян! — не выговаривая еще правильно «р».

Взяли как-то с собой малышку в прежний лагерь Гамилькара на окраине усадьбы. И захочешь, с трудом найдешь. Площадка заросла травой, старые деревянные тренажеры потемнели от солнца, потрескались от перемены погоды. Никто больше не топчет ристалище, не натягивает палатки, не скачет на лошадях взапуски. А ведь было же: шумела округа от звона мечей и свиста пращи, ржания лошадей и людского гомона.

Хотя нет: вон завизжали Фелис и Фрасимед, побежали по кругу, преследуемые Ганнибалом, который несся за ними с криком и деревянным мечом на вытянутой руке.

Ахиром с Бомилькаром рассмеялись. Ладно Фелис, ровесник Ганнибала, но Фрасимед — на два года старше, а тоже убегает от него, как от дикого кабана.

— Я иногда привожу их сюда, — говорит Ахиром, — и обучаю, как правильно держать меч, рубить, колоть, пусть привыкают с малолетст-

ва. Натянуть стрелу еще не хватает силенок, а вот метнуть пращу или камень...

— Это хорошо, — сказал Бомилькар. — Лишь бы себе лбы не расшибли, не покалечились.

— Ну, мальчишкам не до этого, вспомни себя в детстве: сколько раз и нос в кровь разбивали и руки-ноги ломали.

— Не без этого.

— А с лошади кто слетел? Сколько тебе тогда было? Пять? Семь?

— До сих пор не могу забыть. Около семи, — улыбнулся Бомилькар.

— И я помню.

7

Пришел черед пентеры Родосца. Из остийской гавани ее вытащили на берег, отбуксировали в док, под контролем толковых греческих кораблестроителей разобрали.

Спасибо пунийским корабельщикам, которые расписали каждое ребро, шпангоут, доску обшивки или палубы, — сами того не понимая, предоставили соперникам уникальную возможность выведать свои секреты, разгадать тайны, которые столетиями скрывались от чужеземцев.

Пунийские корабельщики держали все секреты в голове, римские, с помощью италиков, аккуратно расчленили судно, скрупулезно выверили размеры, углы, взвесили каждую деталь, потом тщательно перенесли всё на пергамент. Теперь даже мало-мальски знакомый с кораблестроительством механик сможет легко собрать сложную конструкцию с уверенностью, что она с первым же спуском на воду не пойдет ко дну, поплывет. Только отныне на всякой деревянной детали будут выжигаться латинские буквы, бронзовые тараны станут не такими безликими, как у пунов, а с затейливой резьбой, с изображением римских богов, с надписями на латинском, и знаком качества выполненных работ станет римский орел, который распахнет свои крылья на форштевне или мачте.

К тому же вновь построенные корабли оказались гораздо легче тех судов, что римляне использовали до этого.

Цензоры Авл Атилий Калатин и Авл Манлий Торкват лично принимали у благотворителей деньги на постройку флота.

Некоторые толстосумы вскладчину или поодиночке самостоятельно заказывали корабельщикам квинкверемы, и когда те была полностью готовы, передавали их государству.

Ставку, как и предполагалось, теперь сделали в основном на флот, поэтому новоизбранные консулы следующего года Авл Постумий и Гай Лутаций все свои силы отдали на его формирование.

День через день то один консул, то другой пропадали в Остии, где строились суда, следили за поставками материалов, организовывали обучение матросов, набранных как из простых граждан, так и из вольноотпущенников или жителей союзных городов, рассылали гонцов в соседние портовые города, ведь не только на плечи Остии лег срочный заказ, римские консулы подключили к работе также верфи союзников: Неаполь, Локры, Пирги, даже далекий, казалось, Тарент, — все порты, где еще оставались мастера-корабельщики и склады. Надо было успеть построить флот, пока не закончился сезон плавания, — до ноября, чтобы благополучно добраться до Сицилии и не потерять в волнах ни одного корабля.

Сурово Средиземное море, суров и хозяин его, властитель всех морских богов и колебатель земли Нептун; не любит, когда самонадеянные человеки бросают ему вызов. Но здесь уже и забота мудрых жрецов: задобрить сурового бога, ублажить его всяческими дарами и молитвами.

У праздной толпы в Остии теперь появилось новое развлечение: они спускались в свою гавань, бродили вдоль берега, наблюдали, как будущие матросы на берегу, сидя на специально сооруженных для них скамьях, точных копиях корабельных банок трирем или пентер, учились орудовать веслами, вырабатывали синхронность, слаженность действий, привыкали к указаниям келевстов, звукам флейтиста, набирались сноровки.

То и дело звучали распоряжения келевста: «вперед — назад», «вперед — назад», — когда еще учились без весел, чтобы привыкали руки и плечи, ноги и спина. Потом, уже с веслами, но еще на берегу, доводили до автоматизма команды для разворота: «левый борт — поднять весла, правый — налегай!» или «правый борт — навались, левый — послабь!»

Спустили на воду первую пентеру, — вышколенная группа свежиспеченных матросов погрузилась на ее борт, пошла нарезать круги по гавани. И те же команды с веслами: «вперед — назад», «вперед — назад», теперь уже ощущая сопротивление воды, упорство стихии. Покружили день, другой, третий, вышли из гавани, продрейфовали вдоль побережья до Анций или Кум, обогнули Питекуссы, вернулись обратно. А то взяли в Остии свежий экипаж, дошли до Неаполя, на верфях которого также собирались пентеры, укомплектовали новый готовый ко-

рабль и снова домой в Остию. Когда шли под парусом, но чаще работали веслами — перед боем парус сворачивался первым, потом демонтировалась мачта, убиралась рея... И этому быстрому приему приходилось учиться заново — от подобной сноровки перед боем тоже зависело многое. Вовремя заметив неприятеля, можно было опередить его: первым разобрать рангоут, перестроиться или окружить, первым напасть...

Дело ладилось, корабли росли на глазах, у матросов появился осмысленный взгляд, келевст грамотно стал отдавать команды, флейтист умело, если было нужно, заменял его. Матросы научились грести одним рядом, двумя, разворачивать судно, ускорять для таранного удара.

Легионерам тоже некогда было расслабляться: они оттачивали собственные навыки, которые позволяли морскую битву превратить в сухопутную: ловко по двое пробежать по «ворону», стремительно ворваться в гущу неприятеля и пока за тобой не переместятся остальные товарищи, стойко отражать вражеский натиск. Неловкий шаг — и ты за бортом, малейшее сомнение — и ты обречен, в этой битве на палубе вражеского корабля подмоги тебе не будет, на море триарии спину не защитят. Да и десантников на борту будет от силы человек тридцать, надеяться придется только на себя и свои собственные силы и сноровку.

К концу весны римский флот был полностью готов и укомплектован всем необходимым. Консулы предвкушали сладость предстоящих битв, но неожиданно Великий понтифик запретил Авлу Постумию покидать пределы Рима, так как тот являлся фламином Марса и по должности должен был исполнять все положенные жреческие обязанности: неогже жрецу бога войны оставлять его святыни.

Авл Постумий был возмущен: он не один фламиний Марса в городе, к тому же бурлила и его патрицианская кровь — что себе эти плебеи позволяют!

Его предок Авл Постумий, в бытность свою консулом, у Регильского озера сражался против Тарквиния плечом к плечу с самими братьями Диоскурами и победил его — это всякому известно. Поэтому он теперь, Авл Постумий, должен возглавить римскую армию и флот, а не какой-то безвестный Лутаций Катул!

Так и подмывало Постумия бросить в толпу сидящих на задних скамьях сенаторов гневное «плебей!» Никому до этого неизвестный плебей Катул!

Так и хотелось выкликнуть: «Отцы-патриции, да что же с нами стало? Мы что должны теперь каждый раз идти у черни на поводу? Как

война, так плебеи — знай свое: толпой на Авентин, по щелям, по нормам! Или палки в колеса, или себе впрок!» Но он сдержался, сказал только:

— Отцы-сенаторы, я, консул Авл Постумий Альбин, призываю вас в защиту. Каким бы ни было ваше решение, я подчинюсь ему полностью, подчинюсь вашей воле, как выражению воли всех квиритов.

Авл Постумий опустил в свое курульное кресло. По верхним рядам сенаторских скамей пронесся легкий шум. Владельцы курульных кресел, зашуршали тогами, также зашептались, поначалу с теми, кто сидел слева от них, потом с сидящими одесную. Могли бы перенести предложенное обсуждение на следующий день, но время не ждало, народ требовал, наконец, решения вопроса исхода войны. Сколько еще маяться квиритам? С каждым годом лишения их только увеличиваются. Где громкие победы и триумфальные шествия с богатствами, что пополняют казну и укрепляют Рим? Давно забыли и о земельных раздачах! Скажите, отцы-сенаторы, давно ли они были?

Метелл, однако, на поводу у амбициозного патриция не пошел, — не впервой ему бодаться с заносчивыми аристократами, все-таки за свои неполные пятьдесят он дважды был консулом, командовал и в должности проконсула и в должности начальника конницы. Он знает патрициев как облупленных и ясно видит, в отличие от своего родового имени, куда клонит гонористый Постумий. Но на это раз свои амбиции консулу придется умерить. Есть ценности поважнее амбициозных устремлений любого квирита. На этих незыблемых ценностях прежде всего и держится Рим и римская община.

Метелл выдержал паузу, неторопливо обвел глазами ближайших к нему сенаторов, скользнул взглядом по верхним рядам.

— Кому как не вам, первым из первых, это должно быть понятно и без слов. Это даже не знание, а чувство, которое живет внутри каждого из нас, внутри каждого истинного римлянина!

Метелл еще раз напомнил сенаторам о значимости данного вопроса, на пальцах разложил существенность священнодействий.

Фламин просто не может пренебречь своими непосредственными обязанностями, жреца как посредника между людьми и богами заменить никто не может, от его правильных действий и точности исполнения жертвоприношений прежде всего зависит милость богов. Кому еще подобное не очевидно?

Метелл мог всего несколькими аргументами склонить сенат на свою сторону, но ему даже не пришлось этого делать: важность проведения ритуалов была несомненна, тем более впереди было несколько марсо-

вых праздников и подношений — Авлу просто необходимо присутствовать на них в Риме и проводить все положенные ритуалы. Никто из богов не потерпит к себе пренебрежения, тем более воинственный Марс. А мы сегодня после стольких лет тяжелой войны уповаем на него, как ни на кого другого.

Метелл закончил, но вернуться в курульное кресло не спешил. Решение было однозначным.

Возмущенному консулу ничего более не оставалось, как смириться с заключением сената: Авлу Постумию Альбину, фламину Марса, оставаться при его святынях в Городе, Гаю Лутацию Катулу возглавить поход римской армии и флота на Сицилию...

Но! Так уж сложилось — и традиции нарушать не в обычае римлян — командовать армиями все равно надо двум полководцам. И раз так совпало, что один консул остается в Риме, второму консулу надо придать товарища, не менее достойного, чем Авл Постумий. И есть предложение: раз Рим расширил свое влияние и за пределы италийского полуострова, образовать еще одну претору, которая бы занималась делами иноземными. Этот претор и мог бы заменить Авла Постумия на его посту за пределами Рима.

Мысль всем понравилась. Тут же родилась и кандидатура будущего претора провинций, не так чтобы ярко проявившего себя ранее, но из известного и почитаемого рода — Квинта Валерия Фальтона. Как вам, сенаторы?

— Пусть будет, — быстро прошелестело по рядам.

— Кандидатура приемлемая, — закивали как плебеи, так и патриции. Народ их решение наверняка поддержит. Валериям стыдиться нечего.

Когда все вынесенные вопросы были окончательно утверждены, тем же летом 512 года от основания Рима римский флот из двухсот судов с шестьюдесятью тысячами матросами на борту вышел в открытое море. Ветры благоприятствовали ему. Нептун не противился.

8

На всех парусах летели к берегам Сицилии римские корабли. На подходе к Эриксу разделились: Фальтон устремился к Лилибею, Лутаций с остальными квинкверемами, распугав несколько оставшихся карфагенских триер, сходу влетел в гавань Дрепаны и приказал остановиться против городских стен.

Чтобы доказать серьезность своих намерений, на всех кораблях на глазах у карфагенян были демонстративно свернуты паруса и демонтированы мачты.

Жители городов оказались окружены теперь как с суши, так и с моря. С десятков кораблей стали барражировать вдоль западного берега Сицилии, перекрыв подвоз продовольствия и Барке — неслышанная наглость. Свежими силами пополнились и римские сухопутные легионы, которые окружали Лилибей и Дрепаны, осаждали Эрикс. И если еще какой посудине удавалось вырваться из их гаваней, то войти в них обратно, даже если кто и захотел бы, никак не смог.

В стенах Лилибея и Дрепаны приуныли, хотя продовольствия, что у одних, что у других хватит еще на полгода, но что случится за эти полгода, можно было только догадываться. Опять же: кто сообщит об этом непредвиденном инциденте в Карфаген?

О прибытии римских кораблей было доложено Барке. Гамилькар поспешил подняться на крепостную стену, где уже десятки солдат не отрывались от горизонта. Гамилькар тут же разогнал их по своим палаткам (кроме караульных) — нечего зря болтаться на стене!

Утро было как никогда солнечное, Дрепаны лежали перед ними как на ладони. Туман, что обычно покрывал склоны скалы, рассеялся, и римские суда открылись защитникам Эрикса во всей своей угрожающей сущности.

Словно утиные выводки заполняют затоку, так римские посудины заполнили побережье. И как чрезвычайно подвижная вереница маленьких утят засновали туда и обратно вдоль берегов.

Гамилькар слова не смог произнести. Откуда? Как? Прибытие римского флота для всех карфагенян стало полной неожиданностью. Не хотелось верить, что их предали. Немного отвлеклись, отвернулись, забылись в погоне за другим будущим, — но только не предали!

Гамилькар собрал своих командиров в ставке. Они тоже были ошеломлены. Еще ранней весной о флоте римлян не было ни слуху ни духу, ничего о постройках судов римлянами не сообщали и соглядатаи, хотя разве можно утаить шило в мешке? Но и из Карфагена Барку уверяли: с моря римлян ждать нечего. Что же оказывается на самом деле? Прямо перед ними — римские пентеры! И не один десяток!

Как долго они здесь простоят? Уйдут дальше или будут блокировать их крепости всю зиму до следующего благоприятного для плаванья сезона?

Судя по голым палубам, осадной техники на судах нет, штурмовать города со стороны бухт римляне не собираются, но долго ли устано-

вить на них баллисты и онагры, долго ли снабдить их штурмовыми лестницами, прихватить на борт чуть больше солдат?

Как чувствовал Гамилькар, что отзыв карфагенского флота выйдет им боком. Но даже и тех кораблей, что были, вряд ли хватило, чтобы полноценно противостоять подобной римской эскадре.

Сколько пришло кораблей: сотня, полторы, две? Чуть ли не втрое больше того, что отозвали в Карфаген. Даже они не осмелились бы встретиться с врагом лицом к лицу.

Гамилькар еще раз обвел угрюмым взглядом своих товарищей.

— Что думаете, друзья?

Что могут они думать? Что может сделать жалкая горстка защитников крепостей, брошенная на произвол судьбы? Срочно отправить донесение в Карфаген? Само собой разумеется. Собраться с духом и уповать только на себя и помощь богов? Что еще остается? Отчаянней не было положения.

Что-то нужно было делать. Может, хоть оттянуть на себя сухопутную армию римлян? Отвлечь их внимание от Лилибея и Дрепан? Такой же последний жест отчаяния.

И все же Гамилькар отдал приказ наступать на римский лагерь у подножья Эрикса, хоть как-то потеребить врагов, показать, что они не намерены сдаваться. Но завязавшийся бой больше походил на упражнение солдат с деревянным столбом, на тренировку: рубит солдат мечом деревяшку, а ей хоть бы хны! Казалось, у карфагенян совсем не осталось сил воевать. А римляне и не думали атаковать: забросали тех, кто наиболее вырвался, дротиками, обстреляли стрелами, — на том и успокоились, за ворота лагеря даже носа не высунули. Напрасно Гамилькарова фаланга простояла у его укрепленного палисада в ожидании, что враг выйдет из укрытия и развернется против него всем фронтом. Но он не вышел, а брать лагерь штурмом у Гамилькара не было ни намерения, ни сил.

Гамилькар приказал трубить отход и всем вернуться обратно в Эрикс. Он не понимал, что происходит, почему боги оставили их.

А следующим утром — Автарит, ты где, мой друг? — ему доложили, что небольшой отряд галлов (в ту ночь и в карауле стояли галлы) под покровом ночи покинул крепость и переметнулся к римлянам.

Автарит, Автарит, родной, ты мне что сказал? Ты отеческими богами клялся, что твои люди тебе верны, как родной матери. Но бежал от тебя кто?

Против подобных дезертиров снова пришлось применять старый проверенный в других местах прием: распространить слух, что дезер-

тиры эти вовсе не дезертиры, а намеренно сколоченное подразделение, чтобы обманом проникнуть в стан врага. Коварные пуны!

На первых порах римляне слухам верили, перебежчиков-галлов встречали пилумами и стрелами, но слишком много их стало перебегать, слишком часто...

Гамилькар не был уверен, что кинь римляне кличь, и все галлы не попрут к ним с распростертыми объятьями, — уж так непостоянна была их порода, так непредсказуема. Гамилькар уже не верил пройдошливому племени.

Гискон, новый комендант гарнизона в Лилибее, с ужасом наблюдал, как на римские пентеры устанавливают штурмовые орудия, жестко закрепляют на палубах. Где только взять силы и средства, чтобы закрыть стены, которые выходят и на гавань — римские легионы с этой стороны никто ведь не отзывал.

Не легче было и Дрепанам, там Лутаций, не затягивая время, приказал долбить прибрежные городские башни, разбивать их также с помощью катапульт, которые установили на кораблях, только и жди, что начнут прорываться к портовым воротам — кто помешает им высадиться на берег?

Ни матросам своим, ни легионерам расслабляться в свободное время — если оно есть на войне свободное время — Лутаций не позволял. Если не было стычек, заставлял корабли ходить вдоль берегов. Как для дополнительной тренировки гребцов и матросов, так и для устрашения противника. Лучшего нет доказательства твердых намерений, чем наглядная демонстрация своей силы! Не удался штурм в одном месте, попытались взобраться на стену в другом; нет боя, лучники обстреливали дозорных. Не давать покоя осажденным ни днем, ни ночью — такая задача была поставлена Лутацием своим легионерам, и они с ней успешно справлялись.

Сколько будет длиться осада: месяц, два, три? На сколько хватит духа и продовольствия у защитников? На сколько упорства у осаждающих? Предпримет ли что-нибудь Карфаген, чтобы спасти свои армии на Сицилии? Барке хотелось верить, что родина не оставит их, пришлет подкрепление. Очень хотелось верить.

9

Но только через полгода, когда кончилась зима и море стало открытым для безопасного плавания, карфагеняне направили на Сицилию флот.

Собрали около четырехсот судов, но, к сожалению, не все были военными, часть из них — суда транспортные, грузовые, на которые погрузили хлеб и фураж, — за полгода гарнизоны всех карфагенских крепостей на Сицилии заметно истощали.

Прибавилось забот и посланникам Барки: они быстрее соорудили несколько посудин и подготовили для отправки свои продукты, но с парой-тройкой триер отправляться одним на Сицилию стало рискованно: все карфагенские гавани на острове контролировались теперь римским флотом; нечего было и думать прорываться сквозь их заслон к берегу, только погибнуть напрасно, не доставив осажденным ни фунта груза.

Пришлось Бомилькару с Итобаалом ждать, пока окончательно не сформируют карфагенскую эскадру, чтобы влиться в ее состав и курсировать вместе.

Бомилькару это ожидание оказалось сложнее других: он, вроде, был в армии и одновременно дома. Но дома жена, полугодовалый сын, от которого с каждым днем все труднее и труднее было оторваться. А ведь сбор могли объявить в любое время...

Сына они с Йааэль назвали Ганноном. Ганнон бен Бомилькар. И спорить не надо, по чьим стопам он пойдет, когда вырастет: конечно же, он станет воином, как и его отец! Да и Йааэль пока не видит его на другом поприще, — что значит быть дочерью полководца.

И все же Бомилькар, подготовив свои корабли для Гамилькара, не стал сиднем сидеть, помогал Ганнону бен Гану, чем мог. Своим усердием, знакомствами, связями, потому что различных проблем оказалось немало. Что за времена настали? На новый флот едва набрали наемников!

Гордый, который собаку на этом съел, а в свое время привлек Ксантиппа, сетовал на нежелание многих бывалых вояк снова воевать за Карфаген: почти на всех прежних фронтах римляне потеснили карфагенян. Что там у них на Сицилии и вокруг нее осталось? Поговаривают, что даже жалованье сицилийским солдатам удачи (понятно почему) карфагеняне стали задерживать.

Власти обратились к гражданам — добровольцев никто не отменял. Сложнее оказалось в срочном порядке укомплектовать экипажи кораблей. Ни опытных матросов, ни обученных гребцов для такого количества подготовленных к отправке кораблей не было и близко. На весла посадили государственных рабов (сняли со строительства жилья, храмов, с полей), — чтобы выкупить рабов у частных, денег в казне тоже не оказалось.

Новым командам приходилось совершенствоваться в гребле и слаженности действий наспех в небольших бухтах и гаванях поблизости от Карфагена.

Член Главного Совета Бодмелькарт-тихий злорадствовал: «Казна истощена! Известно, по чьей вине!» — намекая, что во многом по недальновидности Барки: уцепился за жалкий клочок горы и — ни тпру ни ну! Вот кого первого следует притянуть к суду! Вот кто прежде всех должен ответить за все потери на Сицилии за последние годы!

Гасдрубал Красивый попытался было возразить Бодмелькарту, мол, окутано тайной, сколько денег из казны за последние три года ушло на постройку высоток по склонам Бирсы (финансового отчета еще никто не видел!), — а ведь известно, что строительство — дело, разорительное даже для богачей! Могли бы больше снабжать сицилийцев, — что же те варятся в собственном соку?! Но его речь гудом забили сторонники Бодмелькарта.

Ганнон Великий, избранный в этом году одним из суфкетов, жестом прервал недовольство коллег. Но прервал не потому, что хотел заступиться за Гасдрубала (Гасдрубалу он тоже не дал слова вымолвить), а чтобы вернуться к главной причине сегодняшнего собрания. Следовало решить, кого назначить командовать сформированным флотом и какую задачу прежде всего ему надо поставить.

Чего хотят римляне? Взять наши крепости? Разгромить Барку? Или подготовиться к рейду на Карфаген, как уже неоднократно это делали? Готовы ли мы сегодня встретить римлян на нашей собственной земле во всеоружии?

Зал снова зашумел. Ганнон Великий поднятой рукой еще раз утихомирил Совет.

— Уверен, никто из нас не желает видеть римских захватчиков у стен нашего города, а поэтому, думаю, следует назначить на этот ответственный пост опытного адмирала. Я предлагаю Ганнона бен Гана, хорошо известного своими заслугами: в своё время именно он пленил под Липарами Сципиона Азину и достойно сражался под Акрагантом и при Экноме.

— И в обоих последних случаях потерпел сокрушительные поражения, — не удержался и выкрикнул со своего места Гасдрубал Красивый. — Возражаю! Был бы он так хорош как адмирал, Регул не высадился бы на нашем побережье!

Ганнон Великий недовольно зыркнул на выскочку:

— Вы можете предложить другую кандидатуру, молодой человек? Всем известно, что наши опытные флотоводцы, включая так обожаемо-

го вами Барку, находятся на Сицилии. Ганнону бен Гану, если его избе-рут (а я нисколько не сомневаюсь в этом) будет поручено только доста-вить груз и корабли в целости и сохранности к берегами Сицилии, а там уже передать их в руки тех, кто обладает реальным знанием обста-новки и возможностей наших тамошних войск. Вряд ли кто из нас, включая и вас, молодой человек, — Ганнон повторно заострил внима-ние слушающих на слове «молодой», — достаточно точно разбирается в сложившемся на Сицилии положении.

Гасдрубал Красивый вынужден был согласиться с ним.

— Выношу кандидатуру Ганнона бен Гана на общее голосование! — не стал больше препираться с Гасдрубалом Ганнон Великий.

Члены Совета стали тянуть руки. И без подсчета было видно, что за старого адмирала большинство.

— Так тому и быть, — завершил Ганнон Великий.

В месяц Нуг, год правления суффетов Ганнона Великого и Адони-баала, сына Сафона, карфагенская эскадра во главе адмирала Ганнона бен Гана отчалила от берегов Ливии навстречу своей судьбе.

10

Когда посыльный вышел из командирской палатки, Лутаций на ра-достях выпил целую чашу неразбавленного вина: из Рима пришло уве-домление, что ему и Фальтону продлевают полномочия на Сицилии. Ему — в качестве проконсула, Фальтону — пропретора. Значит, до при-бытия новых консулов они еще смогут основательно потрепать пуний-ских шакалов.

Если быть откровенным, за предыдущий год, как бы он ни хотел, ничего серьезного сделать не смог, переломить сложившуюся ситуацию не получилось. Да, он блокировал подвоз припасов в осажденные Ли-либей и Дрепаны (что уже немало), перекрыл кислород даже хвалено-му Барке, но крепости не взял, Барку из Эрикса не выбил. Теперь с этим решением сената: боги дали ему еще один шанс?

По-прежнему заставляя матросов регулярно упражняться, Лутаций не давал спуску и пехотинцам. Со стороны суши еще выше поднял вал, почти сравнял его с уровнем крепостной стены Дрепан, добавил к уста-новленным на валу катапультам стрелометы, а со стороны бухты подог-нал вплотную к одной из прибрежных башен небольшие двускатные «черепахи» с бронзовыми таранами внутри. Ими солдаты начали мето-дично разбивать башню.

С кораблей и с берега, чтобы обороняющиеся не смогли разрушить или уничтожить «черепахи», защитников башни постоянно обстрелива-

ли лучники. Контролировали и выходящие в гавань ворота — из крепости могли неожиданно выскочить через них и напасть на солдат в «черепахах», а то и поджечь их факелами.

Каменные стены Дрепан крушились без особого труда, легче, чем кирпичные, потому что в кирпичных стенах конец бревна увязал и уплотнял глину, а не раскалывал кладку.

В некоторых местах в расщелины стены римляне закладывали хворост или поленья, поджигали, тогда колол камни огонь.

В свою очередь, несколько стрелометов на стены установили обороняющиеся, но римским кораблям, которые стояли на якорях, их стрельы ущерба не наносили.

Лутаций в четыре смены, от рассвета до заката, заставил своих лучников и пращников, сменяя друг друга, отгонять пунов от стен, не давать им ни минуты покоя.

Вскоре часть стены, соединенная с башней, обрушилась, но образованная щель оказалась больно мала, чтобы просунуться в нее даже одному солдату.

Пунийцы бросились тут же заделывать ее, но Лутаций приказал обстрелять каменщиков, а «черепаху» передвинуть левее и продолжить разбивать стену.

К сожалению римлян, с заходом солнца работы пришлось прекратить, а тараны отогнать. Но пунийским ремесленникам спать не довелось: всю ночь, подсвечивая себе место светильниками, они заделывали брешь, удивляя осаждающих римлян. И так было не один раз.

Карталон, комендант Дрепан, понимая, что противник не успокоится, стал возводить вторую стену за первой. Чем больше препятствий, тем надежнее. Сдаваться защитники Дрепан не собирались.

Когда рухнула угловая башня, Лутаций скомандовал к штурму и в первых рядах бросился на ее обломки.

Подтянули лестницы, зачастили лучники, солдаты по камням стали взбираться наверх.

Но и на стенах не спали: металы копья, рубили и сбрасывали, где было возможно, лестницы нападающих, грудью прикрывали обрушенный проход, как спартанцы у Фермопил.

В расселине завязалась жестокая схватка, но и сквозь нее было видно, что свежая возведенная стена станет не меньшим препятствием.

— Вперед, вперед, вперед! — подбадривал своих солдат Лутаций и уже готов был вырвать знамя легиона у знаменосца и швырнуть его через головы врагов в расселину, чтобы римские солдаты, оправдывая

свою честь, ринулись его спасать, как из века в век делали римские полководцы, чтобы переломить ход боя. Но только он подскочил к своему знаменосцу, как острая боль пронзила его бедро — пунийский наемник метнул в него дротик, и Лутаций, не заметив его, не смог прикрыться.

— Консул ранен! Консул ранен! — тут же закричал знаменосец, и самые ближайшие к ним легионеры бросились к Катулу, подхватили его на руки и, прикрывая щитами сверху и с боков, спешно унесли обратно в лагерь.

Сломленные таким известием, легионеры начали отступать, благо вслед за этим один из трибунов приказал трубить отступление. Атака захлебнулась. Защитники Дрепан торжествовали.

Раненого Лутация, который поначалу потерял сознание, унесли в консульскую палатку. Врачу удалось извлечь железный наконечник (древко дротика сломали еще когда консула поднимали). Рана оказалась серьезной, но не смертельной.

11

Лутацию делали очередные примочки, когда в его палатку ворвался без доклада Валерий Фальтон. Претор, взъерошенный, в полном боевом облачении, формально поприветствовав консула, сходу сообщил, что дозорные доложили о прибытии пунийского флота на Гиеру. Наблюдатели насчитали судов триста, не меньше, может, даже больше, как военных, длинных, так и грузовых. Куда направятся дальше, — непонятно, но то, что они до краев набиты грузом (на что указывает низкая осадка), говорит, прежде всего, что пуны решили все-таки помочь своим осажденным на Сицилии, доставить им хоть какие-то припасы.

Фальтон был уверен, что пунийский адмирал все же не решится сразу направиться к окруженным Лилибею и Дрепанам, а поначалу, вероятно, попытается связаться с Баркой, ведь Эрикс не так плотно заблокирован. К тому же у Барки гораздо опытнее, провереннее вояки, готовые в любую минуту ринуться в бой. Адмирал скорее всего попробует взять к себе на борт этих прожженных Гамилькаровых псов.

Лутаций был согласен с претором, но отдавать бразды правления в его руки совсем не желал, — ну что же, напрасно он, что ли, находится здесь, и вся предстоящая слава победы над варварами — а он в этом нисколько не сомневался — достанется какому-то претору, пусть и знаменитого патрицианского рода? Он, Лутаций, не менее, а может даже, и более амбициозен, хоть и плебей! Боги любят дерзновенных! К тому же в Риме наверняка сенат уже рассматривает новые кандидатуры кон-

сулов, и вопрос только времени, когда его (впрочем, как и Фальтона) освободят от нынешних обязанностей. Тем более, в Риме остался Авл Постумий, второй консул, который может беспрепятственно, по закону, провести следующие выборы.

Лутаций рукой отстранил от себя лекаря и попытался было подняться на ноги, но только повернулся на бок, жуткая боль пронзила его раненое бедро и спину. Сжав губы, чтобы не крикнуть, он опустился обратно на лежак, потом, преодолевая боль, сказал:

— Готовьте носилки, я плыву вместе с вами.

— Но... Вам ведь нельзя, не желательно, — попытался облагородить его лекарь. — Может быть только хуже!

— Мне решать, что для меня хуже, а что нет, — раздраженно бросил Лутаций.

— Послушай, Лутаций, мне кажется, тебе следует все-таки прислушаться к мнению врача. Рана у тебя серьезная. С такой раной, не думаю, что тебе будет комфортно находиться на борту корабля, — как можно мягче попытался выразиться Фальтон.

— Какой, к бесу, кофморт! Я что, по-твоему, об удобствах только мечтаю? Мечтал бы об удобствах, не рвался быть консулом и отправляться на войну!

Лутаций попытался подняться, но боль снова резанула бедро. Лутаций сцепил зубы, потом, переведя дух, сказал:

— Вели подать носилки и грузы меня на шлюпку в первую очередь. На Эгусе разберемся. Но я должен быть рядом с вами, пусть и не участвуя в бою. И кроме того, — чуть отдышался Лутаций, — пошли гонцов также в Лилибей и к Эрицинской бухте, пусть свои корабли тоже отправят к нам, — любая триера сейчас не будет лишней.

— Как скажешь, Лутаций.

Фальтон вышел. Лутаций раздраженно бросил врачу:

— Ступай и ты, мне уже легче, позову, когда понадобится.

Лекарь тоже без возражений покинул консульскую палатку.

Лутаций заскрежетал зубами. Этот выскочка Фальтон... Бесили его вечная патрицианская заносчивость, до ослепления начищенный шлем и кираса, неизменно выглаженная туника и дорожный плащ, накинутый на плечи. У Лутация даже тога комкалась в складках... Но речь не о том: чем он так обидел богов, что они готовы забрать у него даже стремление к славе, даже потенциальную победу, отдать их в руки других?

— Юпитер всемогущий! Воинственный Марс! Чем я так вас прогневал? Скажите, я исправлю ошибку! — взмолился Лутаций к всевышним,

но боги молчали. А боль в бедре не проходила, только теперь была не острая, а ноющая, которая будто скручивала мышцы ног. Закончится ли она когда?

Фальтон, выйдя из консульской палатки, сам успокоился с трудом, хотя и не подал вида: заносчивый плебей, наделенный верховными полномочиями, своей самонадеянностью может довести армию только до разгрома; Лутаций не хочет и не желает прислушаться к голосу разума. Если бы он почаще вникал в дела отцов, запомнил бы навсегда, к какому краху привела римлян самонадеянность двух военных трибунов с консульской властью в войне с Лабиками.

Соперничество между трибунами, возникшее еще в Риме и подогреваемое одинаковым стремлением к полновластью, разгорелось в военном лагере с новой силой: единодушия не было у них ни в чем, каждый стоял на своем мнении, каждый принимал во внимание только свои решения и приказания, отвечал другому презрением на презрение.

Ничему, видно, история людей не учит...

Фальтон приказал собрать у себя трибунов. Выступать немедленно, снимать с рейда весь флот и на полных парусах двигаться к Эгусе, сегодня уже пунийцы от Гиеры не отчалят, дозорные наблюдали, как их корабли заполнили гавани Гиеры, располагаясь на ночь. Это позволит им не торопясь добраться до Эгусы, где гавани и шире, и удобнее, чем на Форбантии, к тому же с Эгусы будет хорошо просматриваться внутренняя акватория всех Эгатских островов, и пунийская эскадра не сможет пройти незамеченной в сторону Сицилии, какой бы путь она ни выбрала.

Валерий приказал выстроить весь легион дрепанского гарнизона, трибунам и центурионам отобрать лучших солдат для погрузки на корабли. Осадную технику велел в видимости неприятеля не демонтировать, чтобы тот не догадался, что они выходят из гавани с намерением вступить в бой. Снимут баллисты и онагры на Эгусе — до утра достаточно будет времени.

Солдаты были распределены по судам, под покровом сумерек их погрузили на шлюпки и, не зажигая огней, без лишнего шума доставили на корабли.

Как только корабли загрузились полностью, один за другим на весах они покинули дрепанскую гавань.

Отойдя с милю от Дрепан, распустили паруса и поймали попутный ветер в сторону Эгусы. В гаванях для блокирования портов оставили только по несколько десятков кораблей для отвода глаз.

Вскоре к дрепанской эскадре присоединились и пентеры из Лилибея и Эрикса.

Фальтон был рад: Нептун не послал на его флот ни одной бури, ни один из кораблей не оказался поврежден.

Как только с бортов были демонтированы осадные орудия и сооружен лагерь для ночлега, Лутаций приказал построить свое подразделение, а его вынести из консульской палатки.

Он облачился в полное боевое снаряжение, но, когда два дюжих раба взяли его на руки, адская боль снова прошла бедро.

Лутаций приостановил рабов.

— Погодите, дайте отдышаться.

Рабы остановились. Лутаций перевел дух. Не сдаваться! Он не какой-то изнеженный сибарит, он воин, консул, не последний в Риме человек, малодушным никто его не назовет. К тому же пуны, будем надеяться, еще не пронюхали об их прибытии. Для них римская эскадра за скалами Эгусы станет полной неожиданностью. Пусть даже ветер дует сейчас в сторону Ливии, а утром его направление переменится и им благоприятствовать не будет, — лучшего момента может не случиться. Если, как думает Фальтон, пунийская эскадра направляется к Эриксу, то там они разгрузятся (наверняка трюмы пунийских кораблей забиты припасами для армии Барки), а на борт возьмут отборных солдат, которым все равно, где воевать: на суше или на море. Кем сейчас заполнены палубы пунийских пентер, неизвестно. В любом случае на наших кораблях отобраны, лучшие легионеры, которые горят жаждой сразиться где и с кем угодно. Стоит ли упускать случай? Нет, надо отдавать приказ к бою, нерешительность может стоить поражения и новых долгих лет противостояния.

— Квириты, — обратился он к строю, превозмогая боль в бедре. — Да, да, вы не ослышались. Я обращаюсь к вам не просто как к солдатам, я обращаюсь к вам именно как к гражданам, квиритам, защитникам отечества, ведь даже здесь, за сотни миль вдали от Рима, мы отстаиваем прежде всего его честь, его славу и величие, которые даровали нам предки.

Когда он начал говорить, куда и боль ушла. Он думал теперь только о славе и почетной обязанности, которая выпала на их долю вдали от родины: о защите Великого Рима, который никогда не сдавался, даже, когда его пытались поставить на колени, унижить, а то и истребить. Рим всегда находил силы подняться и дать отпор любому неприятелю, будь то галл или грек, этрусск или самнит.

Лутаций так распалился в воображении, что совсем позабыл, что он не на форуме и ранен. Боль резанула с прежней силой, поэтому он поспешил закончить свою пафосную речь, кормчим сообщил, что на следующий день состоится морское сражение, и лично объявил отбой: трубить нельзя было ни в коем случае, враг тоже остер на слух, а в ночной тишине любой звук, раздавшийся на Эгусе, может долететь до самой Гиеры. Тишина сейчас лучший друг легионера.

Тем не менее, Лутаций не спал всю ночь, хотя раненое бедро его почти не беспокоило. Он думал, раз ночь прошла более-менее спокойно, он и командовать сможет, и быть в гуще боя. Но, когда с рассветом попытался самостоятельно подняться с ложа, боль вернулась, острым копьём впиалась в ногу. Он чуть не крикнул, но вовремя сдержался: нечего рабам видеть консула слабым.

Лутаций лег навзничь, втупился в верхний край палатки, который был слабо освещен небольшой масляной лампой. Видно, сегодня ему не придется вести своих солдат в бой. Но он не оставит их, у него есть еще и другие, не менее важные обязанности: священные обязанности военачальника испросить благоволения богов, без которого битва не будет успешной.

«Без птицегадания ничто не обходится ни в войне, ни при мире, ни дома, ни в походе», — говорили древние.

Полководец всего лишь посредник между войском и богами, поэтому волю богов он должен выполнять неукоснительно.

Лутаций приказал вынести его из палатки на авгуралий и привести к нему пулларию со священными курами — он лично будет наблюдать за поведением птиц.

Солнце еще не показалось, но горизонт вдаль просветлел. Хотя над Эгадами и нависли тучи, в сторону Сицилии дул сильный ветер, море было беспокойно, волны громко бились о прибрежные скалы.

Когда солнце поднимется, наверняка, буря усилится, что создаст еще одно затруднение для римского флота. С другой стороны, Лутаций понимал, другого такого случая может не представиться. Несмотря на бурю, необходимо дать пунам бой, иначе они достигнут Сицилии и помогут своим осажденным. Тогда все предыдущие усилия Лутация: блокирование оставшихся под пунами сицилийских городов, — окажутся напрасными. И так понятно: еще немного, и защитники крепостей — по крайней мере, Лилибея и Дрепан — не выдержат осады и сдадутся. Все к этому шло. Прибывшая пунийская эскадра может вселить в них новую надежду, и теперь только от него, Лутация, зависит их дальнейшая судьба. Поэтому, как бы то ни было, этот бой следует развязать, под-

держали бы только его решение боги. Где же этот нерадивый пулларий, когда я еще за ним посылал?!

Но вот и он.

«Не замедлил появиться», — с ехидством подумал Лутаций.

Две ухоженные курицы — одна пестрая, другая чисто-белая — сидели, не подавая голоса, в накрытой тонким покрывалом клетке. Только когда пулларий снял покрывало, открыл клетку и выпустил божьих птиц, они закудахтали, выбрались и набросились на посыпанное перед ними зерно, как голодные.

Нечего было и спрашивать пуллария, успешны ли гадания! Куры не засиделись в клетке, с аппетитом клевали зерно, не кричали дурно. Боги благоволят римлянам — иного и быть не может!

Лутаций повелел принести жертву. Она тоже была принята богами.

— Скорее, скорее, поднимайте солдат! — обрадованно стал отдавать распоряжения Лутаций. И снова без звука труб.

Трибуны и их помощники ринулись будить своих подчиненных.

Над консульской палаткой взметнулся флаг как знак предстоящей битвы.

В мгновение ока солдаты в полном боевом снаряжении собрались на площадке перед палаткой консула.

— Квириты! — не теряя настроения, обратился к ним Лутаций. — Мы провели гадания, и все присутствующие при этом, словно почувствовали, что молитва наша услышана, боги на нашей стороне. Юпитер Всеблагой Величайший, несмотря на приближавшуюся бурю, повелевает нам начать сражение и не останавливаться до тех пор, пока враг не будет сокрушен полностью. Помните, что рок дарит нас покровительством богов, когда мы воюем, а не пользуемся благами мира. Помните, что боги помогают римлянам и посылают их в бой при счастливых предзнаменованиях. Так не огорчайте богов и меня, принесите победу римскому народу! Как говорил наш доблестный Камилл, прозванный вами вторым Ромулом: «Через миг начнется схватка и пусть каждый сделает, чему научен». Во имя Рима и в память об отчей и собственной нашей доблести уничтожим вражеский флот пунов! Вперед, и пусть слава никогда не покидает вас, доблестные воины!

Могли бы солдаты крикнуть боевой клич в поддержку решения консула, но в утренней тишине любой звук далеко разносится по округе. Они лишь застучали глухо щитами о колени, давая полководцу понять, что он услышан.

— Вперед, на врага, во имя Рима! — махнул Лутаций рукой в сторону Ливии.

Легионеры развернулись и несколькими вереницами устремились в бухту для погрузки на корабли.

12

Едва забрезжило, адмирал Ганнон бен Ган, боясь упустить попутный ветер, тоже приказал своим кораблям выходить из гиерских гаваней и двигаться курсом на Эрикс.

Ветер благоприятствовал, хоть море уже и поднимало высокие волны. Паруса наполнились ветром, можно было убрать весла. Кормчие знали здешние течения как свои пять пальцев, опасения, что они где-нибудь сядут на мель, не было.

Пока римляне заняты осадами Лилибея и Дрепан, есть вероятность незаметно проскочить через Эгатское кольцо и на полных парусах дойти до бухты Эрикса. Там их главная цель, там Барка.

Рулевые четко выполняли команды кормчих, чайки носились над кораблями с неистовым клекотом. Ганнон пристально всматривался в тяжелые облака, может, ветер разгонит их и море успокоится; не хотелось быть выброшенным на скалы Гиеры или Форбантии, а именно мимо нее кормчие рекомендовали провести эскадру.

Однако, что это впереди, возле Эгусы?

Из-за скал один за другим стали появляться корабли, тоже с распушенными парусами, но двигаться не по направлению к Сицилии, а к Форбантии. Чьи это корабли? И не один, не несколько десятков, сотни, сотни кораблей шли, на глазах вытягиваясь в линию, перекрывая им путь.

Ганнон бен Ган побоялся слово произнести, но кто-то из его окружения крикнул: «Римляне!» — и всем сразу стало понятно, кто заслонил им горизонт.

На фоне мрачных туч римские паруса белели яснее ясного. Передние корабли их развернулись носами в сторону карфагенян, начали сворачивать паруса, демонтировать мачты, выпускать весла. Веером подобное действие произошло по другим кораблям. И вот уже весь римский флот выстроился в прямую, насколько возможно, линию и пошел на веслах против ветра навстречу карфагенской эскадре с явным намерением завязать бой.

Ганнон поверить не мог: как римляне здесь оказались, как узнали, что они плывут на Сицилию?

— Приготовиться к бою! — бросил он клич, и посыльные знаками стали передавать сообщение на соседние корабли, соседние — следующим.

На палубах засуетились, потянули канаты, стали поспешно сворачивать паруса, но, наполненные ветром и влажные, они поддавались с трудом. Крайние суда, команды к которым поступили с задержкой, неожиданно вырвались вперед и чуть было не угодили прямо на тараны вражеских пентер. С трудом они свернули свои паруса, но, выпустив весла, все же не смогли во время развернуться и тут же были протаранены в бок передовыми римскими кораблями.

— К бою! — снова громогласно закричал карфагенский адмирал, продолжая недоумевать появлению на море врага.

Римляне, несмотря на встречный ветер, строго удерживали строй, шли на карфагенян плотной стеной. Растерявшиеся команды карфагенских судов то и дело ошибались, от этого их корабли где сбились в стаю, где оторвались от соседей, где никак не могли сладить с волной, перегруженные припасами, ставшие от этого неповоротливыми. Вот когда сразу же выявилась поспешность в наборе матросов и гребцов, их слабая выучка. Римские гребцы действовали слаженно, четко. Едва замечали вражеский корабль, который отбил от строя, устремлялись к нему с быстротой тунца. Не нападая спереди, с легкостью обходили, разворачивались и ударяли в бок, пока груженная карфагенская триера пыталась бороться с волной и собственной неповоротливостью.

И Ганнон заметил, что ни на одной из римских пентер не оказалось воронов, видно, римлянам они больше были не нужны, с такой выучкой они легко притирались бортом к борту карфагенян, ломали у них весла и перепрыгивали на вражескую палубу, где в ход уже пускали свои испытанные мечи.

Карфагеняне дрогнули. Окруженные несколькими вражескими кораблями, просто откидывали в сторону оружие и опускались на колени, сдаваясь. Сдавшихся буксировали к ближайшим берегам и высаживали на берег под охрану.

Дрогнул и сам Ганнон, когда увидел, как корабли его флотилии уходят на дно или сдаются, приказал поднять парус и уходить обратно к Гиере, благо ветер, пока шел бой, переменился на противоположный.

Бомилькар, заседавший на легионера на палубе римского корабля, увидев, как флагманская пентера карфагенского адмирала подняла парус и удаляется, страшно выругавшись, со всей дури рубанул римлянина мечом по шее и глянул, где дерется Итобаал. Тот, уже без шлема и без щита, с двумя мечами в руках отбивался неподалеку отседающего на него римского увальня.

— Итобаал! — крикнул ему Бомилькар и, подхватив на бегу лежащий на палубе дротик, метнул его в увальня.

Солдат был спиной к нему, и дротик угодил ему в позвоночник, пробив тело насквозь. Итобаал еле увернулся от выскочившего из груди римлянина железного наконечника — с такой силой Бомилькар метнул копье в его сторону.

— Итобаал! — снова крикнул Бомилькар. — Уходим! Скорее на борт! Ты видишь, что происходит? — уже на бегу разя схватившего меч римского гребца, он промчался мимо друга.

С разбега он прыгнул на палубу своего корабля, однако не удержался, упал, попытался быстро вскочить на ноги, но оказался сбит с ног уже ударом римского корабля об их борт. Бомилькара откинуло к форштевню, он больно врезался спиной, но меч не выпустил.

Итобаал перепрыгнул вслед, подбежал к нему, помог подняться.

— Ты как?

— В порядке.

Их корабль застрял между двумя римскими: тем, который они брали на бордаж, и тем, который их атаковал, но не смог отойти, так как сам был протаранен в корму.

— Давай через него к нашим! — бросил Итобаал, и они с Бомилькаром, отбиваясь от нападавших, но не задерживаясь, пробились через римскую пентеру и сиганули на карфагенский корабль. Те словно только их и ждали, сразу же келевст дал команду «назад», гребцы с усилием налегли на весла и выдернули бронзовый таран из чрева римской посуды. Эти гребцы оказались порасторопнее, четко выдержали задний ход, развернулись и стали ритмично уходить с места сражения.

Бомилькар с Итобаалом с сожалением глядели на свою зажатую с двух сторон пентеру, которую увлекал под воду протараненный и сам серьезно поврежденный римский корабль.

— Вот и помогли своим, — с отчаянием произнес Бомилькар. Нечего было сказать Итобаалу.

Чем дальше они удалялись от места битвы, тем масштабнее открывалась перед ними панорама боя. Где-то уже некоторые суда горели, где-то тонули, где-то со сбитыми карфагенскими штандартами оттаскивали в сторону ближайших скал. Полный разгром. Итобаал с Бомилькаром глазам своим не верили. Еще ранним утром у них была реальная надежда увидеть своих на Эриксе, радостных от того, что они доставили им продовольствие и оружие. Теперь этой радости нет, как нет и припасов. Что они теперь скажут своим товарищам, когда их увидят?

Посланец из Дрепан в пастушьей хламиде, козьими тропами миновав дозоры римлян, добрался в Эрикс ближе к полудню. Ничего нового Гамилькару он не сообщил, подтвердил только известную из уст элимских крестьян новость: римские эскадры, сняв блокаду Дрепан и Лилибея, еще с вечера вышли навстречу прибывшему к Эгадам карфагенскому флоту.

Так как Эрикс с утра окутывали плотные облака и внизу горизонт совсем не проглядывался, Барка с десятком надежных солдат спустился к эрикцинской бухте. Но едва они вынырнули из облаков, перед ними открылась вся панорама идущего морского боя.

Барка оставил свой отряд на одном из скальных выступов — не было смысла идти дальше. Если бы к ним пришла какая-нибудь карфагенская пентера, Гамилькар без долгих колебаний, даже с небольшим отрядом, взобрался на ее борт и лично принял участие в сражении, но все корабли были поглощены завязавшимся боем и явно никто, если и предполагалось ранее, теперь и не думал идти за его подразделением.

Мелкими муравьями казались отсюда суда обеих сторон, и как два муравьиных отряда из разных муравейников столкнулись у добычи и стали за нее драться, так с высоких склонов Эрикса эскадры противников походили на подобных дерущихся муравьев.

В пестрой картине боя, даже находясь на удалении, Гамилькар четко различал штандарты своих и чужих. Но лучше бы он ослеп! Боевых кораблей римлян явно было больше, и они отчего-то оказались более юркими, маневренными, — почти что водомерки на пруду: быстро окружали суда карфагенян, с легкостью, так как карфагенские пентеры в этот день, непонятно почему, оказались медлительны и малоповоротливы, таранили их, иные брали на бордаж.

Казалось, добрая половина карфагенских гребцов и шкиперов только вчера взошла на борт корабля и совсем не чувствовала ни крепости рук, ни силы волны, не обладала сплоченностью, а то и вовсе теряла дух и опускала руки, сбивая общий ритм, необходимый для сиюминутного маневра.

А вот задрал нос один из карфагенских кораблей, и римская пентера, с ходу атаковавшая его, после сокрушительного удара в бок с живостью водомерки плавно отошла назад, чтобы не оказаться затянутой воронкой тонущего корабля. Ее весла только мерцали в лучах поднимающегося солнца. Еще мгновение, и она уже резко развернулась в сторону следующего карфагенского корабля и сразу же, набрав ход, устремилась прямо на него...

Что творится, грозный Мелькарт? Тебе не принесли жертву в Карфагене? Не предупредили, что готовится римская эскадра на остров? Неужели в Городе давно всем на них наплевать? Гамилькар до последнего не хотел в это верить. Но прошедшие полгода осады карфагенян на Сицилии доказывали очевидное каждым мучительным днем. Только когда гром грянул с небес они очнулись?

Словно железными тисками сдавило сердце Гамилькара. Даже слегка онемела левая рука. Он недовольно стал сжимать и разжимать левую кисть, пытаясь разогнать кровь. Потом, когда онемение руки немного прошло, пал на колени и, закрыв глаза, обеими руками до боли сжал себе виски. Он не мог больше смотреть на то, что происходило меж Эгатскими островами. Он был в нескольких милях от сражения и ничего не мог сделать. Ничего! Отчаяннее не было положения!

Он открыл глаза, но теперь с трудом различил даль — слезы застигли ему горизонт, однако он не сдерживал их — сердце источало его слезы. Это был конец — к гадалке не ходи. Шесть долгих лет противостояния, шесть долгих лет упорной борьбы — и все насмарку. Одним ударом. Раз и навсегда. Так рубануть мог только Александр Великий, завидев гордиев узел. Не мудрствуя лукаво, не особо размышляя над закомуристой загадкой. А наши всё больше совещались, решали, осторожноничали, тянули, — мудрили... Перемудрили! Поставили не на того петуха, оставили на выживание сицилийскую армию, забыв про Дрепаны, Лилибей, Эрикс, — по сути, бросили, предали...

Боль и обида жгли внутренности Гамилькара. Лучше бы он раньше погиб в бою, пусть даже в мелкой стычке, но не видел теперешнего позора...

Гамилькар поднялся, стер со щек слезы, неторопливо побрел к своим товарищам.

— Возвращаемся, — сказал им, выжидающе смотрящим в его угрюмое лицо. — Нам тут больше делать нечего.

14

Фальтон, окровавленный, но довольный исходом битвы, осмотрев место сражения, не позволил преследовать адмиральскую пунийскую пентеру с небольшой кучкой оставшихся кораблей.

— Им сейчас попутный ветер на родину, пусть отдадутся его воле. Забираем с Эгусы консула и возвращаемся к Лилибею, там наш лагерь побольше, надо еще пленных куда-то определить.

Лутаций даже про раненое бедро свое забыл. Он знал, он верил, что боги не обманули его, победа оказалась на их стороне. Спасибо Юпитеру Всеблагому, спасибо Марсу.

Нет, нет, ни в коем случае не задерживаемся на Эгусе. В лагерь, срочно в лагерь! Там по всем правилам в первую очередь принесем жертвы богам, потом все остальное.

Это победа! Настоящая победа! Не хуже победы Дуилия! Рим должен гордиться ими. Последствия этой битвы, он уверен, еще скажутся.

Лутаций приказал всей флотилии войти в Лилибейскую гавань.

— Мы их одной мощью подавим. И обязательно пунийские посудины на буксире! Пусть все увидят, что значит, противостоять самому Риму! Великому Риму!

Лутаций оказался прав. Не только защитники Лилибея во главе с Гисконом, но и все жители его поднялись на прибрежные стены крепости, когда по городу разнесся клич, что в их гавань победителем входит римская эскадра.

При виде этой картины почернели лица защитников и граждан Лилибея, женщины в знак траура накинули на головы покрывала, орошая под ними слезами свои лица.

Не было мрачнее зрелища, чем созерцание сотен вражеских кораблей и десятков захваченных кораблей соотечественников. Не было горше сцены высадки на берег напыщенных римских солдат, в две линейки друг против друга выстроившихся вдоль побережья до самого римского лагеря. Не было печальнее минуты, когда тысячи плененных карфагенян были прогнаны сквозь этот вражеский строй.

Эти воины были их последней надеждой. Теперь и ее римляне отняли.

Что дальше будет? Никто ответить не мог. Боги молчали. Совсем, видно, разочаровались в своих преданных сыновьях?

Гамилькар на Эриксе сказал, что карфагенянам на Сицилии больше делать нечего.

Когда? Сейчас? Вообще?

Потом приближенные вспоминали его слова как пророческие.

В конце концов карфагеняне оставили блаженный остров Тринакрию. Гамилькар словно почувствовал тогда, что так оно и случится.

В тот день Карфаген проиграл свою последнюю битву за Сицилию. Боги все-таки отвернулись от них. Неужто навсегда?

Михаил Макушев

Барнаул

В ПОИСКАХ СВОЕГО Я

(Продолжение. Начало в №№ 14,15)

Глава 5 Пассажир без места

Экклезиаст: «В многой мудрости много печали». Печаль — это эмоция. Значит, мудрость связана с эмоциями.

Делёз определяет первую операцию восприятия, как *пассивный синтез*. Это кажется неожиданным, потому что мы привыкли полагать, что сначала внимание анализирует, и делает это вовсе не пассивно, но, вспомнив что *«мы внутренне подвергаемся воздействию и должны отнестись пассивно к себе самим»*, — примем пассивный синтез Делёза.

Внутреннее чувство, действительно, пассивно, и нам нужно найти того, кто наделяет его масками. Вроде, это делает дискурс, но кто-то отвергает маски дискурса и носит свои; значит, дискурс — не обязательное и всеобщее. Для начала согласимся с логичным умозаключением, что анализ возможен там, где есть что-то сложное (сложенное).

На сложное у нас претендент — эмоции, — но почему вдруг в пассивной роли? Может, активное и пассивное — зеркальный смысл, на принципах которого организовано сознание? Как и всё прочее.

Эмоции имеют два полюса, один из которых распространяется, как среда, второй свёрнут, чтобы распространиться, как среда, в свою очередь... Внутреннее чувство пассивно в первый момент воздействия, во второй на себя надевает маску активности. Кажется, «я» и *внутреннее чувство* — противоположности, но я представляю себе внутренним чувством.

Активный-пассивный смысл пронизывает всё. Нарцисс тоже в некотором отношении выглядит активней, чем человек совести, его внутреннее чувство представляет какое-то отражение активности.

Возможно, «первая операция восприятия» Делёза выпускает активный момент восприятия, прикрытый внутренним чувством, но, если бы Делёз указал на активный момент восприятия, он бы сам и разрешил проблему. Делёз смешивает смысл и формы его созерцания: *«поворот-*

ные пункты и точки сгибов, узкие места, преддверия и центры, точки плавления, конденсации и кипения, точки слёз и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности». — Преддверия, центры, узкие места — это формы созерцания; смех, слёзы, болезнь, здоровье, надежда и уныние, точки чувствительности — это уже смысл.

Бесконечные слёзы без смеха никак не определяются, один полюс без другого не существует. Смех и слёзы сходятся, как противоположный смысл, размещаются друг против друга, как линейные координаты, которые выходят из какой-то трансцендентальной точки. Благодаря им, эта точка *преодолевает себя*, размывается... Картина координат вообще ничем не предопределена. Мы только представляем их, как линейные. Координаты могут располагаться под прямым углом друг к другу или идти в противоположных направлениях, могут быть воображены, как микроскопическая трещина, превращающая одну линию в две... Трещина может быть и макроскопической. Точку можно представить разлетающейся: она треснула, и сама себя преодолевает. Точка в движении распространяется в двух направлениях, становясь неопределённой для созерцания себя в виде образа. Края её трещины или «координаты» могут именоваться волей к смерти и Надеждой на бессмертие.

На шкале воли к смерти находятся слёзы, уныние, а по мере снижения интенсивности — высыхающие слёзы; на шкале Надежды на бессмертие — деньги, здоровье, молодость, смех, слабая улыбка...

Между смехом и слезами, здоровьем и болезнью — эмпирическая дистанция. Это — ощущение. В своих ощущениях мы сразу погружены в смысл, потому что ощущения пронизаны эмоциями, стремятся от уныния к радости, от слёз к слабой улыбке... Кажется, что самая короткая дистанция между Надеждой на бессмертие и волей к смерти находится в начальной точке, но формы созерцания — это эмпирическое. Это может быть самая длинная дистанция в ощущениях.

В любом случае противоположные полюса эмоций находятся в ощущении, создают его. Синтез полюсов и расписание этого синтеза производятся парадоксальным элементом. *«Пассажир без места никогда не бывает там, где мы его ищем, и мы никогда не находим его там, где он есть».* Многочисленные ощущения лежат в основе восприятия, но начало восприятия — схватывание. Из него вытекает наше внимание, формируемое дискурсом и cogito.

Когда теряется сознание под наркозом, мерные щелчки — последнее восприятие. После него сознание проваливается в тьму, которая в последний момент выглядит плоской на фоне щелчков... Сознание также возвращается с оглушительными щелчками, потом осознаётся тьма

и через какое-то время становится тусклой картинкой мира. Но пока тьма развернётся в бледность картинки, между щелчками начнёт течь время, как мерность этих щелчков.

Схватывание в своём начале тонет во тьме. Сознание возникает, когда воспринимается время, и существует, как белая плёнка на чёрной плоскости. Свет сознания могут отключать приятные и неприятные ощущения и сильно изменять в самую неожиданную сторону.

Полюса эмоций вытягиваются в общую линию ощущения, стремясь себя преодолеть, а преодолевать им приходится противоположный полюс... Поэтому, являясь сразу чем-то сложным, ощущение начинает с собственного анализа. Сложное в нём дано в качестве эмоциональных полюсов, и логика внимания начинает работать с анализа... Восприятие то совпадает с тем или иным смыслом полюсов, то нет. Накаленность ощущений то усиливается, то ослабевает вместе с силой эмоционального напряжения полюса. Движение ощущения в одном направлении достигает полюса, но обычно от ощущений мы не плачем и не смеёмся. Ни один полюс не достигнут. Хотя во всякое время оба полюса присутствуют в ощущении... Направление ощущений — от «смеха к слезам» или обратно.

Гегель рассматривал *непосредственное*, как начало логики, и ощущение начинает себя воспринимать непосредственно с анализа. Наши ощущения определены равновесием полюсов: восприятие начинается с анализа их активности. Эмпирическое ощущение является пассивным отражением воздействия на него эмоциональных полюсов. Даже акцентированные ощущения — пассивность, — потому что активное в них разделено в себе самом, и один из полюсов образующей их трансцендентальной эмоции эмпирически пассивен. Смысловая неопределённость трансцендентального (в данном случае эмоций) — всеобщее и обязательное.

Смысловая определённость присуща только эмпирическому. При таком условии есть ли у нас шанс найти чистую активность, если эмпирически она всегда смешана с пассивностью? Тем не менее, схватывание, как начальный момент в созерцаниях внимания, являет чудеса в инграммах. Схватывание настраивает собак на внутренний мир хозяина, а маленького ребёнка на мир матери...

Трансцендентальная активность пронизывает эмпирическое, если ощущения образованы связью активного и пассивного полюсов. Если постоянным присутствием обладает «связь», претендуя на роль активности, то насколько «связь» является простым понятием? Но, по крайней мере, один член трансцендентальной эмоции обладает эмпириче-

ской активностью. А кто активней, тот и «я»! Но это будет маска активности: чистой активности нигде нет. Сама со-весть — весть эмоциональных полюсов друг другу. То же самое со-знание. Уже ощущение — маска полюсов. дальнейшее масштабирование трансцендентальности полюсов: внимание, рассудок, разум...

Эмоции представляют собой бином (двойное имя), ощущение, которое они образуют тоже отчасти бином.

Если оно достигло полюса, мы испытываем эмоции, поддающиеся оценке. Кто делает оценку, взвешивает и исчисляет ощущение? Если оно не достигло полюса, то полюс пребывает в свёрнутом состоянии... Колебание энергии между полюсами и есть ощущение. Оно позволяет рассматривать полюса эмоций, как мнимые величины; колебания восприятия — примерная реальность или гнозис, не совпадающий с онтологическим.

Если представить комплексные числа, в состав которых входят мнимые числа, как ощущения, то возникают ощущения благодаря мнимым числам. Мнимое число, возведённое в квадрат, даёт минус единицу. Это — число отрицательное, но уже реальное; и ощущения реальны, они тянутся во времени вместе с вниманием. Идеальность полюсов, как мнимых величин, может являться причиной, почему никакого времени на схватывание не уходит: идеальное существует вне времени. Тёмный предшественник сблизил *чистое* и *идеальное*. Чистая материя тоже отменяет время, которое не влияет на чистую материю. Гравитация после всех метаморфоз материи является той же самой. Альберт Эйнштейн сомневался, что волны гравитации будут когда-нибудь обнаружены. Хотя они объективно искривляют пространство и время. Те же самые проблемы с «я», которое никак не может быть обнаружено.

Схватывание «я» тоже отменяет время. Его не уходит на схватывание.

Гравитация — это универсальная связь, пронизывающая космос. Смысл нейронов — тоже связь... Более того, *нейроны, пересаженные от человека жабе, приживутся*. Т. е. нейроны и гравитация — всеобщее и обязательное, если эмпирически универсальны.

Эмоциональные оценки реальности бывают значимей реальности. А, если чувство настолько сильное, что достигло обоих полюсов, то реальность становится глиной для творения чего-то нового. Полюса — зеркальное отражение друг друга, протекают в ощущениях, как ток в проводах, но эмпирически имеет место смысловая смешанность, «*движение, которое возвращается в себе самом*». Трансцендентально одно и то же ведёт себя эмпирически по-разному. Одноимённые полюса маг-

нита отталкиваются друг от друга, как холодный жир от горячей сковородки. Смех и слёзы по смыслу тоже отталкиваются друг от друга. Мы различаем смех и слёзы эмпирически, а не трансцендентально... Мысли эмпирически тоже представляют собой некое сомнение в ощущениях, являясь противоположным полюсом ощущений... фрактальное масштабирование смысла, который приходит первым, делает виток за витком.

Сознание младенца вырастает из эмоций, в дальнейшем расширяется в каждой своей мысли. Но краями мыслей по-прежнему остаются эмоции. Мысли ведут к ощущениям, те снова к мыслям... Движение возвращается в себе самом. Стыд, страх, смех и слёзы — не только выражают эмоции: это — смысл.

Слуховые, зрительные, обонятельные, осязательные ощущения имеют фон в виде смысла. Самая наиболее высокая смысловая определённости в координатной точке: в Надежде на бессмертие и воле к смерти. Это — чистый смысл. Смешиваясь, взаимоотражения этого смысла образуют нечто среднее. Это «тошнота» Сартра или «тоска» Фихте. Тоску и тошноту следует считать ощущением, а не постоянной эмоцией.

Тошнота и тоска пассивны, а активность принадлежит то Надежде на бессмертие, то воли к смерти, вместе синтезирующих *тоску*.

Делёз считал творчество живописца Френсиса Бэкона пронизанным логикой ощущения. Именно образы Ф. Бэкона, ещё сохраняющие форму, но готовые взорваться и распасться иллюстрируют тоску. *Простой смысл* — не воля к смерти или Надежда на бессмертие, а то и другое вместе, но это не тоска и не ощущение...

В *простом смысле*, воля к смерти и Надежда на бессмертие, как бы сказал Гегель, «*низводятся до моментов, различных, но в то же время снятых*». А тоска — то, что дано нам в ощущениях — символ смешавшихся противоположных смыслов, маска единства, недоступного восприятию.

В тоже время восприятие ему доступно и подвергается активному воздействию.

Если тошнота — ощущение, то к какому органу чувств она относится — уж не к чувствилищу ли души? Совесть, как *безмолвный зов*, тоже проявляет себя в ощущении, как стыд. Длясь во времени, эмоции являются ощущением по определению. Ощущения определённы, не смотря на противоположный смысл полюсов, который их создал; так и проявляет себя простой смысл? Трансцендентальное единство эмоции внутри ощущения превращается в ощущение, длящееся, хоть и не бесконечно. Это же относится к простому (определённому) смыслу одного эмпири-

ческого эмоционального полюса. Трансцендентальное и эмпирическое опять смешались: расплываются. Трансцендентальный смысл универсален, многозначен, метафоричен, в том числе и в эмпирическом: «Идёт пароход, идут часы, идут пожарнику усы», — Эта синонимия отражает существующее трансцендентальное тождество всего со всем.

Мысли определённы, как полюса, по крайней мере, стремятся к этому. Предложения выражают простой смысл, связанный с предикативностью, но предикативность предложения ускользает от эмпирического определения. Смысл — это какое-то нередуцируемое движение к полюсам и обратно, потому что постоянно меняется в своих моментах. Какой-то *однозначный смысл* может быть установлен только, как воля к смерти и Надежда на бессмертие.

Мнимость моментов смысла позволяет ставить их под сомнение или по-разному определять: из-за этого у разных авторов одно и то же по-разному формулируется. Делёз и Гваттари в «Анти-Эдипе» именуют простой смысл *желающим производством*. Это справедливо: желания — активны. Активный смысл имеют и интенсивности: «*Они всегда положительны, начиная с интенсивности = 0, которое обозначает тело без органов. Желание ни в чём не испытывает нехватки, ему не испытать нехватки в своём объекте. Скорее, субъект не достигает желаний или же в желании отсутствует постоянный субъект: постоянный субъект бывает лишь благодаря подавлению*». Подавление — ещё одно определение пассивного мышления. Схватывание игнорирует время, но, кажется, *интенсивность* этого не делает, если разворачивается во времени... длится. Эмоции эволюционируют от сиюминутности к отложенности и тоже подчиняются времени. Вернее, так ведут себя уже ощущения. Но и активное рассыпано во всё.

Интенсивность желания маска идеального полюса, его способ быть эмпирическим, протекать во времени. Грудной младенец замечает связь, оказываясь в сухих пелёнках, как поплачет, и рефлексия для него связана с последовательностью состояний во времени. Это умозаключение его разума ещё до появления в сознании слов: «здесь» и «сейчас». Эмоции — первое средство выражения доступных младенцу ощущений. И грудное дитя использует средство эмоционального выражения акцентировано. Мы не собираемся преуменьшать значение эмпирического, но возможность существования эмпирического, как «здесь и сейчас», в данном случае, кажется очевидно связанной с эмоциями, которые имеют вневременной характер и сформированы ещё до момента рождения.

Скачкообразное изменение отличает эмоции от мыслей. Интенсивность эмоций контролируется мыслями, откладывается, эмпирически тормозится...

Слова Ницше, что «инструмент познания не может познать самого себя», поставили бы крест на нашей попытке понять, что такое «я», но смысл, который приходит первым, позволяет игнорировать заявление Ницше, всего лишь представляющее здоровый смысл...

Пусть Нарцисс не может познать самого себя, способен лишь слепо отождествляться с собственной красотой. Но я не могу отождествиться со своим Нарциссом, и познание начинается с этого несовпадения...

Множественная личность Хаббарда возникает на основе жизненного опыта, обусловлена — это драматизация вэйлансов, но на основании смысла, который приходит первым, противоположное множественной личности — единичное и безусловное. Если мышление пассивно, значит, зеркальный простой смысл активен... Если мышление имеет маски, то простой смысл не имеет образа. При этом у простого смысла и *cogito* — трансцендентальное единство, как у всякого зеркального смысла.

Простой смысл, как активный, преодолевает тоску, раскалывает её на бесконечность ощущений. Материал для восприятия поставляют ощущения. Но *простой смысл* опять начинает превращаться в единство: бесконечность ощущений сводится к пяти чувствам. Эмоции — универсальный наполнитель, но чувства не противоположны друг другу, как полюса, хотя объединяют противоположные восприятия и повторяют в этом смысле структуру эмоций. Мы воспринимаем мелодии и шум, бесформенное и формы, свет и цвет. Но зрение, слух, осязание, обоняние и равновесие не противоположны...

Кто-то ещё выделяет чувство вкуса. В этом случае следует выделить и ощущения на коже, и половые ощущения в отдельные чувства... На самом деле, это — одно и то же осязание, которое включает в себя внутренние ощущения в виде боли и удовольствия, и вкусовые ощущения вместе с половыми. Осязание распределено по всему телу, находится в основании жизненных процессов ещё у червей; с ним может быть связан волосяной покров, как одна из форм локализации. Волоски есть не только на коже, но и, например, в пищеварительной системе. Все остальные чувства тоже имеют органы. Осязание ощутимо и в этих органах. Однажды я наткнулся роговицей глаза на картон и ощутил его фактуру, как ощутил бы пальцами.

Может быть, по замыслу прочие чувства и органы чувств являются усложнением осязания? Первым из чувства осязания могло выделиться чувство равновесия, как общий знаменатель чувств. Чувства — более

высокий уровень операционной системы, чем ощущения. Пять чувств — классическая схема. Как известно, шестым чувством именуется интуиции, но это уже не строго про чувства...

Всё равно, считается, что у нас больше чувств, чем пять. По крайней мере, органов чувств: «Прямое ускорение регистрирует отдельный орган, другой орган — угловое ускорение». Мы всё же остановимся на классической схеме. Она возникла не на пустом месте. Прямое и угловое ускорение можно отнести и к чувству равновесия: к нему вообще можно отнести все чувства... Это будет понятно в связи со зрением. Если закрыть глаза и встать на одну ногу, долго с закрытыми глазами не простоишь. На одной ноге можно без проблем стоять только с открытыми глазами. Значит, глаза его помогают поддерживать. Как известно, проблемы с равновесием есть у пьяных. Если два стакана самогона при операциях в полевых условиях — анестетик; значит, алкоголь влияет на осязание... Резкая моторика характерна для глухонемых или оглохших людей. В связи со слухом с равновесием что-то происходит... А, если вы не слышали или забыли, как зовут соседей по лестничной клетке, то при встрече возникает, как будто, ощущение ваты в ушах.

Вообще радикально влияет на равновесие обоняние. Как вам запах большого количества тухлой рыбы? Аллергия на запахи — вообще болезнь и серьёзная потеря соматического равновесия.

Равновесие — это серьёзно. Отложенные эмоции вместо сиюминутных — тоже о равновесии. Нарушения в сфере *cogito* — про равновесие, если сбои в памяти или внимании. А вертикальное или иное положение тела определяет орган в ухе. Равновесие оказывается основанием жизнедеятельности души и тела. Человек не думает о своём равновесии, если оно не нарушено и само не притягивает внимание. Значит, равновесие находится в основании сознания. Равновесие — точка сборки чувств и производных от них уровней сознания. К чувству равновесия следует отнести осанку и мимику.

Итак, что-то *простое* сначала расщепилось на Надежду на бессмертие и волю к смерти, вытянулось в постоянное ощущение тоски, раздробилось на бесконечность ощущений и преодолевает себя. А равновесие — опять простая единица, но уже разделённая на ощущения, чувства и прочие подробности... Кроме равновесия, собирает чувства и ощущения ещё внимание. Получается, что чувства и ощущения обобщаются дважды: во второй раз уже с помощью внимания, которое изначально является схватыванием. Схватывание прячется во внимании вместе с чувством равновесия...

Если вы смотрите, как пара танцует танго, то замечаете, скорей всего, одного из партнёров. Я, например, смотрю на женщину. Мужчина рядом с ней мне только виден: зрение воспринимает его, но внимание — нет. Моё сознание встревожилось бы и потеряло равновесие, если бы я совсем не воспринимал партнёра по причине негативной галлюцинации.

Внимание и равновесие спутаны, но их можно разделить... Они по-разному оказываются началом сознания. Напряжение внимания, хотя бы, отчасти лишает равновесия. Внимание не контролирует осанку и мимику лица или делает это с трудом: осанка и мимика — это вотчина равновесия. Если я обретаю единство в равновесии и тождестве самому себе, то *cogito*, без сомнения, проявляет себя в различениях внимания, в нём же засело и схватывание. В операционной системе нет ни где места, где бы *cogito* и «я» не присутствовали вместе.

Равновесию доступно внешнее и внутреннее, ограниченное условием «здесь и сейчас». Внимание может обращаться к памяти, в том числе, к памяти о равновесии, раздвигая себе рамки «здесь и сейчас».

Внимание неотделимо от памяти, и память избирательна, как и внимание. *«Вообще-то нет такой штуки память... это процесс, при котором мозг меняется, происходят изменения в силе синапсов, рост дендритных шипиков и происходят химические изменения, которые усиливают одни нейронные сети в ущерб другим... изменения происходят по всему объёму мозга».*

Я помню далеко не всё, что со мной происходило в жизни, только кое-что в памяти засело. Уже сорок лет нет кинотеатра, в котором я первый раз в жизни смотрел «Двенадцать стульев». Зачем я запомнил слова Бендера: *«Кто скажет, что это девочка, пусть первым бросит в меня камень!»*. Я даже помню, что сидел в середине зала... Слова привлекли моё внимание, потому что были бессовестные. Воробьянинов, конечно, не девочка, но в исполнении С. Филиппова и не шустрый такой мальчишка... Может, совесть выбирает, что мне помнить? Эти слова не были важны для моей жизни. Множество гораздо более важных слов я забыл и до сих пор пропускаю мимо ушей, потому что жизненного опыта не хватает... Я помню, как в этом же кинотеатре смотрел фильм с молоденьким Адриано Челентано. Фильм был до шестнадцати лет... Я смотрел его через вентиляционную дырку в крыше кинотеатра бесплатно и совершенно не по праву... память фиксирует мою и чужую бессовестность. Но не сама же она выбирает, что ей помнить, и меняет мозг по всему объёму? Память сохраняет что-то схваченное на долгое время по основаниям, которые имеет *cogito*. Как бы, оказывает ему ус-

лугу. Но менять мозг по всему объёму, cogito тоже не обладает в самом себе механизмом, по определению, пассивен.

Созерцания cogito прошли процесс становления, но не являются причиной самих себя... Описания мира, схватывающие и сам cogito, уже сидят в нём.

Память связана не столько с совестью, особенно, с дискурсивной, сколько с недоумением — эмоцией несоответствия действительности и слов (дискурса). Недоумение вызывал у меня и невинный фильм с Челентано. Недоумение вызывала и очевидная ложь Остапа Бендера. Как можно так нагло врать?

Итак, в основании внимания лежит схватывание, первоначальная синтетическая апперцепция, по Канту. Пусть внимание привлекли ярко накрашенные губы, оно схватило их; всё, что было рядом, тоже схвачено. Но ведь бессовестно с моей стороны так пялиться на женщину... Эмпирическая совесть cogito не может быть хозяином памяти. Есть сомнение, что cogito — вообще единственный хозяин и внимания. Скорей всего, оно арендуется им у какого-то неизвестного вектора.

Внимание — центр логических операций, — точка сборки операционной системы. Если рассудок — окружность вокруг внимания, как центра, то разум ещё один внешний круг. Если рассудок сводит восприятие к понятиям, то разум делает понятия бесконечными идеями... В то же время моё внимание формируют и описания мира, которые предлагают другие.

Собственными впечатлениями внимание тоже формируется и применяет к ним логику, которая коренится в схватывании, а далее моя логика пронизывает рассудок и разум, не встречая себе препятствий. По идее, схватывается всё, что перед глазами, но такое схватывание не доступно нашей эмпирической памяти, только коренится где-то, позволяя «вдруг» вспомнить что угодно... Прохожие идут мимо, я воспринимаю их, зрение на них направлено, но внимание — нет. Вот, если бы шёл навстречу кто-нибудь из рода динозавров...

Недавно я вспомнил, как отец учил меня завязывать шнурки. Что-то щёлкнуло в памяти, даже свет лампочки под потолком загорелся в кухне. Я сижу на полу и на пределе своих способностей сопоставляю шнурки. Моё внимание в тот момент усилило восприятие, и момент отложился в памяти. Но всю жизнь не привлекал к себе внимания...

Сначала мне пришло в голову, что я буду сам завязывать шнурки: я совершенно не знаю, как это делать, и на шнурках навязываю узелки. Мне уже кажется, что и бантики не нужны. Навязать побольше узелков, чтобы шнурки стали покороче, только сильно их не затягивать... это

недоразумение, что узелки всегда затянуты. Мать обычно проклинает узелки. Но сейчас мне не мешает, смотрит сверху, как я это делаю, даже обратила моё внимание, что ботинки надо то снимать, то надевать... Я не понял замечания.

Она развернула мысль: каждый раз, обуваясь и разуваясь, нужно много узелков навязывать, а за бантик потянул, и шнурок развязался... Видимо, про узелки, сосредоточившись, я выразился вслух: был возможен длинный ход мысли, но я не стал спорить, решил: научусь завязывать бантики, потом буду завязывать по-своему...

К разговору подключился отец. Он показал мне, как сложить бантики, ловко завернул их друг за друга и связал. Сложенный вдвое шнурок держался в моих пальцах. Но второй бантик надо было защищать пальцами одной руки, и пальцы делались деревянными. Я всё же его защищал, но потом уже не мог шевелить шнурками. Неуклюжесть в пальцах нарастала, и бантики рассыпались. Тогда отец показал мне более простой способ: обвязал сложенный бантик не бантиком, а просто шнурком и просунул в узелок.

Если до конца не вытягивать шнурок, второй бантик тоже получался. Я завязываю так шнурки до сих пор...

Детальность стёртых воспоминаний — это различие. Ницше выходит из себя из-за памяти: *«В отношении памяти кроется сильное искушение допустить существование души. Пережитое продолжает жить в памяти, против того, что оно «появляется» я ничего не могу поделать, воля тут ни при чём. Случается нечто, что я осознаю, затем появляется нечто сходное — кто его вызывает? Кто его будит?»*.

Действительно, отождествление и различие смотрят в глаза друг другу в памяти. Но, на самом деле, она ещё загадочней: день назад я вспоминал приятеля, которого не видели много лет, а сегодня утром встретил его на улице! Что я вспоминал — прошлое или будущее? Неизвестно, каким путём я продвигу, опережающе отражая действительность, но каким-то образом наша встреча уже существует для меня. Может моя память и спровоцировала её во внешнем мире. Для меня лично этот знакомый совершенно не важен, а я — для него. Та что всё непонятно.

Знаменитый психолог А.Р. Лурия написал книгу о С. Д. Шерешевском, память которого исследовал всю жизнь, но так и не смог измерить её объём: ни время хранения информации, ни количество запоминаемого не имели ограничений. Однажды с первого предъявления Шерешевский запомнил длинную строфу из «Божественной комедии» на незнакомом итальянском языке, потом легко повторил её через 15 лет

при неожиданной проверке... Незнакомый язык это даже не смысл, а просто звуки... Музыковед И. И. Соллертинский тоже мог пролистать книгу и безошибочно воспроизвести текст любой страницы. Он не читал страницы, а только просматривал.

Память Шерешевского и Соллертинского различала независимо от количества прошедшего времени и объёма информации. Кажется, это была и не память вовсе, а схватывание... Любопытно, что Шерешевский однажды ошибся. Мысленно располагая многочисленные предметы на знакомой ему московской улице, он один из них поставил в тень и не заметил. То есть его подвело внимание.

Структура памяти, возможно, покоится на свойстве эмоций находиться вне времени. Это станет понятно, если вспомнить отношение к чему-нибудь: из этого детского отношения мы уже выросли, тем не менее, оно хранится в памяти, каким было, хоть и сопровождается взрослым комментарием. Новое отношение к прошлым событиям не в силах стереть само воспоминание... Чулки на мне больше не болят, но отношение к ним сохраняется в памяти оно и есть память. Слово «сознание» — это знание вместе с памятью о внешнем и внутреннем.

Воспоминание будущего — не память, а предвидение — тоже весьма активное различение по сравнению с *cogito*, который не в силах изменить своих воспоминаний. Техника рефрейминга позволяет изменить только отношение к воспоминаниям. Того, что активней *cogito*, на самом деле, много.

Когда что-то безболезненно ткнёт, голова сама поворачивается в нужную сторону независимо от внимания и помимо воли: чьи-то глаза направлены на вас. Они попадут в поле зрения при любом количестве субъектов рядом, тоже имеющих глаза... Я опять различаю...

Другой человек тоже обернулся, когда я всего-то на всего заметил, что волосы у него на макушке растут, как у меня когда-то. Я возбудил по памяти чувство к самому себе... оно коснулось человека... Значит, я тоже различал чувства, поводом для которых стал... Мои эмоции через воздух достигли головы человека, он обернулся... Когда чья-то память касалась меня, я тоже ощущал безболезненный толчок ниоткуда в никуда. Повевший ветерок. Гегель определял интуицию, как «*самодвижение*». *Это — движение, которое возвращается в себе самом*». Различение чужого внимания — не пассивность и ни в коем случае не *cogito*. Тем более, различение внимания к себе сзади. Я *пассивно* подвергался воздействию чужого чувства, вызванного в их памяти, и поворачивался, проявлял несвойственную и недоступную *cogito* активность по отношению к этому воздействию... Мои воспоминания о волосах на моей ма-

кушке тоже идут сразу в обе стороны: отражаются от человека и осознаются в результате его оборачивания ко мне.

Мои воспоминания совершают работу. По мнению физиков, только сила совершает работу... Но, если случайные воспоминания заставляют обернуться, они совершают работу, на которую у них нет сил. Действительно, она немыслима для выветрившихся, давно забытых эмоций к себе любимому. Но что значит для эмоций «забытых», если они игнорируют время?

Пространство, преодолеваемое силой, совершающей работу, обладает тоже неограниченным размером. И пространство, и время игнорируют этой амбивалентной силой.

Мысли, направленные на нас, могут быть прочитаны. Нужно только доверять пришедшим в голову фантазиям, не замыкаться на дискурсивных установках, что ничего такого не может быть и «случайно показалось». Чаще всего читается агрессия: мимоидущие прохожие мысленно проецируют её на своих знакомых, отсутствующих рядом. Но, кажется, что идущий навстречу хочет дать тебе в морду, его эмоциональный фон различим. На самом деле, это — не тебе. Можно не готовиться к немедленной драке, а наслаждаться бесплатным приключением: глядеть в бешеные белки.

Мне только пару раз и не повезло с такими гражданами...

Телепатические связи могут быть и приятными. Они вообще могут быть любыми, потому что универсальны. Однажды я почувствовал внимание собаки. Она трусила по дороге и попыталась узнать во мне хозяина, и я как-то просто её понял... Помню, как на пляже я заметил мокрые, холодные трусы на проходящем мимо человеке, прилипшие и сидящие на нём, как лишнее. На самом деле, мне дела не было до его трусов, но я, зачем-то, поднял голову от песка и сонно посмотрел... Я с опозданием понимаю, что он «не в формате»: мы — на нудистском пляже. Человек в трусах здесь не примечательный факт: «текстильщики» возникают регулярно, но я загораю, как положено...

Через какое-то время человек, проходивший мимо, тоже загорает, как положено, недалеко от меня. Я, зачем-то, и это заметил. В очередной раз поднял голову... Кажется, свои печальные мысли он направлял на меня, храбрости набирался: со мной себя сравнивал: к своим мокрым трусам относился с омерзением... Я не стремился прочесть его мысли. Моя воля здесь ни при чём: мысли меня думают...

Я не один такой интуитивный: на улице я нагоняю девушку, сильно раздетую по причине жары. Её тонкие ноги показались мне лишенными обычной гладкости. В голову приходит мысль о целлюлите...

Девушка ко мне обернулась. Я вижу её доверчивый, мягкий взгляд, но прежде всего в глаза бросилась твёрдая серьга в её ноздре...

Кажется, интуиция тоже может смотреть, но сознание не понимает, что именно происходит. Когда замечаешь зубы вместо губ, кольца вместо пальцев или, хотя бы, ключицы под кожей, человек обороняется... Серьга излучила в меня свойство своей твёрдости. Интуиция девушки замечает критическую мысль, направленную на неё, филигранно ориентируется в окружающей обстановке: не сама же серьга излучила в меня и не cogito девушки... Скорей всего, её сознание ничего не замечает. Когда она оборачивается, толком ничего не различает. Её глаза увидели человека, но что-то помимо её сознания отражает мою некомплиментарную мысль. Некая активность девушки действует против меня предметом, интимно связанным с телом.

А когда я замечал твёрдые ключицы, моё сознание было готово, кажется, почувствовать симпатию к их хозяйке, но моё тело осталось холодным. Все вазомоторы спали, я получаю отпор до того, как осознал, что внутренне не приготовился выразить симпатию.

Интуиция замечает всё, если и не может пробиться в сознание. Я ещё не начал ничего думать, когда замечаю оборону. Неизвестно, что раньше возникло: оборона или моя симпатия, передумавшая выразиться даже в мыслях. И зачем девушка с ключицами всё различила? Ещё пара примеров интуиции. По дорожке большого, заброшенного парка идёт молоденькая девушка... За сотню метров мы оказались друг у друга в поле зрения: что-то безболно толкнуло меня, отлетело в траву, как будто, беззвучно смеясь... Я немедленно стал интуитивным и попадаю в ближайшее будущее. Кажется, я оцениваю налетевшую фантазию, как облегчение со стороны девушки: мы разойдёмся, как прохожие. Действительно, это нас и ждёт...

Когда мы сблизились, я вообще не смотрю на девушку, чтобы ей было спокойней. Но фантазии всё равно скользят в моей голове. Кажется, что в области её живота расширяется полость. Я залетаю туда вперёд головой, не задевая края этой норы плечами.

Мне известно, что такой большой полости в теле девушки нет. Это — не мои мысли. Видимо, она представляет, как можно быть изнасилованной. Другая девушка вообще шла со своим парнем. Мне понравился контраст её худого лица и широких бёдер, когда я смотрел на неё... она невольно улыбнулась. Девушка могла не сознавать мыслей, которые её думают, но различила комплементарное отношение к себе.

Эмоции присутствуют в интуиции даже в более выраженном виде, чем в мышлении. Их собственным фокусом является трансценденталь-

ная совесть — отсутствие образа и активность, и различие вне зависимости от пространства и времени в связи с активностью. Интуиция прямолинейно стремится сквозь препятствия, свойственные cogito в созерцаниях. Между чувствами нет непроходимой стены, тем более, для интуиции, и она «бродит» между ними. Cogito мыслит точно так же, бродит между чувствами, но у него хуже получается... Эта прямая линия в поведении интуиции и cogito не может не привлечь внимание...

Младенцы интонационно ориентируются в смысле. Интонация служит входными цепями в опыт, фиксирующийся на разных уровнях операционной системы. Сознание систематизирует опыт всю жизнь, но интуиция остаётся вне этой сферы. Она игнорирует опыт... Принцип отбрасывания части восприятия — игнорирования — прослеживается потом неукоснительно и в операционной системе.

Чувства обобщают ощущения, отбрасывая их часть. Внимание что-то отбрасывает, обобщая чувства. Рассудок частично обобщает опыт внимания, а разум опыт рассудка, прокладывая направления для практики... В итоге систематических отбрасываний, разум приходит к идее Бога — последнему обобщению — и оказывается покинувшим почву опыта. Как и интуиция, он игнорирует опыт, который интуиция вообще не рассматривает. Отбрасывание опыта дошло до логической точки, если Бог, *как предельный исход направлений и верховный принцип тождеств*, игнорирует опыт.

Наша любимая практика — тоже рассуждать априорно, не опираясь на опыт, извлекая смысл из себя.

После последовательного отбрасывания части опыта, мышление становится искажением реальности, её интерпретациями. Последнее обобщение разума — Бог — изгоняет из мышления всякую реальность, но трансцендентальный принцип всеобщности и обязательности себя проявляет. Бог, с одной стороны, выглядит инерцией предыдущих обобщений; а с другой — навязывает себя по цепочке вниз от разума к чувствам... Ещё задолго до идеи Бога операционная система видит только то, что содержится в идеях разума.

Идеи разума навязаны чужим опытом — дискурсом, симулирующим какую-то коллективную природу эмоций, такую природу имеющих, — но разница в том, что за пределами опыта интуиция может всё, а мышление — ничего...

Разум, конечно, взвешивает явления, но интуиция это лучше делает и совпадает с основной функцией сознания — опережающим отражением действительности, она же дарит разуму такую иллюзию о себе самом.

Интуиция — опережающее отражение действительности. К нему же стремится и мышление, и интуиция может даже сливаться с ним в общую духовность. Созерцая себя взрослым в клетчатой рубашке, я вылез из автобуса, которые тогда ходили. Это был мой опыт. Времени для работы интуиции не требуется, эмоции способны заранее «знать» будущее, ибо после смеха будут слёзы, но мышлению для работы требуется время. В этом между ними разница.

Ощущения образованы на основе эмоций, но низведены до отражения действительности «здесь и сейчас». Будущее не известно ни ощущениям, ни чувствам... Когда рассудок, внимание и чувства соотносятся с дискурсом — чужим опытом, — собственный опыт ощущений отходит в тень. Поэтому мышление представляет собой два взаимоисключающих процесса, с одной стороны, накапливает опыт, с другой — его игнорирует... *«Разум видит только то, что сам создаёт по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди и заставлять природу отвечать на свои вопросы».* (Кант). Хорошо, если разум навязывает себя в научном познании, придумывая эксперименты и ожидая подтверждения своих суждений. Но в жизни всё по-другому: в сознании не умолкает внутренний монолог и закрывает от новой информации, которая в зоне доступа... Старый опыт препятствует свежему восприятию, собирает восприятие из известных ему представлений. И этот трафаретный подход к делу поглощает всё внимание: новая информация остаётся бесполезной. При этом мозг экономит силы в процессе мышления, очень удачно избавляясь от необходимости *изменяться по всему объёму*. Кажется, что интуиция по праву отрицает опыт... В итоге мышление похоже на неё, как обезьяна на Господа Бога, но зеркальным образом свойство интуиции сохраняется в мышлении, хотя бы отчасти опережающее отражающее действительность. Так что есть у нас вектор, подчиняющий себе cogito.

Интуиция обладает безусловностью, может с сознанием не считаться, и подозревать наше сознание в способности ей противостоять не приходится. Интуиция не пользуется опытом, но активно совершает насилие над ним, что встречается и в откровенной форме... Люди играют в рулетку. Нужно чуть раньше поставить на правильный номер, чем он выпадет: это занятие для интуиции... Действительно, игроки ставят на счастливый номер, но, почему-то, снимают свои фишки. Ставка сделана случайно, съём уже не случаен. Он, почему-то, закономерен. Я не раз делал это сам и видел, как люди, увешанные золотом, жалеют фишки на счастливых номерах, а на остальных рассыпают, не глядя... На дамочку никто бы не взглянул, все расставляли свои фишки и сле-

дили за игрой: выпал 22-ой номер... Дамочка горько воскликнула, укусив себя за кулачок, она только что сняла с этого номера свою фишку... Все и вспомнили, как она дёргала руками. Золотистый парень тоже взял и сдвинул сторублёвую фишку на каре. Номер, с которого он сдвинул, выпал.

Когда я сам ставлю на счастливый номер, то все сферы тела пронзает гипнотическое эхо, потом рука снимает фишку. В это время сознание отодвинуто от вмешательства в моторику тела, потому что я начинаю незаметно задыхаться. Если представить, что сознание вставит слово, я почувствую себя обрезавшимся, как острой бритвой. Ниже уровня сознания в этот момент действуют очень сильные эмоции. А сознание — лишь свидетель и «обвиняемый» в своих неудачах.

Кажется, что тело осведомлено о существовании интуиции, но не может выдержать её проявления. Ему нечем дышать, и, заботясь о теле, я снимаю фишку.

Внимание может быть направлено на идеи разума, принадлежащие *cogito*, и акты внимания изменяют *мозг по всему объёму*, но наше внутреннее чувство стремится обсасывать свои решения, проверяя в них тождество, и этим обсасываем использует «схему ссоры» с интуитивным схватыванием. Если зрение видит больше, чем сознание понимает, это будет вычеркнуто, поэтому различие должно прорываться и причинять боль *cogito*, которое желает только «узнавать». Это, скорее, об интуиции, чем о мышлении, когда «все способности срываются с петель, передавая друг другу только насилие». Различие — это интуиция в том самом месте, где она смыкается с *cogito*.

Время во внутреннем чувстве стоит, тоже отражая отсутствие времени для интуиции.

Внутреннее чувство можно определить, как равновесие с интуицией. В широком смысле слова равновесие в сознании — это внутреннее чувство. внутреннее чувство зеркально переворачивает смысл интуиции, отсекает новое схватывание во имя самотождественности. Пока новое не пройдёт проверку. За это время действительность опять уйдёт вперёд, и разум не совпадёт со своей целью — опережающим отражением действительности.

Трансцендентальная совесть заботится об эмоциях, и надо полагать, что заботится о себе самой. Нет других причин... Эмпирические эмоции содержат в себе бином, двойное имя (смех и слёзы), но трансцендентально они — тоже прямолинейность и направление для практики. Мы кушаем и говорим: «вкусно». Но «вкусно» — и кремовый торт, и жареное мясо. От мяса и крема ощущения разные. Мы отождествляем их.

Мы спрямляем их в своей речевой деятельности... Мы выражаем жжение в ране, как «больно», но «больно» — определение «шкалы», а не сами «градусы».

Воля в сознании, как прямая линия. Идеи разума тоже вытягиваются просто, как прямые линии, но эта простота прошита сложной пассивностью... Мышление вообще может протекать на уровне: «яблоки — это черви»; лучше сложная пассивность мышления, включающая в себя «жертву», чем такая прямолинейность. Можно мыслить и поражение, как победу, например, затеять ремонт в квартире и растянуть на всю жизнь. У прямолинейности мышления есть негативная сторона, как и блестящие возможности.

Прямолинейность мышления выражал М. А. Булгаков в своих шутках: «Водка — яд, сберкасса — друг».

Пьянствующие личности заражают окружающих первичной природой эмоций, воспевая преодоление последствий контроля нервов после трудового будня. Выраженный смысл всегда — ложь. Но возникает идея, подчиняющая адептов, которая становится материальной силой и актом сотворчества миллионов — прямой линией в непосредственном поведении.

В молодости мы выбираем представления по вкусу. Эти представления поддерживают нашу важность, отсекают от действительности всё лишнее... Некоторое время картина мира выглядит стройной, но жизнь приносит опыт. И возникают нестыковки, понемногу добираются до самого верха, до самых последних обобщений. И Бог создаёт дьявола!

После этого обладатель разума чувствует себя в тупике: «непарадные движения души, драмы сарказма...». *«Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет»*. Если Чацкий благополучно справился с тупиком: «Карету мне! Карету!», — то для юного Вертера тупик окончилось самоубийством. Так же остро напоролась на свои интеллектуальные схемы французская революция: Свобода, Равенство, Братство, Добродетель, Богиня Разума... и Гильотина, упорядочивающая мир.

Но есть и хорошая новость: *способности к обучению*, из которой происходят наши представления, противостоит *способность к самообучению*. Можно обратиться к своему личному опыту, оттесняемому обучением, вспомнить, возможность какого-то другого анализа, которая тоже копилась в памяти. Внимание что-то замечало... Эти впечатления оставались в тени, мы думали, как были обучены, но повторение одних и тех же ошибок заставляет увеличить «другие мысли» под микроскопом внимания. Сначала привычные суждения встали на дыбы, так как представляют из себя понятия и оценки, наделённые дискурсивной

безусловностью... Но, тем не менее, мы провели инвентаризацию взглядов, выжимая из себя по капле конформизм к чужому опыту..., и старые воззрения дрогнули.

В нашем сознании параллельно развивается структура, отличная от интеллекта или разума, который есть способность к обучению. Эту структуру лучше назвать умом. Не смотря на всю условность определений — ум и разум, — ум относится к внешнему созерцанию, а разум — к внутреннему. За рамки созерцания ни ум, ни разум не выходят, вместе пребывают в рамках опыта... По нашему мнению, ум более свойственен Нарциссам, а разум — людям совести. Ум, как и разум, стремится сделать собственного носителя «приемлемым членом общества». Если это — бандитское общество, значит, приемлемым членом бандитского общества... Как самостоятельность, ум может показаться предпочтительней, но, кажется, разницы нет: профессор Преображенский советовал Шарикову учиться, но Шариков предпочитал жить своим умом, в результате получилось то, что получилось... Люди с умом, но без разума буквально «гадят» вокруг себя, оставляют следы. Зато ум — не моё перепуганное сознание «собачки» в фотостудии, которая крутит во все стороны головой. Я был уже «обучен» вести себя цивилизовано... в угоду ориентации на папу и маму заставляю себя подавлять сомнения, когда возможность сомневаться в ширмах безгранична...

Человек ума так бы себя не вёл. Он закатил бы скандал. Ум и разум — акценты сложно организованного индивидуального сознания, перманентно ставящего перед собой вопрос, который к концу жизни вытягивает две жилы на шее, отвечать на него возможно в разном стиле: как стереть свой след, или наоборот, как оставить?

По большому счёту, как программа поведения, разум состоит в том, чтобы стирать след. Женщины и мужчины, которые так поступают, разумны. Зато среди свойств ума стремление к сомнению. Если ты сомневаешься в чём-то, то ещё в детстве «выпячиваешь» себя слезами...

Черепаша Кэрролла превращает простое трёхчленное умозаключение в тысяччленное, снова и снова прибавляя к посылкам вопрос: «Если это верно». Она «выпячивает себя», но при этом занята самообучением...

Заслуга ума — в обнаружении никем не установленных связей, вообще, чего-то нового... Правда, здесь возникает одно тонкое место. Среди женщин есть Нарциссы: почему женщины ничего не изобретают и закономерностей не открывают? Периодическую таблицу химических элементов придумали не женщины. Педагогику, где у них самые обширные позиции, написали тоже не женщины..., даже духи Шанель №5

придумали мужчины — парфюмер Веригин и коренной москвич Эрнест Бо — эмигранты из России.

Мужчины придумали также вибратор, чтобы лечить женскую аноргазмию. Правда, тампоны женщины для себя придумали сами. Мужчины не догадались.

Профессор Савельев вообще считает, что женщины имеют слабо развитые лобные доли мозга: «У них другой сорт мозга, но сначала эти доли развивались у женщин, как способность делиться пищей с детёнышем. Мужчины получили их в наследство, не загруженные биологической функцией, и приспособили для изобретений». Профессор признаёт женский ум, как связанный с проявлением доминантности (нарциссизмом): *«Дамская доминантность построена на внимательном поиске мелких недочётов, противоречий и ошибок у окружающих. Вполне ожидаемо, что в поведении любого человека подобных промахов найдётся очень много. Если мелкая ошибка найдена, то она немедленно трансформируется женским мозгом в повод для доказательства собственной доминантности. Это происходит в результате инстинктивной экономии расходов энергии мозга на собственной работе. Ориентированный на репродукцию мозг женщин не хочет заниматься сложными проблемами, требующими больших энергетических затрат, проще выловить у партнёра, подруги, начальника или подчинённого мелкую ошибку и сообщить о ней столько раз, сколько нужно для сиюминутного эффекта доминирования. Если чужой очевидный промах замечен, то мозг получает внутреннее эндорфиновое подкрепление. Остаётся только представить это событие, как свои личные достоинства и доказательство явной убогости человека, совершившего ошибку. После первичного доказательства несомненной женской правоты начинается тщательное обсуждение мельчайшего вопроса во всех ещё более ничёмных деталях. Такая проработка пустой проблемы повторяется множество раз, даже в самом очевидном случае. Этим способом женской правоте придаётся намного большее значение, чем можно было бы ожидать от пустякового вопроса. Такая мгновенная трансформация мелкой чужой ошибки в доказательство реальной женской доминантности и интеллекта очень распространена».* («Нищета мозга»).

Скорей всего, мужской и женский мозг стали повторять друг друга зеркально: у мужчин способность к изобретению выраженный смысл, а у женщин выражает себя, так сказать, не «бросаясь в глаза», сами женщины, конечно, «бросаются в глаза». Они могут задавать тон, как Коко Шанель, которая изобрела способ одеваться, но не саму одежду. Двумя фото женщина может показать благосостояние, ухоженность и

фигуру. Женщинам доступен свежий взгляд на вещи даже больше, чем мужчинам. Они изобретают шарм. Всё можно просчитать, кроме шарма. Дамы не изобретают только что-то вроде операционной системы Билла Гейтса, зато прекрасно умеют этим пользоваться. Кстати, девочки учатся лучше мальчиков.

Умная женщина может иметь пять детей от пяти разных мужчин и личную жизнь, как у Анжелики. На мой взгляд, это настоящее изобретение в условиях дискурса, который требует от женщин слыть монашками...

Двух активных акцентов в сознании не бывает, но, если умная женщина работает, как ретранслятор, то эффективно работает и её разум. Примером может быть «Душечка» Чехова... Во время своих противоположных суждений о театре у неё не срабатывала память в порядке добросовестности перед самой собой. Но каким-то простым образом отсутствие голоса у совести Нарцисса является зеркальной метаморфозой отсутствия у совести глаз.

Умея ретранслировать мысли избранников, Душечка то и дело выходила замуж. Она жила своим умом, а не разумом, которому общество норовит научить, включая ироничного Чехова. Конечно, ум и разум сложно разделить, они могут выделяться только как акценты.

Женщины могут быть разумны, но, не смотря на то, что они могут прекрасно учиться, всё равно они ищут выход из трудного положения, если в нём оказались, с помощью ума и тела.

Дамы умеют пользоваться верхним чутьём. В фильме «Тринадцатый этаж» жена так скомбинировала перезагрузку мужа, который стал её пугать, что это заставляет изумиться. Она пользовалась примитивной хитростью, но интуиции женщин можно позавидовать.

Доверие между разными сортами cogito — это дерево, растущее без корней. Именно доверие при взаимодействии с «другим сортом мозга» приводит «сорта» к консенсусу вопреки опыту провалов в отношениях.

Сам пассивный синтез cogito является в каком-то смысле слова доверием. Мы доверяем или не доверяем своему восприятию. В то же время доверие, сияющее в глазах детёнышей, это общее состояние эмоций. Вообще, разум, ум и опыт не играют основополагающей роли в работе сознания: опыт имеет смысл, пока собирается с напряжением эмоций, потом это — почти что бесполезная коллекция. С помощью опыта сознание добивается доверия к собственному мышлению, его же добивается при взаимодействии с другим сортом мозга. Люди, которые используют чужое доверие и обманывают, плохо кончают, потому что, кажется, эмоции имеют подводную часть, как общее между всеми. До-

верие — направление в различении, как и недоверие... Вся жизнь уходит на рекомбинацию дискурса, именно по этому основанию. Дискурс, звучащий в нашей голове, сам является какой-то борьбой доверия со страхом.

Однажды я смотрел телевизор вместе с актёрами. Они в немногих словах обсудили между собой содержание фильма. Меня изумило, что они видят кино не так, как я, смотрят игру актёров и оценивают их амплуа... Я ухватил их мысль, даже понял, что они «правей», но меня накрыла инерция привычного восприятия фильма, я только запомнил их точку зрения. Мозг напрягся, чтобы пропустить новую информацию; я, вопреки собственным стереотипам восприятия фильмов, проявил доверие к их словам...

Новая информация со временем сама встроилась в мою картину мира. Я по-прежнему вижу людей на экране, слежу за их содержательной жизнью, но, если что-то привлечёт внимание..., вижу и актёров. Вот Алла Борисовна играет в клипе сильную женщину, которая плачет у окна... впечатление на меня от «сильной женщины» я бы раньше посчитал какой-то особенностью сильной женщины... но теперь вижу, что Алла Борисовна совершает усилия, чтобы не смеяться... вижу актрису. Вот «Саша» обнимает «Машу»: обычно они разговаривают, и «Саша» очень убедительно выглядит, как муж. Сейчас он как-то скован: я немедленно понимаю, что передо мной актёр. Почему-то, ему не удобно обнимать актрису Бирюкову, как совсем близкого человека... Вот Александр Домогаров и Владимир Ильин сыграли свою роль в эпизоде, по очереди выразительно откинулись с каким-то одинаковым ехидством. Я стал смотреть... Далее их коллега играет пьяного. Конечно, он это делает, но даже я понимаю, что передо мной гипноз сцены. Они заранее испытывали профессиональное ехидство.

Доверие само по себе является различением новой информации, а, если доверие, как общее состояние эмоций, было перевешено недоверием, можно выбрасывать весь разум, ум и опыт и начинать сначала... Сознание похоже на очаг папы Карло с нарисованным огнём. Время от времени «я», проявляет себя в различениях и перерисовывает «пламя». Рисунок изменяется, но пламя остаётся нарисованным. Поэтому время жизни уходит на рекомбинацию дискурса, на согласие с тем, что мы чувствуем.

Где настоящий огонь в нашем сознании? Кажется, это эмоции. Они — непрерывность, как в пассивном *cogito*, так и в активности за его рамками. Всё сводится к ним.

Известно, что интуиция локализована в лимбической части мозга вместе с доминантами питания, размножения и власти над окружающей средой. Доминанты набиты эмоциями: очень удобно, всё в одном месте. Но вопрос оказывается запутан, нейрофизиолог Шеллингтон заявил: *«Мы не имеем ни малейшего права утверждать, что мышление является функцией мозга»*. Это очень интересное заявление.

Может, «я» где-то в сердце, где ритмично движется кровь? Движение — это определение эмоций. Но, на самом деле, «я» может быть, где угодно, в том числе, и снаружи, совпадая с объективацией Канта. Может быть и не внутри и не снаружи, а там и сям. Российский биофизик Ефим Либерман, освещая вопрос о работе мозга, находил его источником звук:

«Высокочастотный гиперзвук возникает в клетке, потому что электроны колеблются и задевают за стенки мембраны. В нейроне есть вычисляющая среда. Это — цитоскелет — вычисляющая трёхмерная решётка, через которую идёт звук. Нельзя ничего другого использовать, кроме звука. Если использовать электромагнитные волны, то с размерами порядка молекулярных, они разрушают молекулы. Внутри клетки — жидкая среда, скорость распространения звука триста метров в секунду, клетку он проходит мгновенно, и мозг работает в страшном грохоте и шуме... Ничего похожего в личном самосознании нет. Личное самосознание — не программа, как думает примитивная физиология, это конструкция, про которую наука пока не знает ничего! В мозгу нет места для музыки, для цветного зрения..., в нейронном компьютере считать можно, он такой аналоговый, в грохоте работающий, но для личного самосознания там места нет».

Разве, музыка, которая крутится в сознании, не звуки? Может, имеется в виду, что в личном самосознании есть звуки и тишина, в которой они звучат, а не непрерывный шум, как в цехе? Может единый Голос Бытия содержать свою зеркальную противоположность — тишину? Тогда личное самосознание вполне сосуществует с трением электронов о клетки мембран. Самосознание эмпирически изменчиво, но, скорее всего, Ефим Либерман как-то прав по поводу его несовместимости со звуками, хотя «личное самосознание» без звуков (единого Голоса Бытия) проблематично...

Можно вообще допустить, что точкой отсчёта личного самосознания является единый Голос Бытия, прячущийся в линиях мира. Взвешивание явлений интуицией происходит с помощью звуков. «Личное самосознание» наделяет происходящее смыслом, делает это звуками. Единый Голос Бытия делает личное самосознание умным или безумным

в самом расхожем смысле слова. Если личное сознание перестало понимать, это связано со смыслом, а звуки для смысла немаловажная составляющая. Смысл есть соотношение шума и тишины. Безумие — это звуки, которым мы не в силах придать смысл. Cogito должен быть защищён от непонятого. Он защищён картиной мира и дискурсом, тишина, которой требует *личное самосознание*, какой-то момент единого Голоса Бытия. Конечно, тишина в непрерывно стучащем сердце — не представимый момент. Но в любом грохоте может быть столько же тишины, сколько шума... Темперамент тоже — звуковая характеристика: холерики и сангвиники имеют больше связи с шумом, а меланхолики и флегматики — с тишиной.

От требования «тишины» в *самосознании* не просто отмахнуться. Вроде бы я всегда пребываю рядом со своей памятью. Вдруг это начинает плыть в «Мире без времени». Слово «диафрагма» прилетело ко мне издали, давая почувствовать пространство между тем, что я чувствую, как себя, и памятью. Это было беззвучное пространство, и всякий раз, когда в сознание врывается ужасающий грохот, память возвращается ко мне вместе с текущим временем, из моей сиюминутной памяти периодически пропадает то, что было секунду назад, и внезапно с шумом возвращается. Кажется, в сознании нет ничего, кроме проекций реальности, в том числе, воображаемых... Я воспринимаю эти проекции отстранённо, как фантастику, но никогда нельзя сказать, чем они являются. В «Мире без времени» я тоже откусил себе язык, раскрошил зубы, порвал диафрагму, лёгкие провалились в живот... Вроде, это можно посчитать продуктивным воображением, но мои реакции на него были самыми непосредственными. Мне также было трудно дышать, когда я вылез из автобуса в видении детства. Эта проблема не может быть нафантазирована: она была схватыванием внутреннего состояния, идущего «перпендикулярно» реальности.

Вообще же, если шум проник в личное самосознание, — это дорога к безумию. Между личным самосознанием и шумом должен быть какой-то барьер, как между мозгом и кровью.

Этим барьером может быть понимание: оно распространяется на внешнее и на внутреннее — универсально, — и, являясь эмпирическим, одновременно трансцендентально... Мы не можем составить представление о «я», но в какое-то понятие оформляется единый Голос Бытия. Полицейский маршал в фильме «Острове проклятых» составил из собственной фамилии четыре анаграммы, распределив между ними смысл личной истории, и навсегда запутал разум. Врачам остаётся только по-

кончить с его агрессией, направленной на других пациентов, провести лоботомию.

Агрессия — всё, что осталось неизменного, после наступившего у него безумия. Эта личная агрессия была и причиной того, что с ним случилось... Жена, сойдя с ума, утопила в озере троих детей. Увидев случившееся, он убил любимую жену и тоже сошёл с ума. А до того, как всё случилось, голова болела у жены, она жаловалась ему, но полицейский не слышал. Он любил детей и заставлял жену рожать, а ещё ему нравилось жить в загородном доме. Для его жены трое детей и жизнь в загородном доме — слишком много. Такая жизнь разорвала её разум. Единый Голос Бытия коварен. Полицейский, убив жену, разорвал себе разум анаграммами...

Звуки гипнотизируют смыслом, как истина в последней инстанции. Путь к ней кончился: она сама перед глазами. Кажется, этот механизм легко себе представить в виде терминов, звуков или букв и можно смоделировать.

Возьмём наше любимое слово «вдруг»; посмотрим, каким может быть смысл его звуков, имеющих один и то же смысл в едином Голосе Бытия. Мы будем беспристрастны к смыслу и обратимся к воркованию голубей, которые в весенний, солнечный день пьют керосин из лужицы. Будем считать их «гу» выражает удовольствия. Значит, «уг» наоборот. Это концовка слова «вдруг», его итоговый смысл. Если смысл звуков универсален для всего живого, то универсален и, как для здорового, так и для больного сознания. Прочие звуки тоже можно расшифровать: «р» — угроза, «в» произошло от «у» — звука боли, «вд» — это «уд»: получается: «уд», «уг». А между ними зажата угроза «р». Теперь всё запутаем, как сделал полицейский со звуками своей фамилии: «ругвд», «дрвуг» «удрвг». Это шум, а не смысл. И, столкнувшись с ним, личное самосознания приходит к безумию.

Если свою личную историю запутать в неблагозвучных анаграммах, составленных из звуков собственной фамилии, как это сделал полицейский, и всерьёз отнестись к этому, в разуме будет сломлено созерцание тождеств...

Со смыслом, похожим на анаграммный, можно играть, но в белиберду лучше не вдумываться: *Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота, выскочила палка с бабкою в руке и давай охаживать коня на мужике.* Также лучше поменьше смотреть кричащий телевизор, чтобы не зашумело сознание. Оголтелая пропаганда заставляет личное самосознание тоже кричать. Вообще потребление информации привносит шум в личное самосознание. Структуры мозга, собираю-

щие информацию, и структуры мозга, её осмысляющие, антагонисты. Структуры, которые обдумывают информацию, настраиваются на работу через двадцать четыре минуты и лишь при условии, что внимание не отвлекается на получение другой информации... В настоящий момент обилие потребляемой информации погружает людей в «цифровое слабоумие», псевдодебилность. В фильме «Преступные мысли» 2003 г. шум чужих мыслей проникает в сознание девушки, там натурально выглядит ощущение безумия от этого шума.

В романе «Петербург», страдающий галлюцинациями, Дудкин перед своим окончательным безумием тоже разбил фамилию Шишнарфиев на слоги Шиш Нар Фне, потом превратил в Енфраншиш. Эта анаграмма наполнилась для него смыслом, после этого Дудкин лишился последней адекватности, оставшейся у него, не смотря на галлюцинации. Кажется, галлюцинации по сравнению с анаграммами ещё мягкий вариант безумия, если погружённый в галлюцинации Дудкин мог сойти за человека. После анаграмм шум его самосознания окончательно прорывается во внешний мир.

Боль из сознания маршала после составления анаграмм не ушла, но вместо разума появилось безумие. Тем не менее, последнее определение полицейского сохраняется в неизменном виде — агрессия. Безмерность в каком-то пункте характерна для ненормальных, но безмерность — явно не пассивность.

Мышление, зависящее от тождеств дискурса, представляется вполне нормальным. Странности начинаются, когда возникает настойчивость в выборе одного и того же — страстность. Это свидетельство шума в голове...

Страстность может быть связана с тем, что человек когда-то имел успех... Всем хочется повторить личный успех. Это, можно сказать, самый большой соблазн в жизни... Одна девка повторяла своей матери требование решительным, низким голосом, закрывавшим её от воздействия. И однажды вдруг одержала победу: для любой девки это достижение: обычно они своих мамок слушаются. В итоге всё дальнейшее поведение стало организовано у неё способом, который привёл к победе. Повторение низким, решительным голосом одного и того же стало применяться ею во всех случаях жизни... И нет никого у взрослой дочери, кроме мамы, вынужденной нести свой крест, и всё время проигрывать. А дочка не может понять ловушку, в которой она оказалась. Безумие тоже не способно к своему пониманию. Грань между нормой и сумасшествием может быть нарушена в сторону и какой-то «гениальности». Интуитивное схватывание не критично.

Интуитивно девушка объединяется с тем, кому симпатична, не смотря на наличие рядом парня, у сумасшедшего хозяина становится сумасшедшей и собаки. Я становлюсь человеком совести под воздействием маминой интонации.

Может быть, поэтому внутреннее чувство искажает интуитивное в пользу мышления? Иначе мы все растворимся во внешнем, принадлежа только его различию. Cogito борется с интуицией за место под солнцем.

Звуки есть снаружи и внутри, в эмпирическом и трансцендентальном пространстве и времени. Они наносят ущерб «личному самосознанию», и cogito не должен быть слабым, о чём и пишет К. Кастанеда. В его разделении человека на тональ и нагваль, cogito — это тональ. А нагваль может утащить тональ вместе с телом в другое место в пространстве, то есть обладает фантастическими способностями, если верить К. Кастанеде. Дон Хуан переместил его самого в другой конец города толчком в спину: Кастанеда сначала заметил быстрое перемещение по проходу магазина, потом оказался чёрт знает где.

Говоря о силе, можно также вспомнить, что Христос ходил по воде... Cogito не может проделывать такие трюки, ещё не может помнить всего, что было и замечать всё, что происходит. Чужих мыслей cogito, например, не замечает.

Скорей всего, пассивный cogito не видит и настоящее, как следует, а воспринимает его описания. Внимание cogito ограничено собственными рамками.

Подобные истории, как перемещение девочки вместе с одеялом из поезда, исчезновение шамана из яранги вообще бытуют. Одна сестричка лечила родного братца от порчи, заговором свела болезнь в яйцо, пошла ночью на лесной перекрёсток, чтобы его разбить... со всей силы била сырое яйцо о камень и не разбила. Олег Горбовский пишет, что Серафим Саровский запретил змеям ползать вокруг его обители. Они там не ползают до сих пор, а кругом кишат.

По примеру святого, Горбовский договорился со своими тараканами, чтобы ушли из квартиры. У него получилось. По примеру Горбовского, я договорился со своими. У меня тоже получилось. Олег Горбовский описал ещё случай, как мужчина шёл из гостей вдоль забора из колючей проволоки. А гостях он выпил и поглощено перебирал в памяти детали разговора, а забор всё не кончался. Устав шагать, мужчина пошёл к домику в сторонке. Им оказалось помещение охраны. Местного жителя там узнали, но допросили: как он попал в охраняемую зону? Оказывается, он ходил не снаружи колючей проволоки, а внутри... Пе-

риметр зоны осмотрели, не обнаружили никаких повреждений. Местного дядьку отпустили, но случай попал в анналы... Чем перемещение за проволоку под воздействием пьяных эмоций отличается от перемещения пьяного гусара к мамке Каспара? Просто гусар попал куда-то... А дядька и девочка остались в известном мире... *«Психические явления не ограничиваются пространством и временем, хотя бы частично не подчиняются физическим законам, существует надперсональный слой психики»*. (К. Г. Юнг). Иногда речь нельзя вести о времени и пространстве, как не отменимых. Перемещение девочки на косогор игнорировало стенку вагона, скорость поезда и прочие моменты.

На двумерной плоскости трёхмерное существо тоже бы резвилось *без правил*, появляясь и исчезая в дополнительном измерении, которое для обитателей плоскости не доступно... «Без правил» — чистая активность, которая становится возможна, если система координат приобретает ещё измерение...

Примеры чистой активности могут быть приведены и из нашей жизни, если использована прицельная фантазия в их истолковании. При этом всегда будут присутствовать сильные эмоции, сиюминутные или накопленные.

Среди примеров активности «я», правда, для меня постороннего «я» в отношении моего cogito было появление у меня второй жены... За несколько лет до этого я познакомился с дамой: мы некоторое время много говорили по её инициативе. Я даже сделал ей предложение личного плана. Дама условно отказала; я с облегчением отстал: на фантазию дамочка мне не действовала, мы просто вращались в одном пространстве... В сухом остатке дама мне продала вещицу, которая была ей не нужна. Вещица мне была тоже не нужна. Но я решил её пристроить, даже нажать и пошёл даме навстречу... Когда я увидел жену, у меня было дежавю какого-то знакомства с ней... Мы сходным образом пересекались: вращались в одном пространстве.

Она могла принять за внимание с моей стороны несколько разговоров, что можно было не вести, потом сама меня закадрила. Нужно было поехать на электричке к чёрту на рога, помочь ей по хозяйству. Я согласился. Вместе мы прожили три года. Жена была лекарка и учила меня пить яд. Когда от яда стало резко сводить челюсть, мы двинулись по капельке назад. Мы с ней ещё обмазывались глиной. От намазываний в течение недели возникла усталость, как при десятидневной голодовке, потом было и лёгкое самочувствие, как после десятидневной голодовки. До сих пор не знаю, в чём было дело: в глине или в жене? В

одиночку я намазывался без толку... Когда отношения с женой закончились, я случайно пересёкся с дамой.

Тогда я узнал, что она имеет медицинское образование, но не работает. Жена не имела медицинского образования, но лечила людей. Я заметил между ними и сходство в какой-то ауре, вызывавшей впечатление, в том числе, внешнего сходства. Счёт шёл уже на годы между нашими разговорами, но оживление дамы позволило мне понять, что она, по-прежнему, желает мне себя. Кажется, дамы считают предложение, сделанное им когда-то, имеющим силу независимо от времени. По этому признаку я заключаю, что дело не в дамах, а в эмоциях... Теперь я не могу отделаться от впечатления, что жена у меня появилась, благодаря даме. Звёзды сошлись. Положительные эмоции ко мне, купившему у неё вещицу, делавшему предложение личного плана, остались дамой не выражены и начали творить...

Второй случай пребывал в становлении тоже не один год: какие-то эмоции ко мне испытывала «толстушка» и цепляла разговорами всякий раз, когда видела. Я не различаю толстухек по собственной инициативе. К тому же всегда какой-нибудь муж был у неё, и она прозрачно намекала на свою верность мужьям... Со временем розовая толстушка превратилась в рыхлую девку, потом похудела... Потом попала в центр по реабилитации пьяниц. Мы случайно пересеклись, когда она вышла из него с новым мужем... Организм после центра у толстушки перезагрузился: она стала поправляться, снова розоветь... Раньше толстушка занимала у меня деньги по мелочам и стыдилась, что не отдаёт. Видимо, не знала, что со мной ещё делать... Я тоже не знал, что с ней делать. Но толстушка, как человек совести, помнила свои обещания вернуть деньги...

После лечения в центре реабилитации, она как курила, так и пила, и где-то потеряла свой телефон. Мне пришло в голову предложить ей отдать свой телефон, а она удовлетворяет моё сексуальное любопытство... Таких обширных баб у меня просто не было... Толстушка думала какое-то время, потом отказала. Это был неприемлемый для дамы, уровень цинизма.

А меня тяготят эвфемизмы, если я не влюблён.

Толстушка обещала вернуть занятую мелочь, но я сказал, что деньги не нужны. И, как человек совести, она покинула меня с облегчением... А через неделю на улице подул ветер, как-то прошёл сквозь стены киоска и поднял внутри пыль. Никогда такого не было. Мне стало внутри неприятно дышать.

Я покорился «погоде» и пошёл домой. Какая-то девушка в кожаной курточке брела по тротуару... В её спине мерещилось что-то неприличное, казалось, её выворачивало... Она даже прислонилась к дереву, чтобы поплакать. Разумеется, я прошёл мимо. Она плакала не от голода...

Различение девушки не только чувствуют, но и относятся к нему активно в случае нужды... Обгоняя меня, девушка выразительно покосилась. В порядке утешения я предложил ей горсть мелочи из кармана. Она отказалась.

Я решил быть более добросовестным, спросил, заранее набравшись терпения, что с ней случилось? Девушка колебалась какое-то время, потом согласилась рассказать. Случай был из статистики: её бил муж... Потом я купил ей сигарет. Она захотела, чтобы я сделал это на её деньги, ненавязчиво продемонстрировав пустой кошелек, когда извлекла из него последние пятьдесят рублей. Я понял, что она боится, чтобы мне не пришло в голову её ограбить. Мы посидели ещё на лавочке, а примерно через час оказались у меня дома с пивом. Инициатива — не расставаться — исходила от неё. Я только немного запутался: что ей нужно — пиво или утешение...

Это стало ясно после пяти встреч. Моя новая знакомая была алкоголиком, и муж поддавал ей за это. Он был тоже алкоголиком, но их, почему-то, утягивало в одну и ту же воронку порознь...

После очередной стычки с ним, выбравшись пьяная из какой-то лужи, она появилась у меня в рваных чулках и хотела пива. Я позвонил её маме, чтобы забрала... Мне не следовало себя связывать сексуальной цепью с проблемным человеком. Надо отметить, что мы довольно быстро притёрлись. При контакте от неё отлетал запах перегара и заменялся нормальным. Это вызывало у меня гордость за свои сексуальные способности. Что примечательно: как и было договорено с толстушкой, сексуальное любопытство было удовлетворено...

Дело в том, что они не только были вместе алкоголиками, их ещё и звали одинаково... Правда, девушка случайно выбрала себе имя толстушки, когда мне представлялась на улице. У неё было другое и нормальная комплекция... Как я узнал её настоящее имя, если быстро прервал знакомство? Случайно.

Кажется, выбор имени для алкоголички был интуитивным, когда она хотела меня закадрить. Эти девки возникали друг за другом рядом со мной и в киоске. Каким-то образом информация с именем толстушки висела у меня на воротах. Имя толстушки казалось мне благозвучным, даже внесло изюминку в наши отношения с самозванкой... Кстати, де-

вушка рассказала мне, как стала алкоголиком. Это произошло как-то прям мгновенно.

Три шестнадцатилетних девчонки-танцовщицы выиграли в первый раз первое место в каком-то конкурсе, как команда, и решили отметить событие после изматывающих соревнований. Они взяли пол-литровую бутылку пива «Привал». От доставшейся ей дольки Катя опьянела: это отождествилось у неё со вкусом победы... Когда родственники били её за пьянство, я думаю, она ощущала всё равно вкус победы. Эта связь стала безусловной.

И, наконец, — третий случай! Одноклассница при случайной встрече отзеркалила мой воздушный поцелуй... Случайные встречи стали сыпаться на нас, как из рога изобилия, раньше мы могли не встречаться десятилетиями. Чтобы убедиться, что она «ничего такого не хочет», я навязался в гости... Понятно, что одноклассница мне отказала: мой девиз: «с женой волшебника надо сразу на сеновал!». Он хороших результатов не приносит. Но я в таком случае и не бываю влюблён. Видимо, одноклассница всё-таки пожелала мне себя, как и первая Катя. Скоро я познакомился с другой дамой. В переписке долго запутывал словами и, наконец, запутал... эта дама доводила образ одноклассницы до законченности. Казалась, она более совершенная её копия. Но интеллектуально одноклассница сложнее.

Какая разница женщинам, с которыми у меня ничего не получилось, что получится с другими? Никакой! Но подобию возникают и творят чудеса. Эта мистика не имеет ничего общего с моим опытом. Смысл освобождается от форм своего созерцания, выражает себя тождеством особ, не связанных между собой, я являюсь единственным держателем этого смысла, плоскостью его регистрации. Кажется, мир реагирует номинальными тождествами, откликается на силу совпавших эмоций. «Ты намеревай, намеревай!», — заклинал Кастанеда. — Я и намереваю.

В связи с намерением стоит ещё раз вспомнить историю, когда Сашка Семёнов рассказал, как скрылся, пока мы прыгали с Любкиной крыши. Меня тогда осенило, что мы могли играть у меня дома...

В дальнейшем эта «идея» сама шагнула в жизнь: через количество лет у меня дома собирались профессиональные шулера... Тогда после охоты на нас Любки с сожителем наши эмоции были тоже на взводе, и возможно, мои слушатели молча разделили мои слова. Может, намерение является чем-то вслух наречённым при свидетелях? Дамы, кажется, тоже разделяли моё предложение, молча присоединялись к нему, формально не соглашаясь.

Совсем разительно выглядит ещё один случай, формирующий будущее, и свидетельствующий о намерении, лежащем в основе этого будущего.

До всякой пенсионной реформы я сделал вслух при второй жене заносчивое заявление: «Не хочу получать пенсию в этой стране, уеду жить туда, где играют в рулетку». Она только что стала пенсионеркой, видимо, волновалась о других конкурентах в пенсионном фонде... и молча морально меня поддержала.

Потом оказалось, что не хватает полутора лет стажа, чтобы получать пенсию. Стаж, на самом деле, был, но в трудовой книжке не стояла печать...

Я помнил этот случай: сам не стал ждать в Риге начальницу отдела кадров. И в трудовой книжке остались только штампы: «принят», «уволен». Интересно совпадение, которое можно назвать локализацией. В Риге у меня появилось другое намерение на пару лет раньше... Я впервые увидел там игрушечную рулетку, «вдохнул» в себя намерение научиться на ней играть.

Понравившаяся мне идея никакой возможности для себя не видела, молча возникла в голове, но моя воля смотрела на неё уверенно. Я спокойно дышал. Тогда в фантазии я был бессмертным существом без социальных ограничений. Непонятно, когда намерение получило своё бытие? Когда я проговорил его при жене или почти на сорок лет раньше? Я тогда про себя решил научиться играть в рулетку, потом и научился, при чём начал тоже в Риге. В России запретили казино... сейчас я опять живу там, где играют в рулетку... На переезд даже не было денег. Но моё намерение само вошло во все подробности и сначала столкнуло меня с насиженного места. Потом я наскрёб денег, можно сказать, только на дорогу. После этого доля правильных решений зашкаливала: случайность вела меня за руку. Моего сознания явно не хватало, чтобы отвязаться от всех якорей, но онтологическое проложило себе путь сквозь все невозможности. *Непредметный порядок возможности бытия*, по Хайдеггеру, — онтологическое.

Моё сознание покрыто якорями, даже не подозревает об этом, но якоря отменяются, если намерение вдруг вступило в игру. Что есть истина? Я сам представлял дело более ordinarily, думал продать квартиру, чтобы переехать туда, где играют в рулетку. Меня тормозило неумение надёжно выигрывать: в мои планы не входило — оставлять детей без наследства. И вот, ничего не продавая, я живу там, где играют в рулетку. В «Мире без времени» тоже имело место намерение: я купил-таки туфли...

Сила «я» проникает в cogito и во сне, когда внутреннее чувство слабеет. Мне снится слово «Ваня», которое вступило в резонанс со словом «совет», смысловый ряд, по которому бежит резонанс, поражает воображение, после пробуждения смысл, правда, рассыпается... Тем не менее, косвенно сон навёл меня на мысль о решении интересовавшей когда-то проблемы...

Ритм стихов задаёт чередование ударных и безударных слогов, а что задаёт ритм прозы? *«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван— сараи, переулки, пруды. Пропал Ершалаим — великий город, как будто, не существовал на свете. Всё пожрала тьма, напугавшая всё живое...»*. Не одни же перечисления задают ритм... Между «Ваня» и «совет» есть общий звук «в». Ударение падает рядом с ним в обоих случаях. Акцент — это важно.

Если изначальный смысл сознания — смысл звуков; то ритм прозы может задаваться согласными, освещёнными светом ударения... Гипотеза осталась мной не проверена, проблема была уже не актуальной. Да и ритм прозы встречается редко. Во сне внутреннее чувство отчасти бодрствует и что-то затемняет, но, если сон остаётся в памяти, можно проследить в нём логику эмоций, как прямую линию... Я вижу во сне и даже не один раз место, где работал. Но в жизни не было такого места работы... Я испытываю одно и то же эмоциональное состояние во сне. Анализ приводит меня к выводу, что слиплись три реальных места, которые я знал в жизни: баня, где в детстве я подолгу изнывал в очереди, институт, где работал на пятом этаже, и книжный склад, где я тоже работал... Все места объединял смысл скуки ожидания... В институте начальник не знал, чем нас занять, говорил: «Ну, вы, ребята, сами озадачивайтесь». — Мы слонялись по комнате. На складе мне приходилось в ожидании контейнера с книгами и сидеть по полдня... Во сне один и тот же смысл слепил три места: моя «работа» находилась на втором этаже вместо пятого, но первый этаж этого помещения неуловимо пах баней. Первый этаж во сне не приспособлен для работы, а моя работа состоит в том, что на втором этаже склад, что для работы было бы совершенно неудобно...

Эмоции являются общими для бодрствующего состояния и сновидений, пронизывают активное, пассивное, сиюминутность и рациональность... Их активность имеет размытый образ, — но эмоции остаются, как прямая линия.

Отсутствие времени тоже иногда причудливо участвует в жизни cogito. Если ему свойственна Надежда на бессмертие, то «я» может иметь подлинное знание о бессмертии, а не примерное знание, всего лишь Надежду. Сила «я» представляется бесконечной для cogito. И «внутреннее чувство» готово жить вечно.

Приложение.

Прежде чем заявить, что нет никакого «я», Ницше проанализировал операционную систему. Но оптика *этического философа* не позволила ему по-настоящему сконцентрироваться на философской проблеме... Ницше замечает активность и пассивность: *«Сфера всякого субъекта постоянно разрастается или сокращается, постоянно перемещается и центр системы: в случае, когда он не в силах организовать усвоенную массу, он распадается надвое. С другой стороны, он может преобразовать более слабый субъект, не уничтожая, в подручную себе силу и до известной степени образовать с ним вместе новое единство. Не «субстанция», но скорее нечто такое, что само в себе стремится к усилению и что хочет лишь косвенно сохранить себя (оно хочет превзойти самого себя)»*. Ницше замечает отсутствие времени в операционной системе: *«Между двумя мыслями ещё имеет место игра всевозможных аффектов, но движения слишком быстры, поэтому мы не замечаем их»*. — Снова и снова он задаётся вопросом: *«кто активен, «кто истолковывает?»*. — Что-то остаётся ему непонятным.

Но, не смотря на вопросы себе, Ницше категоричен: *«Мы не имеем права спрашивать: кто же истолковывает?»*.

Кажется, Ницше поставил себе какую-то цель... Он уделяет самое пристальное внимание борьбе между описанием мира и его схватыванием, заметил принцип отбрасывания части восприятия и его подчинение дискурсу: *«Самое существенное в мышлении включение нового материала в старые схемы, уравнивание нового... Мера того, что вообще доходит до нашего сознания, находится в полнейшей зависимости от грубой полезности осознания. Всё, что осознаётся, есть некоторое конечное явление, заключительный акт... Ощущение, которое наивно предполагалось обусловленным внешним миром, скорее обусловлено миром внутренним. Истинное воздействие внешнего мира протекает всегда бессознательно. Основной факт «внутреннего опыта» — это то, что причина вымышляется после того, как действие уже свершилось. Боль проецируется в известное место тела, хотя не имеет там пребывания. Не существует ни «духа», ни разума, ни мышления, ни сознания,*

ни души, ни воли, ни истины: всё это фикции, ни к чему не пригодные... Дело идёт не о «субъекте и объекте», но об определённой породе животных, которая может процветать только при условии некоторой относительной правильности, а главное закономерности её восприятий, так, чтобы эта порода могла накапливать опыт. Для того, чтобы определённая порода могла удержаться и расти в силе, она должна внести в концепцию реальности столько пребывающего в себе равным и доступного учёту, чтобы на этом можно было построить схему поведения. Каждая порода захватывает столько реальности, сколько она может одолеть и заставить служить себе. Фактов не существует, только — интерпретации. Субъект не есть что-то данное, но нечто присочинённое. Нужно ли позади интерпретаций помещать ещё и интерпретирующего? «Молния сверкает», как разделение на действие и деятеля — фикция — наша грамматическая привычка к действию полагать деятеля...

Наши потребности — вот что истолковывает мир. Мы подставляем какое-нибудь слово там, где начинается неведение, например, слово «я». Понятие субстанции (Бога) есть вывод из понятия субъекта. «Субъект», будто многие наши состояния — действия одного субстрата, фикция. «Одинаковость» этих состояний мы сами создали. «Мышление полагает «я»; но до сих пор верили, подобно толпе, что в «я мыслю» лежит нечто непосредственно достоверное, что это «я» есть данная нам причина мышления, по аналогии с которой мы понимаем все другие причинные отношения. Как бы привычна и неизбежна не была теперь эта фикция, это одно ещё не может служить доводом против её вымысленности... Мыслят, значит, существует мыслящее — к этому сводится аргументация Декарта. Но это значит предполагать нашу веру в понятие субстанции уже a priori, ибо когда думают, что необходимо должен быть некто, «кто мыслит», то это просто формулировка нашей грамматической привычки, которая к действию полагает деятеля. Короче говоря, здесь уже выдвигается логико-метафизический постулат — не только нечто констатируется. По пути Декарта мы не достигаем чего-либо абсолютно достоверного, но приходим лишь к факту очень сильной веры...

Всё инстинкт, всё заранее направлено по определённому пути. Здесь отсутствует свободная воля. Инстинкт избирает сам себя, ибо он тиран. Феномен тела наиболее богатый, отчётливый и осязательный. Допущение единого субъекта не является необходимым. Не менее позволительно принять множественность субъектов, солидарная деятельность которых лежит в основе мышления. Вера в тело фундаментальной веры в душу. Субъект-единство, стоящий во главе некоторого об-

щества, зависит от управляемых, от условий порядка рангов и разделения труда. Борьба выражается в повиновении и повелевании. Некоторая неизвестность, в которой находится «правитель» относительно отдельных отправлений и беспорядков в среде управляемого общества жизненных сил, принадлежит к условиям, при которых вообще приходится управлять. Мы учимся ценить необходимость видеть всё в общих, грубых чертах, ценить незнание, упрощение, фальсификацию и перспективное. Истина есть тот род заблуждения, без которого некоторый определённый род не мог бы жить. Ценность для жизни является последним основанием. Наш познавательный аппарат устроен не в целях «познания». Наш интеллект также является следствием условий существования; будь он нам нужен не таким — если вообще допустить, что мы могли бы жить иначе, — он был бы не таким. Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и упрощающий аппарат — направленный не на познание, но на овладение вещами. Нет сомнения в том, что все восприятия проникнуты суждениями о ценности (полезно или вредно, следовательно, приятно или неприятно). Мораль — система оценок. Во всякой оценке дело идёт об определённой перспективе: сохранении индивида, общины, расы, государства, Церкви, веры, культуры. Это в самом существе своём является великим методом познания: позволяет ощущать разнообразные «за» и «против», возвышаться до справедливости — до понимания лежащих по ту сторону оценок добра и зла... «Хотеть» значит «хотеть цели». «Цель» предполагает оценки. Первая интеллектуальная деятельность — вера. Я верю, что то или другое так, а не иначе. Из того, что мы должны обладать устойчивостью в нашей вере, чтобы преуспеть, мы вывели, что «истинный» мир не может быть изменчивым и становящимся, а только сущим».

В то же время Ницше выдвинул идею вечного возвращения, но, если нет неизменного и «сущего», тогда, что возвращается? Это противоречие в его взглядах заметил Николай Фёдоров, резкие оценки которого по поводу Канта и Гегеля невозможно понять... Но по поводу Ницше понять вполне можно... Н. Фёдоров: «Сама жизнь вверила мне тайну», — говорит Заратустра. — Я есть то, что должно всегда превосходить себя». Поэтично сказано, но, как может превосходить жизнь саму себя? Только живя более, живя лучше, но это уже не возврат, повторяющий несовершенное прошедшее, это уже не простое «revenir», это уже не одно повторение, а улучшение, количественное и качественное, это уже «devenir» (становление).

Сам Ницше не успеет связать обе концепции — вечное возвращение и становление, которое у него тоже есть: «Логика связана с допу-

цением, что существуют тождественные случаи. Не «познавать», но схематизировать, придавать хаосу столько регулярности и форм, сколько нужно для практических целей. Наша вера в вещи есть предположение веры в логику. Логика, как и атом, есть конструкция подобия «вещи». Мы стоим уже на пути к тому, чтобы признать за реальность все эти ипостаси: субстанцию, предикат, объект, субъект, действие; создаём концепцию метафизического мира, то есть «истинного мира». Логика обладает лишь формулами для неизменного. «Сущее» составляет принадлежность нашей оптики. «Я» как сущее (не затрагиваемое становлением и развитием). Познание и становление исключают друг друга. Познанию должна предшествовать некоторая воля к созданию познаваемого. Логика есть попытка понять действительный мир по известной созданной нами схеме сущего. Есть лишь одно сущее — «я» и по его образу созданы все прочие сущие».

Ницше выбросил всего Гегеля, оставив из него только «становление», но не было выдуманно философией форм для неуловимой сущности кроме предложенных Гегелем и предшествующей философией. Они все лишь способ говорить, но способ говорить есть самое главное...

Идея становления, которую Ницше провозглашает, как главную, по большому счёту, принадлежит Гегелю, но Ницше выбрасывает все формы становления, объявляя фикциями *субстанцию, предикат, объект, субъект...*

Вещь в себе Канта, по Ницше, тоже «нелепа, есть понятие, лишённое смысла». Это у него онтологическое, что ли, лишено смысла? Одержимый становлением, Ницше даже память выбросил и сам прибег к фикции в отношении логики, предлагает не различать тождества и обосновывает логику пользой «именно такого мышления». «Первоначально — хаос представлений, потом выработка регулярности на основе тождественных случаев». — Он прямо материалист! Но тогда логические законы мышления у каждого должны быть свои. У каких-нибудь маньяков они могут быть совсем индивидуальными, но, как правило, дискурсивные и принадлежащие вниманию.

Описанные Аристотелем формальные законы логики две тысячи лет неизменны. Личный набор понятий может быть истинным и ложным, но не их логические связи. Не смотря на разные «тождественные случаи» сейчас и в древности, логические связи одни и те же. Они трансцендентальны, если неизменны...

Моё логическое мышление тоже в самом нежном возрасте превосходит запас слов, но это относится к проблеме набора понятий, а не к логическим связям... В итоге Ницше схватился с дискурсом. Это было,

по-настоящему, хорошо. Проблема, которую Ницше ставит, он сам и определил: *«Наше мышление пропитано отрицанием реального мира»*. Он борется за новое различение, разрушает тождества современного ему мышления — набор понятий (а не логические связи).

Понять, с чем он борется, можно на примере его современников.

Действительность, данная в ощущениях его современникам и анализируемая Ницше, есть в книге *«Скорбь Сатаны»*, опубликованной у нас под именем Брэма Стокера.

На самом деле, книгу написала женщина — Мария Корелли. Её главная героиня — тоже пишущая дама. Мария Корелли не вызывает никакого *ах*, как автор, но воспроизводит канон о дьяволе. Когда к Джеффри Темпесту в гости приходит Лючио Риманец, вносят свет. Это — визитная карточка Люцифера. Когда книжный издатель у Булгакова в *«Театральном романе»* приходит в гости к Максудову, то прежде всего тоже вкручивает лампочку.

Мэвис Клер живёт в сельском коттедже. По меркам Англии, она — особа не очень-то состоятельная. Коттедж — это *«хижина дяди Тома»*, но её книги хорошо раскупаются. В *«хижине»* есть и служанка. Других людей нет; Мэвис Клер живёт с птицами и собаками, её снисхождение к людям проявляется в том, что она пишет для них книги: *«ясность мысли, блеск слога, красота выражений, всё это принадлежало ей»*.

Похвалы протагонисту в дальнейшем у писательницы потеряют границы: Мэвис Клер превзойдёт всех леди Англии, есть намёк, что в древнем Египте она была царицей. Лючио Риманец несколько раз споёт ей хвалебную песню, где-то на полюсе за ледяными торосами у него есть домик, похожий на коттедж Мэвис Клер. Будет намёк, что Мэвис Клер — ангел; не заявлено только, что Мэвис Клер — Бог. Мария Корелли удержалась.

Мэвис Клер возникла на страницах книги не сразу. Сначала появился другой писатель. И можно было подумать, что он — главный герой: Джеффри Темпест снимает комнату в Лондоне, пребывает в нищете, голодает, у него маленький талант и заскорузлая нравственность. Мэвис Клер осведомлена о его зависти к её гениальности: она вообще осведомлена, не смотря на жизнь в сельском коттедже. Мэвис знает все циркулирующие в Лондоне сплетни. Это несколько странно для хорошей девушки, но писательница противоречия не замечает и предаётся демагогическим оргиям... Мэвис Клер способна даже пастора восхитить. Возраст Мэвис Клер специально не разглашается, но, судя по всему, она ровесница молодой леди Сибиллы, возникшей по ходу сюжета.

Сибилла должна стать женой Джеффри Темпеста, получившего в наследство пять миллионов фунтов, благодаря Лючио Римаңцу. Она — урождённая леди. Провела детство в поместье по соседству с коттеджем Мэвис Клер: ей запрещали играть с рыжеволосой девочкой из коттеджа, она очень об этом сожалеет... Свадьба леди Сибиллы и Джеффри Темпеста в замке проходит с пышностью. Но торжество оставляет некое гадостное ощущение.

Сибилла скоро умрёт из-за греховной страсти к Лючио Римаңцу. Ещё до свадьбы погибнет её мать, корчась под музыку в исполнении Лючио Римаңца, как будто, в когтях у дьявола. Мать давно утратила красоту, много лет разбита параличом. Видимо, мать запрещала дочке играть с рыжеволосой девочкой: впечатление, что фантазия девочки из коттеджа ставит последнюю точку в какой-то мести...

Мария Корелли со снисходительной усмешкой оставляет в живых тётку Сибиллы. Старая дева — ей не конкурентка ни в чём... После ужасной смерти жены папа Сибиллы сходится с пошлой, богатой американкой... Молодая леди Сибилла вынужденно гибнет. Какой-то особой досады у писательницы к ней нет. Скорей всего, Мэвис Клер сама должна выходить замуж, а Джеффри Темпест — товарищ по цеху. Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц...

Фантазии о молодом *миллионэре* у Корелли сплетаются с чем-то существующим, но на протяжении всего повествования Мэвис Клер проявляет полное отсутствие интереса к происходящему... Её месть удовлетворена, почти не извлекаясь на свет. На её намерение выйти замуж делается только несколько косвенных намёков: рыжеволосая писательница парит над текстом книги, как её смысл... Как эти женщины «любят» друг друга! Будущий муж сначала отдан сопернице. После этого леди Сибилла, конечно, обречена... Кроме этого, Джеффри Темпест совершил подлость, написал в журнал статью по поводу последней книжки Мэвис Клер, захлёбываясь гадкой критикой. Вместе с собственной книжкой он тоже выпачкан в саже. Потом Джеффри Темпест тонет в море, носится вместе с обломками яхты между небом и землёй... в итоге получается отстиран от сажи и готов к бракосочетанию. Он пообещал быть с Богом и только с Богом... Вроде бы, Мария Корелли удержалась?

Я лично логики здесь не ищу. Это недоступный мне смысл. Кажется, Мария Корелли натягивает на себя победный вэйланс религиозной личности, врагов которой карает сам Бог. Но это слишком просто, чтобы считать, что всё понятно... по крайней мере, трещина бежит между примитивностью повествования и моей способностью его уразуметь.

Я почувствовал себя тупым в очередной раз... Конечно, есть аллюзии со знакомым Аленьким цветочком. После того, как Джефри Темпест поклялся «быть с Богом и только с Богом», черты чудовища плавно переходят в черты красавца... Несмотря на безнадёжность положения и отчаянную близость смерти, он выжил, правда, потерял состояние. Зато книга стала продаваться и приносить маленький доход: впечатление, что Мария Корелли выныривает иногда в реальность...

Люцио Риманец подсказывает Джефри Темпесту и жениться на Мэвис Клер... Одновременно Мэвис пишет Темпесту записку с предложением её посетить. Она берёт мужскую инициативу в свои руки: в их будущем доме, разумеется, может быть только хозяин; это — она. Нельзя такой важный вопрос, как женитьбу, оставлять на самотёк, но почему такой нравственной девушке невозможно выйти замуж, не прибегая к помощи дьявола?

Кажется, женский миф у Марии Корелли расправил собственные крылья.

Авраамические религии подчинили самок, лишили их голоса, навязали мужские представления, которым женщины следуют. Муж должен быть защитой, опорой... Но у Марии Корелли женский миф вставляет своё слово: для Марии Корелли муж должен быть прежде всего *тряпкой*. В «тряпки» женщина заворачивает уязвимые места души и тела. Мужские и женские представления зеркально отражаются друг в друге, могут сосуществовать. Но, по мнению М. Корелли, акцент должен стоять на женских... По идее, это — нравственно от слова (нравится).

Дань мужским представлениям, разумеется, будет отдана. Мария Корелли сразу начинает смотреть на жизнь глазами будущего мужа, повествование ведётся от его имени, он и выглядит, как главный герой.

Она готова проявлять конформизм с авраамическими религиями с похвальным энтузиазмом. При этом Мария Корелли на себя полагается, в любви к себе не сомневается: её возьмут замуж, напишет записку — и возьмут... По-человечески понятна и задача, как можно полнее скомбинировать свои «хотелки».

Но выйти замуж в викторианском обществе можно только, выполнив всякие условности. «Страж порога» требует совместить потребности плоти с безупречной религиозностью: совместить действительное и иллюзорное... Если богатство желаемо и действительно, то ханжеская нравственность выступает, как назойливая фантазия. Потребности жизни не совместимы с ханжеством. Проблема М. Корелли в том, что реальность шизофренически двоится. Религиозное сознание отрицает

смысл личной жизни... В итоге М. Корелли оказывается проводником в мир неожиданных представлений. Для религиозного дискурса они выглядят противоположным ему смыслом. Это — помощь дьявола. Но дьявол и есть религиозность:

Медуза Горгона и прочие символы женского сознания с языческих времён загнаны ад. А теперь Дьявол — его единственный представитель. Он может совместить волшебным образом ханжеские условности, безупречную нравственность и потребность в браке и богатстве.

В Древней Греции женским богом был тоже Вакх. Мэвис Клер нужна поддержка собственного божества, но по требованию авраамических религий она держится перед ним независимо... В итоге религиозность ничему не соответствует, зато выражается, как положено... М. Корелли представляет мужа управляемым и предсказуемым для себя. Это закономерно и нравственно, резонно и оправдано. С какой стати доверять чудовищу, даже превратив его в принца?

Джеффри Темпест без денег и не дотягивает до принца. Правда, Мария Корелли над этим работает. Джеффри Темпест не ищет потерянные деньги, он «с Богом и только с Богом», — но деньги ищет банк, то есть профессионалы. Мария Корелли оставляет за кадром своё окончательное торжество, но на него намёки не возбраняют читателю домыслить счастливый исход... с деньгами, happy end. М. Корелли стремится к тому, в чём действительно нуждается: в мужчине, который отразит её, сделает адекватной собственной природе и усложнит до самодостаточности... при этом общество останется довольно безупречно носимой ею маской...

«Проклятые поэты» придумали способ обойти общественную скуку: они воспели женщину с прошлым, но преодоление барьеров в обществе не интересует Марию Корелли. Она различает женское счастье по своему. Ей нужен богатый муж, она собирается установить с ним значимые для себя отношения, но покровительственные, как с птицами и собаками... «Фауст» у Марии Корелли получился женским, хоть и обывательским... Необязательно он у женщин только обывательский, но лично Мария Корелли никак не ломает традицию.

Религиозный образец патриархата устроен так, что позволяет втиснуть в себя любое содержание, но для него принципиально, чтобы «самки» не проявляли сексуальную инициативу, после этого не будет и никакой другой. При чём во всём обществе. Патриархат перекрывает возможность женщинам себя выражать... В итоге их инициатива должна себя шифровать: мы видим, как Мария Корелли бьётся в этих силах... Она наделила Джеффри Темпеста деньгами собственного божества

и начинает «выкручиваться»: ей нужно, чтобы деньги вернулись после свадьбы, но прямо хотеть этого нельзя, по-хорошему, деньги надо отдать на церковь. Так что есть резон утверждать, что денег нет... Спонтанность неодолима, если не отказаться от ханжества, но сделать этого нельзя. Ложь — не отменяемое условие.

Описание мира женским мифом получается в соответствии с заскоружлой нравственностью Джеффри Темпеста — тоже неприглядной ипостаси Марии Корелли.

Судя по всему, в коттедже Мэвис Клер живёт всю жизнь, где её старшие родственники, которые есть у Сибиллы? Их тоже Бог покарал?

«Где брат твой, Каин!?!», — вопрошает Бог, как в начале времён. И слышит ложь в ответ... Это интеллектуальное и нравственное убожество следовало реформировать. Бог обращается к Ницше: «Скажите им, что меня вообще нет!».

И Ницше сказал: «Бог умер!», — назвал Сократа евреем и приковал к позорному столбу: *«Сократ выдвинул формулу: разум = добродетель = счастье... Сократ проник в эллинский мир, придумал добродетель, которая тиран над инстинктом, чтобы этот мир разрушить!»*. Р. Декарту тоже досталось. Он вывел cogito из субстанции, то есть из Бога.

Досталось и всему философскому *сущему*.

Патриархат объёмлет древний мир, ислам, византизм, католицизм, протестантизм... ко времени Ницше достиг полного подавления женской инициативы. Это произошло вместе с мужской. Чтобы подавить сексуальную инициативу, пришлось подавить всякую..., и процесс жизни стал замирать. Истончив эмоции ханжеством, современное сознание уже с трудом оперирует в действительном мире. Ницше почувствовал многослойность общественной лжи и бросил ей вызов. *«Наш мир стал ложным благодаря тем свойствам, которые составляют его реальность»*.

По-своему вызов бросила и Мария Корелли: всё, что делается, грех... но Мария Корелли не желает быть старой девой, как тётка Сибиллы. Плоть никто не отменял. Насмешливое отношение к тётке Сибиллы — подлинное отношение набожности, но, как и положено, Бог поднимается в конце книги, как флаг в советском кино.

Откуда взялись мужские религии — такие скучные для мужчин, которым нравится «чесать блуд»? Когда у нашего хомячка появилась самка, он похудел, косточки стали выглядывать, шерсть полезла. А после третьего помёта хомячков Роня умер: самка то и дело замирала в позе, удобной для сношения. Он не мог себе отказать.

Вообще-то, Роня был сообразительный, сам установил с нами контакт. Когда мы проходили мимо клетки, вставал на задние лапы и кивал головой: «Мол, что будем делать?». — К тому же он был живописный, как бурёнка. И скоро стал бегать по квартире..., по нам бегал. Самка время от времени тоже бегала по квартире, но по углам, как посторонняя мышь, когда мы брали её на руки, она шипела... Бедный Роня был сообразительней, но при соответствующих намёках с её стороны, не мог себе отказать.

Я думаю: если к самкам вернётся их сексуальная инициатива, мир превратится в ферму по выдаиванию козлов.

Патриархат постепенно наматывал узду на кулак, проводя линию подавления женской инициативы. Он рано различил опасность для самцов. Беспорядок — женский подход к этому делу: Мария Корелли сначала отдаёт суженого сопернице.

Возможно, «Вакханки» Еврипида — тоже жуткий реализм. Так вели себя женщины, ещё не замороженные патриархатом: они не любили своих детей, сжирали их, как хомячиха. Ещё сказки ужаснулись этому факту и стали сочинять дискурс, заклиная реальность... При этом реальность осталась прежней: «мачеха» не исчезла, как факт жизни. Изловчившийся дискурс изменил смысл этого факта: мачеха не любит чужих детей... На самом деле, она не любит изматывающее состояние — заботу о детях; нелюбовь заботы имеет объективные основания под собой. Во время вакхических блужданий женщины предавались своему собственному смыслу, если его открыла даже замороженная Мария Корелли... Современные девочки тоже знают правду о собственной хищной природе: «Красная шапочка идёт по лесу. Навстречу ей серый волк: «О, красная шапочка!». — «О, серая шубка!». Плотоядность Красной Шапочки, кажется, превосходит плотоядность серого волка...

В Древней Греции мужскому богу Аполлону противостоит женский бог Вакх. «Прохожий» Вакх встречается и в рассказе Бунина «Сила». Ипостась Вакха есть в сказке Пушкина: «О попе и работнике его Балде». Балда — тоже прохожий; — американский боевик «Моё имя Никто» — о том же самом... Мы живём в волшебном мире. Эти волшебные «прохожие» разбираются с мужским началом. Жадность попа, как вариант, но сила прохожего никогда не направлена против женского начала. В фильме «Непрощённый» с Клинтом Иствудом, да и в японском варианте — мы вообще наблюдаем, что мщение за женщин осуществляется в пьяном виде.

В индийском религиозном сознании Вакху соответствует Шива-разрушитель. Дьявол — тоже разрушитель ханжества, подавляющего женщин...

В «Песнях птицы Гамаюн» есть персонаж Буря-Яга... Это — молодая женщина. Сказки состарили её и превратили в нечто однозначно плохое, но Буря Яга — точное описание женщины: если не «Буря», то и не женщина, а, если не Яга, то мужу повезло.

«Женщина впитывает, как мужчина говорит, двигается, ест и спит — живёт его ощущениями». — Хотел бы я иметь такую жену. Это — Ева. Но Бог создал сначала Лилит. Кажется, Лилит тоже никуда не делась. Её образ — безобразен, т.е. трансцендентален, а Ева — правильная и красивая. Она имеет дискурсивный образ.

Пересоздавая женщину, Бог сделал Еву конформисткой, но под маской Евы — Лилит. Есть такой контур в женщинах, который пьёт кровь. Но, кажется, люди только этим всю жизнь и занимаются, что едят и пьют друг друга. Буря Яга, Нимфа, Лорелейя, Кармен — это ипостаси Лилит. Даже Мария Корелли, заранее глядящая на жизнь глазами будущего мужа — её ипостась. А Ева — навязанная женщинам идентичность, наречённое. Ева — прелестна, но где последняя линия обороны личности — в природном или в наречённом?

Это, может быть, и вопрос личного выбора. По мысли дискурса, мы должны стать «наречённым», превзойти самих себя. Это прямо по Ницше, но нам не под силу возлюбить даже ближнего: *«В США автор книги о семейной гармонии «Как сохранить брак» застрелил жену и выложил в Facebook фотографию трупа. Д. Карнеги, автор книги «Как завоевывать друзей», умер в одиночестве...», автора книг о воспитании детей Бенжамин Спок его собственные сыновья хотели сдать в дом престарелых».* Нас не было в Замысле Божьем, только Адам и Ева. Бог не говорил им «плодитесь и размножайтесь», только зверям, а Еве сказал после грехопадения: «Рожать будешь в муках!», видимо, Ева не была приспособлена рожать... Это Змей «подрастянул» Божье творение... Мы, по милосердию, — попущение Божье: пассивный cogito и смерть, как у зверей, — но и Сатане мы не принадлежим, можем преодолеть пассивный cogito с помощью интуиции. Шанс для этого есть от прародителей, сотворённых Богом: тёмный предшественник — это Адам, дававший всему имена.

(Продолжение следует)

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Калабухин

РИФЫ ЛЮБВИ	3
ЗЛАЯ ЛЮБОВЬ	12
АВАРИЯ САШКИ СЭКОНДХЭНДА	19

Игорь Бёзрук

СЧАСТЛИВЧИК	35
НОЧНОЙ ВИЗИТ	39

Александр Гурьянов

НЕОЖИДАННАЯ КОМАНДИРОВКА, ИЛИ «СТРАННИКИ» НА ПОКОЕ	42
---	----

Вячеслав Кушниц

ПОЭМА О ТАРАСЕ БУЛЬБЕ	96
-----------------------	----

Игорь Бёзрук

ГАМИЛЬКАР БАРКА <i>(Окончание. Начало в №№ 13, 14)</i>	130
--	-----

Михаил Макушев

В ПОИСКАХ СВОЕГО Я <i>(Продолжение. Начало в №№ 14,15)</i>	273
--	-----

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 18**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-72-3

9 783910 935723

